САЙМОН СИБАГ-МОНТЕФИОРЕ

ДВОР КРАСНОГО МОНАРХА

ИСТОРИЯ ВОСХОЖДЕНИЯ СТАЛИНА К ВЛАСТИ

АМФОРА

ТАЙНЫ ИСТОРИИ

ОТДОХНИ!

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

История превращения двойного агента Иосифа Джугашвили в легендарного Сталина – одного из главных диктаторов XX века.

- Саймон Монтефиоре
  -
  - Пролог
  - Часть первая
    - Грузин и школьница
    - Кремлевская семья
    - Очаровашка
    - Голод и деревня. Сталин в выходные
    - Отдых и ад. Политбюро на море
    - Поезда с трупами. Любовь, смерть и истерия
    - Сталин-интеллектуал
  - Часть вторая
    - Похороны
    - Всемогущий вдовец и его любящая семья. Серго, большевистский принц
    - Испорченная победа. Киров, заговор и XVII съезд
    - Убийство фаворита
  - Часть третья
    - «Я осиротел…» Знаток похорон
    - Тайная дружба – новгородская роза
    - Взлет карлика и падение Казановы
    - Царь катается на метро
    - Показательный процесс
  - Часть четвертая
    - Палач. Яд Берии и доза Бухарина
    - Серго. Смерть
    - Уничтожение военачальников, падение Ягоды и смерть матери
    - Кровавая баня
    - Ежевика на работе и отдыхе
    - Окровавленные рукава
    - Общественная жизнь во время террора. Жены и дети вождей
  - Часть пятая
    - Еврейки Сталина. Семья в опасности
    - Берия и усталость палачей
    - Трагедия и моральное разложение
    - Смерть сталинской семьи. Странное

предложение и домохозяйка

Саймон Монтефиоре
Двор Красного монарха: История восхождения Сталина к власти

© Simon Sebag-Montefiore, 2003
© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. ЗАО «Торгово-издательский дом «Амфора», 2015

Simon Sebag-Montefiore
The Court Of The Red Tsar

Издательство выражает благодарность литературному агентству Synopsis Literary Agency за содействие в приобретении прав

* * *

Пролог

8 ноября 1932 года, около семи часов вечера. Надежде Аллилуевой-Сталиной, жене Генерального секретаря Всесоюзной коммунистической партии большевиков (ВКП(б)), шел тридцать первый год. Женщина с красивым овалом лица и карими глазами готовилась к ежегодному банкету в честь пятнадцатой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Аскетичная, серьезная, но болезненная Надежда гордилась своей большевистской скромностью, ходила в невзрачных бесформенных платьях, куталась в тусклые шали, носила блузки с квадратными воротниками и никогда не красилась. Но этим вечером ей очень хотелось выглядеть красивой и яркой. Сталины жили в мрачной квартире в двухэтажном Потешном дворце: в XVII веке здесь находился театр и обитали царские актеры. Надежда кружилась сейчас перед своей сестрой Анной, показывая длинное, непривычно модное черное платье с вышитыми красными розами, которое привезли из Берлина. Впервые она сделала настоящую прическу вместо строгого пучка, к которому все привыкли. Чтобы подчеркнуть свое приподнятое настроение, Надежда украсила черные волосы алой розой.

На банкет должны были собраться все видные большевики, в том числе и руководитель советского правительства Молотов со своей стройной и умной супругой Полиной, большой любительницей пофлиртовать. Полина Молотова-Жемчужина была лучшей подругой Надежды.

Банкет ежегодно устраивал у себя на квартире народный комиссар обороны Климент Ефремович Ворошилов. Он жил в длинном Кавалерском корпусе, на другой стороне узкого переулка, всего в пяти шагах от Потешного дворца. В крошечном замкнутом мире большевистской элиты эти простые и незамысловатые вечеринки обычно проходили в очень веселой атмосфере. Их участники вместе с женами танцевали, пели русские и грузинские народные песни. Однако ужин 1932 года закончился не так, как всегда.

В то самое время, когда Надежда Аллилуева наряжалась к банкету, в нескольких сотнях метров восточнее Потешного дворца, ближе к Мавзолею Ленина и Красной площади, работал ее муж и отец двоих детей, Иосиф Виссарионович Сталин. Ему тогда стукнуло пятьдесят три, и он был на двадцать два года старше Нади. Рабочий кабинет Сталина, Генерального секретаря партии большевиков и вождя Советского Союза, находился на втором этаже треугольного здания Сената, построенного

в XVIII веке. Сталин слушал доклад своего фаворита, одного из шефов тайной полиции. Генрих Ягода, заместитель председателя Государственного политического управления (ГПУ), невысокий мужчина с гитлеровскими усиками, походил на хорька. Он был евреем, родился и вырос в Нижнем Новгороде в семье ювелира. Ягода, большой любитель красивых орхидей, немецкой порнографии и литературной богемы, рассказывал Сталину о новых заговорах против него в партии и волнениях в сельской местности.

Доклад Ягоды вместе со Сталиным слушали сорокадвухлетний Вячеслав Михайлович Молотов и главный экономист СССР, сорокапятилетний Валериан Владимирович Куйбышев. Последний своими всклокоченными волосами, страстью к хорошеньким женщинам, выпивке и любовью к поэзии (он и сам писал стихи) был больше похож на слегка сумасшедшего поэта, нежели на видного государственного деятеля. Сталин с соратниками подписывал распоряжения на аресты врагов. В те месяцы вождь опасался вполне реальной угрозы потерять контроль над Украиной, где в некоторых районах царили голод и стихийные беспорядки.

Ягода ушел в 19.05. Остальные остались обсуждать, как «переломить хребет» крестьянству, хотя ценой этому были миллионы, умирающие от самого сильного в истории России голода, вызванного не природными обстоятельствами, а действиями человека. Руководители страны собирались использовать зерно для финансирования своих гигантских планов по превращению СССР в промышленно развитую современную державу. Но в тот вечер трагедия стучалась и в дверь дома самого Сталина. Этот кризис оказался не только самым таинственным в его жизни, но и, пожалуй, самым тяжелым. До самой смерти он постоянно прокручивал в памяти события того рокового дня.

В 20.05 Сталин вместе со своими соратниками спустился со второго этажа по лестнице, вышел из бывшего здания Сената на улицу и направился на ужин по заснеженным переулкам и площадям средневековой крепости, окруженной высокими стенами из красного кирпича. На вожде были полувоенный френч – одежда, которая считалась едва ли не обязательной среди партийных руководителей, – поношенные мешковатые брюки, сапоги из мягкой кожи и старая шинель. Наряд вождя венчала шапка-ушанка, сделанная из волчьей шкуры. Левая рука у него была короче правой, но сейчас это было еще не так заметно, как в преклонном возрасте. Обычно он курил папиросу или дымил своей знаменитой трубкой. Голова и густые черные волосы с еле заметными серебряными прядями

свидетельствовали о грациозной силе, характерной для горских народов Кавказа. Слегка узкие, кошачьи глаза золотисто-карего цвета, когда он сердился, сверкали по-волчьи. Детям усы Сталина казались колючими, пахнущими кисловатым табаком. Однако Молотов и многочисленные поклонницы вождя утверждали, что Сталин и в преклонном возрасте пользовался большой популярностью у представительниц слабого пола, с которыми робко и неуклюже флиртовал.

Сталин был коренастым мужчиной ростом всего 167 сантиметров. Он шел быстро, но с некоторым трудом, косолапой походкой (которую старательно копировали актеры Большого театра, игравшие на сцене русских царей). Вождь негромко с грузинским акцентом о чем-то разговаривал с Молотовым. Сталина сопровождали всего два телохранителя.

Несмотря на неоднократные покушения на высокопоставленных советских руководителей (включая и покушение на Ленина в 1918 году), к безопасности первых лиц государства относились с удивительным спокойствием, граничившим с беспечностью. Положение кардинальным образом изменилось после июня 1927 года, когда в Польше был убит посол СССР. Только тогда охрана была усилена. В 1930 году политбюро постановило «запретить товарищу Сталину ходить по городу пешком». Однако вождь оставил без внимания беспокойство соратников и еще не один год ходил по Москве пешком. Но это золотое время подходило к концу. Всего через несколько часов его перечеркнет трагическая смерть – или убийство.

Сталин уже в те годы славился невозмутимостью и непроницаемостью, поэтому его и сравнивали со сфинксом. В быту он был скромен: даже трубкой нарочито дымил, как простой старик крестьянин. Далекий от бесцветной бюрократической посредственности, которую так не любил Троцкий, настоящий Сталин был энергичным и тщеславным человеком, вся жизнь которого представляла собой игру. Он был уникален практически во всем.

Под немного жутким спокойствием этих глубоких и непроницаемых вод скрывались смертельно опасные водовороты честолюбия, гнева и страданий. Сталин мог действовать терпеливо и медлительно, но порой принимал и откровенно авантюрные решения. Казалось, он прятался за холодной стальной броней, что не мешало удивительной остроте его чувств. Сталин часто не мог контролировать свои эмоции. Вспыльчивый грузинский характер едва не испортил ему политическую карьеру. Лет десять назад он не сдержался

и выплеснул свой гнев на жену Ленина, Крупскую. Как у неврастеника, его настроение могло измениться в любую минуту. В нем постоянно бушевали чувства, словно у актера на сцене, который упивается спектаклем и живет своей ролью. Никита Сергеевич Хрущев, преемник Сталина, не случайно называл его лицедеем, то есть человеком со многими лицами. Лазарь Моисеевич Каганович, один из ближайших сподвижников на протяжении свыше тридцати лет, похоже, лучше всего описал этот «уникальный характер»: «Каждый раз он был другим человеком… Я знал не меньше пяти-шести Сталиных».

Однако открытие архивов Сталина и многочисленных, ранее неизвестных источников пролило немало света на его характер: он перестал быть загадкой. Сейчас мы знаем, как Сталин говорил (постоянно о себе, причем часто с поразительной откровенностью), как писал свои знаменитые записки и письма, что ел, читал и пел. В контексте уникального окружения, которым являлось большевистское руководство, он наконец обрел черты реального человека. Под холодной маской скрывался необыкновенно умный и одаренный политик. Главным для него всегда было его собственное место в истории. Это был чрезвычайно нервный интеллектуал, зачитывавшийся романами и книгами по истории; беспокойный ипохондрик, страдавший от хронического тонзиллита, псориаза и ревматических болей, ставших последствиями деформации руки и ссылок в холодной Сибири.

Сталин был одиноким и во многом несчастным человеком, который мог быть разговорчивым и общительным. Он обладал завораживающим голосом и в любую минуту был готов пожертвовать личным счастьем в угоду политической необходимости и своей людоедской паранойе, разрывая все отношения, будь то любовь или дружба. Возможно, тяжелое детство стало причиной холодности, которая так удивляла всех, кто его знал. Он хотел и пытался быть ласковым отцом и любящим мужем, но несмотря на это сам же отравил все источники своих эмоций. Этот тоскующий любитель роз и мимоз твердо верил, что решением всех проблем для любого человека является смерть, и был одержим насилием и казнями. Атеист, всем обязанный священникам, Сталин видел весь мир лишь в двух ракурсах – греха и покаяния, – будучи «с юности убежденным марксистским фанатиком». Его мессианская самовлюбленность не знала границ. Он взвалил на свои плечи выполнение имперской миссии русского народа, но во многом до конца жизни так и остался грузином, принеся в северные московские широты южный обычай кровной мести.

Большинству политиков, людей, которые, подобно Цезарю, постоянно находятся на виду, свойственно самолюбование. Но у Сталина оно было на порядок глубже. Приемный сын Сталина, Артем Сергеев, вспоминал, что вождь сердился на своего родного сына Василия, так как тот использовал его фамилию.

– Но я тоже Сталин, – говорил Василий.

– Нет, ты не Сталин, – гневно возразил отец. – Ты не Сталин, и я не Сталин. Сталин – это советская власть! Сталин – это то, что пишут о нем в газетах и каким его изображают на портретах. Это не ты и даже не я!

Сталин сделал себя сам. Человек, придумавший себе имя, день рождения, национальность, образование и все свое прошлое, чтобы изменить историю и сыграть роль вождя, скорее всего, закончил бы жизнь в психиатрической клинике, если бы благодаря воле, удаче и таланту не использовал движение и ситуацию, которые смогли изменить естественный порядок вещей. Таков был Сталин. Движением оказалась большевистская партия, ситуацией – крушение русской монархии. После смерти Сталина в моду вошло считать его сумасшедшим, но это такое же грубое переписывание истории, как и при жизни самого вождя. Успех Сталина не случаен. Никто из живших в то время людей не чувствовал себя так хорошо и комфортно, как он, в мире заговоров и интриг, теоретических тонкостей, убийственного догматизма и нечеловеческой строгости ленинской партии. Трудно найти лучший синтез между человеком и движением, чем был у Сталина и большевизма: в этом зеркале отражались его добродетели и недостатки.

* * *

Надя разволновалась, одеваясь к празднику. Накануне, во время революционного парада на Красной площади, у нее разыгралась страшная головная боль, но сегодня все прошло, и она повеселела.

Как и Сталин, реальная Надежда Аллилуева сильно отличалась от своего исторического образа.

«Она была очень красива, – вспоминает Артем Сергеев, – но это нельзя разглядеть на фотографиях». Надежда Аллилуева обладала какой-то неотразимой притягательностью. Когда она улыбалась, ее глаза смотрели удивительно честно и искренно, но порой уходила в себя, становилась отчужденной, возможно, из-за психических и физических недомоганий. Ее внешнюю холодность периодически разрушали истерики и депрессии.

Она отличалась хронической ревностью. В отличие от Сталина, обладавшего холодным остроумием палача, никто из знавших Надю не мог сказать, что у нее вообще было чувство юмора. Она была настоящей большевичкой и нередко играла роль доносчицы, рассказывая мужу о врагах. Символизировал ли их брак, брак людоеда и ягненка, связь Сталина с Россией? Наверное, символизировал, но только потому, что это был типичный большевистский брак двух истинных членов партии, вполне обычный для породившей его уникальной культуры, которая существовала в России в начале прошлого века. Но во всем остальном их брак можно с полным основанием считать трагедией бездушного трудоголика, который был самым неподходящим супругом для этой эгоистичной, зацикленной на себе и крайне неуравновешенной женщины.

Жизнь Иосифа Сталина представляется нам абсолютным слиянием большевистской политики и семейных реалий. Несмотря на кровавую войну с крестьянством и постоянно усиливающееся давление на руководство страны, это время было счастливой идиллией. Сталин и его соратники с семьями собирались в выходные на тихих дачах за городом, устраивали веселые ужины в Кремле и каждый год отдыхали на Черном море. Отдых на берегу теплого моря дети Сталина запомнили на всю жизнь. Для них эти месяцы стали самым счастливым временем в жизни. Из писем Иосифа Виссарионовича к жене ясно, что, хотя их брак был полон трудностей, они искренне любили друг друга.

«Привет, Татка! – писал Сталин Наде 21 июня 1930 года, используя ласкательное имя. – Я очень скучаю по тебе, Таточка. Я одинок, как филин. Сижу в городе. Никуда не выезжаю, пока не закончу работу. Вот завтра освобожусь и поеду на дачу к детям… До свидания! Не задерживайся слишком долго, поскорее возвращайся домой! Целую, твой Иосиф». Это нежное письмо Сталин написал в Карлсбад, где Надя пыталась избавиться от мучивших ее головных болей. Он скучал по жене и присматривал за детьми, как любой другой нормальный муж. Надежда Аллилуева заканчивает одно из своих писем просьбой: «Очень тебя прошу, заботься о себе! Я целую тебя так же горячо, как ты целовал меня при прощании! Твоя Надя».

Их отношения никогда не были простыми и легкими. Оба были очень вспыльчивыми, их ссоры и размолвки всегда носили очень драматичный характер. После одного из скандалов, в 1926 году, Надя забрала детей и уехала в Ленинград, сказав Сталину, что больше не хочет с ним жить. Он долго умолял ее вернуться, и она в конце концов вернулась. Можно сказать, что такие ссоры происходили часто, но нередко случались

и периоды спокойствия и счастья. Конечно, счастье это было специфическим. Близости и уюта в обычном понимании этих слов в домах истинных большевиков не наблюдалось.

Сталин нередко вел себя агрессивно по отношению к жене и оскорблял ее, но тяжелее всего, наверное, ей было мириться с его равнодушием и отчужденностью. Надя была гордой и суровой женщиной, но у нее почти постоянно что-то болело. Друзья Сталина, Молотов, Каганович и другие считали ее почти «ненормальной», а родные Надежды Аллилуевой соглашались, что она ведет себя «слишком эмоционально – как у всех Аллилуевых, в ее жилах кипит буйная цыганская кровь».

Иосиф и Надежда не могли ужиться друг с другом. У обоих часто случались вспышки ярости и гнева, только в Наде не было сталинской жестокости и двуличия. Возможно, они были слишком похожи друг на друга, чтобы быть счастливыми. Все, кто знал Сталина, согласны, что жить с ним было «очень трудно». Это не был «счастливый брак, – как-то сказала Полина Молотова Светлане, дочери Сталина. – Но тогда в чем же смысл брака?»

После 1929 года Сталин и Надя часто жили врозь. Свой отпуск он обычно проводил на юге осенью, а она в это время училась в Москве. И все же у них было счастливое время, когда они относились друг к другу с большой теплотой и любовью. Сотрудники тайной полиции исполняли обязанности курьеров с такой скоростью, что ей позавидовали бы и пользователи сегодняшней электронной почты. Конечно, присутствовала в их отношениях и интимная сторона. Даже среди аскетичных большевиков существовали какие-то смутные намеки на сексуальную жизнь. Сталину и Надежде Аллилуевой нравилось быть вместе. Он очень скучал по жене, когда ее не было рядом. Надя скучала по нему так же сильно. «Без тебя очень скучно, – писала она. – Приезжай, вместе нам будет намного веселее».

Конечно, как истинная большевичка, живущая в этой большой семье вождей и их жен, Аллилуева была так же помешана на политике, как и сам Сталин. Она часто передавала ему слова Молотова или Ворошилова, посылала книги. А иногда дразнила мужа тем, как о нем пишут в белоэмигрантской прессе.

Суровая и скромная Надя не боялась командовать и сама. Находясь в отпуске, она упрекала мрачного секретаря мужа, Александра Поскребышева, за то, что тот не присылает новой иностранной литературы. «Я слышала, что вышли новые книжки, – писала она Сталину. – Может, ты поговоришь с Ягодой. В последний раз привезли такие скучные книги…» По возвращении из отпуска Надя отправила супругу фотографии: «Посылаю только самые лучшие… Правда, Молотов получился

смешным?» Через много лет Сталин вспомнил о том снимке и дразнил до абсурда флегматичного Вячеслава Молотова в присутствии Черчилля и Рузвельта. Вождь прислал жене свои отпускные фотографии.

К концу 1920-х годов у Надежды Аллилуевой возникла профессиональная неудовлетворенность. Ей хотелось сделать карьеру в партии, но без помощи мужа, исключительно своими силами. В начале 1920-х она работала машинисткой и печатала сначала для Сталина, потом для Ленина, еще позже – для Серго Орджоникидзе, другого горячего и очень энергичного грузина, который теперь отвечал за тяжелую промышленность Советского Союза. Затем Надя перешла в Международный аграрный институт в отдел агитации и пропаганды. В архивах нам удалось найти документы, из которых следует, что жена Сталина занималась унылой работой, типичной для большевистских учреждений. Ее начальник просил свою помощницу, которая подписывалась «Н. Аллилуева», обеспечить публикацию невероятно скучной статьи под названием «Мы должны изучать молодежное движение в деревне».

«У меня нет абсолютно никаких дел в Москве, – жаловалась она. – Странно, но я чувствую, что мне ближе беспартийцы. Конечно, я говорю о женщинах. Думаю, что все это потому, что они проще и более открыты… Сейчас появилось много новых предрассудков. Если ты не работаешь, то, значит, ты *баба*». Надежда была права. Новые большевички, такие как Полина Молотова, сделали себе карьеру без помощи мужей. Эти феминистки насмехались над домохозяйками и машинистками типа Нади Аллилуевой. Но Сталину была нужна другая жена: его Надя должна была быть той самой *бабой*. В 1929 году она решила заняться делом. Вместо того чтобы ехать в отпуск с мужем, Надежда осталась в Москве готовиться к экзаменам в Промышленную академию. Она хотела изучать синтетические волокна, как следует из ее нежных писем Сталину. Образование было одним из главных завоеваний большевистской революции. Таких, как Надежда Аллилуева, в Советской России были миллионы. Иосиф Виссарионович не стал спорить и поддержал ее желание учиться. Интуиция его не подвела. Вскоре стало ясно, что Наде не хватает сил, чтобы быть студенткой, матерью и женой Сталина одновременно.

«Как экзамены? – нередко интересовался он. – Целую мою Татку!»

Жена Молотова стала народным комиссаром, и Надя надеялась тоже стать министром.

* * *

Партийные руководители с женами собирались в квартире Ворошилова, еще не зная, что в жизни Нади и Сталина скоро произойдет трагедия. Все гости обитали поблизости, поэтому идти было недалеко. После переезда Ленина в Москву, в 1918 году, руководители советского государства жили в закрытом тайном мире за четырехметровыми кирпичными стенами с темно-красными зубцами и укрепленными башнями. Раскинувшийся на площади 64 акра Кремль напоминал исторический заповедник старой Москвы. «Здесь ходил Иван Грозный», – часто рассказывал своим гостям Иосиф Сталин. Он каждый день проходил мимо Архангельского собора, где был похоронен Иван Грозный, колокольни Ивана Великого и бывшего Сената – Желтого дворца, в котором сам работал и который был построен для Екатерины Великой. В 1932 году Сталин жил в Кремле уже четырнадцать лет – столько же времени, сколько он прожил в родительском доме.

Руководители государства и партии, «ответственные работники» в большевистской терминологии, и их помощники обитали в просторных квартирах с высокими потолками, которые когда-то занимали царские чиновники и управляющие, – в основном в Потешном и Кавалерском корпусах, зданиях с башенками и куполами. Они жили так дружно, что напоминали солидных преподавателей какого-нибудь колледжа Оксфордского университета. Сталин часто ходил в гости к друзьям и соратникам. Те, в свою очередь, тоже регулярно заглядывали к нему поболтать или просто, как говорится, попросить сахара или соли. Большинству участников праздничного банкета нужно было просто немного пройти по коридору, чтобы попасть в расположенную на втором этаже Кавалерского корпуса квартиру Климента Ворошилова и его жены Екатерины. Вообще-то здание теперь было переименовано в Красногвардейский, но так его никто не называл. Дорога к Ворошиловым вела через арочную дверь. Поблизости располагался маленький кинотеатр, куда после ужинов часто приходил Сталин с друзьями.

Квартиры в Кремле были просторными, но уютными. Стены были отделаны панелями из темного дерева. Окна выходили на кремлевские стены, за которыми раскинулся огромный город. Пятидесятидвухлетний организатор банкета, Климент Ефремович Ворошилов, был самым, пожалуй, популярным героем большевистского пантеона. До того, как стать веселым и важным кавалеристом, этот красавец с дартаньяновскими усами, белокурыми волосами и розовощеким лицом херувима работал

обычным токарем.

Сталин пришел с похожим на поросенка Молотовым и любителем шумных застолий Куйбышевым. Смуглая Полина, всегда безупречно одетая жена Вячеслава Молотова, спустилась из квартиры в том же здании. Наде и Анне, чтобы попасть в Кавалерский корпус, нужно было выйти из Потешного дворца и просто пересечь дорогу.

В 1932 году недостатка в еде и напитках не было, но в это время ужины с участием Сталина еще не превратились в царские банкеты. Еду: закуски, борщ, блюда из соленой рыбы и иногда баранины – готовили в кремлевской столовой и разносили по квартирам горячими. На стол их подавала домохозяйка. Гости пили водку, грузинские вина, за столом один за другим произносились тосты.

Время было неспокойное. Сталин видел, что происходит в регионах, где голодали десять миллионов человек, знал о партийной оппозиции и даже не был уверен в собственных соратниках. Чтобы получить полную картину стресса, в котором жил в те дни Сталин, сюда следует добавить больную жену. Со всех сторон его осаждали враги, он вел войну не на жизнь, а на смерть. Сталину так же, как другим людям, попавшим в центр этого страшного водоворота, необходимо было хотя бы изредка расслабляться. Самый простой способ это сделать – с помощью спиртного. Иосиф Виссарионович никогда не сидел во главе стола, он всегда выбирал место посредине. Надя устроилась напротив мужа.

* * *

Всю неделю, кроме выходных, Сталин обычно жил на кремлевской квартире. От второго брака у него было двое детей: одиннадцатилетний Василий, невысокий, упрямый и нервный мальчик, и семилетняя Светлана, рыжеволосая девочка с веснушками. У Сталина был еще один сын, Яков, от первого брака. В 1932 году ему было двадцать пять лет. Яков Джугашвили, застенчивый смуглый парень с красивыми глазами, долго жил в Грузии. К отцу в Москву он переехал только в 1921 году. Сталин считал старшего сына глуповатым и особо нежных чувств к нему не испытывал. В восемнадцать лет Яков влюбился в Зою, дочь священника, и женился. Сталин не одобрил этот брак. Он хотел, чтобы сын учился. Яше так не хватало отцовской любви, что он решил покончить жизнь самоубийством. Выстрел, к счастью, оказался не смертельным. Пуля слегка задела

грудь, не причинив большого вреда. Сталин отнесся к попытке самоубийства как к шантажу. Строгая Надя упрекала пасынка в слабохарактерности и говорила, что он потакает собственным желаниям. Иосифу Виссарионовичу казалось, что она боится Якова. Сам же относился к сыну еще хуже.

«Даже не сумел как следует застрелиться», – жестоко пошутил он. «Это один из примеров его солдафонского юмора», – позже объясняла Светлана. Позже Яша развелся с Зоей и приехал домой.

Сталин предъявлял к сыновьям явно завышенные требования, а вот дочь безумно любил. Помимо Яши, Васи и Светланы был еще и Артем Сергеев, любимый приемный сын Сталина. Он часто жил у них дома даже при жизни своей матери. Сталин относился к детям лучше Нади, хотя пару раз все же отшлепал Василия. Во всех книгах Надежда Аллилуева изображена чуть ли не ангелом. На самом же деле во многом она была более эгоистична и зациклена на себе, чем Сталин. По словам ее племянника, Владимира Реденса, Аллилуевы считали, что Надя «слишком потакает своим желаниям». Няня жаловалась, что она совсем не интересуется детьми. Дочь Светлана соглашалась с этой нелестной оценкой. Она говорила, что к учебе мать проявляла куда больший интерес, нежели к своим детям. С сыном и дочерью Надежда всегда была очень строга. Она никогда не хвалила Светлану. Самое удивительное то, что большинство ссор с мужем возникало не по причине его жестокой политики, а потому что он, по ее убеждению, баловал и портил детей!

И все же не стоит слишком сильно винить Надю за такое отношение к детям. История болезни Надежды Аллилуевой, сохраненная Сталиным в домашнем архиве, и свидетельства тех, кто ее знал, говорят, что она страдала от серьезного психического заболевания. Возможно, это были наследственная маниакальная депрессия, которую ее дочь называла «шизофренией», и сильнейшие мигрени. В 1922 и 1923 годах сильные головокружения и слабость заставили Надю пройти длительные курсы лечения. В 1926-м она сделала аборт, который, как считала дочь, стал причиной многочисленных гинекологических проблем. Из-за аборта у Нади нарушился менструальный цикл, и месяцами не было менструаций. В 1927 году доктора поставили очередной малоприятный диагноз – порок клапана сердца. Надежда Аллилуева также страдала от повышенной утомляемости, частых ангин и артрита. В 1930 году она вновь заболела ангиной, хотя миндалины к тому времени были уже удалены. Поездка в Карлсбад, на которую Сталины возлагали большие надежды, не помогла. Таинственные головные боли продолжались.

Нельзя сказать, что Иосиф Виссарионович не уделял Надиному здоровью достаточного внимания. Большевики были помешаны не только на политике, но и на своем здоровье. Ее лечили лучшие врачи России и Германии. Но среди них, увы, не было психиатров. Трудно себе представить более опасной и пагубной обстановки для женщины со слабым здоровьем и слабой психикой, чем жестокость, холодность, вспышки гнева и невнимательность Сталина. Тем не менее Надежда Аллилуева преклонялась перед этим «кремлевским поваром», большим мастером поддать жару, который весь пропитался воинственным большевизмом.

В тот вечер Надя одевалась специально для мужа. «Черное платье с вышитыми розами» подарил брат, стройный и кареглазый Павел Аллилуев, работавший в наркомате обороны. Павел только что вернулся из Берлина, как всегда, с полным чемоданом дорогих подарков. В жилах Надежды текла не только цыганская, но и грузинская, русская и немецкая кровь. Может, поэтому красная роза в ее черных, как вороново крыло, волосах выглядела потрясающе эффектно.

Для Иосифа Виссарионовича нарядный вид супруги оказался полной неожиданностью. Но вместо того чтобы похвалить ее, он был неприятно удивлен. Как вспоминает племянник Надежды Аллилуевой, Сталин всегда требовал, чтобы она одевалась скромно.

* * *

За многочисленными тостами следил тамада. Скорее всего, им в тот вечер был соотечественник Сталина, Григорий Орджоникидзе. Длинные густые волосы и благородное лицо придавали этому грузину, больше известному как Серго, сходство с грузинским князем. Веселье было в самом разгаре. Никто из присутствовавших за столом не заметил, когда и как поссорились Сталин и Надя. Ссоры между ними случались часто. Хорошее настроение Аллилуевой быстро испортилось. Конечно, она осталась недовольной, что за тостами, танцами и флиртом Иосиф Виссарионович едва обратил внимание на ее красивый наряд, хотя она и была самой молодой из находившихся за столом женщин.

Сталины сидели в окружении партийных руководителей. Эти большевики были закалены годами подпольной борьбы с царским режимом, многие по локоть испачкали свои руки в крови в годы Гражданской войны. Сейчас они радовались

победам индустриализации и перспективам сталинской революции на селе. Некоторым из них так же, как Сталину, уже перевалило за пятьдесят, но возраст большинства этих брызжущих энергией фанатиков только приближался к сорока годам. За столом в тот ноябрьский вечер собрались одни из самых способных и талантливых администраторов, которых когда-либо видел свет. Они умели не только вопреки всякой логике строить на пустом месте города и заводы, но и безжалостно расправляться со своими врагами и уничтожать собственных крестьян. Так же, как Сталин, они носили френчи и сапоги. Все они были настоящими мужчинами и умели пить. Слава о них гремела во всех уголках необъятной империи. На их плечах лежала колоссальная ответственность за судьбы страны. Они знали, как общаться с маузерами, которые лежат в кобурах.

Заместитель Сталина, Лазарь Каганович, до революции был сапожником. Этот хвастливый и шумный красавец еврей только что вернулся с Северного Кавказа, где устраивал массовые казни и депортации. Вальяжный казак Буденный славился своими роскошными моржовыми усами и ослепительно белыми зубами. Стройный и хитрый армянин Микоян был одним из немногих, кто ходил в гражданском костюме.

Эти люди были одной большой семьей. Их связывали многолетняя дружба и ненависть, любовные романы, сибирские ссылки и подвиги времен Гражданской войны. Михаил Иванович Калинин, возглавлявший в 1930-х советское государство, знал Аллилуевых и бывал у них в гостях с 1900 года. Надя познакомилась с женой Ворошилова еще в Царицыне (позже переименованном в Сталинград). Она училась в промышленной академии с Марией Каганович и Дорой Хазан, женой еще одного партийного руководителя, Андреева, тоже присутствовавшего на банкете. Мария, Дора и Полина Молотова были лучшими подругами Надежды.

Сидел за столом и интеллектуал Николай Бухарин, художник, поэт и философ. Этого невысокого щуплого мужчину со сверкающими глазами и рыжей бородкой Ленин однажды назвал «любимцем партии». Бухарин был одним из самых близких друзей Сталина и Нади. Его все любили. Сталин разгромил Бухарина в 1929 году, но он продолжал дружить с Надей. Сам Сталин наполовину любил, наполовину ненавидел «Бухарчика», испытывая по отношению к нему то восхищение, то зависть – что было привычно для вождя. В тот вечер Бухарин вновь, правда временно, был впущен в магический круг приближенных Сталина.

Уязвленная и раздраженная невниманием Сталина, Надя

начала танцевать со своим крестным отцом, «дядей Авелем» Енукидзе, секретарем Президиума Центрального исполнительного комитета (ЦИК) СССР. Этот импозантный грузин с волосами песочного цвета шокировал пуританских большевиков многочисленными романами с юными балеринами. Судьба «дяди Авеля» является отличной иллюстрацией того, какую смертельную опасность представляет жажда наслаждений для человека, личная жизнь которого принадлежит партии. Возможно, танцуя с Енукидзе, Надя хотела разозлить мужа.

Наталья Рыкова, присутствовавшая в тот вечер в Кремле с отцом, бывшим председателем Совета народных комиссаров, не была на банкете у Ворошилова. На следующий день она услышала от кого-то, что танцы Нади привели Сталина в бешенство. Ее словам можно верить, потому что рассказы других очевидцев тоже свидетельствуют о том, что Аллилуева с кем-то флиртовала. А может, Сталин был так пьян, что даже не заметил этого.

* * *

Возможно, Иосиф Виссарионович не замечал поведения жены, потому что сам флиртовал. Несмотря на то что Надя сидела напротив него, он открыто ухаживал за женой Александра Егорова, командира Красной армии, с которым в 1920 году воевал с поляками. Гале Егоровой, в девичестве Зекровской, было тогда тридцать четыре года. Эта очаровательная брюнетка снималась в кино и была известна своими многочисленными романами и рискованными платьями. Среди большевистских матрон, в подавляющем большинстве скучных и невзрачных женщин, Егорова казалась павлином, попавшим в курятник. В этом не было ничего удивительного, потому что, как она рассказала на допросе, Галя вращалась в мире «головокружительных людей, стильных нарядов, флирта, танцев и веселья».

Сталин ухаживал за женщинами очень своеобразно. Он мог вести себя с дамой очень вежливо, как подобает настоящему грузину, а мог быть самым обычным хамом, особенно когда был пьян. Вечером 8 ноября 1932 года вождь напился, поэтому ухаживал за Егоровой грубо. Сталин часто смешил детей, подбрасывая печенье, апельсиновую кожуру и кусочки хлеба соседям в тарелочки с мороженым или чай. Точно так же он флиртовал сейчас с актрисой – бросал в нее хлебные шарики. Ухаживание за Галиной Егоровой на глазах у всех вызвало у Нади сильный приступ ревности, с которым она не могла справиться.

Сталина нельзя назвать бабником, он отдавал всего себя большевизму и эмоционально связан со своей собственной революционной драмой. Любые личные чувства он считал ерундой по сравнению с улучшением условий жизни человечества при помощи марксизма-ленинизма. Женщины стояли где-то в самом низу его жизненных приоритетов. Хотя они порой и доставляли ему неприятности, ни в коем случае нельзя думать, что он был абсолютно безразличен к прекрасному полу. Несмотря на несколько пренебрежительное отношение к женщинам, Сталин пользовался у них большой популярностью. Вячеслав Молотов утверждал, что они его просто обожали. Один из соратников Сталина через несколько лет после рокового ужина у Ворошилова слышал, как вождь жаловался, что женщины из рода Аллилуевых «никак не могут оставить его в покое» – «норовят забраться к нему в постель». В этих словах была большая доля истины.

Женщины порхали вокруг Сталина, как пчелки около цветка, – и жены соратников, и родственницы, и прислуга. В недавно открытых архивах вождя хранится немало писем от восторженных поклонниц. Сталину признавались в любви примерно так же, как сейчас поклонницы эстрадных звезд признаются в любви своим кумирам. «Дорогой товарищ Сталин, вы приснились мне во сне… Надеюсь на встречу», – писала одна учительница из провинции и с надеждой добавляла в конце, как современная фанатка, у которой горят глаза: «Я вкладываю свою фотографию». Отрицательный ответ вождя, наверное, разбил сердце бедной провинциальной учительницы.

«Незнакомый товарищ! – игриво ответил он. – Прошу вас поверить, что у меня и в мыслях нет намерения разочаровывать вас, но должен сказать, что у меня нет времени, чтобы выполнить ваше желание. Желаю вам всего лучшего. И. Сталин. P. S. Ваши письмо и фотографию возвращаю». Конечно, таких ответов было подавляющее большинство, но иногда Сталин наверняка говорил Поскребышеву, что был бы счастлив встретиться с кем-нибудь из своих почитательниц. Широко известен случай с Екатериной Микулиной, привлекательной и честолюбивой двадцатитрехлетней девушкой. Она написала реферат на тему «Социалистическое соревнование среди рабочего класса» и прислала его на рецензию товарищу Сталину. Екатерина написала, что наверняка сделала много ошибок, и попросила вождя их исправить. В мае 1929 года Иосиф Виссарионович пригласил девушку в Москву. По странному стечению обстоятельств Нади в тот момент не было в городе. Микулина вождю явно понравилась – она провела ночь на его даче. Известно, что эта мимолетная связь не принесла Екатерине

материальных выгод и доставила только моральное удовлетворение. Далеко не каждый из советских граждан мог похвастать тем, что Иосиф Виссарионович Сталин написал предисловие к их реферату.

Конечно, Надя знала Сталина лучше других и подозревала, что он ей изменяет. Для таких подозрений у нее, несомненно, были веские основания. Начальник службы охраны Сталина, генерал Николай Власик, как-то сказал дочери, что Иосиф Виссарионович получал так много предложений, что не мог всем отказывать. В конце концов, он был мужчиной, и его поведение не сильно отличалось от традиционного поведения женатого грузина. Порой ревность Нади принимала маниакальные формы, иногда она не обращала внимания на поклонниц мужа и мягко его дразнила, словно гордилась, что замужем за таким мощным мужчиной. Незадолго до ужина у Ворошилова она устроила в театре скандал. Ей показалось, что Сталин оказывает знаки внимания одной из балерин. А буквально на днях они поссорились из-за кремлевской парикмахерши. Очевидно, у Сталина был с ней легкий флирт, потому что, если бы он просто ходил в парикмахерскую, как остальные руководители, никакого скандала бы не было. И хотя имя этой женщины неизвестно, Молотов спустя полвека заявил, что помнит эту историю.

Были у Иосифа Сталина романы и с женщинами-партийцами, такие же короткие, как его ссылки. Большинство избранниц были или революционерками, или женами революционеров. Успех Сталина у женщин всегда производил очень большое впечатление на Молотова. Перед самой революцией Сталин увел у товарища девушку по имени Маруся. Молотов объяснил свою неудачу тем, что у этого грузина красивые темно-карие глаза. Впрочем, увести девушку у такого скучного человека, каким был Молотов, – едва ли подвиг, достойный Казановы. Лазарь Каганович тоже подтверждал, что у Иосифа Виссарионовича было несколько романов с товарищами по партии, в том числе и с хорошенькой пухленькой Людмилой Сталь, которая была старше своего любовника. Еще один источник упоминает о давнишнем романе с подругой Нади, Дорой Казан. Несмотря на некоторую робость, с которой Сталин относился к женщинам, он извлекал выгоду из сексуальной свободы, царившей среди революционеров. Как выходец с Кавказа, он пользовался успехом и у девушек, работавших в секретариате Центрального комитета (ЦК). Особенно вождь любил заводить романы с сотрудницами ГПУ. Наверное, потому, что все они отличались профессиональной осторожностью и сдержанностью. Кремлевская парикмахерша, из-за которой между Сталиными разгорелся скандал, конечно,

работала на ГПУ.

Приступы ревности у Нади часто сопровождались депрессиями. Они усиливали ее самые сильные страхи.

* * *

Конечно, Сталин был невыносимо груб к Наде, но историки в своей решимости изобразить его чудовищем как-то упустили из виду то, что Аллилуева вела себя с ним с не меньшей грубостью. Эта «перечница», как называл Надю глава службы безопасности Сталина, чекист Паукер, часто кричала на Сталина даже при посторонних. По этой причине ее собственная мать считала Надежду дурой. Кавалерист Буденный, присутствовавший на ужине у Ворошилова, рассказывал, что она постоянно была чем-то недовольна и часто унижала Сталина при свидетелях. «Не понимаю, как он мирится с этим», – сказал Буденный своей жене.

В тот вечер депрессия Нади была такой сильной, что она призналась подруге: она устала от «всего, даже от детей».

Угасание материнского интереса и любви к собственным детям были, пожалуй, самыми заметными признаками опасности, но никто не принял мер, чтобы предотвратить трагедию. Сталин был не единственным, у кого Надежда Аллилуева вызывала недоумение. То, что Надя, скорее всего, страдала от глубокой депрессии, понимали немногие окружающие (даже женщины), в большинстве своем не отличавшиеся деликатностью. «Она не могла контролировать себя», – говорил Вячеслав Молотов. Надя, конечно, отчаянно нуждалась в сочувствии. Полина Молотова соглашалась с тем, что вождь был груб с женой. Их бурная жизнь состояла из постоянных взлетов и падений. Надежда то уходила от Сталина, то они снова горячо любили друг друга.

Особенно, по свидетельствам некоторых источников, в тот вечер Надю вывел из себя политический тост. Сталин предложил выпить за уничтожение врагов советского государства и заметил, что Надя не подняла свой бокал.

– Почему ты не пьешь? – свирепо крикнул он жене, хорошо зная, что Надя и Бухарин не сочувствовали его расправе с крестьянами. Она ничего не ответила. Чтобы привлечь ее внимание, Иосиф Виссарионович начал бросать в нее апельсиновую кожуру и папиросы, но это только сильнее рассердило ее. Заметив, что она начинает злиться, он крикнул:

– Эй, ты, пей!

– Меня зовут не «Эй, ты!» – вспылила Надя. Она вскочила и в ярости выбежала из комнаты. Наверное, именно в этот момент, если верить Семену Буденному, Аллилуева крикнула мужу: – Заткнись! Заткнись!

– Ну и дура! – пробормотал в воцарившейся тишине Сталин, удивленно качая головой. Он был пьян и не понимал, как сильно расстроил ее своим поведением. Буденный, один из тех, кто сочувствовал Сталину, смело заявил:

– Я бы ни за что не позволил своей жене так со мной разговаривать!

К советам кавалериста по этому вопросу нельзя было относиться серьезно. В тот вечер он, наверное, забыл, что его первая жена покончила жизнь самоубийством или, как гласила официальная версия, случайно нажала на курок, держа в руках пистолет мужа.

Кому-то нужно было пойти и успокоить Надю. Поскольку она была женой руководителя страны, роль утешительницы следовало сыграть жене его заместителя. Полина Молотова набросила пальто и выбежала на улицу. Они с Надей долго гуляли по Кремлю. Подобным образом обитатели Кремля часто снимали напряжение в моменты кризисов.

– Он все время брюзжит, – жаловалась Полине Надя. – Зачем он ухаживает за другими женщинами? – всхлипывая, намекала она на роман с парикмахершей и сегодняшние ухаживания за Егоровой.

Постепенно Полина убедила подругу, что во всем виновато вино. Будь Сталин трезв, он никогда не стал бы так себя вести. В целом поддерживая Надю, Молотова не могла забыть и о партийной дисциплине. Надя тоже получила свою долю критики. Полина считала, что она не должна бросать Сталина в такое трудное время. Кто знает, возможно, именно большевистская партийность Полины свела на нет все утешения, и Надя почувствовала себя еще более одинокой.

«Она постепенно успокоилась, – вспоминала позже Полина Молотова, – заговорила об академии и своих шансах устроиться на работу». Когда ей показалось, что Надежда Аллилуева окончательно пришла в себя, подруги решили попрощаться. Аллилуева осталась около Потешного дворца, а Молотова перешла на другую сторону переулка и скрылась в Кавалерском корпусе.

Надя пошла домой. Она вытащила из волос чайную розу и бросила ее на пол. Центром квартиры Сталиных была большая столовая со специальным столом, на котором стояли правительственные телефоны. Из столовой вели два коридора.

Направо располагался кабинет Сталина, где он спал или на солдатской койке, или на диване. Эта привычка у него появилась еще до революции. Сталин всегда работал допоздна, а Надя старалась не пропускать лекции и занятия и поэтому ложилась рано. Неудивительно, что спали они в разных комнатах. Каролина Тиль, домохозяйка Сталиных, няньки и прислуга размещались в маленьких комнатах дальше по коридору. Левый коридор вел в крошечную спальню Нади. Она спала на кровати, накрытой ее любимыми шалями. Окна комнаты выходили на благоухающий розами Александровский сад.

* * *

Что делал Иосиф Сталин в следующие два часа, до сих пор остается тайной. Никто не знает, вернулся ли он домой или остался на вечеринке, которая продолжалась на квартире Ворошилова. Телохранитель Власик рассказал Хрущеву (который тогда отсутствовал), что Сталин отправился не домой, а поехал в Зубалово к некой Гусевой, жене офицера, очень красивой, по словам Анастаса Микояна, большого ценителя женской красоты. До дач в Зубалове было всего пятнадцать минут езды от Кремля. Если вождь действительно подался на дачу после того, как женщины, присутствовавшие на ужине, разошлись по домам, то, возможно, он захватил с собой кого-нибудь из друзей. Супруга Ворошилова славилась среди кремлевских жен своей ревностью, так что Климент Ефремович отпадает. Позже сам Сталин сообщил Бухарину, что с ним были Молотов и старый повеса, президент Калинин. Наверняка в машине с ними должен был находиться и Николай Власик. Говорят, что, не дождавшись мужа, Надя позвонила в Зубалово.

– Сталин на даче? – спросила она у дежурного офицера.

– Да, – неосторожно ответил охранник, очевидно новичок, не искушенный в таких делах.

– Кто с ним?

– Жена Гусева.

Эта версия объясняет отчаяние, неожиданно охватившее Надежду Аллилуеву. Но не исключено, что в этом виноват целый букет причин: мигрень, депрессия или чувство беспросветного одиночества в предрассветные часы. К тому же в версии с Гусевой не все сходится. Молотов, нянька и внучка Сталина утверждали, что он провел ту ночь в Кремле. Вождь едва ли поехал бы развлекаться с женщиной в Зубалово, поскольку хорошо известно, что в ту ночь там были Василий и Светлана. С другой стороны,

кроме дома в Зубалове, Сталин мог воспользоваться множеством других правительственных дач. Особенно интересно то, что так и не удалось выяснить, о какой Гусевой шла речь. В окружении Сталина было несколько офицеров по фамилии Гусев. Стоит подчеркнуть и то важное обстоятельство, что Анастас Микоян никогда не рассказывал о Гусевой своим детям и не писал об этом в мемуарах. Чопорный Молотов в старости вполне мог защищать Сталина в своих беседах с журналистом, написавшим его воспоминания. Рассказывая о других событиях, они с Хрущевым лгали в своих мемуарах так часто и так много, что принимать их слова на веру рискованно. Более правдоподобной представляется другая версия. Если Сталин провел ту ночь с красивой женщиной, которая была женой военного, то это была Егорова. Она присутствовала на ужине у Ворошилова. К тому же Сталин открыто ухаживал за ней, чем вывел из себя жену.

Наверное, нам никогда не узнать правду, но между разными версиями событий той ночи нет особо больших противоречий. Сталин, очевидно, отправился на дачу продолжать веселье. Возможно, он был с собутыльниками, возможно, с Егоровой. В любом случае на рассвете он, конечно, вернулся в Кремль.

Нужно заметить, что судьбы участников того трагического банкета и их жен в самом ближайшем будущем будут зависеть от их отношений со Сталиным. Не пройдет и пяти лет, как многие из них умрут страшной смертью. Вождь никогда не забудет те роли, которые они сыграли в ту роковую ноябрьскую ночь.

* * *

Надя еще не сняла черное платье. Она посмотрела на один из подарков, которые ее заботливый брат Павел привез из Берлина по ее просьбе. Она как-то обмолвилась, что иногда в Кремле стоит на посту лишь один часовой. В такие вечера ей было страшно. Брат привез дорогой дамский пистолет в элегантной кожаной кобуре. Его всегда считали вальтером, хотя на самом деле это был маузер. О подарке Надежде Аллилуевой знали все. Менее известно то, что точно такой же пистолет Павел привез и Полине Молотовой. Трудно сказать, почему они заказали пистолеты в Берлине. Кремлевские женщины могли легко достать оружие и в Москве.

Возвращаясь ночью домой, Сталин никогда не заходил к жене независимо от времени, а шел в противоположный угол квартиры и ложился спать у себя в комнате.

Надя заперлась у себя в спальне и села за письмо мужу.

Совсем поздно, где-то между двумя и тремя часами ночи, Надежда закончила писать и легла на кровать…

* * *

9 ноября прислуга проснулась как обычно. Сталин редко вставал раньше одиннадцати. Никто не знал, когда он вернулся домой и встретился ли по возвращении с женой.

Каролина Тиль открыла дверь и заглянула в комнату Нади. Ее глазам предстала страшная картина. На полу около кровати в луже крови лежала хозяйка. Рядом с трупом она увидела пистолет. Тело Нади было холодным как лед. Придя в себя, Каролина бросилась за нянькой. Они вернулись, подняли тело на кровать и задумались над тем, что делать дальше. Почему они не разбудили Сталина? Возможно, ответ на этот вопрос прост. «Маленькие люди» по понятным причинам никогда не горели желанием сообщать царям плохие новости. У женщин от страха наверняка подкашивались ноги. Они позвонили начальнику службы безопасности Паукеру, потом Авелю Енукидзе, последнему, с кем танцевала Надя, и, наконец, Полине Молотовой, похоже последнему человеку, кто видел ее живой. Енукидзе, как и остальные, жил в Кавалерском корпусе и поэтому пришел первым. Единственный из руководителей страны он видел место самоубийства в первозданном виде и через несколько лет поплатился за это. Вячеслав Молотов и Клим Ворошилов прибыли на квартиру Сталиных спустя пять минут.

Можно представить, какой переполох царил в квартире правителя СССР, который отсыпался после загульной ночи в одном конце коридора, пока в другом забылась вечным сном его жена. О трагедии предупредили родных Нади: ее брата Павла, жившего на другом берегу реки Москвы в только что построенном Доме на набережной, и родителей, Сергея и Ольгу Аллилуевых. Кто-то догадался позвонить семейному доктору Сталиных, а тот в свою очередь вызвал в Кремль широко известного профессора Кушнера.

Расстроенные руководители, Аллилуевы и прислуга смотрели на труп Нади и лихорадочно искали причины, толкнувшие ее на этот отчаянный поступок, которые многие сочли предательством. Они нашли письмо, оставленное самоубийцей. Никто не знает, что в нем было написано. Неизвестно, уничтожил ли его сам Сталин или кто-то другой. Позже телохранитель вождя, Власик, рассказал, что, кроме письма, в комнате первой леди советского государства, была найдена

брошюра. Это была антисталинская «Платформа», написанная Рютиным, старым большевиком, который в то время находился под арестом. Этот факт мог оказаться важным, а мог и не иметь абсолютно никакого значения. В те годы все партийные руководители читали оппозиционные и эмигрантские журналы, так что и Надя вполне могла просматривать экземпляр, который принесли Сталину. С другой стороны, один факт простого обладания таким антисталинским документом в Советском Союзе означал верный арест.

Все шептались в столовой. Никто не знал, что делать. Стоит ли будить Сталина? Кто должен рассказать вождю о смерти супруги? Как она умерла? Неожиданно в комнату вошел сам Сталин. Кто-то, по всей вероятности его старый друг, Енукидзе, решил взять ответственность на себя.

– Иосиф, Надежды Сергеевны больше нет с нами, – печально сказал он. – Иосиф, Иосиф, Надя мертва.

Сталин был поражен. Этот человек, политик до мозга костей, с потрясающим безразличием относился к ужасным страданиям миллионов умирающих от голода женщин и детей у себя в стране, в последующие за смертью жены дни показал больше нормальных человеческих чувств, чем за всю свою жизнь.

Ольга Аллилуева, мать Нади, элегантная женщина с независимым характером, знала Сталина очень давно. Она всегда жалела его и считала, что дочь ведет себя неправильно. Ольга торопливо вошла в столовую, где пораженный Сталин все еще переваривал печальную новость. Через несколько минут приехали доктора. Они предложили убитой горем матери валерьяновые капли, заменявшие в 1930-х валиум, но она не смогла их выпить. Неожиданно к ней нетвердой походкой подошел Сталин.

– Дайте мне, – попросил он. – Я их выпью.

Он выпил лекарство и отправился в комнату жены. Как позже написала Светлана, мучительнее всего потрясло и обидело его письмо.

Вскоре появился брат Нади, Павел, с женой Евгенией, обычно улыбчивой веселой женщиной с ямочками на щеках, которую все звали просто Женя. Они были потрясены не только смертью Нади, но и тем, в каком состоянии находился Сталин.

– Она сделала меня калекой, – сказал он.

Его никогда не видели таким растерянным и огорченным. Сталин заплакал. Так же, как много лет спустя, он стал повторять, словно припев, печальные слова: «Надя, Надя… если бы ты знала, как ты нужна нам, мне и детям!»

По Кремлю немедленно поползли слухи. Вернулся ли Сталин

домой и застрелил Надю во время нового выяснения отношений? Или он опять оскорбил ее и ушел спать, оставив одну и позволив совершить самоубийство? Трагедия в семье Сталина подняла и более серьезные вопросы. До той ноябрьской ночи советские руководители жили «замечательной жизнью», как писала в своем дневнике Екатерина Ворошилова. В ночь с 8 на 9 ноября идиллия закончилась. Навсегда.

«Как наша жизнь в партии могла стать такой трудной и сложной? – спрашивала Ворошилова. – Невозможность ответить на этот вопрос доводила меня до слез». Но слезы только начинались. Самоубийство Надежды Аллилуевой изменило ход истории, утверждает Леонид Реденс, племянник Сталина. Оно сделало неизбежным террор. Смерть Нади вызвала один из очень редких моментов сомнений в жизни человека, обладавшего железной верой в собственную непогрешимость. Как Сталину удалось взять себя в руки и какое воздействие оказало унижение, вызванное самоубийством Нади, на него, его свиту и Советскую Россию? Стала ли месть за неудачу в личной жизни причиной появления террора, в ходе которого одни участники того трагического банкета постепенно ликвидировали других?..

Неожиданно Сталин взял пистолет Нади и, как бы взвешивая его, положил на ладонь.

– Это была игрушка, – сказал он Молотову, потом немного помолчал и добавил: – Из него стреляли лишь раз в году!

Стальной человек на глазах присутствующих превратился в развалину. Сначала он был потрясен, потом на смену оцепенению и растерянности пришла ярость. В гневе Сталин начал обвинять всех и вся, даже книги, которые читала Надя, прежде чем прекратить борьбу с отчаянием. Дав выход злости, он неожиданно заявил, что отказывается от власти и что собирается застрелиться.

– Я не смогу так жить…

Часть первая
Чудесное время. Сталин и Надя. 1878–1932

Грузин и школьница

Надя и Сталин были мужем и женой четырнадцать лет, но у большевиков, в том числе и семейных, год считался за три. Сталины вместе занимались подпольной работой, поддерживали близкие отношения с Лениным. Затем была Гражданская война. Сталин знал семью Аллилуевых почти тридцать лет. С Надей же он впервые встретился в 1904 году. Ей тогда было три года, а ему – двадцать пять, и он уже шесть лет был марксистом.

Иосиф Виссарионович Джугашвили родился не 21 декабря 1879 года, как было написано во всех официальных биографиях. Сосо, именно так его звали в детстве, появился на свет в маленькой хижине (она сохранилась и сейчас), принадлежащей родителям – Виссариону или Бесо Джугашвили и Екатерине, Кеке, урожденной Геладзе, а произошло это на год раньше официальной даты, 6 декабря 1878 года, в Гори, маленьком городке на берегу реки Кура.

Отец Сосо был сапожником. Горячий грузин не любил сидеть на одном месте. Зато он любил выпить и часто лупил жену с сыном. Кеке тоже любила распускать руки и, как позже вспоминал Сосо, нередко колотила его. Однажды мальчик бросил в отца, в очередной раз избивавшего мать, нож.

Наконец, Кеке выгнала мужа из дома. Сталин гордился, что у его матери был сильный характер. Позже Бесо заставил Сталина поехать с собой в Тифлис. Там он начал учить его ремеслу сапожника, но Кеке при помощи знакомых священников отбила сына.

Мать Сталина работала прачкой в домах горийских богатеев. Она была очень набожной женщиной, регулярно ходила в церковь и часто разговаривала со священниками, которые защищали ее. Набожность не мешала Кеке быть практичной женщиной, решающей вполне земные заботы: не исключено, что для того, чтобы прокормить себя и сына, она могла быть любовницей хозяев. Эти слухи породили легенды, которые часто вплетаются в истории происхождения многих знаменитых людей. Возможно, отцом Сталина был не Виссарион Джугашвили, а Коба Эгнаташвили, состоятельный владелец харчевни, бывший офицер и большой любитель борьбы. Официально он считался его крестным отцом. Во всяком случае, спустя много лет Сталин всячески защищал и опекал двух сыновей Эгнаташвили. Они до самой смерти поддерживали с ним дружеские отношения и в старости часто вспоминали о том, как отец умел и любил бороться. И все же нужно признать, что даже великие люди часто

бывают детьми простых родителей. Скорее всего, отцом Сталина все же был Бесо. Это подтверждает и поразительное сходство между ними. Хотя Сталин, большой любитель мистификаций и тайн, однажды сказал, что он сын священника.

Родился Сталин со сросшимися вторым и третьим пальцами левой ноги. Оспа сделала его рябым, а после столкновения с лошадью у него начала сохнуть левая рука. Со временем Сосо превратился в вечно мрачного юношу с нездоровым цветом лица, красновато-карими глазами в крапинку и густыми черными волосами. Таких в Грузии называют «кинто», сорванцами. С раннего детства он отличался большим умом и смекалкой. Честолюбивая Кеке хотела, чтобы он стал священником.

В зрелом возрасте Иосиф Виссарионович хвастался, что в пять лет он уже умел читать. Учился маленький Сосо у отца Чарквиани.

В 1888 году Сталин поступил в Горийское духовное училище, а затем, в 1894 году, с отличием его закончил, получил пятирублевую стипендию и направление в духовную семинарию в Тифлисе, главном городе Грузии.

В 1910 году Бесо погиб в пьяной драке.

Грубоватый юмор и суровую дисциплину Иосиф Виссарионович унаследовал от матери. Иногда он посылал Кеке деньги, но, начиная с юных лет, никогда не был с ней особенно близок. Сталин не любил говорить о родителях и детстве, но бессмысленно чрезмерно копаться в его психологии. Очевидно, что его эмоциональное развитие затормозилось и ему не хватало жалости и сочувствия. Однако это не помешало Иосифу развить в себе необыкновенную проницательность.

* * *

Духовная семинария дала Сталину только формальное образование. Ему не нравились система обучения школы-интерната. Она строилась на вопросах и ответах, «иезуитской» слежке, вторжении в личную жизнь семинаристов, подавлении их чувств и свобод. Но жизнь в семинарии оказала на него столь большое влияние, что всю оставшуюся жизнь он продолжал оттачивать и совершенствовать стиль и методы своих наставников. Семинария пробудила в Иосифе страсть к чтению и самообразованию. Сталин стал атеистом уже на первом курсе. Вскоре Сосо увлекся марксизмом.

В 1899 году отчисленный из семинарии Сталин решил сделаться профессиональным революционером, вступил

в Российскую социал-демократическую рабочую партию и взял кличку Коба – в честь героя его любимого романа Александра Казбеги, «Отцеубийца», смелого и мстительного кавказского разбойника. Коба объединил научный марксизм со своим буйным воображением: он опубликовал несколько романтических стихотворений до того, как поступил работать на Тифлисскую метеорологическую станцию, – это была единственная официальная работа Сталина до революции 1917 года, после которой он стал одним из правителей России.

Коба был уверен, что панацея от всех бед человечества заключается в марксизме. Эта философская система как нельзя лучше подходила его требовательному характеру. По натуре он был драчуном, мелодраматическим буяном, поэтому марксизм устраивал его еще и наличием классовой борьбы. Доведенная до паранойи конспиративность нетерпимой и болезненно обостренной большевистской культуры идеально подходили самоуверенной замкнутости Иосифа и его любви к интригам. Российские социал-демократы представляли собой настоящий интернационал, где были русские, армяне, евреи и грузины, рабочие и аристократы, интеллектуалы и сорвиголовы. Они организовывали забастовки, создавали подпольные типографии, проводили митинги и устраивали самые банальные грабежи. Несмотря на объединяющее всех начало – марксизм, – в партии всегда существовало четкое разделение между образованными буржуазными эмигрантами, такими, как сам Ленин, и грубыми «людьми дела», которые оставались в России. Подпольная жизнь с ее постоянными переездами с места на место и вечной опасностью ареста оказала огромное влияние на формирование характера Сталина и его товарищей.

В 1902 году Кобу арестовали и отправили в Сибирь. Это была первая из семи ссылок будущего вождя, причем из шести он благополучно бежал. Нельзя не заметить, что царские ссылки по условиям содержания и быта не шли ни в какое сравнение со сталинскими концентрационными лагерями. Русские цари оказались плохими полицейскими. Ссылки больше походили не на суровое наказание смутьянов, стремящихся свергнуть существующий строй, а на отпуск в какой-нибудь отдаленной сибирской деревне. Здесь заключенные отдыхали от революционной работы, читали, знакомились, начинали любить и ненавидеть друг друга, переписывались с товарищами в Санкт-Петербурге или Вене, обсуждали темные и малопонятные проблемы диалектического материализма и заводили романы с местными девушками. За порядком среди сосланных обычно следил один жандарм. Когда ссыльным надоедало такое вольное,

но скучное существование или их звала революция, они бежали. Хотя, по большому счету, уход из ссылки и побегом-то нельзя назвать. Главное было пройти через тайгу и добраться до ближайшей железной дороги. Как неприятное воспоминание о ссылках у Кобы остались проблемы с зубами, которые мучили его всю оставшуюся жизнь.

Коба быстро сделался активным сторонником и верным последователем Владимира Ильича Ленина. На какое-то время ленинская работа «Что делать?», положившая, собственно говоря, начало всему ленинизму, стала его настольной книгой. Конечно, Ленин был гигантом мысли. Его заслуга состоит в том, что он сумел объединить маккиавелистическую практичность захвата власти с теоретической идеей господства марксистской идеологии. Воспользовавшись расколом в стане российских социал-демократов, Владимир Ильич со временем создал собственную большевистскую партию. Он выдвинул теорию, согласно которой высокоразвитая боевая партия профессиональных революционеров сможет захватить власть для рабочих. Затем, утверждал он, партия будет править от их имени при помощи диктатуры пролетариата. Необходимость в диктатуре пролетариата, по Ленину, отпадет только тогда, когда будет построен социализм. Видение Ильичом большевистской партии как передового отряда армии пролетариев, небольшой группы руководителей, сражающихся за правое дело, сделали большевизм воинствующей идеологией.

Вернувшись в 1904 году в Тифлис, Коба познакомился с будущим тестем. Сергей Аллилуев был на двенадцать лет старше его; неплохой инженер-электрик был женат на Ольге Федоренко, женщине с очень сильным характером. В жилах этой красавицы текла грузинская, немецкая и цыганская кровь. Такой коктейль делал ее очень страстной натурой. Она завязывала романы с революционерами. Среди ее любовников были русские, поляки, венгры и даже турки. Ходили слухи, что перед чарами Ольги не устоял и молодой Сталин – якобы он является настоящим отцом своей будущей жены, Нади. Конечно же, это не так, по крайней мере в части отцовства. Наде Аллилуевой было три года, когда его родители встретились со Сталиным, так что стать отцом девочки он никак не мог. Однако слухи о романе с Ольгой звучат вполне правдоподобно. Кстати, не исключено, что Сталин сам их и распускал.

Задолго до того, как между Сталиным и Надей родилась любовь, они уже были частью большой большевистской семьи, собиравшейся в доме Аллилуевых. Кое-кто из них присутствовал и на том роковом ноябрьском ужине на квартире Ворошилова

в 1932 году. Между прочим, по слухам, существовала еще одна причина тесной связи Аллилуевых и Кобы: в Баку будущий вождь спас Надю – девочка упала в Каспийское море и едва не утонула. Очень романтичное начало, ничего не скажешь!

* * *

В первый раз Коба женился на представительнице другой многочисленной большевистской семьи. Екатерина, или Като, как ее звали родные и друзья, была привлекательной смуглой грузинкой. Все, кто знал эту женщину, отмечали, что у нее мягкий, покорный характер. Она родилась в известной семье грузинских революционеров Сванидзе. Ее брат Александр в свое время закончил Тифлисскую духовную семинарию, ту самую, из которой отчислили Кобу. Позже он на правах родственника вошел в кремлевский клан. Като жила в жалкой лачуге около нефтяных промыслов в Баку. Вскоре она родила сына Якова. Коба продолжал активно заниматься подпольной работой и редко бывал дома.

Во время революции 1905 года, в ходе которой еврей-журналист Лев Троцкий попал в Петербургский совет, Коба утверждал, что организовал крестьянские выступления в грузинской области Картли. После решительных действий царского правительства он отправился на конференцию большевиков в Таммерфорсе, в Финляндии. Там Коба впервые встретился со своим кумиром, Лениным, которого называл «горным орлом». В следующем году Коба приехал на партийный съезд в Стокгольм. По возвращении начал вести жизнь кавказского разбойника, организовывая ограбления инкассаторов и банков, «экспроприации», как их называли революционеры. Эксы были главным источником доходов партийной казны. В старости вождь любил хвалиться, что только во время экспроприации на Ереванской площади он с друзьями захватил четверть миллиона рублей!

По возвращении с очередного партийного съезда, на этот раз из Лондона, Иосифа Виссарионовича ждала личная трагедия. 25 ноября 1907 года у него на руках в Тифлисе скончалась от туберкулеза горячо любимая, хотя и основательно позабытая жена. Коба говорил, что ее смерть разбила ему сердце.

Сталин оставил сына Якова родственникам жены, Сванидзе, а сам вернулся к революционной борьбе. Он отправился в Санкт-Петербург, прятался у Аллилуевых, но был схвачен и в конце концов вернулся на место своей последней ссылки, в маленький

городок Сольвычегодск. В январе 1910 года Коба поселился в доме молодой вдовы Марии Кузаковой, которая родила ему сына.

После очередного побега в 1912 году Коба вернулся в Петербург и поселился на одной квартире со скучным большевиком, который со временем стал одним из его самых близких друзей. Вячеславу Скрябину тогда было двадцать два года. Следуя неписаным революционным законам, он взял промышленный псевдоним – Молотов. Коба тоже решил придумать аналогичный псевдоним. Так в 1913 году Иосиф Джугашвили стал Сталиным. Не исключено, что Коба пользовался этим псевдонимом и раньше, и не только из-за аналогии со сталью. Возможно, он позаимствовал его у пышногрудой привлекательной большевички Людмилы Сталь, с которой у него в свое время был роман.

На Пражской конференции большевиков 1912 года «чудесный грузин», как называл Сталина Ленин, был кооптирован в состав ЦК партии. В ноябре того же года Коба отправился из Вены в Краков на встречу с Лениным и жил у него некоторое время: Ленин помогал своему истовому ученику писать статью по очень важному вопросу – о национальной политике большевиков, по которой с тех пор Сталин считался большим специалистом. В работе «Марксизм и национальный вопрос» автор утверждал, что большевики должны сохранить Российскую империю. Эта статья принесла Кобе статус партийного идеолога и еще больше укрепила доверие Ленина.

В феврале 1913 года Иосифа Сталина вновь арестовала охранка, тайная царская полиция. И опять – последовала удивительно легкая ссылка. По одной из версий, мягкость приговора объясняется тем, что Коба был агентом охранки. Многие большевики являлись даже не двойными, а тройными агентами. Коба наверняка был не прочь избавиться от товарищей, которые выступали против него, но, как отмечали сами сотрудники охранки в своих рапортах, при любых обстоятельствах он оставался фанатичным марксистом: это стало основополагающей чертой характера.

Местом последней ссылки Сталина выбрали северо-восток Сибири. Его отправили в далекий Туруханск, крошечный городок, расположенный за Северным полярным кругом. Боясь очередного побега, полиция перевела Сталина в удаленную деревню Курейка. Местные жители придумали ссыльному новое прозвище: Оська Корявый – из-за рябого лица. Однако вскоре успехи на рыбалке убедили крестьян, что Сталин обладает какими-то сверхъестественными способностями. Отношение к нему

изменилось. В Курейке у него появилась очередная пассия. Сталин жаловался Сергею и Ольге Аллилуевым на ужасную природу Туруханского края и умолял прислать хотя бы почтовую открытку.

Несмотря на все невзгоды, это было удивительно счастливое время в его жизни. О Курейке Сталин вспоминал до самой своей смерти. Особенно нравилось ему рассказывать об охоте.

Просчеты царских генералов и продовольственных интендантов в годы Первой мировой войны подточили силы монархии, которая, к удивлению самих большевиков, не ожидавших такого развития событий, в феврале 1917-го сменилась Временным правительством. Сразу же после известия об этом Сталин выехал в столицу. 12 марта он приехал в Петербург и в тот же день навестил Аллилуевых. Черноволосой Наде в то время было уже шестнадцать, она превратилась в настоящую красавицу. Надежда, ее сестра Анна и брат Федор, открыв рот, слушали рассказы гостя о его приключениях в Сибири. От Аллилуевых Сталин отправился в редакцию «Правды».

«Правду» тогда редактировал Молотов. Иосиф Виссарионович немедленно оттеснил его от руководства органом большевистской партии и занял место главного редактора. Весной 1917 года Молотов занимал радикальную антиправительственную позицию. Сталин и один из самых близких друзей Ленина, Лев Каменев (настоящая фамилия Розенфельд), придерживались умеренных взглядов. Ленин приехал в Петербург 4 апреля и быстро уговорил Сталина перейти на более жесткую платформу.

Временное правительство решило арестовать Ленина. Ему пришлось бежать в Финляндию. Сталин спрятал его на время у Аллилуевых, сбрил ему бородку и затем отвез в безопасное место.

25 октября 1917 года Ленин начал большевистскую революцию в России.

* * *

Скорее всего, в те дни Иосиф Виссарионович Сталин был лишь не очень заметным «серым пятном», но самое главное – он был пятном Ленина. Троцкий соглашался, когда говорили, что Ленин действовал главным образом через Сталина. Причина проста: у полиции Коба вызывал гораздо меньший интерес. В правительстве Ленина Сталину достался Народный

комиссариат по делам национальностей с маленьким штатом: один секретарь, Федор Аллилуев, и одна машинистка – Надя.

В 1918 году дела у большевиков обстояли плохо: они изо всех сил боролись за выживание. Перед угрозой стремительного немецкого наступления Ленин и Троцкий были вынуждены пойти на прагматический Брестский мир. По нему кайзеру досталась большая часть Украины и Прибалтика. После разгрома Германии положение не особенно улучшилось. На смену немецким интервентам пришли британские, французские и японские. Одновременно с иностранцами на шатающийся красный режим, который для укрепления безопасности перенес столицу из Петербурга в Москву, со всех сторон наседали белые армии. Скоро осажденная империя Ленина сократилась до пределов Московского княжества в его средневековых границах.

В августе 1918 года на Ленина было совершено покушение. Большевики ответили врагам волной террора. В сентябре выздоровевший Ленин провозгласил Россию военным лагерем. Самыми безжалостными исполнителями приказов Ленина по уничтожению врагов революции были Троцкий и Сталин. Троцкий, нарком по военным и морским делам, создал Красную армию и руководил ею из бронепоезда. Только эти два лидера могли попасть в кабинет Ленина без предварительной записи у секретаря.

Для принятия решений Ленин создал Политическое бюро (политбюро) партии из пяти человек, куда входили и Троцкий со Сталиным. Троцкий, еврейский интеллектуал в очках, был героем Октябрьской революции, по славе немногим уступал самому Ленину. Сталин был менее известен широким массам и многим казался грубым провинциалом. Но высокомерие Троцкого и его манера разговаривать со всеми свысока обижали «старых нелегалов» на местах, говоривших на простом русском языке; им более импонировали упрямство и практичность Сталина. Коба видел в Троцком главное препятствие своего карьерного роста.

Решающую роль в карьере и женитьбе Сталина сыграл Царицын, город, занимающий стратегически важное положение на нижней Волге. В 1918 году возникла реальная угроза захвата белыми этих ворот к зерну и нефти Северного Кавказа, а также ключевого пункта на пути к Москве. Ленин назначил Сталина ответственным за продовольственные запасы на юге России и отправил в Царицын. Вскоре Коба стал комиссаром и получил практически неограниченные полномочия в управлении войсками.

Сталин прибыл в Царицын 6 апреля в бронепоезде

под охраной 400 красногвардейцев. Его сопровождали Федор Аллилуев и совсем юная машинистка Надя. В городском руководстве царили полная некомпетентность и предательство. Коба взялся за наведение порядка засучив рукава. Первым делом он приказал расстрелять всех, кто подозревался в связях с контрреволюционерами. Пройдет много лет, и Ворошилов назовет деятельность Сталина в Царицыне безжалостной чисткой тыла, проведенной железной рукой. Ленин был доволен своим помощником, но потребовал действовать еще беспощаднее.

Именно в Царицыне Иосиф Виссарионович окончательно понял, что самым простым и наиболее эффективным орудием в политической борьбе является физическое уничтожение врагов. К такому же выводу приходили и другие революционеры. Большевики времен Гражданской войны, одетые в кожаные пальто, черные сапоги и перепоясанные ремнями, на которых висели маузеры, с радостью приняли культ насилия.

В этом же городе на Волге Сталин встретился и подружился с Ворошиловым и Буденным, еще двумя участниками того рокового ноябрьского ужина в Кремле 8 ноября 1932 года. Эти кавалеристы стали ядром зарождающейся группы поддержки будущего вождя. В июле, когда положение на фронте резко ухудшилось, Сталин заявил, что ему нужна военная сила, и взял под контроль армию. Такой метод руководства – обычный для революции – необходим для выживания, однако это был и открытый вызов Троцкому, который создал Красную армию при помощи так называемых военных специалистов, бывших царских офицеров. Сталин сомневался в их полезности, не доверял им и при первой возможности расстреливал.

Коба жил в роскошном спальном вагоне, раньше принадлежавшем известному цыганскому певцу. Бывший владелец обтянул стены светло-синим шелком. Здесь Сталин и Надя, вероятно, стали любовниками. Ей было семнадцать, ему тридцать девять. Наде поездка в Царицын, наверное, казалась очень увлекательным приключением. Свой штаб Сталин разместил в поезде. Отсюда он постоянно посылал в ЧК приказы о расстрелах.

Сталин и Ворошилов с Буденным образовали военную оппозицию против Троцкого, которого прозвали опереточным командиром и болтуном. Когда Коба арестовал большую группу военспецов и посадил ее на баржу на Волге, Троцкий прислал гневную телеграмму, требуя всех немедленно отпустить. Сталин не обратил на нее внимания и приказал баржу затопить. «Смерть решает все проблемы, – будто бы сказал тогда Сталин и произнес свою крылатую фразу: – Нет человека – нет проблемы». Это было

вполне по-большевистски.

Ленин отозвал Сталина в Москву. Не имело значения, что Коба, очевидно, ухудшил положение на юге, уничтожив опытных офицеров, которые могли бы оказать помощь красным командирам, и поддержав размахивающих саблями авантюристов и сорвиголов. Главным для Ленина было то, что Сталин действовал безжалостно. Больше его ничто не интересовало.

В Царицыне Сталин, наверное, увидел мельком свою будущую славу генералиссимуса. Более того, вражда со Львом Троцким и дружба с царицынскими кавалеристами были взаимосвязаны: не исключено, что Кобу восхищали в Буденном и Ворошилове храбрость и наплевательское отношение к опасности – качества, которыми сам он не обладал. Ненависть к Троцкому стала одной из главных движущих сил его жизни на протяжении следующих двадцати лет.

Вернувшись в Москву, Сталин женился на Наде. Молодожены въехали в скромную кремлевскую квартиру, куда вселилось и все семейство Аллилуевых. Вскоре Иосифу Виссарионовичу выделили прекрасную дачу в Зубалове.

В мае 1920 года очередная опасность возникла на западе. Поляки захватили Киев, и Ленин назначил Кобу политическим комиссаром Юго-Западного фронта. Политбюро приказало захватить Польшу и перенести революцию на Запад. Западным фронтом, наступавшим на Варшаву, командовал блестящий молодой военачальник Михаил Тухачевский. Сталин получил приказ передать кавалерию Тухачевскому, но медлил его выполнять. Нежелание Кобы расставаться с кавалерией стало главной причиной разгрома Красной армии под Варшавой. Сталин и Тухачевский возненавидели друг друга. Поражение в Польше положило начало кровной мести. Ее результатом через семнадцать лет стала резня советских военачальников.

В 1921 году Надежда Аллилуева, как положено истинной большевичке, пешком отправилась в больницу рожать сына. Через пять лет после Василия в семье Сталиных родилась дочь, Светлана. Надя в то время работала машинисткой в секретариате Ленина. На этом месте она оказалась очень полезной для мужа. Начиналась яростная борьба за власть.

* * *

Империя лежала в развалинах. Страной, окруженной врагами, управляла партия большевиков. В основном это были еще молодые люди. В ходе ожесточенной борьбы с внутренними

и внешними врагами они уже успели запачкать руки в крови. Ленин, всегда относившийся с презрением как к рабочим, так и к крестьянам, тем не менее с удивлением обнаружил, что ни те ни другие его не поддерживают. Ильич предложил создать единый орган, который станет направлять и надзирать за строительством социализма, – партию. Неприятный разрыв между реальностью и желаниями привел к тому, что поистине религиозная верность идеологической чистоте среди партийцев приобрела очень большое значение, а армейская дисциплина стала обязательной.

Большевики оказались перед неприятным выбором и начали экспериментировать. Результатом этих опытов и импровизаций стали уникальная политическая система и не менее уникальный взгляд на окружающий мир. Главным органом партии являлся ЦК, состоявший примерно из семидесяти партийных лидеров, которых избирал съезд. Сначала съезды проводились ежегодно, со временем – все реже и реже. ЦК выбирал из своего состава маленькое политбюро и секретариат. Политбюро представляло собой своего рода кабинет министров военного времени, который решал все важнейшие вопросы внешней и внутренней политики. Секретариат состоял из трех секретарей для руководства большевистской партией. Политбюро и секретариат руководили работой правительства (в общепринятом понимании) крайне централизованного и исключительно однопартийного государства.

Михаил Иванович Калинин, родившийся в 1875 году, единственный настоящий крестьянин в руководстве Советской Россией, известный как «всесоюзный староста», стал формальным главой государства в 1919 году. Фактически Россией правил Ленин как председатель Совета народных комиссаров.

Обескровленная Гражданской войной партия лихорадочно пополняла свои ряды миллионами новых членов, но высшее руководство сомневалось в том, что на них можно положиться. Постепенно откровенные дебаты и острые обсуждения первых дней существования Советского Союза сменились авторитарной диктатурой бюрократов и аппаратчиков.

Владимир Ленин, несомненно, достиг огромных высот в искусстве импровизаций. В 1921 году он, чтобы спасти правящий режим, решил до определенной степени восстановить в России капитализм. Этот вынужденный компромисс получил название новой экономической политики, или нэпа.

В 1922 году Ленин и Каменев предложили избрать Сталина Генеральным секретарем (генсеком) ЦК, чтобы руководить партией. Сталинский секретариат быстро превратился в главный

мотор нового государства. Свои способности Коба ярко продемонстрировал в «грузинском деле», в ходе которого они с Серго присоединили отделившуюся от империи Грузию и навязали свою волю местным большевикам, выступавшим за независимость.

Ленин возмутился, но удар, который произошел с ним в декабре 1922 года, помешал выступить против Сталина. Политбюро постановило взять под контроль здоровье самого ценного достояния партии и запретило Ленину работать больше десяти минут в день. Когда Ильич стал нарушать приказ товарищей и попытался вернуться к работе, Сталин набросился на его жену Крупскую с грубыми упреками и оскорблениями. Эта несдержанность едва не стоила ему карьеры.

Пожалуй, в то время только Ленин понимал, что Сталин постепенно становится его наиболее вероятным преемником. Поэтому он секретно продиктовал завещание, в котором критиковал Кобу и требовал снять его с поста генсека.

21 января 1924 года Ленина не стало. Против воли самого Ленина и его родных Сталин велел забальзамировать тело и фактически обожествил как православного святого. По приказу Кобы Ленина положили в мавзолей, построенный специально для этого на Красной площади. Затем, опираясь на культ предшественника, Сталин начал потихоньку забирать власть в свои руки.

Посторонний наблюдатель в 1924 году мог бы смело предположить, что к власти придет Лев Давыдович Троцкий. Но у большевистских олигархов блеск и слава беспечного наркома обороны не вызывали особых восторгов. Взаимная ненависть между Сталиным и Троцким основывалась не только на их разных характерах, но и на разногласиях в стиле руководства и методах ведения политической борьбы. При помощи секретариата Сталин уже выдвигал на руководящие посты верных союзников: Молотова, Ворошилова и Орджоникидзе. Всеевропейской революции, за которую ратовал Троцкий, Коба противопоставил вполне реальную альтернативу – «социализм, построенный в одной стране». Оппозицию Троцкому в высшем органе государства возглавляли Григорий Зиновьев и Лев Каменев, ближайшие соратники Ленина. Когда вскоре после смерти Ленина на заседании политбюро было зачитано его завещание, Каменев предложил оставить Сталина на посту Генерального секретаря ЦК. Он, конечно, тогда еще не понимал, что другой реальной возможности убрать Кобу с политического Олимпа в следующие тридцать лет не будет. Троцкого подвела самонадеянность. Его сумели разбить с удивительной легкостью

и быстротой. Убрав Троцкого с поста наркомвоенмора, Зиновьев и Каменев слишком поздно обнаружили, что реальной угрозой является третий участник их триумвирата, Сталин.

К 1926 году Коба расправился с недавними союзниками при помощи своих правых соратников, Николая Бухарина и Алексея Рыкова, который заменил Ленина на посту премьера. Сталин и Бухарин поддерживали нэп, но большинство местных руководителей боялись, что компромисс ослабит большевистскую партию, отсрочив решение другой важной проблемы – враждебной настроенности крестьянства. В 1927 году зерновой кризис превратил отношения с крестьянством в главный вопрос внутренней политики, который был закрыт большевиками экстремальными методами. С тех пор в стране установилась репрессивно-воинственная атмосфера, продержавшаяся до самой смерти Сталина.

В январе 1928 года Сталин отправился в Сибирь, чтобы на месте лично разобраться, почему уменьшились поставки зерна. Наверняка вспомнив славное комиссарское прошлое Гражданской войны, он приказал форсировать сбор зерна и обвинил в его укрывательстве зажиточных крестьян, так называемых кулаков. Те припрятывали урожай, чтобы выручить за него больше денег. Обычно кулаком считали крестьянина, который нанимал пару работников или владел хотя бы двумя коровами. Позднее Сталин, по его собственному признанию, «хорошенько встряхнул партийные органы» на местах, но вскоре понял, что «правым его жесткие меры не по душе… потому что они считали их началом гражданской войны в деревне». Особенно возмущен был председатель Совнаркома Рыков. Он пригрозил вернувшемуся Сталину: «Мы выдвинем против вас обвинения в совершении уголовных преступлений!»

Однако молодые комиссары, комитетчики в сердце партии, были за решительные действия. Они поддержали насильственное изъятие зерна. Зимой сторонники Сталина разъезжались по отдаленным деревням, чтобы выдавливать зерно из кулаков, которых сейчас считали главными врагами революции. Комиссары почувствовали, что нэп на исходе. Поэтому им хотелось найти радикальное военное решение проблем с продовольствием.

По своей природе Сталин был радикалом. Но сейчас беззастенчиво воспользовался фразеологией и доводами левых, которых только что разгромил. Он со своими союзниками уже говорил о новой революции, Великом переломе влево, который поможет решить проблему крестьянства и экономической отсталости России.

Большевики ненавидели деревню. Они были твердо уверены, что отсталые крестьяне тормозят строительство социализма. Крестьян, по их мнению, следовало загнать в коллективные хозяйства, а зерно – конфисковать и продать за границу. На вырученные деньги Сталин собирался совершить гигантский скачок в развитии индустрии и в кратчайшие сроки превратить Советский Союз в промышленно развитую державу, которая будет производить танки и самолеты. Частная торговля зерном и продуктами была запрещена. Кулакам приказали сдавать зерно, а тех, кто отказывался, объявляли спекулянтами со всеми вытекающими отсюда малоприятными последствиями. Постепенно крестьян согнали в колхозы. Конечно, многие не хотели лишаться личного хозяйства. Эти крестьяне автоматически попадали в разряд кулаков и становились врагами государства.

Если в сельском хозяйстве объектом для преследования большевиков были кулаки, то в промышленности они объявили войну техническим специалистам. Техспецов еще называли буржуазными специалистами, хотя они относились к среднему классу и были простыми инженерами. Лихорадочно создавая новую промышленную элиту, красную по цвету и марксистско-ленинскую по убеждениям, большевики старались запугать сомневающихся. Тех, кто говорил, что планы Сталина по индустриализации страны выполнить невозможно, было очень много. Начались суды. Первым из фальсифицированных показательных процессов, призванных запугать инакомыслящих и сомневающихся, стал Шахтинский. Наступали времена, когда из обихода исчезало слово «невозможно». Результаты кошмарной сельскохозяйственной политики напоминали войну без боев и сражений, но с крупномасштабными жертвами. Эта война никак не повлияла на жизнь полководцев, которые ее вели. Соратники Сталина и их жены по-прежнему жили в Кремле, на удивление, дружной и тесной семьей.

Кремлевская семья

«Какое же замечательное это было время, – писала в дневнике жена Ворошилова. – Какие простые, хорошие и дружеские отношения…» Внутренняя совместная жизнь вождей до середины тридцатых годов сильно отличалась от привычного представления о мире Сталина как о страшном и жутком. Они жили в Кремле и постоянно ходили друг к другу в гости. Родители и дети виделись каждый день. Кремль был чем-то вроде маленькой деревни. Здесь все знали друг друга и все дружили между собой. Дружба нередко длилась не одно десятилетие и с годами только крепла, а старая вражда (конечно, бывало и такое) разгоралась с новой силой.

Сталин часто заходил к своим ближайшим соседям, Кагановичам, сыграть в шахматы. Если Анастасу Микояну было что-то нужно, он просто переходил дорогу и стучал в дверь квартиры Сталина, который всегда приглашал гостей на ужин. Когда Сталин уезжал в отпуск, эта веселая компания часто приходила к Наде передать письма от мужа и окунуться в мир последних политических сплетен и слухов.

Правда, были и такие семьи, которые держались немного особняком. Самыми общительными среди членов политбюро были Микояны, а вот жившие с ними на одном этаже Молотовы проявляли больше сдержанности и даже запирали дверь, соединявшую квартиры. Если Сталин был несомненным директором этой большой семьи, похожей на школу с ее суматохой, весельем и ссорами, то Вячеслав Молотов идеально подходил на роль сверхстрогого старосты.

* * *

Единственным человеком, которому довелось здороваться за руку с Лениным, Гитлером, Гиммлером, Герингом, Рузвельтом и Черчиллем, был Вячеслав Михайлович Молотов. За феноменальную работоспособность Молотова нередко называли «Каменная задница». Когда его так обзывали, Вячеслав Михайлович всегда говорил, что это не совсем так. Оказывается, Ленин дал ему прозвище «Железная задница». Молотов был низеньким крепышом с большим выпуклым лбом. Из-за круглых очков холодно поблескивали карие глаза. Он часто заикался, когда сердился или разговаривал со Сталиным. Тридцатидевятилетний Молотов больше был похож

не на большевика, а на буржуазного ученого, которым он, по существу, и являлся. Даже в политбюро, сборище фанатиков, слепо веривших в большевистские идеи, этот Робеспьер сталинского двора выделялся фанатичной преданностью марксизму-ленинизму и суровой дисциплине. Феноменальный инстинкт самосохранения позволял ему почти всегда предвидеть серьезные повороты в политике и большие перемены. «Я человек девятнадцатого столетия», – часто повторял он.

Родился Вячеслав Скрябин в Кукарке, провинциальном городишке недалеко от Перми, при советской власти переименованной в Молотов. Он был сыном купца и обедневшего дворянина, большого любителя выпить. В детстве Вячеслав Михайлович часто играл на скрипке для купцов в родном городке, но никакого отношения к известному русскому композитору не имел. В отличие от большинства соратников Сталина Вячеслав почти закончил школу, хотя и стал в шестнадцать лет революционером.

Молотов считал себя профессиональным журналистом. С Кобой он познакомился в Петербурге, когда они работали в «Правде». Отличительными чертами характера Молотова были жестокость и мстительность. Обид он не прощал. Многие расплачивались за неосторожность своими жизнями.

Вячеслав Михайлович был груб с подчиненными и часто выходил из себя. Если говорил своим помощникам, что уснет на тринадцать минут, то просыпался ровно через тринадцать минут. В отличие от большинства шоуменов из политбюро Молотов был настоящей рабочей лошадкой: ни особого воображения, ни полета фантазии у него никогда не наблюдалось.

Кандидатом в члены политбюро Молотов стал в 1921 году. Он был секретарем большевистской партии до Сталина, однако Ленин часто критиковал Молотова за «самый бесстыдный бюрократизм и страшную глупость». У него так же, как у Сталина и Ворошилова, имелся внутренний комплекс интеллектуальной неполноценности. Отвечая как-то на критику Льва Троцкого, Вячеслав Михайлович заявил: «Нельзя же всем быть гениями, товарищ Троцкий». Эти доморощенные большевики звезд с неба не хватали.

В начале тридцатых Вячеслав Молотов работал вторым секретарем ЦК и был помощником Сталина. Кобой Молотов восхищался, но не преклонялся перед ним. Он часто не соглашался со Сталиным и до самого конца не боялся его критиковать. Еще одним отличительным качеством Молотова, возможно унаследованным от отца, была любовь к крепким

спиртным напиткам. Говорят, он мог перепить всех в высшем руководстве большевиков.

Была у этого ближайшего соратника вождя и одна по-настоящему положительная черта – он безумно любил жену, Полину Карповскую, еврейку, больше известную под псевдонимом Жемчужина. Полина не была красавицей, но отличалась недюжинным умом и смелостью. Она командовала мужем, преклонялась перед Сталиным и сумела сделать хорошую карьеру. Фанатично преданные делу революции Молотов и Жемчужина встретились и полюбили друг друга на женской конференции в 1921 году. Молотов считал жену «умной, красивой и прежде всего – настоящей большевичкой».

Полина скрашивала жизнь этого большевистского крестоносца, ведь Молотов не был бесчувственным роботом. Полина Жемчужина была для него «светлой любовью», «сердцем и счастьем», «сладким медом», «Полинкой».

* * *

Светлана, избалованная дочь Молотовых, так же как дети других членов политбюро, играла во дворе. Детям партийных руководителей не нравилось жить в Кремле, потому что родители постоянно просили их не шуметь. «Ты не на улице, – говорили они, – а в Кремле». Кремль был для детей чем-то вроде тюрьмы. На каждом шагу приходилось показывать пропуска. «Если мы хотели привести к себе кого-нибудь из друзей, – вспоминает Наташа, дочь Андреева и Доры Казан, – то приходилось заказывать пропуска и для них». Дети руководителей каждый день встречались со Сталиным.

Часто обед Сталина становился продолжением совещаний с его соратниками-трудоголиками. На стол ставились тарелки с борщом. Сталин с друзьями часто ел и работал до трех ночи.

Жены руководителей тоже обладали немалой властью. Сталин часто прислушивался к мнению Надежды Аллилуевой. Она познакомилась в академии с молодым лопоухим украинцем, слесарем из Донецка, по имени Никита Хрущев. Послушав, как Хрущев энергично громит на студенческих митингах оппозицию, порекомендовала его мужу. Сталин дал толчок его головокружительной карьере.

Молодой Хрущев часто ужинал с ними. Сталину Хрущев понравился с первого знакомства, немалую роль в этом сыграла и Надина рекомендация. Позже Хрущев вспоминал, что встреча с Надеждой Аллилуевой была для него счастливым лотерейным

билетом. Он долго не мог поверить, что рядом с ним сидит, скромно шутит и смеется сам Сталин, живое божество СССР.

Полина Молотова была очень амбициозной женщиной. Когда она решила, что ее шеф, нарком легкой промышленности, не соответствует своей должности, то прямо за обедом попросила Сталина разрешить ей начать выпускать советские духи. Коба подозвал Микояна и велел ему создать для жены Молотова трест «ТеЖе». Так Полина стала царицей советских ароматов. Анастас Микоян часто хвалил ее ум, энергию и талант руководителя, но упрекал за высокомерие.

* * *

За исключением снобов Молотовых, остальные вожди продолжали обитать в своих кремлевских квартирах просто, без каких бы то ни было излишеств. Такого образа требовали от них преданность делу большевизма и обязательная большевистская скромность. О коррупции и экстравагантности в быту в те годы еще почти не знали. Члены политбюро жили так скромно, что нередко не могли даже одеть детей. Документы из недавно открытых архивов свидетельствуют, что порой без денег сидел даже Сталин.

Надежда Аллилуева-Сталина и Дора Казан, которая со временем сделала неплохую карьеру, каждый день ездили на занятия в академию не на служебных автомобилях мужей, а на трамвае. Надю считали эталоном большевистской скромности. Она всегда пользовалась девичьей фамилией. Дора тоже никогда не афишировала фамилию мужа. Серго Орджоникидзе не разрешил дочери кататься в школу на его лимузине, заявив, что это чересчур «буржуазно»! С другой стороны, считалось, что Молотовы уже жили «не по-пролетарски»: Наталья Рыкова слышала, как ее отец ругал Молотовых за то, что они никогда не приглашали за стол своих охранников.

В семье Сталиных за хозяйство отвечала Надя. Светлана утверждает, что мать с большим трудом ухитрялась вести хозяйство на скромный семейный бюджет. Надежде Аллилуевой регулярно не хватало денег.

У Микоянов было так много ребят, пять своих сыновей и чужие дети, которых они воспитывали, что семья всегда сидела без средств. А ведь Анастас входил в число высших руководителей Советской России. Неудивительно, что его жена Ашкен тайно занимала до получки у жен других членов политбюро, у которых детей было поменьше. Если бы Микоян

узнал о займах, он бы, если верить его сыновьям, устроил страшный скандал.

Очаровашка

Группа идеалистически настроенных и безжалостных вождей, большинству из которых не было еще и сорока, являлась мотором огромной и страшной революции. Они мечтали немедленно построить социализм. Их индустриальная программа, так называемый пятилетний план, должна была превратить Россию в крупнейшую промышленную державу, которую Запад больше никогда не сможет унизить, а война с крестьянством должна была окончательно уничтожить внутреннего врага, кулаков, и обеспечить возврат к ценностям 1917 года.

Тысячи молодых большевиков полностью разделяли идеализм вождей. План требовал невиданного роста производительности труда – на 110 процентов. Сталин, Орджоникидзе и Куйбышев утверждали, что это возможно хотя бы потому, что нет ничего невозможного.

Любое колебание считалось изменой. Смерть была ценой прогресса.

Николай Бухарин был противником «сталинской революции», но он и Рыков не могли состязаться со Сталиным в могуществе и умении убеждать. В 1929 году Троцкий был выслан из СССР. Вскоре он превратился за границей в самого язвительного критика Сталина, а дома стал главным символом предательства и инакомыслия. Бухарина вывели из состава политбюро. Сталин стал главным среди руководителей партии и правительства, но еще далеко не диктатором.

В ноябре 1929 года, когда Надя Аллилуева готовилась к экзаменам в Промышленной академии, отдохнувший Сталин вернулся в Москву из отпуска и немедленно приказал усилить войну с крестьянством, требуя развернуть наступление против кулаков. Партия должна была нанести кулакам как классу удар такой силы, чтобы они больше никогда не встали на ноги. Но крестьяне отказывались сдавать зерно, объявив войну правящему режиму.

21 декабря 1929 года, в самый разгар этого колоссального и страшного эксперимента над огромной страной, молодые вожди со своими женами, усталые, но испытывающие лихорадочный восторг от грандиозных успехов в строительстве новых городов и фабрик, разгоряченные после кровавых экспедиций против упрямых крестьян, приехали в Зубалово, чтобы отпраздновать официальный пятидесятый день рождения Сталина.

Каждый руководитель написал в тот день в «Правду» по статье. Они прославляли Сталина, называли его вождем

и наследником Владимира Ленина.

* * *

Вскоре после юбилея вожди решили, что пришло время усилить войну против крестьянства и «ликвидировать кулаков как класс». Окружению Сталина предстояло пройти испытание тяжелыми условиями коллективизации, потому что они сами себя обрекли на это. Те лихорадочные месяцы отравили отношения Сталина с друзьями, даже с женой, дали толчок изменениям в его сознании, кульминацией которого стали репрессии и пыточные камеры 1937 года.

Письма Сталина соратникам в те дни можно в основном разделить на два вида: в одних он выходил из себя, в других – извинялся за грубость и несдержанность. Сталин вникал во все дела, не пропускал ни единой мелочи.

В январе 1930 года Молотов планировал уничтожение кулаков, которых разделил на три категории. «Первую необходимо уничтожить немедленно; вторую следует заключить в лагеря; третью, 150 тысяч дворов – депортировать». Словно профессиональный военный, Молотов следил за организацией расстрельных команд, железнодорожных составов, концентрационных лагерей. В эти три категории в общей сложности попали от пяти до семи миллионов человек. Четких критериев для определения кулака не существовало.

В течение 1930–1931 годов на восток и север были вывезены 1,68 миллиона человек. План Сталина и Молотова стал причиной 2200 бунтов, в которых приняли участие более 800 тысяч человек. Каганович и Микоян во главе отрядов ОГПУ отправились в сельскую местность. Так же, как полководцы времен Гражданской войны, они передвигались на бронепоездах.

Эти страшные звери из политбюро обладали всеми качествами, которые необходимы для сталинских комиссаров. Сталин требовал от своих подчиненных партийности, высокой морали, требовательности, вежливости, крепкого здоровья, хорошего знания порученного дела, но прежде всего, как он сам говорил, «бычьих нервов».

Крестьяне наивно полагали, что можно заставить власть остановиться, если уничтожить скот. Всего было забито 26,6 миллиона голов крупного рогатого скота и 15,3 миллиона лошадей.

16 января 1930 года вышло очередное правительственное постановление. Оно предписывало конфисковывать имущество

у тех кулаков, кто уничтожал скот. Если крестьяне думали, что большевики будут кормить их, то они глубоко ошибались.

По мере углубления продовольственного кризиса даже самым преданным соратникам Сталина все труднее становилось отнимать зерно у крестьян, особенно на Украине и Северном Кавказе. Сталин обрушивал на помощников потоки критики и брани, но они, хотя и были на двадцать лет моложе, часто тоже не сдерживались и отвечали такими же взрывами гнева и угрозами отставки. В таких случаях Сталину приходилось менять тактику и брать назад собственные слова.

* * *

Фундаментом сталинской власти в партии был не страх, а обаяние. Сталин подчинил себе волю соратников, но и они в подавляющем большинстве случаев были полностью согласны с принимаемыми им решениями. Он старше их всех, за исключением Калинина, однако, несмотря на разницу в возрасте, соратники все равно обращались к нему на «ты».

Близкими друзьями, которые потенциально могли объединиться против Сталина, были Орджоникидзе и Каганович, два очень сильных руководителя. Ворошилов, Молотов и Микоян часто не соглашались со Сталиным. Ему приходилось постоянно бороться с дилеммой. С одной стороны, он возглавлял партию, которая была не знакома с идеей *фюрерства*; с другой – управлял страной, за многие сотни лет привыкшей к царскому самодержавию.

Сталин вовсе не был тем ужасным бюрократом и аппаратчиком, каким его старательно изображал Лев Троцкий. Конечно, он был прирожденным организатором. Он отличался феноменальной работоспособностью. Его рабочий день нередко длился шестнадцать часов. Однако архивные документы свидетельствуют, что настоящая гениальность Сталина заключалась в другом, неожиданном для многих качестве: «он обладал огромным обаянием». Был тем, кого сейчас принято называть «человек из народа». С одной стороны, неспособен на настоящую дружбу и любовь, а с другой – умел, как никто другой, расположить к себе человека и сделать своим преданным другом. Сталин обладал вспыльчивым характером и часто выходил из себя, но, если ему было необходимо завоевать чье-то доверие, он становился неотразимым.

Казалось, Сталин излучал энергию. Люди, встречавшиеся с ним хотя бы раз, мечтали увидеться снова. Он умел создать

ощущение возникновения какой-то невидимой нити, которая, казалось, навсегда соединяла собеседников. На гостей, бывавших у Сталина дома или на даче, сильное впечатление производили его простота в общении и скромность в быту. Особенно умиляли многих спокойствие и трубка, которой он постоянно дымил.

Сталин покровительствовал молодым большевикам и ни на минуту не прекращал искать среди них еще более жестоких и безжалостных, преданных и неутомимых. К нему всегда можно было попасть на прием. При этом – без всяких бюрократических проволочек.

За спиной Сталина часто называли Хозяином. Николай II называл себя «Хозяином земли Русской». Когда Сталин слышал это обращение, он безотчетно раздражался: «Я не богатей-землевладелец из Средней Азии!»

Партийные руководители видели в нем своего патрона, но сам Сталин считал себя большим, чем просто патрон и покровитель. Вождь видел свою задачу в том, чтобы соединить рыцарские отношения эпохи короля Артура и идеалы христианской святости. «Не сомневайтесь, товарищи, я готов отдать делу рабочего класса все свои силы, все свои способности, а в случае необходимости и всю свою кровь, каплю за каплей, – написал он, благодаря партию, провозгласившую его своим вождем. – Ваши поздравления я отношу не на свой счет, а на счет великой партии… которая выпестовала меня и сделала по своему образу и подобию». Таким рыцарем, всегда готовым к самопожертвованию, Сталин и видел себя.

Для достижения целей этот самопровозглашенный мессианский герой не забывал ни о каких мелочах. Он следил за своими протеже, заставлял их заниматься самообразованием, переводил в Москву, постоянно уделял им очень много времени и сил. Лично следил даже за жилищными условиями своих соратников.

В 1913 году, когда будущий вождь жил в Вене на квартире Трояновских, он каждый день дарил дочери хозяина кулек с конфетами. Потом через какое-то время поинтересовался у матери девочки, к кому первому она подбежит, если они одновременно ее позовут. Когда Сталин и Трояновская позвали девочку из разных комнат, она бросилась сначала к нему, надеясь получить конфеты. Такие же приманки этот циник-идеалист использовал и в политбюро.

Например, Сталин лично распределял среди помощников машины и последние новинки техники. В архивах имеется любопытный документ, написанный рукой Сталина: список с указанием, какую машину должен получить тот или иной

руководитель.

Нельзя забывать и о деньгах. Членам политбюро, несмотря на высокие руководящие должности, часто не хватало средств. Дело в том, что в те годы они получали оклады по так называемому партмаксимуму. Это означало, что даже самый ответственный работник не мог зарабатывать больше квалифицированного рабочего.

Впрочем, и до отмены в 1934 году партмаксимум можно было обойти без особого труда. К примеру, каждый партийный руководитель получал продуктовые корзины из кремлевской столовой и спецпайки из правительственных продовольственных магазинов. Членам политбюро также давали наличные в конвертах и специальное денежное довольствие для отпуска.

Формально размеры продовольственной и денежной помощи находились в компетенции Калинина и секретаря Центрального исполнительного комитета (ЦИК) СССР Енукидзе, но Сталин вносил, если считал нужным, любые изменения в распределение материальных благ. Когда он замечал, что подчиненным не хватает денег, то чаще всего тайком помогал. К примеру, он организовал выплату литературного гонорара своему главному секретарю Товстухе.

Советскую элиту с иронией называли «аристократией», на самом деле она больше походила на служивое дворянство Средних веков, привилегии которого зависели главным образом от степени преданности сюзерену.

Большевистская партия не являлась простым сборищем групп и фракций, каждая из которых боролась за свои интересы. Скорее это было что-то вроде семейного бизнеса. Верхушка большевиков состояла из кланов. Лазарь Каганович, к примеру, был младшим из пяти братьев. Кроме него высокие посты занимали еще двое Кагановичей. Большими шишками были и все родственники Надежды Аллилуевой. Кавказом, где семейные связи были в особом почете, руководили два родных брата Серго Орджоникидзе. Немало руководителей состояли в родственных связях благодаря женам. Эти связи не только усложняли баланс сил в верхушке, но позже привели к трагическим последствиям. С падением вождя, как альпинисты, связанные одной страховочной веревкой, сорвались все, кто имел к нему хоть какое-то отношение.

Сталин и Молотов сдержали слово и перебили хребет крестьянству, но масштабы борьбы и кровопролития потрясли даже самых безжалостных помощников вождя. В середине февраля 1930 года Орджоникидзе и Калинин отправились с инспекционной поездкой по сельской местности. Они были так

потрясены увиденным, что по возвращении в Москву предложили прекратить войну с деревней. Серго, возглавлявший Комиссию партийного контроля, ранее координировавший кампанию против правых, теперь распорядился остановить обобществление крупного рогатого скота на Украине.

Сталин понял, что начал терять контроль. Будучи ловким и опытным тактиком, он, хотя и с явной неохотой, согласился с другими членами политбюро и распорядился ослабить репрессии. 2 марта в «Правде» вышла знаменитая статья «Головокружение от успехов». В ней Сталин в свойственном ему стиле приписывал себе все успехи коллективизации и обвинял в собственных ошибках и неудачах местные власти.

Сталин считал своих помощников членами «самого крепкого кружка друзей», братством, которое сформировалось на определенном историческом этапе в «ходе борьбы против оппортунизма» Троцкого и Бухарина. Но сейчас он почувствовал, что у членов политбюро зарождались сомнения – по мере того, как сталинская революция превращала русскую деревню в антиутопический кошмар. Хотя даже в то напряженное время заседания политбюро, проходившие обычно по четвергам в середине дня в зале Совнаркома, увешанной картами (руководители сидели за двумя параллельными столами), отличались удивительно веселой и беззаботной атмосферой.

Сталин никогда не вел заседания политбюро. Он предоставлял это право председателю Совнаркома Рыкову. По словам Анастаса Микояна, Сталин никогда не говорил первым. Он не хотел, чтобы его мнение влияло на позицию остальных членов политбюро.

Многие участники этих совещаний что-то писали. Бухарин до того, как его вывели из политбюро, развлекался тем, что рисовал карикатуры на товарищей. Он часто изображал их в забавных и непристойных позах с огромной эрекцией или в мундирах дореволюционных времен, которые так обожал Ворошилов.

Ворошилова часто поддразнивали, высмеивая его тщеславие и глупость, хотя он, герой Гражданской войны, был одним из ближайших друзей Сталина. Глупость Ворошилова почти вошла в поговорку. Он редко выполнял задания, не наделав при этом ошибок.

Этот токарь из Луганска, позже переименованного в Ворошиловград, как и большинство других сталинских вождей, не закончил в школе и двух классов. В партию Клим вступил в 1903 году. В 1906-м он жил вместе со Сталиным на одной квартире в Стокгольме, но настоящими друзьями они стали

в Царицыне.

После Царицына Коба поддерживал своего «главнокомандующего от токарного станка» и помогал ему карабкаться по служебной лестнице – вплоть до поста народного комиссара обороны в 1925 году.

В глубине души кавалерист Ворошилов всегда ненавидел талантливых профессиональных военных. У него был комплекс неполноценности, который являлся одной из главных движущих сил практически у всех придворных из свиты Сталина. Клим хорошо помнил давние времена, когда верхом развозил почту луганским шахтерам, и, наверное, поэтому очень долго относился с подозрением к машинам.

Ворошилова обычно считают трусом и подхалимом, Хозяина он действительно очень боялся и всячески прославлял. Но Климент Ефремович заигрывал с оппозицией и легко мог вспылить даже в присутствии Сталина, с которым часто обращался как со старым приятелем. Он был ненамного моложе Кобы и продолжал открыто называть вещи своими именами даже после начала Большого террора.

Этот розовощекий светловолосый красавец со сверкающими глазами славился потрясающей личной храбростью и был в общем-то добрым человеком. Однако под ангельской внешностью скрывалось что-то неприятное и подленькое. Любой опытный физиономист увидел бы в линии его губ раздражительный и капризный характер, мстительность и жестокость, любовь к принятию силовых решений. Политически Ворошилов мыслил узко, все приказы выполнял с неукоснительной покорностью.

По славе Климент Ворошилов уступал разве что только Сталину. Его ценили даже на Западе. Американский писатель Денис Уитли написал панегирик под названием «Красный орел». Он поведал удивительную историю шахтера, который разгромил профессиональных военных трех государств и стал главным военачальником России.

Конечно, Сталин играл первую скрипку, но он хорошо понимал, что политбюро может объединиться и вывести его из своего состава. Рыков, глава советского правительства, придерживался правых взглядов и с самого начала не верил в успех индустриализации и коллективизации. Начал колебаться и Калинин. Сталин осознавал, что может потерять не только влияние, но и власть.

Сталин не забыл и не простил тех, кто выступал против него в момент этого глубокого кризиса. В те месяцы он угрюмо размышлял о неверности окружающих людей, потому что члены

его семьи и политические союзники перемешались. Сталин имел все основания быть параноиком. Большевики одобрительно относились к паранойе. Они называли ее революционной бдительностью. Позже Коба расскажет по большому секрету ближайшим друзьям, что только «святой страх» помог ему сохранить веру и энергию в те дни, когда все, казалось, висело на волоске.

Паранойя Сталина погубила не только его самого, но и принесла смерть многим, кто его знал. Это понятно и объяснимо. Радикальная политика вела к грандиозным репрессиям, которые, в свою очередь, вызывали появление оппозиции, а ее Сталин боялся больше всего на свете. На людях он на все реагировал с сухим юмором и скромным спокойствием, но без особого труда можно найти много доказательств, что, оставшись один, Сталин часто впадал в уныние или истерику.

* * *

Во время отдыха на юге Сталин узнал, что у него появились очередные враги. Старый большевик Рютин, отвечавший за кинематограф в Советском Союзе, попытался создать оппозицию. Он предлагал сместить Сталина с поста Генерального секретаря. Реакция вождя последовала немедленно. 13 сентября он телеграфировал Молотову: «…Относительно Рютина представляется невозможным ограничиться лишь исключением его из рядов партии… его следует сослать как можно дальше от Москвы. Эту контрреволюционную нечисть необходимо полностью разоружить».

Одновременно Сталин организовал серию показательных процессов и «заговоров» так называемых вредителей. Он удвоил напор коллективизации и увеличил и без того фантастически высокие темпы индустриализации. По мере роста напряжения в стране Сталин, вместо того чтобы успокаивать накалившиеся страсти, только раздувал их. Чтобы запугать своих настоящих противников в партии и технических специалистов, утверждавших, что индустриализация невозможна, Коба разжигал воинственные настроения в обществе и придумывал новых врагов.

Взбешенный Сталин приказал Вячеславу Молотову немедленно опубликовать все доказательства, имевшиеся против вредителей, и через неделю объявить, что все мерзавцы и негодяи будут расстреляны.

Разобравшись с вредителями, Сталин набросился на правых в правительстве. Он приказал начать кампанию против

спекуляций с валютой. Главными виновными, по его мнению, были протеже Рыкова – народные комиссары по финансам, «сомнительные коммунисты» Пятаков и Брюханов. Сталин требовал крови и приказал начальнику ОГПУ Менжинскому арестовать как можно больше вредителей. Молотов должен был «расстрелять два-три десятка саботажников, проникших в высокие кабинеты».

Дадже в эти горячие и напряженные дни Сталин не забывал о шутках. На заседании политбюро, когда сурово критиковали Брюханова, Сталин написал Валерию Межлауку, возглавлявшему тогда Госплан: «За все прошлые, настоящие и будущие грехи подвесить за яйца. Если яйца окажутся слишком крепкими и не порвутся, простить и считать невиновным. Если же порвутся, бросить в реку!»

Межлаук неплохо рисовал карикатуры. Он изобразил предлагаемую вождем пытку со всеми анатомическими подробностями и деталями. Те, кто не сомневался в успехе индустриализации, весело посмеялись над рисунком. Брюханов был уволен и позже расстрелян.

Летом 1930 года XVI съезд партии провозгласил Сталина вождем. Надя в это же время заболела какой-то серьезной болезнью. Он отправил ее в Карлсбад, где можно было найти лучших докторов, и предложил заехать в Берлин повидаться с братом Павлом и его женой Женей.

Проблемы со здоровьем у Надежды Аллилуевой носили, очевидно, психосоматический характер. Никто не мог понять, в чем же дело. Из истории болезни Нади, которую сохранил Сталин, видно, что в разное время она страдала от многочисленных болезней. Острые боли в желудке, вероятно, были вызваны предшествующим абортом. Сильные головные боли вполне могли быть симптомом синостоза, болезни, при которой срастаются кости черепа. А может, главной причиной всех ее болезней было страшное напряжение, вызванное внутренней борьбой в СССР.

Надо сказать, что в эти дни Сталин вел себя как примерный муж. Он лихорадочно организовывал съезд, сражался с врагами в деревне и противниками в политбюро, но с женой был, как никогда, ласков.

Голод и деревня. Сталин в выходные

«Татка! Как прошло путешествие? Что видела? С докторами встречалась? Что они сказали о твоем здоровье? Напиши мне обо всем этом, – просил Сталин в письме 21 июня. – 26-го открываем съезд. Дела идут не так уж и плохо. Я по тебе скучаю. Поскорее возвращайся домой. Целую».

* * *

Летом Сталин при поддержке грозного Серго Орджоникидзе разыграл одну из хитроумных комбинаций, разгромив так называемый заговор «Промпартии», одновременно стараясь ослабить позиции Калинина.

Сталин регулярно встречался с Менжинским. Они обсуждали другие заговоры. Сталин сомневался в верности Красной армии? ОГПУ вынудило двух офицеров дать показания против начальника Генерального штаба Михаила Тухачевского, талантливого и смелого командира. Тухачевский с 1920 года, со времен войны с Польшей, был злейшим врагом Сталина. Тухачевского ненавидели менее сообразительные командиры, которые постоянно жаловались Ворошилову, что начальник штаба ведет себя крайне высокомерно и издевается над ними, выдвигая «грандиозные планы». Сталин соглашался с Ворошиловым. Идеи Тухачевского, считал он, были фантастичны и настолько честолюбивы, что почти граничили с контрреволюцией.

Следователи ОГПУ выбили из арестованных очень серьезные показания, согласно которым Тухачевский планировал заговор против политбюро. В 1930 году это считалось среди большевиков самым страшным преступлением. Сталин решил испытать преданность своего сильного союзника Серго: «Только Молотов и мы с тобой знаем о заговоре… Как ты считаешь, это возможно? Ну и дела! Поговори об этом деле с Молотовым…» Но Серго не захотел пойти так далеко. В 1930 году Тухачевского не тронули: он оказался «чист на все 100 процентов», как писал в октябре Сталин Молотову. «Это очень хорошо!» – лицемерно добавил он.

Интересно, что за семь лет до начала Большого террора Сталин решил устроить генеральную репетицию. Он выдвинул те же обвинения против тех же самых жертв. Но не нашел поддержки даже среди друзей. Архивные документы показывают, что первое «дело Тухачевского» имело свое удивительное

продолжение. Поняв, что предложения амбициозного Тухачевского очень полезны и важны, Сталин извинился перед ним. «Сейчас, когда вопрос для меня в значительной мере прояснился, должен признать, что мое замечание было чересчур сильным, а выводы совсем неправильные».

* * *

Надя вернулась из Карлсбада и отправилась с мужем в отпуск. Мысли Сталина были заняты интригами. Он размышлял над тем, как полностью подчинить Калинина и Рыкова. Поэтому для жены времени у него было немного. Она чувствовала себя лишней. «У меня сложилось впечатление, что ты хотел, чтобы я побыстрее уехала», – обиженно написала Надя из Москвы. В столице Молотовы, которым, как обычно, до всего было дело, поругали ее за то, что она оставила Сталина. Надя сердито сообщила мужу об их упреках. Сталин рассердился. Он был зол не только на Молотовых, совавших носы в чужие дела, но и на супругу, которая подумала, что он ей не рад.

«Передай Молотову, что он ошибается, – ответил он. – Упрекать тебя может только тот, кто не знает моих дел». Через какое-то время Аллилуева выяснила у своего крестного отца Енукидзе, что Сталин откладывает возвращение до октября. Сталин объяснил, что специально солгал Енукидзе, чтобы ввести врагов в заблуждение.

«Татка, я сам запустил этот слух в целях большей секретности и безопасности, – оправдывался Сталин. – Только ты, Татка, Молотов и, может быть, Серго знают точную дату моего возвращения».

Доверяя Молотову и Орджоникидзе, Сталин разочаровался в Авеле Енукидзе, некогда одном из самых близких друзей, симпатизировавшем правым. У Енукидзе было прозвище Тонтон. Этот опытный заговорщик был на два года старше Сталина. Он знал Кобу и Аллилуевых с начала века. Еще один тифлисский семинарист, Авель Енукидзе организовал в 1904 году в Батуми подпольную большевистскую типографию. Авель никогда не отличался особым честолюбием и, говорят, даже отклонил предложение стать членом политбюро. Возможно, поэтому у него не было врагов. Он дружил со всеми. Енукидзе не рвал отношений с разбитыми оппозиционерами и всегда был рад помочь старым друзьям. Благодаря общительному характеру этот веселый грузинский сибарит имел обширные связи среди большевиков и военных. Особой популярностью Енукидзе

пользовался на Кавказе. Он являлся ярким примером сложного переплетения родственных связей в мире большевиков.

Несмотря на явное охлаждение, Сталин старался не раскрывать карт и показывал, что ему по-прежнему нравится общество Енукидзе. А тем временем Коба решил взяться за Рыкова. Председатель Совнаркома быстро спивался. Он употреблял так много водки, что в кремлевских кругах ее даже называли «рыковкой».

13 сентября Сталин поделился с Молотовым своими тревожными мыслями. «Верхушка нашего государства поражена серьезной болезнью… – написал он своему заместителю. – Необходимо принимать меры. Но какие? Поговорим, когда я вернусь в Москву…» Вождь говорил об этом и с другими членами политбюро. Соратники предложили Сталину занять место Рыкова.

«Дорогой Коба, – писал ему Ворошилов, – Микоян, Каганович, Куйбышев и я думаем, что лучшим выходом было бы объединение руководства в одних руках. Тебя нужно назначить главой Совнаркома. Мы знаем, что ты думал об этом и готов работать и на новом посту со всей энергией. Конечно, сейчас не 1918–21 годы, но Ленин тоже возглавлял Совнарком».

Лазарь Каганович настаивал, чтобы правительство возглавил Сталин. Серго с ним полностью соглашался. Микоян писал, что на Украине в прошлом году уничтожен весь урожай, – это крайне опасно… «Сейчас мы нуждаемся в едином и сильном руководстве, как было во времена Ильича, и лучше всего будет, если ты станешь председателем правительства… Разве во всем мире не знают, кто правит нашей страной».

Все же ни один не предложил совместить посты Генерального секретаря партии и премьера правительства. К тому же Сталина мучили сомнения: сможет ли грузин возглавить страну? Тогда Каганович предложил другого ставленника Сталина, Молотова.

21 октября вождь разоблачил очередного предателя. Сергей Сырцов, кандидат в члены политбюро и один из протеже Сталина, был обвинен в организации заговора против своего покровителя. Разоблачения уже вошли в повседневную жизнь большевиков, стали неотъемлемой частью их ритуала. Папки Сталина распухали от писем с обвинениями и доносами. Сырцова вызвали на заседание ЦК. Он вовлек в заговор первого секретаря Закавказской партии большевиков, Бесо Ломинадзе, старого друга Сталина и Серго Орджоникидзе. Ломинадзе сознался, что тайно встречался с заговорщиками, но утверждал, что выступал только против того, чтобы Сталина не сравнивали с Лениным. Как всегда, Иосиф Виссарионович отреагировал на известия о заговоре очень театрально.

«Невообразимая низость… Они организовывали переворот и притворялись на заседаниях политбюро. Они опустились на самое дно». Пошумев, он спокойно поинтересовался у Молотова: «Как у тебя дела?»

Серго Орджоникидзе требовал исключить заговорщиков из партии, однако Сталин, который уже понял по делу Тухачевского, что его положение еще недостаточно прочное, просто исключил провинившихся из ЦК.

19 декабря 1930 года собрался пленум. Главной его целью была консолидация партии после побед Сталина над противниками. Пленум так же, как всемогущий ЦК, который Коба сравнивал с древнегреческим ареопагом, заседал в одном из залов Большого Кремлевского дворца. Стенные панели из темного дерева и скамьи придавали залу сходство с церковью мрачных пуритан. Здесь московские вожди и региональные руководители, первые секретари республиканских и городских партийных организаций, собирались на совет, словно средневековые бароны. Заседания пленума и ЦК напоминали собрания злобных проповедников. Они проходили под аккомпанемент постоянных выкриков с мест: «Правильно!»; «Звери!» – или взрывов язвительного смеха.

Декабрьский пленум 1930 года оказался одним из последних собраний, где еще сохранялась большевистская традиция интеллектуальных споров и остроумных замечаний.

Ворошилов и Каганович схлестнулись с Николаем Бухариным, который после поражения правых перешел на сторону Сталина.

– Мы поступили очень правильно, разгромив самый опасный правый раскол в партии, – сказал Бухарин.

– И тех, кто заражен им! – выкрикнул с места Клим Ворошилов.

– Если вы говорите об их физическом уничтожении, то я оставляю этот вопрос на рассмотрение товарищей, которые заражены кровожадностью, – парировал Бухарин.

В зале послышался смех, но шутки и замечания с каждой секундой приобретали все более зловещий и угрожающий характер. Репрессии против верхушки партии и государства в 1930 году еще казались невероятными. Но Каганович настойчиво уговаривал Сталина быть пожестче с оппозицией, Ворошилов требовал от прокуратуры занять более активную позицию.

Пленум снял Рыкова с поста премьера и назначил вместо него Молотова. В состав политбюро вошел Орджоникидзе. Ему также доверили возглавить Высший совет народного

хозяйства (ВСНХ), индустриальный колосс, который должен надзирать за выполнением пятилетнего плана. Серго идеально подходил на роль бульдозера, который должен расчищать дорогу индустриализации.

Новые назначения и стремление закончить пятилетку в четыре года вызвали среди руководства много споров и ссор. Каждый нарком защищал собственный комиссариат и своих людей. Когда вожди переходили на другую работу, то меняли и взгляды. На посту председателя Контрольной комиссии Орджоникидзе был обеими руками за кампанию против саботажников и вредителей в промышленности. Но став во главе промышленности, поменял позицию на 180 градусов. Теперь положение заставляло его защищать техспецов. Результатом этих перемен стали регулярные столкновения по вопросу о бюджете с Молотовым, которого Орджоникидзе недолюбливал. Никаких радикальных групп в партии не было. Просто в разное время то одни, то другие занимали более радикальную позицию, чем остальные. Сам Сталин, главный организатор террора, поддерживал то одних, то других.

В спорах вождь выступал не участником, а третейским судьей. Без арбитра обойтись было трудно. Полемика и споры принимали такие горячие и острые формы, что Куйбышев, Орджоникидзе и Микоян, защищая свои комиссариаты, угрожали уйти в отставку.

«Дорогой товарищ Сталин! – холодно писал Микоян. – Две последних ваших телеграммы так разочаровали меня, что я не смог проработать и двух дней! Я готов принимать любую критику, за исключением той, когда меня обвиняют в предательстве ЦК и вас лично. Без вашей личной поддержки я не смогу работать наркомом снабжения и торговли СССР. Считаю, что будет лучше подыскать на мое место нового руководителя, а мне дать другое задание».

Сталин извинился перед Микояном. Извинялся он часто, для него это не представляло никакого труда.

Тем временем вернувшийся из Ростова Андреев возглавил Контрольную комиссию, а Каганович, которому было тогда всего тридцать семь лет, был назначен заместителем Сталина в секретариате партии. Таким образом он стал третьим человеком страны. В правящий триумвират входили Сталин, премьер Молотов и Каганович.

* * *

Лазарь Моисеевич Каганович был высоким и сильным мужчиной. Стремительный и мужественный, он так же, как остальные большевистские вожди, был трудоголиком. Это был красивый брюнет с длинными ресницами и замечательными карими глазами. Он всегда перебирал янтарные четки или играл цепочкой с ключами. Образования у него практически не было. Сапожник по профессии, Каганович первым делом смотрел на ноги человека. Если ему нравилась обувь собеседника, он иногда мог даже попросить его разуться, чтобы полюбоваться чужой работой. В углу кабинета Каганович хранил ящик с инструментами сапожника, подарок бывших коллег.

Лазарь Каганович представлял собой образец мужественного современного руководителя. Он был таким же вспыльчивым, как и его близкий друг Серго Орджоникидзе. Каганович нередко занимался рукоприкладством или поднимал подчиненных над землей, схватив за лацканы пиджака.

Возможно, Лазарь и предпочел бы ручке молоток сапожника, но он был отличным руководителем и организатором. Несмотря на горячий и несдержанный характер, в политике он отличался крайней осторожностью, решения принимал умные и быстрые. Каганович постоянно спорил с медлительным Молотовым. Вячеслав Михайлович считал коллегу грубым, жестким и строгим, но ценил за энергичность и отличные организаторские способности. Каганович, по мнению Молотова, плохо разбирался в теоретических вопросах и часто ошибался, но был наиболее преданным Сталину вождем. Он говорил с сильным еврейским акцентом, однако несмотря на это Серго Орджоникидзе считал Кагановича лучшим оратором. «Он умеет подчинять себе аудиторию!»

За бьющую ключом энергию Кагановича прозвали Локомотивом. Молотов говорил, что Лазарь не только знает, как надавить на человека, но и сам может дать фору любому головорезу. Сталин называл его Железным Лазарем.

Лазарь Каганович родился в ноябре 1893 года в деревне Кабаны, расположенной на границе между Украиной и Белоруссией, в бедной ортодоксальной еврейской семье. Все пять братьев и сестра спали в одной комнате. Лазаря, самого младшего, вступить в партию в 1911 году уговорил брат. Он пропагандировал идеи марксизма на Украине под не очень подходящей для еврея в царской России фамилией – Кошерович.

Со временем Каганович обратил на себя внимание Ленина, который разглядел в нем задатки большого руководителя. Вообще Лазарь Каганович был намного умнее, чем казался: постоянно

занимался самообразованием и читал книги из своей огромной библиотеки, в первую очередь – царские учебники по истории и романы Диккенса и Бальзака. Этому пролетарию, ставшему интеллектуалом, государство рабочих и крестьян обязано милитаризацией. В 1918 году двадцатичетырехлетний Каганович железной рукой наводил порядок в Нижнем Новгороде. В 1919-м он потребовал ввести жесткую диктатуру, выступал за централизм и военную дисциплину. В 1924 году Каганович в блестяще написанных фанатичных работах заложил основы того, что затем стало называться «сталинизмом». После успешного выполнения нескольких серьезных поручений ЦК Железный Лазарь был послан руководить Средней Азией. В 1925 году его перевели на Украину. В 1928-м он вернулся в Москву, а через два года, на XVI съезде партии, вошел в состав политбюро.

Со своей будущей женой Марией Лазарь Каганович познакомился во время выполнения тайного задания партии. В целях конспирации двум большевикам пришлось изображать семейную пару. Они полюбили друг друга, поэтому играть роли молодоженов оказалось нетрудно. Вскоре они стали настоящими мужем и женой.

Кагановичи жили дружно. Они души друг в друге не чаяли и были счастливы. Лазарь и Мария всегда держались за руки, даже во время поездок в лимузинах политбюро. Их дочь и приемный сын росли в любви и нежности. Кагановичи не забывали, что они евреи. В семье царила национальная атмосфера. Эмоциональный Каганович, большой любитель посмеяться и пошутить, был заядлым спортсменом. Зимой он катался на лыжах, а летом – верхом.

Так же как другие соратники Сталина, Железный Лазарь обладал высокоразвитым инстинктом выживания. Он понимал, что национальность делает его особенно уязвимым. Быть евреем в России, как при царе, так и после Октябрьской революции было непросто. Вождь понимал его настроение и, как мог, старался защищать любимого ученика и соратника от нападок антисемитов.

Каганович стал первым истинным сталинцем. Ему принадлежит и честь введения в обиход этого слова. Произошло это знаменательное событие на одном из ужинов на сталинской даче в Зубалове.

– Вот все говорят о Ленине и ленинизме, – произнес Каганович, – но Ленина уже давно нет. Да здравствует сталинизм!

– Как ты смеешь говорить такие вещи? – скромно отозвался Сталин. – Ленин высок, как башня, а Сталин не больше мизинца.

Но Каганович всегда относился к Сталину с куда большим почтением, нежели Орджоникидзе или Микоян. Каганович был, как пренебрежительно отзывался о нем Молотов, «сталинистом на все двести процентов».

Сталину нравилось, что Каганович относится к нему, как школьник к учителю. Он указывал Железному Лазарю на орфографические и другие ошибки даже тогда, когда тот уже входил в политбюро. Конечно, для Сталина безжалостность и твердость Железного Лазаря были куда важнее, чем умение правильно расставлять точки и запятые. Совсем недавно Каганович жестоко подавил восстания на огромных просторах Советской России, начиная от Северного Кавказа и кончая Западной Сибирью. Культ личности Кагановича уступал лишь культу личности Сталина. Москва многим обязана этому пламенному революционеру, сменившему на посту столичного руководителя Молотова. Именно Каганович начал создавать столицу большевиков, приказывая взрывать старые постройки, имевшие огромную историческую ценность.

Летом 1931 года серьезная нехватка продовольствия в сельской местности переросла в страшный голод. В середине июля политбюро решило смягчить репрессии против инженеров, но борьба на селе продолжалась с неослабевающей силой. Из городов в деревню отправились отряды сотрудников ГПУ и 180 тысяч рабочих, которые при помощи револьверов уничтожали русскую деревню. Больше двух миллионов человек были сосланы в Сибирь и Казахстан. В 1930 году в лагерях находилось 170 тысяч заключенных, в 1935-м их число приблизилось к миллиону. Организация репрессий и системы принудительного труда стала главной задачей политбюро.

* * *

Война, направленная на истребление кулаков, никак не отражалась на загородной жизни Сталина и других большевистских вождей. Сразу после победы Октябрьской революции все высокопоставленные большевики получили дачи. В этих загородных особняках часто принимались судьбоносные решения.

Центром этой идеалистической жизни было Зубалово, расположенное неподалеку от станции Усово. Здесь, в 35 километрах от Москвы, Сталин и несколько близких его соратников имели дачи. Перед революцией богатый нефтепромышленник из Баку, Зубалов, построил два больших

особняка, один для сына, второй для себя, и обнес их высокими стенами. Всего на территории комплекса в Зубалове было четыре дома с готическими башенками – по проектам немецких архитекторов.

Микояны жили в Большом доме вместе с командиром Красной армии, польским коммунистом и Павлом Аллилуевым. Ворошилов с другими командирами останавливался в Малом доме. Жены дачников ходили друг к другу в гости. Они напоминали большую большевистскую семью, которая, как чеховские герои, выбралась летом из города на природу.

Сталинская дача была любимым местом отдыха детворы. Взрослые жили наверху, дети занимали комнаты на первом этаже. Яркое солнце заливало светом большие сады. Сталин любил возиться с деревьями и цветами, хотя и предпочитал вместо тяжелого труда давать указания. В архивах имеется немало фотографий, на которых он снят вместе с маленькими детьми, прогуливающимся в садах.

В доме была библиотека, бильярдная, русская баня, позже появился кинотеатр. Светлана обожала эту полную счастья и изолированную от жестокого внешнего мира жизнь с фруктовыми садами, грядками и маленькой фермой, где они доили коров и кормили гусей, кур и индюков, кошек и белых кроликов.

В доме Сталина всегда были гости. В Зубалово часто приезжали родители Нади, Ольга и Сергей Аллилуевы. Они к тому времени уже развелись и жили отдельно. Ольга и Сергей занимали комнаты в дальних углах дома, но это не мешало им спорить и ссориться по любому пустяку при встречах в столовой. Сергей Аллилуев с удовольствием чинил все по дому и быстро подружился с прислугой. Ольга, по словам Светланы Аллилуевой, играла роль «благородной дамы». Надежда не унаследовала страсть матери к лоску и до самой смерти оставалась простой большевичкой.

Надя играла в теннис с безукоризненно одетым во все белое Ворошиловым, когда тот был трезв, и Кагановичем, который выходил на корт в рубашке и сапогах. Микоян, Ворошилов и Буденный любили кататься на лошадях. Их специально привозили из конного полка, расположенного под Москвой. Зимой Каганович с Микояном ходили на лыжах, а Молотов впрягался в санки, как лошадь в крестьянский плуг, и возил дочь. Ворошилов и Орджоникидзе были заядлыми охотниками. Сталин предпочитал бильярд. Андреевы увлекались походами в горы. Они считали альпинизм самым достойным спортом для настоящих большевиков.

В 1930 году даже Николай Бухарин часто приезжал в Зубалово с женой и дочерью. Бухарины привозили с собой маленький зверинец. Прирученные лисицы с удовольствием бегали по поместью. Надя любила Бухарчика и часто гуляла с ним по садам. В эту большую семью входил и Енукидзе.

Все эти дачники приезжали в Зубалово не только отдыхать, но и трудиться.

* * *

Дети членов политбюро привыкли к телохранителям и секретарям. Охранники тоже считались членами семьи. Паукер, начальник отдела охраны, и личный телохранитель Сталина Николай Власик всегда находились вместе с ним в Зубалове. «Паукер был очень веселым человеком, – вспоминала Кира Аллилуева, племянница Сталина. – Он, как все евреи, любил детей, и был не очень высокого о себе мнения. А вот Власик был ему полная противоположность. Он ходил по Зубалову, как расфуфыренный индюк».

Фаворитом детей был тридцатишестилетний Карл Паукер. Его уважал и Сталин. Паукер являлся ярким примером космополитической политики, царившей в ЧК в те времена. В его жилах текла еврейская и венгерская кровь. Прежде чем попасть в армию Австро-Венгерской империи, он работал парикмахером в Будапештской опере. В 1916 году Паукер попал в плен к русским и стал большевиком. Он был неплохим актером и часто устраивал для Сталина пантомимы.

Невысокий Паукер обладал круглым животиком, поддерживаемым корсетом, над которым все смеялись. Лысый и всегда надушенный шоумен с ярко-алыми чувственными губами обожал чекистскую форму и ходил в сапогах с пятисантиметровыми каблуками. Иногда он вспоминал первую профессию, присыпал тальком следы от оспы на лице Сталина и брил его, как самый настоящий лакей. Для членов политбюро Карл Паукер доставал деликатесы, машины и новые продукты. Конечно, он знал много сокровенных тайн о руководителях Советской России. Ходили слухи, что Паукер поставлял балерин Калинину и Ворошилову.

Карл Паукер любил показывать детям свой «кадиллак», подарок Сталина. Задолго до того, как Сталин согласился в 1936 году официально вернуть советской детворе новогоднюю елку, главный телохранитель играл Деда Мороза для кремлевских ребятишек, раздавал подарки и проводил

праздники. Сотрудник тайной полиции в роли Деда Мороза – прекрасный символ того удивительного и странного мира.

Еще одним вечным спутником Сталина был начальник его канцелярии, тридцатидевятилетний Александр Поскребышев. Практически каждый день этот маленький, уже начавший лысеть мужчина с рыжеватыми волосами привозил на дачу самые свежие документы. Он родился на Урале в семье сапожника, учился на фельдшера и проводил тайные собрания большевиков в операционной палате. Со временем Поскребышев попал в секретариат ЦК. Сталин однажды увидел его, покачал головой и сказал: «Ну и уродец. Такой кого угодно напугает!» Узкоплечий и низенький Поскребышев многим напоминал обезьяну. Ему в самом деле было очень далеко до Аполлона. Но у него имелось немало достоинств. Главными из них являлись феноменальная память, удивительный педантизм и аккуратность в работе. Александр Поскребышев отвечал за очень важный участок работы генсека. Он готовил заседания политбюро и присутствовал на них в качестве секретаря.

Подвижное и всегда печальное лицо этого придворного квазимодо было своего рода барометром, по которому можно судить о настроении вождя. Если он встречал посетителей дружелюбно, значит, Сталин был в духе. Когда Поскребышев мрачно молчал, это означало, что следует готовиться к худшему.

Приближенные вождя хорошо знали, что самый надежный способ доставить письмо или записку на стол Сталина – адресовать их Александру Николаевичу.

Сталин Поскребышева уважал. В официальной обстановке, на работе, он называл его «товарищ Поскребышев», дома или на даче секретарь превращался в Сашу.

* * *

Сталин просыпался поздно, около одиннадцати. После завтрака он работал днем с горой бумаг. Документы обычно заворачивал в газету. Портфелей не любил. Когда Сталин спал, озабоченные взрослые умоляли детей вести себя потише.

Обед накрывали в 3–4 часа дня. За столом собирались родные вождя и, конечно, половина членов политбюро с женами. Когда за столом были гости, Сталин, как и полагается настоящему грузину, играл роль гостеприимного хозяина. «Он всегда отличался типично восточным гостеприимством, – вспоминал Леонид Реденс, его племянник. – С особенной добротой он относился к детям».

К услугам Василия и Светланы, когда дети Сталина хотели поиграть, всегда были двоюродные братья и сестры из семейства Аллилуевых: Кира, Саша и Сергей, дети Павла Аллилуева, и совсем еще маленькие сыновья Анны Реденс. Помимо родственников сталинские дети играли с детьми других членов политбюро. Особенно с сыновьями Микоянчика (как его называл Сталин), который жил по соседству.

Светлане не повезло. В детской компании преобладали мальчики. Брат Василий часто пугал ее и, чтобы подчеркнуть разницу в возрасте, рассказывал сексуальные истории, которые, как она призналась много лет спустя, смущали и расстраивали ее.

«Сталин очень любил Светлану, а к сыновьям относился без особой теплоты», – вспоминает Кира Аллилуева. Он придумал девочку по имени Лелька, идеальную подружку для Светланы.

Проблемы со слабохарактерным Василием возникли уже в детстве. Надя понимала это и, наверное, поэтому уделяла сыну больше внимания, чем дочери. Родители-большевики сами детей не воспитывали, потому что у них не было времени для подобных мелочей. Этим занимались няньки и учителя. «Мы жили, как какая-нибудь аристократическая семья в викторианские времена, – рассказывала Светлана. – Такой же была жизнь и детей других вождей».

Сталин горячо, по-грузински, целовал и сильно обнимал дочь. Светлана позже призналась, что ей не нравились запах табака и колючие усы отца. Мать, любви которой было так трудно добиться, превратилась в глазах девочки в неприкосновенную святую.

Отдых и ад. Политбюро на море

В сентябре 1931 года Сталина и Надю, отдыхавших на Черном море, навестили два грузинских партийных руководителя. Одного гостя Аллилуева любила, второго ненавидела. Надежда очень хорошо относилась к Нестору Лакобе, старому большевику, возглавлявшему большевистскую организацию Абхазии. Лакоба правил солнечной республикой с удивительной мягкостью, как своим княжеством. Он защищал местных начальников от центральной власти и боролся с коллективизацией, утверждая, что в Абхазии нет кулаков. Когда руководители из Тифлиса пожаловались на его самоуправство в Москву, Сталин и Орджоникидзе поддержали старого товарища.

Нестор, стройный щеголь со сверкающими глазами и зачесанными назад черными волосами, бродил, как средневековый трубадур, по узким улочкам своего королевства и заглядывал в кафе. Он плохо слышал, поэтому носил слуховой аппарат. Нестор был хозяином курортов, где отдыхала партийная элита, и поэтому знал всех вождей.

Лакоба постоянно строил для Сталина все новые и новые дачи, устраивал для него пышные банкеты. Короче, все, как в повести Фазиля Искандера «Сандро из Чегема». Коба считал Нестора Лакобу преданным союзником и близким другом.

Лакоба тоже входил в большую сталинскую семью и часто часами сидел со Сталиным на веранде после обеда или ужина. Когда Лакоба приезжал на дачу, нагруженный грузинскими блюдами, и начинал петь абхазские песни, вождь громко кричал: «Виват Абхазия!»

Сталин благосклонно выслушивал советы Лакобы о политике по отношению к грузинской компартии. Она отличалась от остальных республиканских организаций особой клановостью и нередко игнорировала распоряжения из Москвы. Чересчур сильная независимость Тифлиса от Центра послужила причиной для приезда и другого гостя – Лаврентия Павловича Берии, начальника Закавказского ГПУ.

Это был невысокий и очень энергичный лысый мужчина с широким мясистым лицом и пухлыми чувственными губами. За блестящими стеклами пенсне бегали змеиные глазки. Он был, несомненно, талантливым, умным и безжалостным интриганом и авантюристом. Спустя много лет Сталин назовет этого большого льстеца «наш Гиммлер».

Все, кто близко сталкивался с Берией, обращали внимание на то, что он буквально излучал сексуальную страсть. Лаврентий

Павлович карабкался по карьерной лестнице с ловкостью и коварством опытного византийского царедворца. Сначала он дорос до руководства Кавказом, потом пробрался в сталинскую семью друзей и соратников и, наконец, стал одним из самых влиятельных руководителей Советского Союза.

Родился Лаврентий Берия в деревне под Сухуми, в семье мингрелов, грузинских евреев. Скорее всего, он был незаконнорожденным сыном одного абхазского землевладельца и очень набожной грузинки. Сейчас практически не осталось сомнений в том, что Берия был двойным агентом, и во время Гражданской войны работал на антикоммунистический режим мусаватистов в Баку. Говорят, что от расстрела его спас Сергей Киров, близкий друг и соратник Сталина. Впрочем, вмешательство Кирова могло и не понадобиться, если бы предателя Берию просто успели расстрелять.

Лаврентий Берия учился на архитектора в Бакинском политехническом институте. Но его влекла работа не архитектора, а чекиста, которая давала почти неограниченную власть. Лаврентий стал чекистом и никогда не жалел о своем решении. Он начал быстро подниматься по служебной лестнице благодаря недюжинным способностям и поддержке Серго Орджоникидзе. Молодой чекист с самого начала выделялся садистскими наклонностями даже в этой страшной организации.

В ЧК началась еще одна жизнь Лаврентия Павловича Берии, жизнь сексуального маньяка. Через много лет он расскажет своей невестке о поездке в Румынию. Там юного архитектора соблазнила женщина, годившаяся ему в матери.

В тюрьме, куда Берия попал в годы Гражданской войны, он влюбился в белокурую золотоглазую племянницу сокамерника. По происхождению Нина Гегечкори была дворянкой. Один ее дядя был министром в меньшевистском правительстве Грузии, другой стал министром у большевиков.

В момент знакомства Лаврентию было двадцать два года, Нина на пять лет моложе. Берия уже занимал высокий пост в ЧК, поэтому девушка попросила его освободить дядю. Молодой чекист начал ухаживать за семнадцатилетней дворянкой. В конце концов они бежали на чекистском поезде. Берия и Нина полюбили друг друга.

Сейчас Берии было тридцать два года. От революционеров первого поколения – таких как Сталин и Калинин, которым перевалило за пятьдесят, и второго – таких как Микоян и Каганович, которым было под сорок, – Лаврентий отличался в первую очередь знаниями. Он был намного образованнее.

Так же, как Железный Лазарь, Берия хотел всегда и во всем

быть первым. Он был заядлым спортсменом, играл на месте левого защитника за сборную Грузии по футболу и занимался джиу-джитсу.

Этот очень опытный льстец и интриган славился талантом находить влиятельных покровителей. Орджоникидзе, правивший Кавказом в двадцатые годы, помог Берии сделать карьеру в ГПУ. В 1926-м Серго познакомил молодого чекиста со Сталиным. Дружба и «родственные отношения» закончились в том же году, когда Серго уехал в Москву. Берия быстро понял, что на данном этапе Орджоникидзе уже не нужен, и начал искать дружбы Нестора Лакобы. С помощью Лакобы он хотел вновь попасть к Сталину.

Сталина раздражала бериевская лесть. Когда ему сообщали о приезде грузинского чекиста, он недовольно хмурился. «Что, он опять приехал?» – ворчал Сталин и посылал помощника со словами: «Передайте, пусть уезжает, и скажите, что хозяин здесь Лакоба!»

С Лакобой Лаврентий Павлович не прогадал так же, как в свое время с Орджоникидзе. Когда молодой чекист попал в опалу у грузинских боссов, считавших его шутом, его защитил именно Нестор. Однако сейчас Берию успехи местного масштаба уже не устраивали. Он метил выше.

Лакоба сам привез Лаврентия Берию к вождю. Сталина привело в ярость неповиновение грузинских руководителей, которые назначали старых друзей и родственников на высокие посты, сплетничали с московскими покровителями и знали слишком много тайн юности вождя. Нестор предложил заменить этих заевшихся большевиков Берией, который являлся представителем нового поколения партийцев, беззаветно преданного Сталину.

Надя возненавидела низенького мингрела с первого взгляда.

– Как ты можешь принимать в доме такого человека? – возмущалась она.

– Но он хороший работник, – отвечал Сталин. – Это все эмоции. Дай мне факты.

– Какие тебе нужны факты? – крикнула жена. – Неужели ты не видишь, что он негодяй? Я не потерплю его в нашем доме.

Через много лет Сталин вспомнил, что послал ее к черту.

– Он мой друг и хороший чекист, – решительно закончил он разговор. – Я ему доверяю.

Киров и Орджоникидзе, хорошо знавшие Лаврентия, предупреждали Сталина, что ему нельзя доверять, но вождь не обращал внимания на слова старых друзей, о чем позже сильно пожалел.

Мингрел стал новым протеже вождя. Сталин, если верить дневникам Нестора Лакобы, согласился продвинуть молодого грузинского чекиста.

– Берия не подведет? – все же поинтересовался он. – С ним проблем не будет?

– Не сомневайся, – заверил его Лакоба, который вскоре тоже очень сильно пожалеет о своей доброте и уверенности.

Из Сочи Сталин с Надей отправились на воды в Цхалтубо. Оттуда Коба написал Орджоникидзе письмо, в котором делился своими планами относительно их общего протеже. Он пошутил, что встретился с местными начальниками, один из которых был комиком, а другой – толстяком. «Они согласились взять Берию в крайком Грузии», – сообщил Сталин в самом конце письма.

Серго и грузинские руководители пришли в ужас от того, что выскочка-чекист взял верх над старыми революционерами.

* * *

Ежегодное принятие ванн было у большевистских вождей своего рода паломничеством. В 1923 году Анастас Микоян узнал, что Сталина мучают ревматические боли в руке, и предложил принимать ванны в Мацесте под Сочи. Микоян даже выбрал бывший купеческий дом с тремя спальнями и гостиной, где и остановился Коба. Этот поступок подтверждал, что между двумя кавказцами, по крайней мере в те годы, действительно существовала близкая дружба.

Сталин часто брал с собой Артема и ехал в Мацесту в старом открытом «роллс-ройсе», сделанном еще в 1911 году. Никакой охраны не было, вождя сопровождал только личный охранник, Николай Власик.

Коба очень стеснялся раздеваться на людях. Возможно, причина заключалась в усохшей руке, возможно – в псориазе. Только один человек из его друзей и соратников мог похвастаться тем, что ходил в баню с самим Сталиным. Это был Киров. Взрослых вождь стеснялся, а против Артема ничего не имел. Пока они парились в бане, он рассказывал приемному сыну истории из своего детства, вспоминал приключения на Кавказе и говорил о здоровье.

Иосиф Виссарионович был помешан на здоровье – своем и соратников. Они были ответственными работниками, заботились о благе народа, поэтому государство должно было поддерживать их здоровье. Это стало традицией в Советской России. Начало ей положил Ленин, который тщательно следил

за здоровьем своих помощников. К началу тридцатых сталинское политбюро работало очень много, испытывало сильные стрессы и чудовищные перегрузки. Неудивительно, что здоровье советских вождей, основательно подорванное царскими ссылками и Гражданской войной, серьезно ухудшилось.

Вождю так понравился доктор из Мацесты, профессор Валединский, что он даже однажды пригласил доктора выпить коньяка на веранде с ним, его детьми, писателем Максимом Горьким и членами политбюро. Позже Коба перевез Валединского в Москву. Этот профессор оставался его личным врачом до войны.

Сильно болели порой и зубы. Дантист Шапиро, по просьбе Нади, героически лечил восемь пожелтевших и гнилых зубов Сталина. Вождь был ему очень благодарен.

* * *

У Нади начинался осенний семестр, поэтому ей пришлось уехать в Москву. Сталин же опять вернулся в Сочи, откуда писал ей полные любви письма. В отличие от предыдущего отпуска, в этом году Сталин и Надя почти не ссорились. Несмотря на размолвку из-за Берии, ее письма были веселыми и полными уверенности. Надежда Аллилуева хотела сообщить супругу о положении в Москве. Конечно, она поддерживала линию партии.

Надя очень хотела сдать экзамены и стать квалифицированным специалистом. Они с Дорой Казан напряженно работали над текстильными рисунками и узорами.

«Москва изменилась в лучшую сторону, – писала Аллилуева, – но как женщина, которая пудрится, чтобы скрыть недостатки». Грандиозная перестройка, затеянная Кагановичем, потрясла город, такова была его взрывная энергия. Разрушение храма Христа Спасителя, не слишком красивого собора XIX века, для того чтобы построить на его месте еще более уродливый Дворец Советов, продвигалось медленно.

Затем Надя начала сообщать подробности, которые, по ее мнению, захочет узнать Сталин, но она видела происходящее с точки зрения женской логики и эстетики. «В Кремле чисто, но хозяйственный двор такой же страшный, что и раньше. В магазинах очень высокие цены, хотя товаров очень много. Не сердись, что я пишу о таких мелочах, но мне хотелось бы, чтобы людей избавили от этих проблем. Это было бы хорошо для всех работников». В конце она возвращается к самому Сталину: «Пожалуйста, побольше отдыхай».

Пока вождь загорал, в стране набирал силу голод. Ворошилов предложил разослать партийных руководителей по регионам, чтобы они собственными глазами увидели, что творится в России.

«Ты прав, – согласился Сталин 24 сентября 1931 года. – Мы не всегда понимаем значение поездок на места. С делами нужно знакомиться лично. Мы бы значительно чаще одерживали победы, если бы больше ездили по стране и лучше знали заботы людей. Мне очень не хотелось ехать в отпуск, но я очень устал и должен был заняться здоровьем».

Ворошилов был не единственным из отпускников, кто обсуждал с вождем проблему голода. Семен Буденный писал о том, что люди умирают от голода. В конце письма в свойственном ему стиле он сделал приписку: «Я закончил строительство новой дачи. Домик получился очень красивый».

На Сочи тем временем налетел сильный ураган.

«Ветер завывал двое суток, как разъяренный зверь, – сообщал жене Сталин. – Только у нас на даче он с корнем вырвал восемнадцать огромных дубов». Он был счастлив получить письма от детей.

Вот что написала Светлана в коротеньком письме, которое так обрадовало Генерального секретаря большевистской партии: «Здравствуй, папочка. Быстрее возвращайся домой. Это приказ!»

Сталин повиновался. Кризис углублялся.

Поезда с трупами. Любовь, смерть и истерия

«Крестьяне едят собак, лошадей, гнилую картошку, кору с деревьев, все, что могут найти», – сообщал Федор Белов в самый разгар кризиса, 21 декабря 1931 года, когда Сталин отмечал в Зубалове свой очередной день рождения.

На этих праздниках Иосиф Виссарионович всегда занимал место у американского патефона. Он ставил пластинки и развлекал гостей. Ему нравилась веселая музыка. Молотов с женой Полиной танцевали «русскую», взяв в руку платок. Сразу было заметно, что он брал уроки бальных танцев. Вообще-то тон в танцах задавали выходцы с Кавказа. По словам Екатерины Ворошиловой, Анастас Микоян, усатый армянин с черными волосами и сверкающими глазами, часто танцевал с Надей Сталиной.

Стройный и жилистый Анастас со сломанным в молодости орлиным носом так же, как Сталин, в юности едва не стал священником. Он любил хорошо одеваться, знал толк в одежде, но даже в обычной рубахе и сапогах казался модником.

Анастас Иванович отличался большим умом. У него были неплохое чувство юмора, такое же язвительное, как у Сталина, и несомненные способности к иностранным языкам. Микоян понимал английский, а в 1931 году учил немецкий, переводя «Капитал».

Анастас Микоян не боялся спорить с Кобой. Тем не менее он оказался самым долговечным большим политиком в истории Советского Союза. Этот армянин занимал высокие посты даже при Леониде Брежневе.

В партию он вступил в 1915 году. Только чудом ему удалось избежать трагической участи двадцати шести знаменитых бакинских комиссаров, расстрелянных в годы Гражданской войны в Азербайджане. Сейчас он правил советской торговлей и снабжением.

Анастас всю жизнь хранил верность своей скромной жене Ашхен. Приглашая Надежду Аллилуеву, он, скорее всего, просто хотел поднять ей настроение. Жена Ворошилова помнила, как Микоян долго расшаркивался перед Надеждой Сергеевной и упрашивал ее станцевать с ним лезгинку. Надя была скромной женщиной. Она смущалась перед натиском этого армянского рыцаря, закрывала лицо руками, словно не могла равнодушно смотреть на его красивый и артистичный танец, и убегала в угол.

А может, она отказывалась, понимая, что Сталин может приревновать ее к щеголю Микояну.

Ворошилов-танцор являлся полной противоположностью Ворошилову-политику. На танцплощадке он умел все, а в политике – ничего. Он любил отплясывать гопак, который его супруга называла «полькой, его коронным номером», и постоянно искал партнеров для танца.

* * *

Летом Фред Бил, американский радикал, побывал в деревне под Харьковом, тогдашней столицы Украины. Он обнаружил, что все жители мертвы, за исключением одной женщины, которая сошла с ума. В домах, ставших склепами, пировали крысы.

6 июня 1932 года Сталин и Молотов заявили, что никаких изменений ни в сроках поставок зерна, ни в его количестве быть не может. Через полторы недели, 17 июня, политбюро Украины, возглавляемое Власом Чубарем и Станиславом Косиором, умоляло Москву оказать республике срочную помощь. Свою просьбу украинские руководители оправдывали тем, что во многих областях возникло чрезвычайное положение. Сталин отказал в помощи. Он обвинил Чубаря и Косиора в разжигании паники и заявил, что они действуют заодно с врагами и вредителями. Возникновение голода Сталин считал враждебным актом против ЦК партии.

Когда один из руководителей Украины смело начал рассказывать на заседании политбюро, что в республике царит голод, вождь прервал докладчика. «Нам говорили, товарищ Терехов, – язвительно сказал он, – что вы хороший оратор, но теперь мы видим, что вы еще и хороший сочинитель. Вы придумали такую страшную сказку о голоде на Украине! Не иначе как надеялись напугать нас. Нет, не получится! Мне кажется, что вам было бы лучше оставить пост секретаря ЦК компартии Украины и вступить в Союз писателей. Вы будете придумывать факты, а дураки будут их взахлеб читать».

К Микояну пришел чиновник с Украины. «Товарищ Сталин или кто-нибудь из членов политбюро знает, что происходит на Украине? – спросил он. – Если нет, то я могу вам рассказать, чтобы вы имели хоть какое-то представление. Недавно в Киев пришел поезд. Он был загружен трупами людей, умерших от голода. Поезд собирал мертвые тела от самой Полтавы».

Конечно, партийные руководители в Москве и на Украине прекрасно знали, что происходит. Их письма показывают, что они

видели все ужасы из окон своих роскошных поездов. Семен Буденный писал Сталину из Сочи: «Я смотрел в окно поезда и видел усталых людей в старой рваной одежде, наши лошади одни кожа да кости…»

Черный список голода, которого бы удалось избежать, если бы не все деньги пошли на строительство печей для литья чугуна и тракторов, состоит из четырех-пяти, а возможно, и даже десяти миллионов человек. По своим масштабам эта трагедия не имеет себе равных в истории человечества. Сравниться с ней могут разве что ужасы, которые творили нацисты и маоисты.

Казалось бы, кровавая резня и страшный голод должны были подорвать силы партии, но ее члены даже не поморщились.

Как написал один ветеран-партиец, большевиком считается не тот человек, который просто верит в марксизм. Большевик – это тот, «кто обладает безграничной верой в партию независимо от каких бы то ни было обстоятельств; тот, кто способен приспосабливать свою мораль и совесть по приказу партии и без малейших колебаний все время верить в правоту партии даже тогда, когда она все время не права». Сталин не преувеличивал, когда хвастливо заявлял: «Мы, большевики, – люди особой закваски».

* * *

Надежда Аллилуева была простым человеком, в ней не было особой закваски. Царивший в стране голод усиливал и царившее в семейной жизни Сталина напряжение. Во время поездки к своему дяде Реденсу, шефу ГПУ в Харькове, маленькая Кира Аллилуева открыла занавески, закрывающие окна специального поезда, и очень удивилась, увидев едва стоявших от голода на ногах людей с раздувшимися животами, которые выпрашивали еду у пассажиров проходивших мимо поездов. Кира поделилась дорожными впечатлениями с матерью, а Женя Аллилуева бесстрашно рассказала об этом Сталину.

«Не обращай внимания, – отмахнулся Иосиф Виссарионович от родственницы. – Она еще совсем ребенок, поэтому и придумывает разные небылицы». Последний год семейной жизни Сталина выдался сложным и противоречивым. В его отношениях с женой были как счастливые минуты, так и горячие ссоры.

Совмещать обязанности хозяйки, матери и студентки Наде было очень тяжело. Нервы Сталина были напряжены, как натянутая струна. Он ревновал жену. Вождю казалось,

что старые друзья, Авель Енукидзе и Николай Бухарин, подрывают его авторитет у Нади и стараются украсть ее. Дома Сталин себя вел по-разному: то как постоянно отсутствующий хозяин семейства, тиран, то как нежный и любящий муж.

У Нади Аллилуевой все чаще происходили истерики. Она становилась, как говорил Молотов, «неуравновешенной». Дочь Серго Орджоникидзе, Этери, имевшая много причин ненавидеть Сталина, объясняет: «Сталин обращался с ней плохо, но она, как все Аллилуевы, была очень неуравновешенной». Надя, казалось, отдалялась не только от своих детей, но и от остального мира. Сталин как-то признался Хрущеву, что, спасаясь от ее истерик, нередко запирался в ванной комнате, а она колотила в дверь и кричала: «Ты невозможный человек! С тобой нельзя жить!»

Конечно, Сталин, который боится разъяренной жены и прячется от нее в ванной, не очень вяжется с образом железного вождя, который укоренился в истории. Те месяцы были, возможно, самыми трудными в его жизни. Он был в панике, понимая, что его власть висит на волоске, что его вселенская миссия в опасности. Хотелось бы расслабиться дома и найти там поддержку у верной и любящей жены, но… дома его ждали непонятные ему истерики Нади. Она рассказывала подругам, что теряет интерес к жизни, что ей все надоело.

Первая леди советского государства была, несомненно, больна. Для того чтобы взбодриться, доктора посоветовали принимать кофеин. После смерти жены Сталин во всех бедах обвинил кофеин. Он был прав. Вместо того чтобы помочь, кофеин должен был довести ее отчаяние до пределов, когда с ним уже невозможно бороться.

* * *

Сталин понимал, что огромные украинские степи выходят из-под контроля, и сам впадал в истерику. «Мне кажется, что в некоторых районах Украины советской власти уже нет, – писал он Косиору, члену политбюро и руководителю республики. – Это правда? Неужели положение в украинских деревнях настолько тяжело? Чем занимается ГПУ? Может, вам следует лично заняться этой проблемой и принять необходимые меры?»

Партийные руководители снова разъехались по стране собирать зерно. В этот раз экспедиции войск ОГПУ и вооруженных револьверами большевиков носили еще более

жестокий характер. Молотов отправился на Урал, Нижнюю Волгу и в Сибирь. Однажды его машина попала в кювет и перевернулась. И хотя никто не пострадал, Вячеслав Михайлович утверждал, что его пытались убить коварные враги.

Вождь улавливал сомнения и неуверенность региональных руководителей. Как никогда остро он понимал, что сейчас особенно нужны еще более кровожадные помощники, еще более слепые в своей преданности. Такие, как Лаврентий Берия, которому он поручил править Кавказом.

Против Берии ополчились все грузинское руководство. Объединенными усилиями им удалось отправить молодого чекиста в провинцию, но его вновь спасли. На этот раз сам Сталин. Вождь кратко, но доходчиво объяснил преимущества своего нового протеже: «Лаврентий Павлович Берия решает проблемы в то время, как бюро только перекладывает бумаги с места на место!»

Не обращая внимания на возражения старых большевиков, Сталин назначил Берию первым секретарем компартии Грузии и вторым секретарем Закавказского бюро. Так на сцене появилось новое действующее лицо – Лаврентий Берия.

* * *

В это время американец Фред Бил бродил по обезлюдевшим украинским деревням и читал нацарапанные на стенах изб предсмертные послания, от которых в жилах стыла кровь. «Да благословит Бог тех, кто войдет в этот дом. Пусть они никогда не страдают так, как страдали мы», – написал перед смертью один несчастный. «Сын мой, мы не смогли дождаться, – читал он в другой избе. – Пусть будет с тобой Бог».

29 мая 1932 года Сталин и Надя выехали в Сочи. Там их навестили Лакоба и Берия. Лаврентий сейчас не нуждался в услугах Нестора. Он уже имел непосредственный доступ к вождю. Отношения между недавними друзьями и союзниками сильно испортились. Лакоба при встрече с Берией, не стесняясь, говорил: «Мерзавец!»

Мы не знаем, какие отношения были между Сталиным и Надеждой Аллилуевой во время этого отпуска. Ясно одно, напряжение с каждым днем росло. Сталин правил страной, которая находилась на грани взрыва, при помощи писем и телеграмм. О надвигающейся катастрофе он знал по донесениям сотрудников ОГПУ, которые приходили к нему пачками.

Сталин сидел на веранде дачи в залитом жарким солнцем Сочи и гневно думал об ослаблении дисциплины и предательстве в партии. В критические моменты своей жизни он всегда прятался в крепости, осажденный врагами.

14 июля Сталин написал Молотову и Кагановичу в Москву и потребовал издать драконовский закон, по которому голодных крестьян следовало расстреливать за кражу хотя бы одного колоска с колхозного поля. Так родился печально известный закон о «борьбе с хищениями социалистической собственности».

7 августа закон вступил в силу. Сталин к тому времени окончательно впал в панику. «Если мы не предпримем попыток по улучшению ситуации на Украине, – писал он Кагановичу, – то можем ее потерять!» В критическом положении вождь обвинял слабость и наивность своего зятя Реденса, начальника ОГПУ Украины, и руководителя республики Косиора. Украина, считал Сталин, насыщена польскими агентами, которые во много раз сильнее, чем думают Реденс и Косиор. Он решил заменить родственника более сильным и безжалостным человеком.

* * *

Тем летом Надя рано вернулась в Москву. Может, она хотела подготовиться к осеннему семестру, а может, не могла больше выносить напряжение, которым был пропитан отдых в Сочи. У нее обострились головные боли и рези в желудке. Плохое самочувствие жены усиливало тревоги Сталина. Любой другой человек на его месте не выдержал бы такого стресса, но у Сталина были воистину стальные нервы.

Гнев Сталина в те дни вызывали не только враги, но и друзья. Он сильно рассердился на Ворошилова, который робко высказал предположение, что политика вождя не найдет поддержки у политбюро. Когда украинский чекист Корнеев застрелил, скорее всего, голодающего вора и был арестован, Сталин заявил, что его следует оправдать. Но Климент Ефремович, которого едва ли можно назвать мягкотелым защитником морали, тщательно разобрался в деле и выяснил, что жертвой был подросток. Он написал вождю письмо, в котором предложил судить Корнеева, пусть даже приговор будет очень мягким. В тот же день, 15 августа, разгневанный Сталин поступил по-другому: приказал не только освободить Корнеева из-под стражи, но и повысить его в должности.

Через шесть дней после дела Корнеева, 21 августа, Рютин, ранее арестовывавшийся за критику в адрес Сталина, встретился

с несколькими единомышленниками. Они договорились написать «Обращение ко всем членам партии». По их замыслу, это должен был быть мощный призыв сместить Сталина. Еще через несколько дней в ГПУ поступил донос на Рютина. У Иосифа Виссарионовича случилась истерика. 27 августа он срочно вернулся в Москву и встретился в Кремле с Кагановичем, чтобы обсудить обстановку.

Через месяц, 30 сентября, ГПУ арестовало Рютина. Возможно, Сталин, которого наверняка, как всегда, поддерживал Каганович, требовал вынесения смертного приговора. Однако казнь товарища по партии, такого же меченосца, как и они, была чересчур решительной мерой. Против нее выступали Серго Орджоникидзе и Сергей Киров. 11 октября оппозиционера приговорили к десяти годам в лагерях.

Рютинское «Обращение…» имело последствия и для семьи Сталина. Если верить охраннику Власику, Надя достала антисталинский манифест у своих друзей в академии и показала мужу. Это, конечно, не означает, что она присоединилась к оппозиции. Аллилуева могла просто хотеть помочь мужу. Утром после самоубийства брошюру Рютина нашли у нее в комнате.

В пятидесятые годы Иосиф Виссарионович не раз признавал, что не уделял жене достаточно времени в последние месяцы ее жизни. «Время тогда было очень сложное, – оправдывался он. – Мы работали в страшном напряжении, вокруг было так много врагов. Работать приходилось днем и ночью…»

Сталин-интеллектуал

Осенью 1932 года пятьдесят писателей, элита советской литературы, получили приглашение приехать в роскошный особняк. В доме в стиле модерн жил самый известный из всех советских писателей – Максим Горький. Ему тогда было шестьдесят четыре года.

26 октября избранные литераторы собрались у Горького в обстановке строгой секретности. Максим Горький, высокий, изможденного вида мужчина с густыми усами, встречал гостей на лестнице. В просторной столовой особняка стояли длинные столы. Они были накрыты белыми элегантными скатертями. Взволнованные писатели ждали в благоговейном молчании приезда высоких гостей. Наконец приехали Сталин, Молотов, Ворошилов и Каганович.

Партия большевиков относилась к литературе очень серьезно. О важности, которую придавали литературе революционеры, говорит хотя бы тот факт, что вожди, несмотря на громадную загруженность основной работой, находили время на редактирование произведений советских писателей.

После небольшой вступительной беседы с гостями Иосиф Виссарионович с соратниками сел за стол около хозяина дома. Неожиданно Сталин перестал улыбаться и заговорил о создании новой литературы.

Встреча в особняке Горького имела судьбоносное значение. Отношения между Сталиным и Горьким служили барометром отношения власти к литературе и писателям. Максим Горький был очень близок со Сталиным с конца двадцатых годов. Он даже отдыхал вместе с вождем и его женой.

К 1921 году Горький так разочаровался в ленинской диктатуре, что покинул родину и поселился на вилле в итальянском Сорренто. Сталин неоднократно посылал к великому писателю эмиссаров прощупать его настроения и уговорить вернуться в Россию. Затем вождь начал сложную игру: с помощью таких приманок, как деньги и власть, играя на тщеславии писателя, ему удалось заманить Горького обратно в СССР. Детские и юношеские воспоминания Максима Горького о крестьянстве как об отсталом классе заставили его выступить с поддержкой сталинской коллективизации и войны с деревней.

В 1930 году Горький начал получать щедрые подарки от довольно неожиданного благодетеля, казалось бы, далекого от литературы – ГПУ. Сталин сконцентрировал на Горьком все свое кошачье обаяние. В 1931 году писатель вернулся на родину,

чтобы стать литературным украшением вождя. На жизнь он не жаловался, потому что ни в чем не нуждался. Максим Горький получал более чем щедрое денежное довольствие. Не стоит забывать и о миллионных гонорарах за его книги. Он жил в Москве в особняке, который до революции принадлежал известному промышленнику Рябушинскому. Помимо этого власти выделили ему огромную дачу за городом. В Крыму к услугам Горького была вилла, напоминавшая дворец. Многочисленная обслуга виллы работала в ГПУ. Резиденции Максима Горького быстро превратились в своего рода штаб-квартиры советской интеллигенции. Великий писатель много помогал молодым талантливым коллегам, таким как, к примеру, Исаак Бабель и Василий Гроссман.

Партийные руководители относились к Горькому с большим уважением. За содержание и быт звезды отвечал главный советский чекист. Ягода быстро улаживал все дела и проблемы Максима Горького и все больше времени проводил в его особняке. Сталин возил в гости к великому пролетарскому писателю Василия и Светлану. Они играли с внуками Горького. Внучке Горького, Марте, скучать не приходилось. Один день она веселилась с Бабелем, другой – с Ягодой.

Вождь понимал, что Горький является ценным товаром, который можно купить. В 1932 году он приказал пышно отпраздновать сорокалетие литературной деятельности Горького. Родной город писателя, Нижний Новгород, был переименован в Горький. Его именем назвали и центральную столичную улицу – Тверскую. Когда Сталин решил присвоить имя Горького и Московскому художественному театру, Иван Гронский, один из руководителей РАПП, робко возразил:

– Но товарищ Сталин, Московский художественный театр больше связан с именем Чехова.

– Это не имеет значения, – отмахнулся вождь. – Горький – тщеславный человек. Поэтому мы должны как можно крепче привязать его к партии.

Иосиф Виссарионович вновь оказался прав. Многочисленные переименования выполнили задачу. Во время ликвидации кулачества Максим Горький выплеснул всю свою давнюю ненависть к «отсталым» крестьянам в знаменитой статье в «Правде» под заголовком «Если враг не сдается, его уничтожают». Горький ездил по концентрационным лагерям и восхищался их воспитательной функцией. Максим Горький поддерживал грандиозные стройки, на которых трудились сталинские рабы. Во время поездки на Беломорканал Горький поздравил Генриха Ягоду. Он заявил, что грубые чекисты,

наверное, даже не понимают, какое великое дело делают!

Ягода, начальник тайной полиции СССР, во всем старался подражать Хозяину. По словам Надежды Мандельштам, первое поколение молодых чекистов отличалось изысканным вкусом и слабостью к литературе. «Чекисты были авангардом нового народа», – писала она.

Руководил этим авангардом тридцатидевятилетний Ягода. Он влюбился в невестку Максима Горького, Тимошу, молодую, очень красивую, простую и веселую жену Максима Пешкова.

Генрих Ягода был сыном ювелира. В молодости он изучал статистику и аптекарское дело. Ягода, настоящее имя которого было Энох, вступил в большевистскую партию в 1907 году. Он тоже был из Нижнего Новгорода. Это стало его визитной карточкой. Анна Ларина считала, что Ягода по своему развитию значительно превосходил своих помощников. Ягода быстро стал развращенным карьеристом, но он никогда не был человеком Сталина. Он разделял взгляды правых, однако в 1929 году переметнулся на сторону власти.

Величайшим достижением чекиста Ягоды, которое горячо одобрял и поддерживал Сталин, было создание трудовых лагерей. Огромная империя ГУЛАГа обеспечивала сталинскую индустриализацию необходимой рабской рабочей силой.

Генрих Ягода был хитрым мужчиной невысокого роста. Ему еще не стукнуло и сорока, а он уже начал лысеть. Ягода всегда ходил в форме, любил французские вина и сексуальные игрушки.

Он был из числа тех массовых убийц, у которых пальцы позеленели от работы в саду. Главный чекист Советской России любил хвалиться, что на его огромной даче благоухают две тысячи орхидей и роз. Ягода часто бывал в гостях у Горького, ухаживал за Тимошей и дарил ей букеты.

Когда Максима Горького назначили главой Союза писателей, он посоветовал Сталину упразднить РАПП. В апреле 1932 года эта организация была распущена, к восторгу писателей и поэтов. Литераторы искренне надеялись на то, что теперь их положение улучшится. Вскоре пятьдесят из них получили приглашения в особняк Горького.

Повертев в руках перочинный ножик, рукоятка которого была украшена маленькими жемчужинами, Сталин неожиданно нахмурился. От его прежней веселости не осталось и следа. Он заявил суровым голосом, в котором явственно слышались стальные нотки: «Художник должен правдиво изображать жизнь. Если он изображает нашу жизнь правдиво, то он не может не показать ее продвижения к социализму. Это есть и будет

социалистический реализм». Другими словами, писатели, по мнению вождя, должны описывать жизнь такой, какой она должна быть, а не такой, какой она есть на самом деле. Литературные произведения становились таким образом панегириками утопическому будущему.

Затем в разговоре партийных руководителей с писателями появился элемент фарса. Его источником, как всегда непроизвольно, стал Ворошилов.

– Вы должны производить нужный нам товар, – продолжил свои наставления Сталин. – Еще больше, чем машины, танки и аэропланы, нам нужны человеческие души.

Простак Климент Ворошилов воспринял слова вождя дословно. Он прервал его и горячо возразил, что танки тоже очень важны.

– Писатели, – провозгласил Иосиф Виссарионович, – являются инженерами человеческих душ.

Произнеся эту поразительную по своей дерзости и откровенности фразу, вождь показал пальцем на сидевших рядом с ним писателей.

– Я? Почему я? – испугался ближайший из них. – Я же не спорю.

– Что хорошего в том, чтобы просто не спорить? – вновь вмешался в разговор Ворошилов. – Вы должны выполнять указания партии.

К этому моменту у части собравшихся закружились головы от вина Горького и аромата открывавшейся перед ними власти. Сталин попросил снова наполнить бокалы. Писатели чокнулись со Сталиным.

– Давайте выпьем за здоровье товарища Сталина! – громко крикнул поэт Луговской.

Внезапно писатель Никифоров вскочил на ноги и заявил:

– Я сыт по горло всем этим! Мы пили за здоровье товарища Сталина один миллион сто сорок семь тысяч раз. Наверное, он уже и сам сыт этим по горло…

В столовой повисла тяжелая тишина. Напряжение разрядил Сталин. Он пожал смельчаку руку и поблагодарил его: «Спасибо, товарищ Никифоров, спасибо. Вы правы. Я сыт этим по горло».

* * *

Сталин никогда не уставал возиться с писателями. Когда Мандельштам утверждал, что поэзия пользуется наибольшей популярностью в России, где людей за нее убивают, он был,

конечно же, прав. Литературе Иосиф Виссарионович всегда уделял большое внимание. Он мог требовать от писателей быть «инженерами человеческих душ», но на самом деле вождь был очень далек от того неуклюжего обывателя, образ которого неизбежно возникает при изучении его манер.

Сталин не только восхищался настоящей литературой и ценил ее, он умел отличать гениев от бездарей. Страсть к чтению книг у него родилась еще в 1890-х годах. Сталин утверждал, что прочитывал каждый день по пятьсот страниц. В сибирской ссылке, после смерти одного из ссыльных, Коба забрал книги покойника и отказался делиться с разгневанными товарищами.

Литература играла в его жизни почти такую же роль, как марксизм-ленинизм и мания величия. Без особого риска ошибиться можно сказать, что они были главными движущими силами всей его жизни. Сам Сталин не обладал талантом к сочинительству, но принимая во внимание литературные вкусы и пристрастия этого сына сапожника и прачки, его следует считать интеллектуалом. Не будет большим преувеличением сказать, что Иосиф Сталин был самым начитанным правителем России, начиная от Екатерины Великой и кончая Владимиром Путиным. Он был даже начитаннее Владимира Ленина, который слыл большим интеллектуалом и к тому же получил дворянское образование.

«Он много работает над самообразованием», – говорил о вожде Молотов. Личная библиотека Сталина состояла из 20 тысяч томов, причем все они были, что называется, зачитаны до дыр. Здесь имелись книги по самым разным темам, самых разных писателей, от «Жизни Иисуса» до романов Голсуорси, Уайльда, Мопассана, Стейнбека и Хемингуэя. Внучка видела его за чтением романов и рассказов Гоголя, Чехова, Гюго, Теккерея и Бальзака. В пожилом возрасте Иосиф Виссарионович открыл для себя Гете, преклонялся перед Золя.

Большевики верили в безупречность нового человека и были твердыми сторонниками самообразования. Сталин выделялся среди них особым усердием. То, что он читал не для развлечения, а очень серьезно, видно хотя бы по пометкам, которые вождь делал на полях самых разных книг, начиная от романов Анатоля Франса и кончая «Историей Древней Греции» Виппера. По ним можно неплохо понять его взгляды на жизнь. Сталин заучивал цитаты, как прилежный студент.

Иосиф Сталин хорошо разбирался в античности и мифологии, вспоминал Молотов. Он мог цитировать Библию, Чехова и «Бравого солдата Швейка», а также повторять

понравившиеся мысли Наполеона, Бисмарка и Талейрана. Его знания грузинской литературы были такими глубокими, что Сталин мог на равных спорить о поэзии с Шалвой Нутсибидзе, известным философом.

Нутсибидзе через много лет после того, как Сталин уже перестал быть богом, утверждал, что тот был выдающимся знатоком литературы. Вождь нередко читал вслух друзьям и соратникам отрывки из Салтыкова-Щедрина или нового издания средневековой грузинской эпической поэмы Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Он обожал «Последнего из могикан» и как-то сразил одного молодого переводчика, поздоровавшись с ним, как это делали краснокожие герои романа Фенимора Купера: «Большой вождь приветствует бледнолицего!»

По своим художественным вкусам Иосиф Виссарионович был консерватором. Он всегда оставался в XIX веке, несмотря на расцвет модернизма в 1920-х годах. Ему больше нравились Пушкин и Чайковский, нежели Ахматова и Шостакович. Будучи интеллектуалом, он уважал людей искусства и ученых. Его тон мгновенно менялся, когда Сталин разговаривал с популярным писателем или известным профессором. «Мне очень жаль, что я не могу выполнить вашу просьбу прямо сейчас, уважаемый Николай Яковлевич, – писал он профессору лингвистики Марру. – После конференции, думаю, сумею выкроить 40–50 минут, если вы, конечно, не возражаете…»

Сталин высоко ценил талант и гениальность. Но так же, как в случае с любовью и семьей, на первом месте у него всегда стояла вера в непогрешимость и победу марксизма. Сталин восхищался великим психологом Достоевским, но запрещал его, потому что считал, что эти романы оказывают отрицательное влияние на молодежь. Он наслаждался рассказами Михаила Зощенко и, несмотря на то что писатель высмеивал советскую бюрократию, читал отрывки сыновьям Василию и Артему. «Здесь товарищ Зощенко вспомнил о ГПУ и изменил концовку!» – замечал Сталин, смеясь.

Подобные шутки были типичны для этого жестокого и язвительного циника, большого любителя солдафонского юмора. Он признавал, что Пастернак, Мандельштам и Булгаков – гении, но несмотря на гениальность, их книги в Советском Союзе были запрещены. Но ни Булгаков, ни Пастернак не были арестованы. Однако горе тому писателю, который осмеливался оскорблять лично вождя.

Наиболее удивительными были комментарии Сталина, когда речь шла о таких мастерах, как, скажем, Булгаков. Его пьеса о Гражданской войне, «Дни Турбиных», была любимой у вождя.

Он смотрел спектакль пятнадцать раз. Возможно, поэтому, когда другую булгаковскую пьесу, «Багровый остров», критики заклеймили как «правую», Сталин нашел время написать директору театра: «Нехорошо называть литературное произведение правым или левым. Эти слова больше относятся к политическим партиям, чем к литературе. В литературе нужно использовать классовые понятия: антисоветская, революционная или антиреволюционная, но ни в коем случае не правая или левая… Легко критиковать, отвергать хорошие пьесы, гораздо труднее их писать. Окончательное впечатление от пьесы – она полезна для большевизма, поскольку является демонстрацией его всесокрушающей силы».

Когда Булгакову запретили работать, он пожаловался Сталину. Вождь позвонил опальному писателю и пообещал: «Мы попытаемся что-нибудь для вас сделать».

Сталин обладал даром упрощать сложное и делать его понятным. Это наглядно видно на примере его объяснения большевизма, основанного так же, как катехизис, на вопросах и ответах. Для политика эта способность неоценима.

Сталин был не только главным цензором в стране. Он упивался ролью главного редактора империи. Больше всего на свете ему нравилось писать на страницах книг саркастическое замечание: «Ха-ха-ха!» Этот смешок, в котором не было ни тени юмора, можно найти в сотнях книг, хранившихся в библиотеке вождя.

* * *

Депрессия Нади усиливалась из-за кофеина и напряжения мужа. Но несмотря на это, даже в последние месяцы у них были, пусть и редкие, минуты трогательной нежности. Однажды Надя неожиданно выпила вина. Ей стало плохо. Сталин уложил жену в постель. Она посмотрела на него и жалобно то ли спросила, то ли сказала: «Значит, ты меня все же немного любишь». Прошло много лет, и Иосиф Виссарионович рассказал дочери об этом случае.

Итак, до нас дошла тревожная картина жизни вспыльчивых супругов. Сталин и Надя то относились друг к другу с большой любовью и нежностью, то изливали потоки гнева и ярости. Не стоит забывать и о том, что они были родителями и по-разному обращались с детьми. И все же Надя, похоже, до самого конца продолжала любить «своего мужчину», как она называла Сталина. Иосиф обладал необычайно сильным характером. Надя

часто говорила матери: «Должна признаться, меня удивляют его сила и энергия. Только по-настоящему здоровый человек может выдерживать такой объем работы, как он». Надя же была очень слаба. Если кто-то в этой странной семье и мог сломаться от напряжения, то, конечно, она. Отчужденность и холодность Сталина позволяли ему выносить самые жестокие удары судьбы.

Лазарю Кагановичу в очередной раз пришлось покинуть свою московскую вотчину. Его отправили на Кубань громить крестьян. Железный Лазарь организовал массовые репрессии и выселил в Сибирь пятнадцать деревень. Он называл то, что сейчас происходило в деревнях, «сопротивлением остатков умирающих классов, которое вело к конкретной форме классовой борьбы».

Классы действительно умирали. Копелев видел посиневших женщин и детей с раздувшимися животами. Они еще продолжали слабо дышать, но из их пустых глаз уходили последние остатки жизни. Повсюду были трупы: на улицах, в крестьянских избах, в таящем снегу старой Вологды и под харьковскими мостами. Каганович приказал расстрелять несколько десятков похитителей зерна и с чувством честно выполненного долга вернулся в Москву. Он как раз успел на праздничный ужин у Ворошилова в честь очередной годовщины Октябрьской революции.

7 ноября партийные руководители должны были принимать парад с только что законченного Мавзолея Ленина. Сейчас монумент был не из дерева, а из серого мрамора. Вожди рано собрались на квартире Сталина. Все надели шинели и шапки, потому что на улице стоял мороз. Надя Аллилуева уже прошла по Красной площади в колонне студентов и преподавателей Промышленной академии. Домохозяйка и няни одели Васю и Артема. Светлану еще не привезли с дачи.

Около восьми утра большевистские вожди вышли из Потешного дворца и, болтая о пустяках, миновали центральную площадь и здание Сената. Они направлялись к ступенькам, ведущим на Мавзолей. Было очень холодно, парад длился четыре часа. Ворошилов и Буденный ждали начала шествия верхом у кремлевских ворот в разных концах Красной площади. Когда послышался бой курантов на Спасской башне, они тронулись с места и встретились в центре площади, у Мавзолея. Военачальники спешились, поднялись по ступенькам и присоединились к членам политбюро.

Многие видели в тот день Надю. У нее было приподнятое праздничное настроение. Казалось, она не сердилась на мужа. Первая леди Советского Союза смотрела издали на руководителей страны. Позже она встретилась с Артемом и Василием на трибуне справа от Мавзолея. Надя смотрела

на мужа и, как всякая жена, тревожилась, что он забыл застегнуть шинель в такую холодную погоду.

– Мой мужчина забыл шарф, – сказала она. – Боюсь, что он простудится и заболеет.

Потом у нее внезапно начался сильный приступ головной боли. «Она простонала: „О, моя бедная голова“!» – вспоминает Артем Сергеев. После парада Василий и Артем попросили экономку уговорить Надю отпустить их на праздники в Зубалово.

– Пусть в самом деле поедут на дачу, – согласилась Надя Аллилуева и весело добавила: – Вот скоро я закончу академию, и тогда будет для всех настоящий праздник! – Улыбка сошла с ее лица, оно опять исказилось от боли. – О, моя бедная голова!

Сталин, Ворошилов и другие члены политбюро в этот момент находились в маленькой комнате за Мавзолеем. Там располагался импровизированный буфет, где можно было выпить и закусить.

На следующее утро ребят увезли в Зубалово. Сталин работал, как обычно, у себя в кабинете. В тот день он встречался с Молотовым, Куйбышевым и секретарем ЦК, Павлом Постышевым. Генрих Ягода привез запись разговоров еще одной группы противников вождя, старых большевиков Смирнова и Эйсмонта. Особенно Сталина возмутили слова одного из них: «Только не говорите мне, что ни один человек во всей стране не способен убрать его!» Сталин с соратниками приказал арестовать смутьянов. Потом они отправились на ужин к Ворошиловым. Надя надела новое платье, воткнула в волосы розу и тоже пошла на банкет. Она выглядела гораздо лучше.

За окнами, наверное, еще не начало светлеть. Она достала маузер, который привез ей Павел Аллилуев, и легла на кровать.

Большевики всегда считали самоубийства достойной смертью. В 1929 году Надя присутствовала на похоронах одного такого самоубийцы. Троцкист Адольф Иоффе застрелился в знак протеста против разгрома Сталиным оппозиции. Годом позже известный поэт Владимир Маяковский выразил протест таким же способом…

Надя поднесла револьвер к груди и нажала на курок. Никто не услышал выстрела. В Кремле толстые стены, а стреляла она из дамского оружия. Ее тело скатилось на пол.

Часть вторая
Веселые друзья. Сталин и Киров. 1932–1934

Похороны

Смерть произошла мгновенно. Через несколько часов после рокового выстрела Иосиф Сталин стоял в столовой и пытался осмыслить самоубийство жены. Невестка вождя Женя Аллилуева растерялась, когда он спросил ее: почему Надя застрелилась? Еще больше все испугались, когда Сталин пригрозил тоже покончить с жизнью. Такого от него никто никогда еще не слышал.

Сталин не один день провел в своей комнате в горьких раздумьях. Женя и Павел боялись, что Иосиф Виссарионович может действительно совершить самоубийство, и на всякий случай решили остаться.

Сталин не мог понять, почему Надя так поступила. Он гневно спрашивал себя: что она хотела этим доказать? Почему именно ему нанесла такой страшный удар в спину? «Сталин был слишком умен, чтобы не понимать, что при помощи лишения себя жизни самоубийцы пытаются наказать других людей», – писала дочь Светлана. Поэтому в его голове метались удивительные мысли. Неужели Сталин на самом деле не уделял ей достаточно внимания? Неужели не любил ее? «Я был плохим мужем, – признался вождь Молотову. – Мне некогда было водить жену в кино». «Она полностью изменила мою жизнь!» – мрачно сказал он Власику. Сталин хмуро смотрел на Павла Аллилуева и ворчал: «И как только тебе в голову могло прийти подарить ей пистолет?»

Около часа ночи профессор Кушнер с коллегой осмотрели тело Надежды, которое по-прежнему лежало в ее маленькой комнате. «Тело находится в следующем положении, – написал профессор на квадратном листке бумаги, вырванном из школьной тетрадки. – Голова лежит на подушке и повернута направо. Рядом с подушкой на кровати – маленький пистолет». Должно быть, экономка подняла маузер с пола и положила на кровать. «На лице покойной застыло абсолютно спокойное выражение, глаза полузакрыты. На правой стороне лица и шеи пятна синего и красного цвета, кровь». Речь, похоже, шла о ссадинах и ушибах.

Неужели Сталин имел отношение к смерти жены и ему было что скрывать? Он вернулся домой, поссорился с Надей, избил ее и потом застрелил? Если вспомнить огромное количество людей, к смерти которых он имел прямое отношение, следует признать, что еще одно убийство, пусть даже и родного человека, было вполне возможно.

Но ушибы могли быть вызваны и падением с кровати. Никто из тех, кто знал, что произошло в ту трагическую ночь, ни разу

не высказал даже предположения, будто Надежду Аллилуеву убил Сталин. Но он, конечно, прекрасно понимал, что об этом могли шептаться и наверняка шептались враги.

«В области сердца пулевое отверстие диаметром в пять миллиметров. Рана открытая. Вывод – смерть наступила мгновенно. Смерть вызвана открытой раной в области сердца».

Сейчас этот клочок бумаги может увидеть в Государственном архиве любой желающий. Предыдущие шесть десятилетий он лежал в закрытой части хранилища.

Вячеслав Молотов, Лазарь Каганович и Серго Орджоникидзе немного постояли в столовой квартиры Сталина и ушли решать, что делать. Как обычно, в моменты, подобные этому, партийный инстинкт подсказывал твердым ленинцам: нужно солгать. Об истинных причинах смерти первой леди Советского государства не должен был знать никто. Если бы вожди сразу сказали правду, то избежали бы многочисленных слухов об убийстве Сталиным жены.

Было очевидно, что Надя покончила с собой, но Молотов, Каганович и ее крестный отец, Енукидзе, получили согласие Сталина на то, чтобы скрыть информацию. Дело в том, что самоубийство можно считать протестом против партийной линии. Решили объявить, что Аллилуева скончалась от аппендицита. Медики давали клятву Гиппократа, но при большевиках она нарушалась так же часто, как и при нацистах. Они согласились поддержать эту ложь. Прислуге сообщили, что Сталин в ту ночь был на даче в Зубалове с Молотовым и Кагановичем.

Авель Енукидзе набросал текст официального сообщения о смерти Нади, затем – письмо с соболезнованиями. Их должны были опубликовать на следующий день в «Правде». Соболезнования родным и близким покойной подписали жены членов политбюро и сами вожди. Первыми стояли подписи четырех самых близких подруг Нади: Екатерины Ворошиловой, Полины Молотовой, Доры Казан и Марии Каганович. Они охарактеризовали покойную следующим образом: «…Наша близкая подруга, человек чудесной души, молодая, сильная и преданная большевистской партии и делу революции…» Даже смерть эти удивительные догматики видели в терминах марксизма-ленинизма.

Сталин в те дни едва ли был в состоянии принимать решения. Организация похорон легла на плечи Авеля Енукидзе и других вождей. Большевистский погребальный ритуал органично объединял элементы похоронного культа, существовавшего при царской власти, с коммунистической

культурой. Сначала над покойником работали лучшие бальзамировщики. Обычно это были профессора, следившие за трупом Ленина. Потом начиналось прощание. Покойник под толстым слоем грима и румян лежал в открытом гробу в окружении пышных тропических пальм, букетов цветов и красных знамен. Эта жуткая картина освещалась неестественно ярким искусственным светом. Члены политбюро вносили и выносили открытый гроб из Колонного зала. Они же, словно средневековые рыцари, стояли в почетном карауле у тела. После кремации проходили пышные похороны. Катафалк в окружении все тех же членов политбюро и военных следовал к Красной площади. Урну с прахом замуровывали в нишу в кремлевской стене.

К 1932 году этот ритуал уже был отработан и неукоснительно выполнялся. Но в случае с женой Иосиф Виссарионович Сталин решил отступить от большевистских правил. Он приказал похоронить Надю по старинке.

Политбюро назначило Енукидзе председателем похоронной комиссии. Дяде Авелю помогали Дора Казан и Карл Паукер, чекист, который возглавлял охрану вождя и был к нему очень близок. Похоронная комиссия собралась утром 10 ноября и обсудила вопросы организации процессии, места захоронения и почетного караула. Паукер считался большим знатоком театральных эффектов, поэтому он отвечал за музыкальное сопровождение. Играть на похоронах должны были два больших оркестра из театра, военный и гражданский. Каждый состоял из пятидесяти инструментов.

Сталин не мог выступать на похоронах. Наверное, поэтому он попросил произнести речь Кагановича, считавшегося лучшим оратором в политбюро. Каганович, этот человек-бульдозер, только что отмывший руки от крови десятков невинных кубанских казаков, которых расстреляли по его приказам, сильно волновался. Поручение было очень ответственным.

Детям, которые в то время находились в Зубалове, сообщили, что Надя умерла от аппендицита. Мальчики сильно расстроились. Для Василия Сталина смерть матери оказалась страшным ударом, от которого он, похоже, так и не оправился. Шестилетняя Светлана еще не очень понимала, что такое смерть. Клим Ворошилов, очень добрый человек во всем, за исключением политики, приехал в Зубалово. Он хотел рассказать девочке о смерти Нади, но разрыдался и не смог произнести ни слова. Василия и Артема привезли в Москву, Светлана же оставалась на даче до дня похорон.

Утром 10 ноября тело Надежды Аллилуевой вынесли

из квартиры Сталина в Потешном дворце. Совсем еще юная девочка, Наталья Андреева, дочь Андреева и Доры Казан, сидела у окна родительской квартиры в Кавалерском корпусе и смотрела, как несколько человек вынесли гроб. Сталин шел рядом и держался за край гроба. Несмотря на сильный мороз, он был без перчаток, по щекам катились крупные слезы.

Этим же утром в Кремль приехали Василий Сталин и Артем Сергеев. В квартире они застали Павла Аллилуева, Женю и сестру Нади, Анну. Родственники по очереди присматривали за вдовцом, который оставался в своей комнате и отказывался выйти, даже чтобы поесть. В мрачной квартире царила гробовая тишина. Все говорили только шепотом.

Вскоре приехала мать Артема. Она неосмотрительно рассказала сыну правду о самоубийстве. Артем тут же спросил у экономки, правда ли, что Надя застрелилась. Обоих Сергеевых отругали и велели держать языки за зубами.

Ночью тело Нади перевезли в Колонный зал на Красной площади. Утром в Колонный зал привели трех детей Сталина. Надежда Аллилуева-Сталина лежала в открытом гробу. Ее овальное лицо окружали букеты цветов. Синяки и ушибы были совсем незаметны после того, как над ней потрудились большие мастера похоронных дел.

Зина Орджоникидзе, пухленькая жена неугомонного Серго, по национальности наполовину якутка, взяла Светлану за руку и подвела к гробу. Девочка заплакала, и ее быстро вывели из зала. Енукидзе, как мог, утешил Светлану и велел отвезти ее обратно в Зубалово. О самоубийстве матери она узнала только через десять лет из номера «Illustrated London News».

Сталин прибыл в Колонный зал в сопровождении членов политбюро. Соратники и друзья вождя окружили гроб с телом Нади. Эту почетную, но печальную обязанность – стоять в почетном карауле – им придется часто выполнять в последующие годы Большого террора.

Иосиф Виссарионович не выдержал и заплакал. Василий, стоявший вместе с Артемом в стороне, бросился к отцу и повис на нем.

– Папа, не плачь! – вскрикнул мальчик. – Не плачь!

Под хор рыданий родных Нади вождь с прильнувшим к нему сыном подошел к гробу. Он печально смотрел на женщину, которая любила и ненавидела его, наказывала и прогоняла.

– Она покинула меня, как враг, – с горечью проговорил Сталин, но Молотов слышал, как он тихо добавил: «Я не сберег тебя».

Гроб уже собирались заколачивать, когда Сталин внезапно

остановил людей с молотками. Ко всеобщему удивлению, он неожиданно нагнулся, поднял голову Нади и начал горячо ее целовать. Рыдания усилились.

Гроб с телом Надежды Аллилуевой вынесли на Красную площадь и поставили на черный катафалк. Это было внушительное сооружение с колоннами по углам, увенчанными маленькими куполами. Они держали замысловатый балдахин. Казалось, что хоронят не преданную революции большевичку, а члена царской семьи. Катафалк окружил почетный караул из солдат.

На улицах, по которым предстояло пройти похоронной процессии, выстроились цепи военных и сотрудников ГПУ. Шесть лошадей, запряженных в катафалк, вели шестеро конюхов в черном. Впереди медленно шел военный оркестр. Николай Бухарин, друживший с Надей и оказавший на нее, по мнению Сталина, плохое политическое влияние, выразил вдовцу соболезнования. Вождь отреагировал странно. Он начал убеждать Бухарина, что в ту трагическую ночь после банкета не вернулся на квартиру в Кремле, а поехал в Зубалово на дачу. Сталин зачем-то всячески старался подчеркнуть, что у него есть алиби.

Под звуки похоронного марша процессия двинулась в скорбный путь по городским улицам. Милиция и солдаты сдерживали толпы москвичей.

Сталин шел между Молотовым и Микояном, от глаз которого ничего не укрывалось. Рядом шагали Лазарь Каганович и Клим Ворошилов. От вождей старался не отстать Карл Паукер во всем блеске формы чекиста. Благодаря невидимому корсету он казался стройным и подтянутым. За ними следовали Василий, Артем и другие родственники, элита большевистской партии и руководства страны и делегаты из Промышленной академии, в которой училась Надя. Ольга Аллилуева осуждала дочь.

– Как ты могла так поступить? – обращалась она к мертвой Наде. – Как ты могла бросить детей?

Большинство членов семьи и соратников осуждали Надю и сочувствовали Сталину.

Артем и Василий замешкались, медленно двигаясь с оркестром, и потеряли Сталина из виду. По информации одних источников, он вообще не присутствовал на похоронах. Другие очевидцы утверждали, что он прошел рядом с катафалком весь путь от Красной площади до Новодевичьего кладбища. И те и другие ошибались.

Генрих Ягода настоял, чтобы вождь в целях безопасности не шел с процессией до самого кладбища. Когда они добрались до Манежной площади, Сталин вместе с тещей сел на машину

и поехал на Новодевичье.

Там он стал с одной стороны могилы, а Василий и Артем – с другой. Открыл траурный митинг Николай Бухарин. Потом Енукидзе предоставил слово главному оратору. «Было очень трудно произносить эту речь в присутствии самого Сталина», – вспоминал позже Лазарь Каганович. Железный комиссар, привыкший к напыщенным выступлениям на митингах или площадной брани в адрес врагов, произнес речь на особом большевистском языке.

– Товарищи, мы присутствуем на похоронах одного из лучших членов нашей партии, – начал Каганович. – Она выросла в семье рабочего большевика… она была преданной подругой тех, кто правил… кто вел великую борьбу. Она обладала лучшими качествами большевиков – твердостью и стойкостью в борьбе… – Затем он повернулся к вождю. – Мы, близкие друзья и соратники товарища Сталина, хорошо понимаем всю тяжесть потери… Мы знаем, что должны разделить с товарищем Сталиным горечь его утраты.

Иосиф Виссарионович взял горсть земли и бросил на гроб. Кто-то велел Артему Сергееву и Василию Сталину сделать то же самое. Артем спросил, зачем бросать землю на гроб. «Чтобы у нее была горсть земли из твоей руки», – объяснили взрослые.

Позже Сталин выбрал памятник для могилы. Его украшала роза, напоминание о красном цветке, который Надя носила в черных волосах. Надгробие украшали торжественные слова: «Член партии большевиков».

Самоубийство жены не давало Сталину покоя до самой смерти. «Надя, Надя, что ты наделала? – печально вздыхал он в конце жизни и пытался оправдаться перед самим собой: – Я жил в таком напряжении».

Он считал ее самоубийство жестоким поражением в личной жизни. Потеря жены вызвала страшные изменения в его характере. Конечно, смерть Нади ранила и унизила Сталина. Она порвала еще одну тонкую нить, связывавшую его с простыми человеческими чувствами; удвоила его жестокость, зависть и склонность жаловаться на судьбу.

* * *

Семья пристально наблюдала за Сталиным. Постоянно приходили родственники и спрашивали, не нужно ли чем-нибудь помочь. Как-то ночью к нему заглянула Женя Аллилуева. В комнате царила гробовая тишина. Потом она услышала какие-

то непонятные хриплые звуки. Вождь лежал в полутьме на кровати и… плевал на стену. Судя по тому, что стена вся блестела от следов слюны, Женя заключила, что занимается он этим давно.

– Что вы делаете, Иосиф? – встревожилась она. – Вам нельзя оставаться в таком виде.

Сталин ничего не ответил. Он молча смотрел на слюну, медленно стекающую по стене.

Мария Сванидзе, жена Алеши, бывшего зятя Сталина, примерно в это самое время начала вести замечательный дневник. Она считала, что смерть Нади приблизила Сталина к обычным людям. После самоубийства жены в нем поубавилось того, что присуще «мраморным героям». Сталин в отчаянии повторял два вопроса. «Дети забыли ее уже через несколько дней. Но как она могла так поступить со мной?» Или: «Я еще могу понять, что она так поступила со мной. Но как она могла так поступить с детьми?» Все эти размышления всегда заканчивались одним и тем же выводом: «Она разрушила мою жизнь, сделала меня калекой».

Самоубийство Надежды на какое-то время ослабило уверенность Сталина в собственных силах. Он, если верить Светлане, «хотел уйти в отставку, но политбюро ему отказало».

Сомнения в своих силах продолжались недолго. Скоро вождь опять твердо поверил в свою непогрешимость. Он считал, что ему выпало выполнять мессианскую миссию: победоносно закончить войну с крестьянством и расправиться с врагами внутри партии. Его мысли метались между недавно арестованными Эйсмонтом, Смирновым и Рютиным.

Сталин много пил, его мучила бессонница. Через месяц после смерти Нади, 17 декабря, он написал Ворошилову странную записку: «Дела Эйсмонта, Смирнова и Рютина наполнены алкоголем. Мы видим, что оппозиция злоупотребляет водкой. Эйсмонт, Рыков. Охотиться на этих диких зверей. Томский, повторяю, Томский. Дикие звери ревут и рычат. Смирнов и другие московские слухи. Как в пустыне. Ужасно себя чувствую, мало сплю…» Это сумбурное и загадочное послание ясно показывает, в каком смятении находился Иосиф Виссарионович после смерти жены.

Но смерть Нади не заставила его изменить отношение к крестьянам. 28 декабря Постышев прислал Сталину докладную записку. Он предлагал взять зерновые элеваторы под охрану ГПУ, потому что умирающие от голода люди крадут слишком много хлеба. В конце автор написал: «Имеются случаи саботажа с поставками зерна на коллективных машинно-тракторных

станциях. Разрешите дать распоряжение ГПУ выслать на север 200–300 кулаков из Днепропетровска».

«Правильно!» – с энтузиазмом резюмировал Сталин, воспользовавшись любимым синим карандашом.

Надя, словно осуждающий призрак, не давала Сталину покоя до самой его смерти. Встречаясь со знавшими ее людьми, он обязательно рано или поздно переводил разговор на жену. Через два года после смерти Нади вождь встретился в театре с Николаем Бухариным. Сталин вспоминал жену и рассказывал собеседнику, как ему тяжело. Иосиф Виссарионович часто говорил о Наде с Буденным.

Родные и близкие каждый год собирались 8 ноября, чтобы помянуть ее. Сталин терпеть не мог этих поминок и старался уезжать в это время на юг. Однако он хранил ее снимки. Фотографиями Нади, как маленькими, так и большими, были заполнены все его резиденции.

В аппарат Генерального секретаря приходили тысячи писем с выражением скорби и соболезнований. Несколько самых интересных он оставил в личном архиве. «Она была хрупкая, как цветок», – написал один автор. Возможно, Сталин решил его сохранить, потому что оно заканчивалось такими словами: «Не забывайте, что всем нам очень нужно, чтобы вы заботились о себе».

Иосиф Виссарионович не разрешил студентам назвать институт именем своей жены. Он передал просьбу ее сестре Анне, приписав: «Когда прочитаешь эту записку, оставь ее на моем столе».

Боль утраты жены была свежа в его сердце и шестнадцать лет спустя. В 1948 году Сталин получил письмо от одного скульптора, который хотел подарить ему бюст Нади. В записке вождя, адресованной Поскребышеву, читаем лаконичное указание: «Ответьте, что вы получили письмо и возвращаете его обратно. Сталин».

Времени горевать не было. Партия вела яростную войну.

* * *

12 ноября, на следующий после похорон день, в 16 часов, Сталин приехал на работу, чтобы встретиться с Кагановичем, Ворошиловым, Молотовым и Орджоникидзе. На совещании присутствовал и Сергей Миронович Киров.

Киров был первым секретарем Ленинградского обкома партии, членом политбюро и одним из самых близких друзей

Сталина. «После трагической смерти Нади одному Кирову удавалось пробираться к самому сердцу Иосифа и давать тепло и дружбу, в которых он тогда очень нуждался и которых ему так не хватало», – писала в дневнике Мария Сванидзе. Вождь обратился за душевным теплом и сочувствием к Кирову, который, по его же собственным словам, «присматривал за ним, как за ребенком».

Киров и в зрелом возрасте отличался мальчишеским энтузиазмом и задором. Он был одним из тех, с кем нельзя не дружить. Сергей Миронович постоянно насвистывал или напевал оперные арии, всегда светился добротой и весельем. Этого невысокого шатена с привлекательным лицом, на котором сохранились следы оспы, глубоко посаженными карими и слегка раскосыми глазами, с одинаковой силой любили как женщины, так и мужчины. Он был женат, но детей не имел.

Ходили слухи, что Киров был большим поклонником прекрасного пола. Особой его благосклонностью пользовались балерины из Мариинского театра в Ленинграде, которому он покровительствовал.

Так же, как все остальные большевистские лидеры, Сергей Миронович Киров был трудоголиком. Он любил свежий воздух, с удовольствием совершал пешие походы и ездил на охоту с товарищем, Серго Орджоникидзе. Как и Андреев, Сергей Миронович увлекался альпинизмом, пользовавшимся у большевиков большой популярностью.

Он вел себя непринужденно, всегда был честен и никогда не хитрил. Может, поэтому Сталин относился к нему с такой теплотой. Дружба вождя была очень тяжелым грузом. К тому же она могла быстро превратиться в горькую зависть. Но сейчас вождю хотелось быть с Кировым. Первые недели после похорон Нади Киров заходил к нему в кабинет по пять раз в день.

Родился Сергей Костриков (будущий Киров) в 1886 году в Уржуме, в восьмистах милях к северо-востоку от Москвы. Его отец был мелким чиновником. Вскоре после рождения сына он умер. При помощи благотворительного фонда Киров поступил в Казанское механико-техническое училище и закончил его с отличием. Дальнейшей учебе помешала революция 1905 года. Вместо того чтобы пойти в университет, он вступил в социал-демократическую партию и стал профессиональным революционером.

В перерывах между ссылками Киров женился на еврейке, дочери часовщика. Так же, как все настоящие большевики, он подчинил личную жизнь делу революции.

Перед Первой мировой войной Сергей Миронович работал

журналистом в буржуазной газете, что строго запрещалось партией. Работа репортером была единственным черным пятном в его большевистской биографии.

1917 год Киров встретил на Тереке, на Северном Кавказе. В Гражданскую войну он был одним из самых отважных и безрассудных комиссаров. Воевал на Северном Кавказе рука об руку с Орджоникидзе и Микояном. В марте 1919 года установил советскую власть в Астрахани. В результате погибли четыре тысячи человек.

Как и остальные большевики, особой сентиментальностью и добротой Киров не отличался. Когда к нему привели буржуя, прятавшегося в собственном шкафу, он приказал расстрелять его.

Карьера революционера Кирова была во многом схожа с подвигами Серго. Они вместе организовали захват Грузии в 1921 году. После этого Киров остался в Баку.

Со Сталиным Киров, вероятно, познакомился в 1917 году. Однако настоящая дружба началась во время совместного отдыха в 1925 году.

«Дорогой Коба, я в Кисловодске, – писал Киров. – Мне становится лучше. Через неделю приеду к тебе. Всем привет. Особый привет Наде!»

Киров был любимцем семьи. Сталин подписал свою книгу «Ленин и ленинизм»: «С. М. Кирову, моему другу и любимому брату».

В 1926 году Сталин убрал Зиновьева из Ленинграда, который до этого был оплотом и базой антисталинской оппозиции. Колыбель революции, столицу Петра Великого, город, в котором была вторая по численности партийная организация в стране, он передал своему любимцу Кирову.

Членом политбюро Сергей Миронович стал в 1930 году.

В 1931 году Киров попросил у Сталина разрешение вылететь в отпуск на юг, но получил отрицательный ответ. «Я не имею права и не хочу никому советовать летать самолетом, – написал вождь. – Очень тебя прошу, поезжай на поезде».

Артем Сергеев, часто отдыхавший со Сталиным, вспоминал: «Сталин очень любил Кирова. Он ездил на вокзал в Сочи встречать поезд Кирова». Иосифу Виссарионовичу нравилось отдыхать с Кировым. Он не стеснялся Мироныча и ходил с ним даже в баню. Когда Киров купался в море, вспоминал Артем, Сталин иногда приходил на берег и терпеливо ждал.

После смерти Нади дружба Сталина с «Кирычем» стала еще крепче. Сталин в любое время дня и ночи мог позвонить своему фавориту в Ленинград. На ленинградской квартире Кирова, у кровати, до сих пор стоит вертушка, по которой он

разговаривал с вождем.

Приезжая в Москву, Сергей Миронович предпочитал останавливаться, однако, не у Сталина, а у своего закадычного приятеля Орджоникидзе. Серго безумно любил Кирова. Его жена рассказывала, что однажды он даже подстроил автомобильную аварию, чтобы Киров опоздал на поезд.

Сталин и Киров были как братья, рассказывает Сергеев. Они смеялись друг над другом, шутили, травили неприличные анекдоты. «Они были большими друзьями и всегда нуждались друг в друге».

Все это, однако, вовсе не означало, что Иосиф Виссарионович полностью доверял Кирову. Осенью 1929 года Сталин организовал в «Правде» критику друга. Сталин мог порой сильно сердиться. В июне 1928 года в «Ленинградской правде» была опубликована статья за подписью Кирова, которая, похоже, подверглась незначительным сокращениям. Это обстоятельство стало причиной гневного письма Сталина любимцу. Оно является наглядным примером того, каким параноиком мог быть вождь, даже если дело касалось мелких вопросов. «Я понимаю, что существуют технические причины. Однако мне неизвестно ни об одной похожей статье у кого-нибудь из других членов политбюро… Странно, что под сокращение попали именно те наиболее яркие 40–50 слов, в которых говорится о том, что крестьянство является капиталистическим классом… Жду твоего объяснения».

Киров не считал Сталина святым. В 1929 году, когда Сталин стал вождем, ленинградцы вспомнили ленинские слова об его грубости. Киров хорошо знал необычный менталитет старшего друга. Однажды какой-то студент прислал вождю письмо, в котором просил ответить на ряд вопросов по идеологии. Сталин отправил письмо Кирову с запиской: «Киров, ты должен прочитать письмо студента Федотова. Политически абсолютно безграмотный молодой человек. Может, ты позвонишь ему? Вероятно, это испорченный член партии, который любит выпить. Думаю, не стоит привлекать ГПУ. Кстати, этот студент, по-моему, очень хороший обманщик с антисоветским лицом, которое он ловко скрывает под маской простачка. „Помогите мне разобраться, – просит он. – Может, вы все понимаете, а я – нет“. Привет, Сталин».

Несомненно, крепкая дружба Кирова с Орджоникидзе, Куйбышевым и Микояном беспокоила Сталина. Многочисленные кризисы 1932 года: заговор Рютина, возражения Кирова против его казни, страшный голод в стране и самоубийство Надежды – показали вождю, что он нуждается в более преданных

помощниках.

После смерти Нади Киров практически вошел в семью Сталина. Сталин настаивал, чтобы он останавливался у него, а не у Серго. Киров так часто бывал на кремлевской квартире вождя, что знал, где лежат простыни и подушки. Он спал на диване.

Дети любили Кирова. Светлана иногда устраивала для него кукольные представления. Больше всего ей нравилось изображать работу правительства. Первым секретарем, конечно, был ее отец. «Моему первому секретарю, – писала маленькая девочка правителю огромной империи. – Приказываю вам взять меня с собой в театр». Свои веселые распоряжения она обычно подписывала: «Хозяйка (Светланка)».

Светлана развешивала приказы в столовой над столом, где стояли правительственные телефоны отца. Сталин улыбался, приговаривая: «Слушаю и повинуюсь».

Каганович, Молотов и Орджоникидзе были в кукольном правительстве Светланы вторыми секретарями. К Кирову она относилась с особой теплотой, отмечала Мария Сванидзе, потому что «Иосиф с ним крепко дружил».

Постепенно Сталин вернулся к напряженной и аскетической кочевой жизни большевика-подпольщика. От бытования простого бедуина она отличалась лишь тем, что сильнее напоминала караван монгольского хана. Хотя Сталин был консерватором и не любил перемен, он не мог долго оставаться на одном месте. Ему нужно все время двигаться, постоянно куда-то переезжать. В его домах, конечно, имелись кровати, но главным местом отдыха служили большие диваны. Они стояли во всех комнатах.

– Никогда не сплю на кровати, – признался он как-то одному из гостей. – Всегда только на диване.

Вождь засыпал на том диване, на котором читал.

– Интересно, у кого из исторических деятелей была такая же спартанская привычка? – спрашивал он и тут же сам себе отвечал, показывая свои поистине энциклопедические знания: – У Николая I.

Всемогущий вдовец и его любящая семья. Серго, большевистский принц

После самоубийства Нади Сталин не мог больше жить в Потешном дворце и на даче в Зубалове – слишком горькими были для него воспоминания. Николай Бухарин предложил поменяться квартирами. После недолгих размышлений Сталин согласился. Вскоре он переехал в бухаринскую квартиру, расположенную на первом этаже дворца, приблизительно под его кабинетом.

Поскольку кабинет Сталина находился в том месте здания, где под углом соединяются два крыла здания, его обычно называли Маленьким уголком. Лакированный пол в центре комнаты устилали красный и зеленый ковры. Стены примерно на полтора метра были отделаны дубовыми панелями. Окна закрывали мрачные занавеси. В просторном кабинете было чисто и тихо, как в больнице.

Попасть к вождю можно было только через секретаря Поскребышева, сидевшего в приемной за безукоризненно чистым столом.

Маленький уголок представлял собой продолговатую прямоугольную комнату со старинными русскими печами, украшенными изразцами. К печам всегда можно было прислониться в холодную погоду, чтобы погреть больную спину или ноги.

Дальний правый угол комнаты занимал огромный стол. Второй стол, верх которого был обтянут зеленым байковым сукном, стоял слева под портретами Маркса и Ленина. С обеих сторон вдоль него выстроились стулья с высокими прямыми спинками, закрытые белыми чехлами.

Сейчас Сталин жил в здании Сената. Эта мрачная квартира с высокими сводчатыми потолками стала его главной московской резиденцией до самой смерти. «Она совсем не была похожа на нормальный жилой дом», – писала Светлана. Тут не было ничего удивительного, потому что когда-то в этом месте проходил коридор. Вождь надеялся, что дети будут играть в новой квартире каждый вечер. Он думал, что станет, как всякий нормальный отец, возвращаться вечером с работы, ужинать и заниматься домашними делами.

До войны ему удавалось вести привычную размеренную жизнь. Об этом говорят несколько его записок учителям детей, сохранившиеся в архивах.

Детям по-прежнему очень нравилось жить в Зубалове. Дача была их настоящим домом, поэтому Сталин решил ничего не менять в жизни детей. Себе же он построил новую одноэтажную загородную резиденцию в Кунцеве, всего в девяти километрах от Кремля. Эта самая современная для начала тридцатых годов дача стала на следующие двадцать лет главным домом Сталина. Ее часто перестраивали и достраивали. С годами она превратилась в огромный двухэтажный особняк сурового зеленоватого цвета.

На территории резиденции Сталина в Кунцеве имелось много других построек: домики для охраны и прислуги, коттеджи для гостей, теплицы, русская баня и специальный дом для огромной библиотеки.

Комплекс уютно расположился в сосновом бору. Его окружали два концентрических забора со множеством контрольно-пропускных пунктов и как минимум сотней охранников. В Кунцеве Иосиф Виссарионович наслаждался прирожденной любовью к уединению, являвшемуся внешним выражением его эмоциональной холодности и равнодушия.

Ночью в главном доме он находился один. Охрана и прислуга спали у себя.

Из Кунцева Сталин обычно выезжал после обеда. Дача находилась так близко от Кремля, что соратники и друзья вождя называли ее Ближней в противоположность другой загородной резиденции, в Семеновском, Дальней, в которой Сталин тоже нередко бывал. Тем временем в Зубалове продолжалась идиллическая жизнь. Там сохранился, по словам Светланы, «рай», напоминающий сказочный остров.

После смерти Нади Сталин не отгородился от внешнего мира. Он не стал затворником. Иосиф Виссарионович еще больше времени проводил со своими соратниками. Его жизнь теперь напоминала двор русского царя XVII века, при котором находились одни мужчины, а женщины не приветствовались.

Однако это вовсе не означает, что всесильный вдовец окончательно и бесповоротно вычеркнул женщин из своей жизни. Напротив, пережить горечь утраты ему помогли крепкие объятия и сочувствие вновь создаваемой семьи. После самоубийства жены у него постоянно бывали Павел и Женя Аллилуевы, недавно вернувшиеся из Берлина. Анна со своим мужем Станиславом Реденсом примерно в это же время вернулась из Харькова. Реденса перевели в столицу и назначили начальником московского ГПУ.

Станислав Реденс был привлекательным плотным поляком с длинной челкой. Его никто не видел без чекистской формы.

Когда-то он был секретарем Феликса Дзержинского, организатора тайной полиции большевиков.

Роман между Станиславом Реденсом и Анной Аллилуевой начался в 1919 году, в то самое время, когда Сталин и Дзержинский расследовали причины взятия белыми Перми.

В стане суровых старых большевиков Реденс имел репутацию позера и пьяницы. Этим нелестным имиджем он был обязан несчастному, хотя и забавному случаю. До 1931 года Станислав руководил ГПУ в Грузии. Интриги против него плел заместитель, Лаврентий Берия. Если верить членам сталинской семьи, именно он стал автором шутки, которая больше похожа на грубые розыгрыши на мужских вечеринках, нежели на хитроумные интриги тайной полиции. Как бы то ни было, своей цели – убрать Реденса из Тифлиса – Берия добился.

Однажды Лаврентий Павлович напоил шефа в стельку, раздел и отправил домой абсолютно голым. В клане Аллилуевых старались как можно реже вспоминать об этой неприглядной истории.

Из писем Сталина следует, что Реденс и грузинское руководство пыталось избавиться от карьериста Берии и перевести его на Нижнюю Волгу, но кто-то, не исключено, что сам Сталин, вмешался и защитил молодого чекиста.

Берия не простил Реденса. Тогда, в 1931 году, уехать из Тифлиса пришлось не ему, а самому Реденсу.

Сталин хорошо относился к веселому зятю, но сомневался в его компетенции как чекиста. Он считал, что тот не справляется с работой, и поэтому убрал его с Украины.

Анна была ласковой и доброй, но до дерзости смелой женщиной. Даже двое сыновей Реденсов позже соглашались: она слишком много говорила. Неудивительно, что Сталин называл ее Балаболкой.

Третья пара любящих родственников превратила сталинскую семью в секстет. Из-за границы вернулся Алеша Сванидзе, брат первой жены Сталина. Этот красивый голубоглазый блондин с орлиным носом, типичный грузинский денди, свободно говорил на французском и немецком языках.

Он занимал высокие посты в Государственном банке СССР. Сталин очень любил Алешу.

Жена Алеши, Мария, хорошенькая грузинская еврейка с маленьким курносым носиком, персиковым цветом лица и большими голубыми глазами, была певицей. Она обладала замечательным сопрано. Была примадонной не только в опере, но и в собственной жизни.

Светлана хорошо помнила эту яркую пару. Сванидзе

отличались дерзким независимым характером и всегда привозили подарки из-за границы.

Мария, страстная мемуаристка, вела дневник. Как и остальные женщины при дворе Сталина, она была немного влюблена в вождя. Между сталинскими дамами всегда шла борьба за его внимание. Они так увлекались соперничеством между собой, были такими заносчивыми и высокомерными по отношению к другим, что часто не замечали, как у них над головами сгущаются тучи сталинского недовольства и гнева.

Якову Джугашвили исполнилось двадцать семь лет. Он получил диплом инженера-электрика. Сталин был недоволен старшим сыном, потому что хотел, чтобы тот стал военным. Яша был очень похож на отца голосом и внешностью и, возможно, поэтому часто раздражал его. Даже редкие знаки внимания со стороны Сталина сильно отличались от любви обычных отцов. «Яша, немедленно прочитай эту книгу. И. Сталин», – грозно написал он старшему сыну на «Завоевании природы» из своей библиотеки.

Светлана быстро росла. Сталин часто говорил, что эта рыжая девочка с веснушками сильно похожа на его мать. В его устах такие слова считались высшей похвалой. Говорил он так, потому что очень любил дочь.

На самом же деле Светлана была больше похожа на отца. Она росла большой умницей, но с раннего детства обладала упрямым и решительным характером. «Я была его любимицей, – рассказывала она в мемуарах. – После смерти матери он старался оказывать мне больше внимания. Он был очень добрым, часто расспрашивал меня о моих делах. Только сейчас я поняла, каким добрым и ласковым отцом он был. Я очень благодарна ему за эту любовь и внимание».

Из дневника Марии Сванидзе мы узнаем, что Светлана платила Сталину такой же сильной любовью. «Она не отходила от него ни на шаг, – писала Мария. – Он все время целовал ее, восхищался ею, кормил из своей тарелки, выбирая самые лучшие куски».

Семилетняя Светлана часто повторяла: «Если папа любит меня, то мне безразлично, если меня будет ненавидеть весь остальной свет! Если папа скажет: „Лети на луну“, я полечу!»

Но даже она временами находила любовь отца чересчур сильной и удушающей, как толстое одеяло, под которым нечем дышать. «От него всегда пахло табаком, его постоянно окружали клубы дыма, – вспоминала Светлана. – Он постоянно обнимал и целовал меня, царапая колючими усами».

После смерти матери ее роль взяли на себя любимая няня

Светланы, сильная Александра Бычкова, и решительная, смелая экономка Каролина Тиль.

После самоубийства Нади прошел месяц, а Светлана, по воспоминаниям Артема Сергеева, все еще продолжала спрашивать, когда мама вернется из-за границы. Светлана панически боялась темноты. Тьма в ее сознании ассоциировалась со смертью.

Она признавалась, что не может любить Василия. Брат или задирал ее и портил веселую жизнь, или заставлял краснеть, рассказывая неприличные анекдоты. Позже Светлана пришла к выводу, что благодаря этим анекдотам у нее выработалось неправильное отношение к сексу.

Больше всех от смерти Надежды Аллилуевой пострадал Василий, которому было двенадцать лет. «Для него смерть матери оказалась ужасным потрясением, – была уверена Светлана. – Она сломала ему всю жизнь».

Второй сын Сталина замкнулся в себе. Он постоянно ругался, даже в присутствии женщин. Мальчик быстро уверовал в свое исключительное положение и теперь требовал, чтобы с ним обращались как с наследным принцем.

Он не отличался особым умом и был по-своему несчастен. Василий постоянно хулиганил в Зубалове. Сталину о его возмутительном поведении и выходках старались не рассказывать. И все же Артем Сергеев твердо убежден, что в глубине души Василий был добрым, мягким и хорошим юношей, которого совсем не интересовала материальная, практическая сторона жизни. Да, он часто задирал сверстников, но так же часто становился на защиту младших, когда видел, что их обижают.

Василий панически боялся отца. Для него Сталин был всем, значил примерно то же, что «для христиан Иисус Христос». Сталин был разочарован в младшем сыне. В отсутствие отцовской любви Василий рос в суровом и мрачном окружении охранников, грубых подхалимов из тайной полиции, ласковых и одновременно строгих нянь и воспитателей. За советским «маленьким лордом Фаунтлероем» присматривал Карл Паукер, начальник охраны вождя. Ефимов, комендант Зубалова, рассказывал о его поведении Власику, а тот, в свою очередь, докладывал о сыне Хозяину.

Сталин всецело доверял своему телохранителю, сильному и мускулистому Николаю Власику. В ЧК этот нескладный выходец из крестьян пришел в 1919 году. Сначала он охранял членов политбюро, а с 1927 года переключился исключительно на Сталина. В тридцать семь лет Власик стал всесильным визирем

при вожде. Но для Василия он был самым близким человеком и во многом заменял ему отца. Дело доходило до того, что сын Сталина знакомил с ним девушек и спрашивал, стоит ли с ними встречаться.

Когда поведение Василия в школе стало совсем невыносимым, Паукер написал Власику, настоятельно предлагая перевести мальчика в другую школу.

Василию очень не хватало внимания и особенно похвал отца. «Здравствуй, отец, – писал он на типичном жаргоне детей большевиков. – Я учусь в новой школе. Это очень хорошо. Думаю, что я буду хорошим Красным Васькой! Отец, напиши мне, как у тебя дела и как тебе отдыхается. У Светланы все хорошо, она тоже учится в школе. Привет от нашего рабочего коллектива. Красный Васька».

Василий переписывался не только с отцом, но и с чекистами. «Здравствуйте, товарищ Паукер, – читаем в письме начальнику охраны Сталина. – У меня все хорошо. Я не дерусь с Артемом. Часто хожу на рыбалку и ловлю много рыбы. Все замечательно. Если вы не очень заняты, приезжайте к нам… Товарищ Паукер, пожалуйста, вышлите мне пузырек чернил для ручки».

Паукер, как и Власик, пользовался большим доверием вождя. Он выполнил просьбу сына Сталина и прислал ему чернил. Когда чернила привезли на дачу, Василий поблагодарил товарища Паукера.

В том же письме он утверждал, что вовсе не довел до слез другого мальчика. Василий уверял, что Власик обвинил его несправедливо. Жизнь в окружении сотрудников тайной полиции привила этому избалованному мальчику вкус к интригам. Он с детства учился обвинять других. Пройдет не так уж и много времени, и эта детская привычка станет роковой для тех, кто имел несчастье чем-то рассердить или обидеть наследного принца Советского Союза.

Уже в детских письмах Василия ясно чувствуется высокомерный тон: «Товарищ Ефимов проинформировал вас, что я просил прислать дробовик. Я до сих пор его так и не получил. Напоминаю вам о своей просьбе. Пожалуйста, пришлите мне ружье. Вася».

Сталин не мог понять, почему Василий никого не слушается. Вместо того чтобы разобраться в проблемах сына, он требовал от него еще большего послушания.

12 сентября 1933 года Каролина Тиль отправилась в отпуск. Сталин, который в то время отдыхал на юге, написал в Зубалово коменданту Ефимову: «Няня останется в Москве. Позаботьтесь о том, чтобы Вася вел себя хорошо. Не позволяйте ему все время

играть. Будьте с ним построже. Если Вася не будет слушать няню и будет плохо себя вести, держите его в ежовых рукавицах». В конце читаем еще одно важное указание: «Заберите Васю у Анны Сергеевны [Реденс]. Она во всем ему потакает и портит его».

Сталин написал сыну и прислал с юга немного персиков. Красный Васька поблагодарил отца за подарок. Мало кто понимал, что с Василием не все в порядке. Пистолет, из которого застрелилась Надя, оставался в доме Сталина. Василий показывал его Артему и подарил ему кожаную кобуру.

Только через много лет до Иосифа Виссарионовича дошло, какой вред нанесли детям его постоянная занятость и забота охранников. Ошибки в воспитании Василия и Светланы он называл «самой большой тайной сердца».

* * *

В январе 1933 Сталин выступил на пленуме ЦК с хвастливым докладом, в котором рапортовал об успешном выполнении пятилетнего плана. Партия наладила выпуск тракторов, организовала добычу угля и нефти, выплавку стали и многое другое. Там, где никогда не жили люди, возводились большие города. Днепр перегородила огромная плотина. Было закончено строительство Туркестано-Сибирской железной дороги (Турксиб).

Эти грандиозные стройки первой пятилетки никогда бы не были закончены без Ягоды, являвшегося главным поставщиком рабской рабочей силы, потребности в которой росли с каждым днем. Многочисленные трудности, возникавшие в ходе индустриализации, неизменно списывались на противодействие врагов и оппозиционеров.

1933-й стал не только годом великих свершений в промышленности, но и самым голодным годом в истории России. Миллионы людей умирали голодной смертью, сотни тысяч были депортированы.

В июле 1933 года Киров вместе со Сталиным, Ворошиловым, заместителем председателя ОГПУ Ягодой и начальником ГУЛАГа Берманом отмечали на пароходе «Анохин» завершение еще одного грандиозного проекта социалистического строительства – Беломорско-Балтийского канала, или, как его называли любители сокращений большевики, Беломорканала. Это удивительное гидротехническое сооружение протяженностью в 227 километров возводили 170 тысяч заключенных ГУЛАГа. Строительство началось в декабре 1931 года и было закончено в рекордные

сроки ценой жизней около 25 тысяч строителей. Ворошилов хвалил Генриха Ягоду и Сергея Кирова за их огромный вклад в это преступление.

К лету руководители советского государства очень устали от непосильных трудов по триумфальному завершению первой пятилетки, разгрому оппозиции и, что было самым главным для Сталина, победе над крестьянством.

Вожди тоже были людьми. Они не всегда выдерживали нечеловеческое напряжение сил и нервов, нуждались в отдыхе. Серго Орджоникидзе, народный комиссар тяжелой промышленности, нес главную ответственность за выполнение пятилетнего плана. Он жаловался на боли в сердце и проблемы с сосудами. Сталин лично следил за его лечением. Не выдержал страшного напряжения и Киров. У него появилась тахикардия. Он раздражался по малейшим пустякам и очень плохо спал. Доктора прописали ему отдых. Перед приятелем Кирова, Валерианом Куйбышевым, возглавлявшим Госплан, стояла, казалось бы, невыполнимая задача. Он должен был сделать так, чтобы фантастические планы развития промышленности стали осуществимыми. Главный плановик Советской России напропалую пил и волочился за женщинами. Сталин жаловался Молотову, что Валериан становится алкоголиком.

17 августа Сталин и Ворошилов отправились на специальном поезде на юг. Из неопубликованной записки мы знаем, что вождь уже тогда относился к своим передвижениям по стране с повышенным вниманием. Масла в огонь его маниакальной подозрительности подлила невестка Анна Реденс.

«Я вчера не хотел говорить в присутствии моей невестки-балаболки и докторов, больших любителей посплетничать, о дате отъезда, – написал Сталин Ворошилову. – Сейчас же сообщаю тебе, что решил выехать завтра. Лучше держать это в тайне. Мы оба являемся самыми желанными мишенями для врагов, поэтому необходимо проявлять крайнюю осторожность. Если ты не возражаешь, давай выедем завтра в два часа. Я уже приказал Юзису [охраннику-литовцу, который охранял Сталина вместе с Власиком] немедленно позвонить начальнику железнодорожного вокзала и приказать прибавить один вагон, но ни в коем случае никому не говорить, для кого он предназначен…»

Этот отпуск вождя был полон важных событий.

* * *

На веранде дачи в Красной Поляне, неподалеку от Сочи, Сталина уже ждали Лакоба, руководитель Абхазии, Поскребышев и президент Калинин. Сталин и Лакоба решили прогуляться по саду. Компанию им составил Лаврентий Берия.

К свите вскоре должен был присоединиться Ян Рудзутак, старый большевик, латыш по национальности. Он возглавлял Комиссию партийного контроля при ЦК и уже начал терять доверие Сталина.

– Почему вы бездельничаете? – неожиданно поинтересовался Иосиф Виссарионович, считавший себя большим садоводом. – Нужно прополоть кусты.

Партийным руководителям и охранникам ничего не оставалось, как взяться за работу. Они собирали ветки и подстригали кусты под жарким солнцем. Сталин в белой рубашке и мешковатых брюках, заправленных в сапоги, руководил ими, попыхивая трубкой. Он взял вилы и даже собрал немного травы. Берия ловко работал граблями, а один из москвичей рубил ветки топором. Желая покрасоваться перед вождем, Лаврентий Павлович выхватил у него топор и принялся ловко рубить ветки.

– Хочу показать хозяину сада, Иосифу Виссарионовичу, что для меня не проблема срубить любое дерево, – двусмысленно пошутил Лаврентий Павлович.

Он явно намекал на то, что для него не существует людей, которых нельзя тронуть. Скоро ему предоставится возможность вволю поработать топором.

Сталин уселся на плетеный стул, Берия расположился у него за спиной, как это делали в Средние века вассалы. Топорик он сунул за пояс.

В сад прибежала Светлана. Она уже называла Берию дядей Ларой. Вождь начал работать с бумагами. Лакоба слушал музыку через наушники, чтобы не мешать. Берия подошел к Светлане и посадил ее на колено. Фотограф щелкнул аппаратом, поймав этот удивительный миг. Лучи солнца поблескивают на стеклах пенсне Берии. Он ласково обнимает девочку, а на заднем плане усердно работает сам вождь.

Ворошилов и Буденный, тоже отдыхавшие в Сочи, предложили Сталину посмотреть на лошадей, которых выводят армейские коноводы. На экскурсию они отправились на открытом «паккарде». После осмотра лошадей решили поехать на охоту. Сталин весело шагал по лесу с ружьем на плече, сдвинув на затылок фуражку. Охранник спешил за ним, стараясь не отстать, и украдкой стирал пот со лба. Вечером, после охоты, они разбили палатки и начали жарить шашлыки.

На следующий день Иосиф Виссарионович отправился на рыбалку. Отдых проходил в веселой непринужденной обстановке. Это продлилось недолго…

* * *

Гнев Сталина вызвало сообщение из Москвы. Воспользовавшись отсутствием вождя, Серго Орджоникидзе решил настроить против него политбюро. Поскольку руководители один за другим отправлялись на отдых, за главного остался Лазарь Каганович. Он писал Сталину почти каждый день и неизменно заканчивал одной и той же просьбой: «Пожалуйста, сообщите нам свое решение».

Между партийными руководителями шла непрерывная борьба за деньги и ресурсы. Чем сильнее буксовала коллективизация и ожесточеннее становились репрессии в деревне, чем больше ускорялись темпы индустриализации и увеличивалось количество аварий на заводах, тем сильнее нарастало напряжение в политбюро.

Каждый из вождей старался урвать кусок полакомее для своего комиссариата или ведомства. Премьер Молотов часто ссорился со вспыльчивыми Орджоникидзе, наркомом тяжелой промышленности, и Кагановичем. Каганович боролся на два фронта. Кроме Молотова, он воевал с Кировым, у которого, в свою очередь, были очень напряженные отношения с Ворошиловым. И так далее.

Сталина эти распри вполне устраивали. Он был доволен, что соратники постоянно ссорятся. Поэтому для него, как гром среди ясного неба, прозвучало известие о том, что члены политбюро объединились.

Летом 1933 года на стол Молотова лег рапорт. В нем сообщалось, что на заводе в Запорожье выпускают бракованные детали для комбайнов и это не разгильдяйство, а саботаж. Молотов полностью соглашался со Сталиным в том, что раз политическая система и идеология безупречны, то все промахи должны быть результатом деятельности вредителей.

Молотов приказал генеральному прокурору Акулову арестовать виновных и наказать. Директор запорожского завода пожаловался Орджоникидзе. На рассмотрении дела в Верховном суде правительство представлял заместитель генерального прокурора Андрей Вышинский.

До революции этот юрист работал адвокатом и разделял тогда убеждения меньшевиков. Через несколько лет Вышинский

станет одним из главных действующих лиц Большого террора.

Сталина в Москве не было, поэтому Серго отчаянно защищал подчиненных. В конце концов ему удалось убедить политбюро, в том числе и Молотова с Кагановичем, осудить обвинительную речь Вышинского на процессе, который, естественно, требовал сурового наказания для виновных.

29 августа Сталин узнал об интригах Серго Орджоникидзе и тут же отправил в Москву гневную телеграмму. «Считаю позицию, занятую политбюро, неправильной и опасной! – бушевал вождь. – Я нахожу прискорбным, что Молотов и Каганович не смогли побороть бюрократическое давление, которое оказал на них народный комиссариат тяжелой промышленности».

Через два дня Каганович, Андреев, Куйбышев и Микоян официально отменили свое решение. Сталин вновь задумался над тем, что Серго Орджоникидзе обладает опасным авторитетом и может поколебать уверенность даже самых близких и преданных сталинских соратников. О негодовании по поводу поведения наркома вождь сообщил Молотову: «Уверен, что Серго ведет себя как отъявленный хулиган. Как ты мог позволить ему уговорить тебя пойти против линии партии? В чем дело? Каганович сжульничал? И похоже, он не единственный. Я написал Кагановичу и выразил ему изумление и недовольство тем, что в этом деле он оказался в лагере реакционных элементов».

После бунта в Москве прошли две недели, а Сталин все никак не мог успокоиться. 12 сентября он пожаловался Молотову, что Серго проявляет антибольшевистские тенденции и идет против ЦК, защищая «реакционные элементы в партии». Вождь отозвал председателя Совнаркома с отдыха в Крыму. «Ни мне, ни Ворошилову не нравится то, что ты отдыхаешь шесть недель вместо двух», – возмущался Сталин. Потом, правда, он слегка раскаялся и даже решил извиниться в свойственном себе стиле: «Меня немного беспокоит, что я стал причиной твоего раннего возвращения…»

Недовольство другими «изменниками», Кагановичем и Куйбышевым, Сталин выразил следующими словами: «Очевидно, что было опрометчиво оставлять работу в Центре одному Кагановичу. Куйбышев еще более ненадежен, он вообще может уйти в запой». Несчастный Молотов вернулся в Москву.

Сталин легко разбил Серго Орджоникидзе, но ярость нападок на «хулигана» и примкнувших к нему показывает, как серьезно он относился к самому авторитетному и популярному после себя большевику.

То мрачный, то ликующий Серго представлял собой яркий

пример властного и энергичного сталинского администратора. Орджоникидзе родился в 1886 году в семье обедневшего грузинского дворянина. В десять лет стал сиротой. Среди партийных руководителей Серго отличался особенно плохим образованием. Он практически не учился в школе, хотя и успел получить профессию фельдшера.

Большевиком Серго стал в семнадцать лет. До 1911 года, когда он познакомился в Париже с Лениным, его арестовывали как минимум четыре раза.

Орджоникидзе был одним из немногих сталинистов, которые пусть и недолго, но побывали в эмиграции.

Он нес личную ответственность за насильственную аннексию и большевизацию в 1921 году Грузии и Азербайджана. Там его называли «сталинским ишаком».

Ленин критиковал Серго за рукоприкладство по отношению к товарищам по партии и пьянки с женщинами легкого поведения, но одновременно защищал его вспыльчивость и манеру громко разговаривать. «Он кричит, потому что глух на одно ухо», – шутил Ильич.

Своей популярностью Серго обязан Гражданской войне, в которой он сражался отважно, как лев. Его стихия – скакать на коне и махать шашкой. Орджоникидзе в свое время обвиняли в том, что он разъезжал на белом коне по захваченному Тифлису.

Он был молодым, сильным и, казалось, родился в вечной длинной шинели и сапогах.

В политбюро Серго Орджоникидзе был самым горячим и вспыльчивым. В начале 1920-х он поссорился с Молотовым из-за книги Зиновьева «Ленинизм» и набросился на него с кулаками. Это происшествие лишний раз показывает, как серьезно большевики относились к идеологии. Тогда спорщиков не без труда разнял Киров. Дочь Серго, Этери, вспоминает, что этот грузин, многим напоминавший вулкан, часто выходил из себя и бил коллег и помощников. Правда, надо отдать ему должное, приступы гнева быстро угасали. «Он был готов отдать жизнь за тех, кого любил, и расстрелять тех, кого ненавидел», – утверждала его жена Зина.

В 1926-м Орджоникидзе возглавил Комиссию партийного контроля, поскольку был самым агрессивным и беспощадным сторонником Сталина в борьбе против оппозиции. Из Комиссии партийного контроля он перешел в комиссариат тяжелой промышленности. Орджоникидзе не разбирался в тонкостях экономики, но был достаточно умен, чтобы привлекать к работе специалистов. Их доверие он завоевывал обаянием и неукротимой энергией. «Вы терроризуете своих товарищей по работе», –

жаловался один из его подчиненных на регулярные вспышки гнева. «Серго действительно избил их! – одобрительно писал Сталин Ворошилову в 1928 году. – Оппозиция в панике!»

Серго Орджоникидзе сначала заигрывал с Николаем Бухариным, а потом предал его. Он был активным и убежденным сторонником Великого перелома Сталина. «Всем сердцем и душой он принимал политику партии», – говорил о нем Лазарь Каганович.

Серго любили все, от Кагановича до Бухарина и Кирова. По мнению Марии Сванидзе, он был «безупречным большевиком». Никита Хрущев считал его рыцарем большевизма. «Яркие глаза, светившиеся добротой, седые волосы и большие усы придавали ему сходство со старинным грузинским князем», – писал сын Берии.

За все свои достижения и успехи Орджоникидзе был благодарен Сталину. Тем не менее он оставался последним большим руководителем в политбюро, который скептически относился к безмерному восхвалению вождя. Технические специалисты и многочисленные друзья на Кавказе знали, что он никогда не бросит их в трудную минуту и всегда придет на помощь. Поэтому горячо его поддерживали.

Серго Орджоникидзе не боялся спорить со Сталиным. Он считал его обидчивым старшим братом. Иногда Серго даже отдавал ему полуприказы.

В сентябре 1933 года Серго Орджоникидзе отдыхал в Кисловодске, на своем любимом курорте, и активно переписывался со Сталиным, который все сильнее не доверял этому большевистскому князю с большим сердцем. Серго, утверждал Сталин, тщеславен до глупости.

* * *

«В отпуске я не сижу на одном месте, постоянно переезжаю с одной дачи на другую», – писал Иосиф Виссарионович.

Пробыв в Сочи почти месяц, он отправился дальше на юг, в местечко Музери, где ему только что построили очередную дачу. Некрасивый двухэтажный серый дом стоял на вершине холма в тропическом парке. В нем были любимые вождем дубовые стеновые панели, просторные веранды и огромная столовая. Из окон открывался замечательный вид на бухту, где Лакоба возвел специальный причал.

Дачу со всех сторон окружали серпантины дорожек. Они вели к круглому летнему домику, в котором Сталин обычно работал.

К морю можно было спуститься по ступенькам. Лакоба и Сталин нередко ходили пешком в соседнюю деревню. Гостеприимные абхазы устраивали в честь дорогих гостей шумные пиры.

23 сентября Лакоба решил устроить прогулку на катерах и охоту. Сталин и Власик покинули причал на катере «Красная звезда» и направились вдоль берега. На коленях у них лежали ружья. Неожиданно с берега застрочил пулемет.

Испорченная победа. Киров, заговор и XVII съезд

Власик бросился на Сталина. Они упали на палубу, телохранитель закрыл собой вождя. Попросил разрешения открыть ответный огонь. Отстреливаясь, катер направился в открытое море.

Сначала Сталин решил, что вышло недоразумение и верные грузины просто решили устроить стрельбу в его честь, но скоро изменил свое мнение. Виноваты оказались пограничники. Они открыли огонь по «Красной звезде», ошибочно приняв катер за иностранное судно.

Лаврентий Берия лично занялся расследованием этого инцидента. Он произвел на вождя сильное впечатление безжалостностью и быстрыми результатами. Впрочем, Сталин, всегда отличавшийся маниакальной подозрительностью, не исключал возможности и того, что грузинский руководитель сам организовал стрельбу. Целью заговора наверняка было смещение Лакобы, который отвечал за безопасность гостей, в том числе вождя на территории Абхазии.

Нерадивых пограничников отправили в Сибирь. Власику и Берии Сталин стал доверять еще больше.

Вернувшись на твердую землю, Иосиф Виссарионович отправился со свитой в Гагры. ГПУ нашло ему новую дачу на холме. Нестор Лакоба уже начал ее перестраивать. Эта дача, «Холодная речка», стала любимым местом отдыха вождя. Дом стоял на скале, с которой открывалась потрясающая панорама.

Из Гагр Сталин вернулся в Сочи. Какое-то время с ним отдыхала Светлана, но после ее отъезда в Москву в последних числах августа Сталин остался на положении одинокого филина. Вождь очень скучал по обществу веселого Енукидзе. «Что ты торчишь в этой в Москве? – писал он Авелю. – Приезжай в Сочи. Будешь купаться в море, твое сердце нуждается в отдыхе. Передай от меня Калинину, что он совершит преступление, если не отпустит тебя немедленно в отпуск… Сможешь жить со мной на даче… Сегодня я осмотрел новую дачу в Гаграх. Ворошилову и его жене она очень понравилась. Твой Коба».

* * *

После продолжительного отдыха, 4 ноября, одинокий филин вернулся в Москву и сразу же взялся за организацию «съезда победителей», который должен был прославить Сталина за победы последних четырех лет.

Москва будто просыпалась после долгого кошмарного сна. Голод закончился, урожаи росли. Умершие от голода миллионы людей были похоронены и забыты. Деревни, в которых они жили, навсегда исчезли с географических карт.

В конце января гордые и взволнованные делегаты начали съезжаться в Москву со всех концов огромной страны. Они знали, что на XVII съезде им предстоит отпраздновать много побед.

Правом голоса обладали 1966 человек. Съезд являлся высшим органом партии большевиков. Депутаты формально выбирали ЦК, который правил от их имени в перерыве между съездами, обычно проходившими раз в четыре года.

К 1934 году съезды превратились в сплошные прославления вождя. За тем, чтобы все шло по заранее разработанному плану, внимательно следили Сталин и Каганович. Сценарий, вплоть до самых мельчайших деталей, аккуратно расписывал Александр Поскребышев.

На съезде, конечно, не только работали. Большой Кремлевский дворец неожиданно наполнился диковинными костюмами бородатых казаков, одетых в шелка казахов и грузин. В огромном зале и за его кулисами руководители Украины, Сибири или Закавказья укрепляли дружеские отношения с Центром. Молодые большевики искали себе покровителей. Ленинское поколение, относившееся к Сталину как к своему старшему товарищу и руководителю, но не как к богу, все еще стояло у власти. Поэтому вождь уделял особое внимание молодежи, среди которой лихорадочно искал преданных людей.

Иосиф Виссарионович пригласил Берию с белокурой женой Ниной и сыном Серго в Кремль на просмотр кинофильма. Так Берия попали в общество членов политбюро. Десятилетний Серго Берия и Светлана Сталина стали друзьями.

Прежде чем отправиться на дачу в Зубалово, семья Берия просмотрела вместе с вождем мультфильм «Три поросенка». Вечером все руководители, в том числе и Лаврентий Берия, собрались в Зубалове. Они сидели за столом и пели грузинские песни. Когда Серго Берия замерз, Сталин обнял его и позволил прижаться к своей шинели, утепленной волчьим мехом, а потом лично уложил в постель.

Несомненно, Лаврентий Берия очень волновался. В этом не было ничего удивительного. Честолюбивый провинциальный политик взбирался на политический Олимп империи.

«СТАЛИН! – с придыханием сообщала „Правда“ в передовице, когда вождь появился на спектакле в Большом театре. – Появление горячо любимого вождя, чье имя неразрывно связано со всеми победами, одержанными пролетариатом и Советским Союзом, было встречено оглушительными овациями и бесконечными криками „Ура!“ и „Да здравствует наш товарищ Сталин!“»

Однако далеко не все делегаты были в восторге от вождя. Ряд провинциальных партийных руководителей были потрясены жестокими решениями Сталина и его промахами. Существуют свидетельства, что некоторые делегаты тайно собирались на квартирах московских друзей и обсуждали вопрос его отставки.

У каждого имелись свои причины для устранения Кобы. К примеру, один из грузинских руководителей, Орахелашвили, был глубоко оскорблен и обижен неожиданным взлетом выскочки Берии. Косиор не забыл того, как в Москве смеялись над его просьбами накормить голодную Украину и называли паникером.

Говорят, заговорщики несколько раз встречались и на квартире Серго Орджоникидзе в Кавалерском корпусе – Орахелашвили остановился у своего друга Серго. Но, возможно, нарком тяжелой промышленности втайне сочувствовал недовольным.

Многие соглашались с тем, что Сталин должен уйти в отставку. Однако кем его заменить? Большинство заговорщиков сходились во мнении, что преемником Иосифа Виссарионовича Сталина должен стать Сергей Миронович Киров. Киров пользовался популярностью и авторитетом в партии и в народе. Он отличался большой энергией и, что немаловажно, был русским.

Правда, в большевистской культуре с ее зацикленностью на идеологической чистоте бывший кадет и работавший в буржуазной газете журналист, не имевший каких-либо значительных заслуг в создании и развитии марксизма-ленинизма, к тому же обязанный всеми достижениями и успехами Сталину, имел мало шансов на победу. Молотов, тоже верный и преданный генсеку, как всегда, насмехался над претендентом. Он считал, что шансы Кирова стать вождем невелики.

Кирова пригласили на квартиру Орджоникидзе и предложили возглавить партию вместо Сталина. Ленинградскому руководителю нужно было быстро решать, что ответить. После некоторых раздумий он отверг предложение. Сказал, что не поддерживает устранение Сталина, но пообещал довести жалобы заговорщиков до руководства партии.

Киров в те дни еще не поправился после сильного гриппа. Отказ от предложения недовольных политикой Сталина показывает, что он, несмотря на смелость и энергичность, все же не обладал качествами, необходимыми для управления огромной империей. Не исключено, что Кировым двигала не любовь к Сталину, а элементарная осторожность. Далеко не все думали, что Сталина можно легко сместить с поста Генерального секретаря.

Первым желанием Кирова после того разговора на квартире Серго в Кремле было рассказать обо всем Сталину. Скорее всего, именно так он и поступил.

Конечно, Сталина встревожила информация о заговоре. Наверное, не меньше обеспокоил и тот факт, что старые большевики видели на его месте Кирыча. Анастас Микоян, близкий друг Кирова, говорил, что Сталин возненавидел не только делегатов XVII съезда, но и, конечно, Мироновича. Ленинградский руководитель почувствовал, что над ним сгущаются тучи, но на людях вел себя так же, как всегда. Сталин тоже ловко скрывал свой страх.

Вместо того чтобы подчеркивать преданность и близость к Сталину, Киров допустил несколько ошибок. Как бы показывая свою демократичность, он сел в зале со своими делегатами, а не в президиуме, чем рассердил Сталина. Киров много шутил и смеялся. Сталин несколько раз сердито интересовался у окружающих, над чем это забавляются ленинградцы.

Победа Сталина была омрачена изменой старых большевиков и двусмысленным поведением Кирова. Но непрерывная борьба с противниками и предателями как нельзя лучше подходила его характеру и мировоззрению. В мире интриг и заговоров вождь чувствовал себя как рыба в воде. В истории, пожалуй, не найти другого крупного политика, который был бы так запрограммирован на постоянную битву с врагами, как Сталин. Иосиф Виссарионович наверняка считал себя усталым и благородным рыцарем, который в одиночку отправился на войну с толпами врагов. Сталин был уверен, что история выбрала его для выполнения великих задач. Он представлял собой большевистский вариант таинственного ковбоя, приехавшего в приграничный городок на Диком Западе, где все, в том числе и власть, продались бандитам и разбойникам.

Конечно, о закулисной борьбе и напряжении, царивших на съезде, знали немногие посвященные. Для десятков миллионов советских граждан XVII съезд явился еще одним триумфом партии большевиков. «Наша страна стала страной с могучей промышленностью, страной коллективизации, страной

победившего социализма», – заявил Молотов, открывая работу съезда 26 января.

Сталин упивался зрелищем разбитых врагов от Зиновьева до Рыкова, старых и новых противников, которые сейчас превозносили его до небес. «Блестящий фельдмаршал сил пролетариата, лучший из лучших, товарищ Сталин…» – славословил его Бухарин, который в то время был главным редактором газеты «Известия».

Сталин любил, когда его хвалили. Поэтому с такой ревностью относился к похвалам в адрес других. Он был очень недоволен, когда Постышев, еще один твердый старый большевик, назначенный руководить Украиной, дал слово Кирову и все делегаты встали как один, встретив оратора оглушительными аплодисментами. Сергей Миронович, как положено, упомянул в своем выступлении Сталина («великий стратег в деле освобождения рабочего класса нашей страны и всего мира») двадцать девять раз. А речь закончил взволнованными словами: «Наши успехи действительно огромны. Вы только взгляните на жизнь вокруг! Это несомненный факт!» Сталин с непроницаемым лицом присоединился к оглушительной овации.

Последним вопросом повестки съезда были выборы ЦК. Обычно это простая формальность, но в этот раз голосование принесло немало сюрпризов.

Делегатам раздавали списки кандидатов. Они были заранее подготовлены секретариатом съезда, то есть Сталиным и Кагановичем, но официально считалось, что их предлагали сами делегаты. Киров, к примеру, должен был выдвинуть Берию. Голосующие вычеркивали имена кандидатов, которые, по их мнению, по тем или иным причинам не заслуживали быть членами ЦК, и, естественно, оставляли тех, кто был достоин этой высокой чести.

8 февраля XVII съезд закончил свою работу, все делегаты получили бюллетени для голосования. Проголосовав, они опустили их в урну. Затем к работе приступила счетная комиссия. Итоги голосования произвели эффект разорвавшейся бомбы – на тех, конечно, кто был в курсе.

Что произошло после окончания подсчета голосов, до сих пор остается загадкой. По имеющейся разноречивой информации, Сергея Кирова из состава ЦК вычеркнули всего один или два делегата. В то же время против Кагановича и Молотова высказались более 100 человек. Еще большее потрясение ждало вождя. По разным данным, против него проголосовали от 123 до 292 делегатов.

Конечно, все члены старого политбюро были выбраны в ЦК, но говорить об единодушной поддержке членов партии не приходилось. Выборы ЦК на XVII съезде стали очередным ударом по самоуверенности Иосифа Виссарионовича. Сталин еще раз убедился, что его окружают коварные противники, которые мечтают избавиться от генсека.

Когда о результатах выборов доложили Лазарю Кагановичу, который в тот день руководил работой съезда, он бросился за указаниями к Сталину. Сейчас мало кто сомневается, что Сталин приказал ему уничтожить все или подавляющее большинство бюллетеней, в которых было вычеркнуто его имя. В старости Железный Лазарь, конечно, категорически отрицал, что получил такой приказ. Тем не менее 166 бюллетеней бесследно пропали.

10 февраля счетная комиссия зачитала фамилии 71 члена нового ЦК. Из 1059 голосов Сталин получил 1056, а Киров – 1055. Новое поколение в ЦК представляли Лаврентий Берия и Никита Хрущев. Буденного и Поскребышева выбрали кандидатами в члены ЦК. Сразу после утверждения результатов выборов пленум ЦК приступил к работе.

К тому времени у Сталина наверняка был уже разработан план, как бороться с опасной популярностью Кирова. На пленуме он предложил отозвать его из Ленинграда и назначить одним из четырех секретарей ЦК партии. Одним камнем вождь убивал сразу двух зайцев: лишал друга, превратившегося в соперника, многочисленных ленинградских сторонников и удовлетворял тех, кто хотел видеть Кирова в секретариате. На бумаге выдвижение в секретариат выглядело большим повышением. На самом же деле оно ставило Кирова под постоянный контроль Сталина.

В свите вождя к переводу в Москву относились со смешанными чувствами. Киров был не первым и не последним партийным боссом, кто протестовал против такого повышения. В глазах Сталина отказ переезжать в столицу означал неподчинение жесткой партийной дисциплине. Киров ставил личные интересы выше партийных, а это считалось у большевиков смертным грехом. В конце концов просьбу Сергея Мироновича оставить его в Ленинграде еще на два года поддержали Серго Орджоникидзе и Валериан Куйбышев. Обиженный Сталин вышел из зала.

Серго и Куйбышев посоветовали Кирову найти компромисс и помириться со Сталиным. Киров стал третьим секретарем ЦК, но временно оставался в Ленинграде. Поскольку в Москве он бывал нечасто, Сталин начал относиться с подчеркнутой теплотой к другому вновь избранному члену ЦК, Андрею

Жданову. Жданов вскоре стал самым близким другом вождя. После того как его выбрали четвертым секретарем, Жданов, руководивший Горьким, переехал в Москву.

Киров вернулся в Ленинград, мучаясь от осложнений невылеченного гриппа, застоя крови в правом легком и учащенного сердцебиения. В марте Орджоникидзе настоятельно просил его: «Послушай меня, мой друг, ты должен отдохнуть. Уверен, не произойдет ничего особенно страшного, если тебя не будет 10–15 дней… Наш друг Земляк [так Серго и Киров называли между собой Сталина] считает тебя здоровым, и тем не менее ты должен взять короткий отпуск!»

Сергей Миронович понимал, что Сталин не простит ему заговора, несмотря на то что он в нем не только не участвовал, но и даже сдал заговорщиков. Однако внешне все было как раньше. Сталин не охладел к «младшему брату». Напротив, его дружба стала еще более сильной. Сталин требовал, чтобы они регулярно встречались в Москве. С Серго, а не со Сталиным Кирову следовало обсудить свои подозрения и плохие предчувствия. «Я очень хочу поговорить с тобой, накопилось много вопросов, но это не для письма. Придется подождать личной встречи». Вне всяких сомнений, они обсуждали многие вопросы в разговорах с глазу на глаз, понимая, что не все можно доверить бумаге.

В архивах сохранились намеки на то, что Киров скептически относился к чрезмерному прославлению Сталина. 15 июля 1933 года в письме вождю он обратился официально: «товарищ Сталин» (а не как обычно, по-дружески – «Коба»). В том письме Киров информировал Сталина, что его портреты печатают в Ленинграде «на довольно тонкой бумаге». К несчастью, использование другой бумаги «невозможно по техническим причинам». Можно себе представить, как Серго и Киров, оставшись наедине, посмеивались над тщеславием Сталина. Известно, что Киров нередко пародировал грузинский выговор вождя перед преданными ленинградцами.

Во время приездов в Москву Киров и Сталин по-прежнему вели себя как закадычные друзья, но Артем Сергеев помнит, что шутки порой становились натянутыми и не очень веселыми. В них все чаще ощущалось напряжение соперничества. Однажды они обменялись юмористическими тостами на ужине в узком кругу.

– Хочу предложить тост за Сталина, самого великого вождя всех времен и народов, – сказал Киров. – Я занятой человек и, вероятно, забыл некоторые твои великие дела!

Киров, часто стремившийся быть в центре внимания, этим

тостом как бы высмеял культ Сталина. Он говорил с вождем со смелостью, которая и не снилась другим фаворитам, Берии и Хрущеву.

– Тост за нашего любимого руководителя ленинградской партийной организации и, возможно, вождя бакинского пролетариата! – ответил Иосиф Виссарионович. – Он предупреждал меня, что не может читать всех бумаг. Что еще я могу для него сделать?

Даже в веселом обмене уколами подвыпивших друзей чувствовалось плохо скрываемое раздражение. Но представители семьи почему-то по-прежнему считали их друзьями и «братьями». Вегетарианский период, по определению поэтессы Ахматовой, подходил к концу. Приближались кровавые годы.

30 июня 1934 года недавно ставший канцлером Адольф Гитлер жестоко расправился с врагами внутри нацистской партии. «Ночь длинных ножей» вызвала у Сталина неподдельный восторг.

– Слышал, что произошло в Германии? – спросил он на следующий день Микояна. – Этот Гитлер тот еще тип! Потрясающе! Очень ловкий и умный ход, который требует мастерства настоящего политика.

Анастаса Ивановича тогда сильно удивило, что Сталин восхищается немецким фашистом.

Сталин был излишне скромен. Большевики и сами прекрасно умели расправляться с врагами.

Убийство фаворита

Летом 1934 года накал репрессий, кажется, начал спадать. В мае скончался председатель ОГПУ Менжинский. Он увлекался оккультными науками, постоянно болел и большую часть времени проводил в уединении за изучением старинных рукописей на персидском языке. Говорят, что, кроме персидского, он знал еще одиннадцать языков. Советские газеты сообщили, что вместе с ним скончался и ненавистный всем ОГПУ, который был поглощен Народным комиссариатом внутренних дел (НКВД). Эти изменения зародили у многих надежды. Советские граждане думали, что вместе с веком джаза в СССР придет свобода.

Комиссаром НКВД стал Генрих Ягода, некоторое время руководивший ОГПУ. Иллюзия оттепели быстро прошла. Первым признаком новых гонений стал визит Ягоды к Сталину с новым произведением Осипа Мандельштама.

Мандельштам писал удивительные стихи. Его произведения, с их обжигающей эмоциональной чистотой и душераздирающей честностью, которые и сейчас пробиваются сквозь затянувшие человечество тучи, похожи на лучи теплого солнца. Как нетрудно догадаться, таким ярким и талантливым людям было трудно мириться с советской серостью и посредственностью.

Ягода отомстил Осипу Мандельштаму. Нарком выучил наизусть шестнадцать строк, в которых автор осуждал Сталина, насмехался над ним и называл усатым «кремлевским горцем» с толстыми, «как черви», пальцами – поэт Демьян Бедный как-то пожаловался Мандельштаму, что Сталин оставляет жирные пятна на книгах, которые постоянно берет у него читать. Не забыл Осип Мандельштам и соратников: «тонкошеих вождей». От поэта не укрылось, что у Молотова шея забавно выступает из-под воротничка рубашки и голова слишком мала для такого тела.

Сталин был оскорблен, но он понимал ценность Мандельштама. В результате Ягода получил приказ: «Изолировать, но сохранить». Как будто речь шла о бесценной вазе.

В ночь с 16 на 17 мая Мандельштам был арестован и приговорен к трем годам ссылки. Друзья поэта бросились искать защиты у покровителей среди видных большевиков. Жена Мандельштама, Надежда, и его близкий друг, Борис Пастернак, обратились к Николаю Бухарину, работавшему в «Известиях», а Ахматова пробилась на прием к Авелю Енукидзе. Бухарин написал Сталину, что Мандельштам «первоклассный поэт… хотя и не совсем нормальный», и добавил, что Пастернак в ужасе

от ареста друга. Возможно, он хотел намекнуть вождю, что поэты всегда правы и история на их стороне.

«Кто дал добро на арест Мандельштама? – неразборчиво написал Сталин. – Отвратительно!»

В июле, накануне съезда писателей СССР, Иосиф Виссарионович, прекрасно понимавший, что новости о его интересе к тому или иному делу расходятся, как круги по воде, позвонил Пастернаку. Такие беседы всегда проходили по заведенному ритуалу. Сначала избранному литератору звонил Александр Поскребышев. Он торжественно предупреждал, что с ним желает поговорить товарищ Сталин и что абонент должен немного подождать. Потом трубку брал сам вождь. Пастернак разговаривал со Сталиным из коммунальной квартиры. Первым делом он сказал, что очень плохо слышит, потому что в коридоре шумят дети.

– Дело Мандельштама пересмотрено, – сообщил Иосиф Сталин. – Все будет в порядке… Если бы я был поэтом и узнал, что у моего товарища неприятности, я бы сделал все, чтобы ему помочь.

Пастернак, как всегда, попытался узнать у Сталина, что он вкладывает в понятие дружбы, но вождь прервал его:

– Но он же гений?

– Гений, – согласился Борис Пастернак. – Но не в этом дело.

– А в чем тогда? – искренне удивился Сталин.

Сталин, когда хотел, умел очаровать любого. Не устоял перед его чарами и Пастернак. Он сказал, что хотел бы прийти и поговорить.

– О чем? – осторожно осведомился Иосиф Виссарионович.

– О жизни и смерти, – ответил поэт.

Этот ответ озадачил Сталина, и он положил трубку.

Затем состоялся более важный разговор. Пастернак позвонил в секретариат и попросил Поскребышева вновь соединить его со Сталиным. Поскребышев отказался. Тогда поэт спросил, может ли он повторить, что ему только что сказал вождь. Секретарь Сталина ответил положительно.

Сталин гордился тем, что понимает гениальность и может отличить ее от посредственности. «Он, несомненно, является талантом, – написал вождь об одном писателе. – Он очень капризен, но таков характер у большинства одаренных людей. Пусть пишет что хочет и когда хочет!»

Неожиданное желание Бориса Пастернака поговорить по душам с правителем советской империи, скорее всего, спасло ему жизнь. Когда поступило предложение арестовать поэта, Сталин, как говорят, только махнул рукой: «Оставьте этого

небожителя в покое».

* * *

Иосиф Виссарионович Сталин часто вмешивался в дела писателей и поэтов, но в этом внимании к литераторам не было ничего нового. Он был для всех советских писателей тем же, чем Николай I для Пушкина. Сталин всегда старался вести себя так, как будто он случайный наблюдатель. «Вам помогут товарищи, которые разбираются в искусстве, – любил говорить вождь. – Я же дилетант». Сталин кривил душой. Он был настоящим знатоком и ценителем литературы. Из его архивов видно, как много и часто вождь критиковал писателей, которые обращались к нему с просьбой высказать мнение об их книгах.

Любимцем вождя долгое время был «пролетарский поэт» Демьян Бедный. У этого похожего на шекспировского Фальстафа рифмоплета были добрые глаза и огромная голова. Многим она напоминала медный котел. Творения поэта регулярно печатались в «Правде». О степени близости Бедного к Сталину говорит хотя бы то факт, что поэт нередко отдыхал с вождем на юге и травил ему неприличные анекдоты, запас которых, казалось, никогда не иссякал. Демьян Бедный, как и советские руководители, жил в Кремле. Несомненно, он входил в литературное «политбюро» Советского Союза. Но со временем «пролетарский поэт» начал раздражать Иосифа Виссарионовича. С годами у него стал портиться характер. Он постоянно был чем-то недоволен и регулярно досаждал вождю жалобами, своими стихами и длинными шутовскими письмами. Не нравились Сталину и регулярные запои Бедного, которые тот устраивал в Кремле. Однако самое неприятное – он упрямо отказывался принимать критику Сталина. В конце концов вечно пьяный поэт надоел вождю, и его выгнали из Кремля.

«В Кремле больше не должно быть скандалов», – написал вождь в сентябре 1932 года. Бедный обиделся, но Сталин его утешил: «Не бойтесь. Быть изгнанным из Кремля еще не означает быть исключенным из партии. Тысячи уважаемых товарищей живут за пределами Кремля и неплохо себя чувствуют. В том числе и Горький!»

Одним из друзей Максима Горького был Владимир Киршон. Так же, как Горький, он получал деньги от ГПУ. Киршон был одним из тех советских литераторов, которые отправляли на рецензию Сталину все свои книги. Когда Киршон был в милости, то, естественно, всегда был прав и писал гениальные

произведения.

«Напечатать немедленно», – распорядился Сталин, прочитав очередную статью Киршона и вернув ее редактору «Правды».

Как-то Киршон прислал в Кремль свою новую пьесу. Через шесть дней Сталин ответил: «Товарищ Киршон, ваша пьеса неплоха. Ее следует немедленно поставить в каком-нибудь театре».

Киршон, бездарь и один из тех графоманов, которые яростно и упорно травили Булгакова, был вознагражден за политическую преданность. После появления социалистического реализма он обратился к Сталину и Кагановичу с письмами, в которых патетически задавался вопросом, не потерял ли Киршон доверие. «Почему вы спрашиваете о доверии? – поинтересовался вождь. – Поверьте, Центральный комитет полностью удовлетворен вашими произведениями и всецело вам доверяет».

Литераторы нередко обращались к Сталину как к третейскому судье и просили рассудить споры. Когда писатель вождю не нравился, он обычно не церемонился. «Клим, мое впечатление об авторе: первоклассное трепло, но считает себя мессией. Да! Да! Сталин», – написал вождь Ворошилову об одной статье.

Сталин, Молотов и необразованный сапожник Каганович решали важные литературные вопросы. Молотов, к примеру, как-то набросился на Демьяна Бедного с абсурдной критикой и личными угрозами. Ходили слухи, что поэт якобы посмел пожаловаться Сталину на премьера, который на полном серьезе читал ему лекции о литературе. Председатель Совнаркома упрекал поэта в том, что тот якобы распускает сплетни о разногласиях среди партийных руководителей. Молотов даже учил Бедного, как писать стихи: «Очень пессимистично. Нужно дать окно, через которое будет светить солнце (героизм социализма)».

Сталин не скрывал от Горького и других писателей, что он с Кагановичем правит статьи. Наверняка подобные признания приводили бедных литераторов в ужас. В театрах Сталин давал оценки новым спектаклям и пьесам при помощи языка жестов. Молотов и Каганович ловко их расшифровывали и пунктуально им следовали. В ложе для членов политбюро и комнатке за ней, где вожди проводили антракты, Сталин комментировал не только игру актеров, но и убранство фойе. Каждое его слово, каждое высказывание становилось объектом пересудов. Рождались легенды, принимались важные решения, которые влияли на карьеру актеров.

Как-то раз Иосиф Виссарионович пришел на спектакль

о Петре Великом по пьесе Алексея Толстого, еще одного недавно вернувшегося эмигранта. Толстой и Горький были самыми богатыми писателями в Советском Союзе. Граф Толстой, незаконнорожденный дворянин-ренегат, вернулся в Россию в 1923 году и был назван «красным графом». Он отлично освоил искусство литературной изворотливости и хорошо изучил требования Сталина: «В нашей профессии нужно быть акробатом!» Пьеса Толстого «На дыбе» подверглась суровой критике большевистских писателей. Сталин ушел из театра, не досидев до конца спектакля. Насмерть перепуганный режиссер проводил его к машине. Решив, что ранний уход вождя означает недовольство пьесой, все наперебой начали ее ругать. Это продолжалось до тех пор, пока не вернулся сияющий режиссер.

– Товарищ Сталин сообщил мне свою оценку, – сказал он и передал слова вождя: – «Отличный спектакль. Жаль только, что Петр прописан недостаточно героической фигурой».

Конечно, критика тут же стихла.

Сталин пригласил к себе Толстого и рассказал ему о «правильном историческом подходе» к следующему грандиозному проекту. Так родился роман «Петр Первый».

Ситуация в точности повторилась с Кагановичем. Железный Лазарь не досидел до конца нового спектакля театрального режиссера-авангардиста Мейерхольда. Испуганный Мейерхольд тоже пошел за партийным руководителем к машине. Он был очень расстроен тем, что спектакль не понравился. Тем не менее Каганович защитил актера Соломона Михоэлса, еврея по национальности. Как у знатных вельмож XVIII века, у каждого большевистского руководителя были свой театр, свои поэты, писатели и певцы, которым они покровительствовали и которых защищали. Они принимали любимчиков у себя на дачах и ездили к ним домой. Но когда тот или иной литератор попадал в опалу партии, вожди тут же забывали о своих протеже.

* * *

30 июля 1934 года, через месяц после гитлеровской «Ночи длинных ножей», Сталин направился на дачу в Сочи. Там он встретился со своим старинным фаворитом Сергеем Кировым, который не хотел ехать в Сочи, и с новым – Андреем Ждановым, который считал такое приглашение большой честью. Отдыхали они вчетвером. Жданов привез сына Юрия, будущего зятя Сталина, юношу, которого вождь считал идеалом нового

советского человека. Они собрались в даче на Красной Поляне.

Уже больному и постоянно чувствовавшему усталость Кирову нравилась жизнь на свежем воздухе. Он любил охоту и отчасти, возможно, поэтому дружил с Серго Орджоникидзе. Ничего похожего на времяпрепровождение с Серго в отдыхе со Сталиным не было. Это тяжелая и утомительная работа. Неудивительно, что отдых с вождем считался чем-то сродни пытки. Уже через несколько дней гости всеми правдами и неправдами старались уехать. Киров тоже хотел сбежать, но Сталин настоял, чтобы он остался. «У меня неважное настроение… – писал Киров жене. – Покоя нет ни минуты. Ну и к черту этот покой!» Такое отношение Сталину не понравилось бы. Если бы ему показали такие письма Кирова, вождь лишний раз убедился бы, что был прав, заподозрив друга в неискренности.

За столом на веранде сидели три руководителя большевистской партии и юноша. В Сочи стояла чудесная погода, прислуга приносила закуски и напитки. «Мы много гуляли вчетвером, – рассказывал Юрий Жданов. – Иногда поднимались в кабинет в доме, иногда спускались в сад и шли в летний домик». Атмосфера навевала легкое настроение. В перерывах между работой над книгой Киров брал Юрия и они отправлялись собирать чернику, которую приносили Сталину и Жданову-старшему. По вечерам гости разъезжались. Киров и Ждановы ночевали на разных дачах. Сталин, когда ему было скучно одному, ехал к кому-нибудь из них. «В таких поездках нас никогда никто не сопровождал: ни охрана, ни машины с сотрудниками НКВД, – отмечал Юрий Жданов. – Я сидел впереди с водителем, а Сталин с отцом – на заднем сиденье».

Как-то они выехали на дачу Ждановых, когда уже спустились сумерки, и увидели у дороги двух девушек.

– Остановите! – велел Сталин водителю.

Он открыл дверцу и усадил девушек на средние места семиместного «паккарда». Девушки узнали вождя.

– Это Сталин! – услышал их испуганный шепот Юрий.

Они довезли попутчиц до города и там высадили.

Такая простая и легкая атмосфера царила в те летние дни 1934 года. Но скоро все изменится, простота и легкость исчезнут. Какой бы неформальной ни была обстановка во время отпуска Сталина, Жданов являлся одним из немногих партийных руководителей, которые могли привезти на дачу к вождю своего сына. Даже несмотря на то, что мальчик знал его с пяти лет. «Только к Жданову Сталин относится с такой же теплотой, как к Кирову», – объяснял Молотов.

Андрей Жданов производил двоякое впечатление. С одной

стороны, он был широкоплечим кареглазым красавцем, с другой – с юности отличался слабым здоровьем и сильно болел астмой. У Жданова всегда было хорошее настроение. С его лица не сходила улыбка, он всегда готов пошутить. Так же, как Киров, он являлся отличным другом, любил петь и неплохо играл на пианино.

Родился Андрей Александрович Жданов в 1896 году в расположенном на берегу Черного моря городе Мариуполе. Как Ленин и Молотов, он вышел из семьи потомственных дворян. Его родители были интеллектуалами, так хорошо описанными в свое время Антоном Чеховым. С Лениным Жданова роднила еще одна деталь. Так же, как Ульянов-старший, отец Андрея Жданова был инспектором народных училищ (он закончил Московскую духовную академию и защитил диссертацию «Сократ как педагог»). Мать Жданова – дочь ректора Духовной академии; она закончила Московскую консерваторию. Жданов был единственным руководителем партии и государства, который получил настоящее образование. Кроме того, его мать, отличная пианистка, привила ему любовь к музыке.

Жданов, так же как Сталин, учился в церковно-приходской школе. В юности он мечтал стать агрономом, но в двадцать лет поступил в школу прапорщиков в Тифлисе. Во время учебы Андрей Жданов познакомился с грузинской культурой и песнями. Все три сестры Жданова стали большевичками. Две из них так и не вышли замуж. Они стали революционными старыми девами, жили у брата и всячески им помыкали. Кстати, Сталин сестрам Жданова не нравился.

Сам Жданов вступил в партию в 1915 году. Так же, как немало других большевиков, он был комиссаром и прославился в годы Гражданской войны. В 1922 году он руководил Тверью, затем – Нижним Новгородом. С берегов Волги Жданова перевели в столицу творить великие дела.

Прямой и бескомпромиссный, когда речь шла о делах партии, Андрей Жданов, как следует из его архива, отличался удивительной аккуратностью, часто переходившей в мелочность. Он никогда не брался за дело, предварительно не изучив вопрос самым основательным образом. Диплома он не имел, хотя и учился на сельскохозяйственном факультете. Жданов тоже был трудоголиком, помешанным на самообразовании. Он жадно изучал музыку, историю и литературу. Сталин видел в Жданове, по словам Артема, «соратника-интеллектуала». Он уважал его за знания и регулярно звонил с разными вопросами.

Они часто читали друг другу вслух Чехова и Салтыкова-Щедрина. Другие соратники вождя, ревновавшие Сталина

к Жданову, посмеивались над его претенциозностью. Острый на язык Берия прозвал Андрея Жданова Пианистом.

У Жданова и Сталина оказалось немало общего, в том числе чувство юмора. Их отличало только одно – Жданов был ограниченным человеком. Это не мешало ему оставаться преданным вождю. В отличие от старых приятелей Сталина он никогда не называл его Кобой. «Мы с товарищем Сталиным решили…» – с этой фразы Андрей Жданов всегда начинал заседания и совещания.

В Сочи, на веранде дачи и в летнем домике, Сталин со Ждановым обсуждали историю, эпоху за эпохой. Стол был завален учебниками истории – как новыми, так и изданными при царе. Жданов не выпускал из рук карандаш. Он постоянно делал пометки. Сталин, мнивший себя еще и главным педагогом страны, не упустил случая блеснуть познаниями. Они поставили перед собой важную задачу – создать новую историю, которая должна была доказывать правильность сталинизма.

Вождь с удовольствием читал книги по истории. Возможно, эту страсть ему привил преподаватель из Тифлисской семинарии, о котором у Сталина остались самые приятные воспоминания. В сентябре 1931 года он написал Берии: «Николай Дмитриевич Махатадзе, 73 года, находится в Метехской тюрьме… Я знаю его по семинарии и не думаю, что он может представлять опасность для советской власти. Прошу вас освободить старика и сообщить мне результат». В том же 1931 году вождь решительно вмешался в дела научного мира, чтобы создать исторические предпосылки социалистического реализма. С тех пор история стала не тем, что говорили архивные документы, а тем, что решала партия. Часто (во время таких же отпусков, как этот) Сталин по нескольку раз перечитывал все свои исторические книги. Причем читал с карандашом в руках, делая бесчисленные пометки на полях. Особое внимание он уделял Наполеоновским войнам, Древней Греции, дипломатическим отношениям между Россией, Германией и Великобританией в XIX веке. Не меньший интерес у него вызывали все персидские шахи и русские цари. Прирожденный исследователь, Сталин всегда старался отыскать связь истории с современностью.

В то время, как Андрей Жданов чувствовал себя во время сочинских дискуссий как рыба в воде, Сергей Киров явно скучал. Со слов Юрия Жданова мы знаем, что он неоднократно пытался уйти.

– Иосиф Виссарионович, ну какой из меня историк! – восклицал он.

– Ничего, – неизменно отвечал ему Сталин. – Садись

и слушай.

Сергей Миронович в то лето сильно обгорел на солнце и не мог играть в любимые городки. «Как это ни странно, но большую часть дня мы заняты, – писал он другу в Ленинград. – Не таким я представляю себе настоящий отдых. Да ладно, к черту этот отдых! Как только подвернется возможность, уеду».

У Юрия Жданова о том отпуске сохранились противоположные воспоминания. Особенно ему запомнились теплые, дружеские отношения между Сталиным и Кировым. Они по-прежнему подшучивали друг над другом. В выражениях не стеснялись. Андрей Жданов неодобрительно замолкал и по-ханжески поджимал губы.

Тем летом Сергея Мироновича Кирова наверняка больше беспокоили не скучный отпуск со Сталиным и Ждановыми, а другие события, которые могли иметь для него далеко идущие последствия. Не так давно, когда его не было в Ленинграде, Москва попыталась убрать Медведя, начальника ленинградского НКВД, которому Киров всецело доверял и который был его близким другом, и заменить Евдокимовым. Единственным достоинством этого авантюриста и бывшего уголовника было умение пить, что он неоднократно доказывал во время летнего отдыха Сталина. Вождь явно пытался ослабить базу Кирова, выбить из-под него опору. Возможно, Сталин хотел взять под контроль безопасность Кирова. Тогда Сергей Миронович Киров наотрез отказался от Евдокимова. Москва настаивать не стала.

Наконец Сергей Миронович вернулся в Ленинград. Жданова Сталин отправил в Москву руководить работой первого съезда Союза писателей СССР. Свое первое испытание он прошел на отлично. Ему удалось, правда не без помощи Кагановича, справиться как с капризами и требованиями Горького, так и с истериками Бухарина. Жданов писал вождю длинные послания. Порой они доходили до двадцати страниц. Между соратниками Сталина будто проходило негласное соревнование, чье письмо окажется длиннее. Андрей Александрович тут явно был победителем. Сам объем этих посланий говорил о близких отношениях между ним и Сталиным. Жданов хвалился выполненной работой, как прилежный ученик хвастается перед учителем. «У меня сложилось неплохое впечатление обо всех писателях, как наших, так и заграничных, – рапортовал он. – Многочисленные скептики, предсказывавшие нам провал, теперь вынуждены признать свою ошибку. Съезд имел колоссальный успех. Все участники поняли и приняли политику партии….Съезд дорого стоил в смысле нервов, но думаю, что работу я выполнил

хорошо».

К моменту окончания съезда остальные партийные руководители тоже разъехались отдыхать. «Молотов, Каганович, Чубарь и Микоян уехали сегодня, – сообщал Жданов. – Куйбышев, Андреев и я остались». Жданов, который тогда еще не входил даже в политбюро и был новым человеком в секретариате ЦК, оказался во главе огромной страны. Он подписывал очень важные документы. Это было еще одним доказательством того, что политбюро быстро теряло свое значение. Главным источником власти становилась близость к вождю. Советская Россия наслаждалась последними месяцами олигархии и стремительно приближалась к диктатуре.

Жданов, одна из наиболее физически слабых рабочих лошадок Сталина, быстро выдохся: «Прошу разрешить мне один месяц отдыха в Сочи. Я очень устал». Конечно, всю усталость как рукой снимало, когда речь заходила о любимой истории: «Во время отдыха хотелось бы прочитать учебники истории… Я уже просмотрел учебник для второго уровня. Впечатление осталось не очень хорошее. Большой привет, дорогой товарищ Сталин!»

Каким было настроение Сталина в час затишья перед бурей? Наверняка его раздражали промахи НКВД и нытье партийных начальников. 11 сентября Сталин пожаловался Жданову и Куйбышеву на советскую тайную полицию, которая, по его мнению, неправильно применяет методы убеждения к арестованным. «Выявите все ошибки дедуктивных методов работников ГПУ, – требовал вождь. – Освободите невиновных людей, если они на самом деле невиновны. Очистите ОГПУ от сотрудников с „особыми“ дедуктивными методами и накажите всех виновных, независимо от занимаемой должности».

Прошло несколько дней. Одни матрос бежал в Польшу. Сталин тут же приказал Жданову и Ягоде наказать родных и близких предателя. «Немедленно сообщите мне, что: 1) члены семьи этого матроса арестованы; 2) если нет, то кто из сотрудников органов виноват в ошибке и был ли виновный наказан за предательство Родины?»

Росло напряжение и в отношениях с Кировым.

* * *

1 сентября Сталин отправил членов политбюро по регионам. Им предстояло на местах проверить, как обстоят дела с урожаем. Кирову достался Казахстан. Во время поездки в Среднюю Азию

с ним произошел странный инцидент. Он мог быть и случайностью, и попыткой покушения, замаскированного под несчастный случай. История очень темная, но после возвращения в Ленинград к охране добавили четырех чекистов. Теперь Кирова охраняли девять человек, которые работали в разных местах посменно. Таким образом, он стал одним из наиболее охраняемых вождей в Советском Союзе, и Кирову это не нравилось. Он догадывался, что охрана усилена в первую очередь для того, чтобы разлучить его с ленинградскими чекистами, которым Киров доверял.

После поездки по регионам Серго Орджоникидзе и Клим Ворошилов тоже отправились отдыхать. Они приехали в Сочи к Сталину. Андрей Жданов в это время инспектировал Сталинград. С берегов Волги он написал еще одно громадное послание на тринадцати страницах. «Кое-кого из местных рабочих следует отдать под суд», – бравируя жесткостью, сообщал Жданов.

31 октября Сталин вернулся в Москву. Сразу после возвращения он снова захотел увидеться с Кировым. Руководитель колыбели революции выступал против предложения вождя об отмене карточек на хлеб, благодаря которым ему и удавалось кормить огромный город. Кирова в этом вопросе поддержал Куйбышев.

3 ноября Мария Сванидзе записала в дневник, что Сталин приехал к ним домой с Кагановичем и ужасно расположившим Ждановым. Вождь позвонил недовольному Кирову и пригласил его в Москву «защищать интересы Ленинграда». Затем передал трубку Кагановичу. Железный Лазарь и уговорил Кирова приехать в столицу. Мария считала, что Сталин ничего не хотел обсуждать с Кировым. На самом деле, думала она, он хотел сходить с ним в парную и, как всегда, «подурачиться».

Через несколько дней Киров отправился со Сталиным и Василием в Зубалово. Светлана устроила для них кукольное представление. После спектакля взрослые перешли в бильярдную. Хрущев был свидетелем обмена резкими словами между Сталиным и Кировым. Хрущева шокировало то, как неуважительно вел себя вождь по отношению к другому члену партии. От Сванидзе не укрылось, что Сталин пребывал в тот вечер в плохом настроении. Киров вернулся в Ленинград с плохими предчувствиями. Он очень хотел обсудить неприятности с Орджоникидзе.

7 ноября состоялось новое проявление оттепели. На дипломатическом приеме в Андреевском зале, который проводили Сталин, Калинин и Ворошилов, вместо привычного военного оркестра, ко всеобщему изумлению, играл джазовый

ансамбль Антонина Циглера. Дикий свинг казался совсем не к месту на дипломатическом приеме. Никто не мог понять, что делать: танцевать или стоять и слушать. Колебания рассеял Климент Ефремович Ворошилов, который брал танцевальные уроки в джазовом кабаре. Бывший кавалерист начал очень серьезно плясать фокстрот со своей женой, Екатериной Давидовной.

25 ноября Сергей Киров приехал в Москву на пленум ЦК. Он очень надеялся посоветоваться с Орджоникидзе, но Серго на пленуме отсутствовал. В начале ноября он с Берией был в Баку. Неожиданно Орджоникидзе стало плохо после ужина. Лаврентий Берия отвез Серго на поезде обратно в Тифлис. После парада 7 ноября Орджоникидзе опять стало плохо. У него открылось внутреннее кровотечение, потом случился сильный сердечный приступ. По постановлению политбюро в Тифлис из Москвы приехали три доктора, но они не смогли поставить диагноз и не раскрыли причину таинственного недомогания. Несмотря на плохое самочувствие, Серго хотел вернуться в Москву, чтобы участвовать в работе пленума. Но Сталин твердо велел ему выполнять все указания врачей и не приезжать в столицу до 26 ноября. «Ты должен относиться к своей болезни серьезно. Привет. Сталин».

Когда поблизости находился Лаврентий Павлович Берия, крайне глупо относиться несерьезно к любому недомоганию, пусть и к самому легкому. Возможно, Сталин хотел помешать встрече старых друзей, Кирова и Орджоникидзе, на пленуме. Берия, не так давно предлагавший вождю услуги своего топора, конечно, не мог не заметить, что тот все больше разочаровывается в Серго.

Лаврентий Берия отлично разбирался в ядах. В НКВД к тому времени уже активно действовал сверхзасекреченный отряд врачей-отравителей под руководством доктора Григория Майрановского. Но Лаврентий Павлович в таких делах явно не нуждался в чужой помощи. Именно он ввел при дворе Сталина методы, при помощи которых любили избавляться от врагов Борджии. Впрочем, Сталин и сам неоднократно размышлял об ядах, читая исторические книги о персидских шахах XVIII века. Убийства при помощи отравления пользовались тогда при персидском дворе особой популярностью. Во время одного из заседаний политбюро вождь, явно думая о чем-то своем, написал в блокноте: «Яд, яд, Надир-шах».

Пленум закончился, 28 ноября Киров возвращался в Ленинград на «Красной стреле». Сталин проводил его на вокзал, зашел в вагон и обнял на прощание. Уже на следующий день

Сергей Миронович вышел на работу. 1 декабря он какое-то время работал дома над речью, потом надел рабочую фуражку, плащ и отправился пешком на работу. В огромное неоклассическое здание Смольного, где сейчас располагался Ленинградский обком, а до революции учились благородные девицы, Киров вошел через главный вход. В 16.30 в сопровождении телохранителя Борисова он начал подниматься по широкой лестнице к расположенному на третьем этаже кабинету. Борисов отстал. Возможно, он просто не мог угнаться за шефом, но не исключено, что его зачем-то задержали московские чекисты, которые непонятно откуда появились у входа.

Поднявшись на третий этаж, Киров повернул направо и быстро пошел по коридору. Он не обратил внимания на темноволосового молодого мужчину, Леонида Николаева. Тот сначала прижался к стене, чтобы пропустить Кирова, а потом двинулся за ним. На ходу он достал наган, догнал Кирова и с расстояния не больше метра выстрелил ему в затылок. Сергей Миронович упал. Пуля пробила голову и фуражку. Потом Николаев прицелился в себя и спустил курок. Совершить самоубийство ему помешал работавший поблизости электрик. Он сбил убийцу с ног. Вторая пуля угодила в потолок. В это время прибежал Борисов. Он хрипло дышал и сжимал в руке револьвер. Сергей Киров лежал лицом вниз. Его голова была повернута направо, козырек фуражки касался пола. Киров продолжал держать в руке портфель. Он до самого конца остался большевистским трудоголиком.

Затем началась неразбериха. Смольный заполнила милиция. Свидетели описывали убийство по-разному. Они не могли сойтись даже об относительно местоположения оружия. Одни утверждали, что наган лежал на полу, другие видели его в руке убийцы.

В воздухе во время страшных событий часто повисает какой-то особый запах. Убийство Кирова не было исключением. Убитый лежал рядом с потерявшим сознание Николаевым. Росляков, друг Кирова, опустился около него на колено, приподнял голову и прошептал: «Киров… Мироныч…» Кирова понесли в конференц-зал. Росляков аккуратно поддерживал болтающуюся голову друга. Из раны сочилась кровь. Она оставляла след на полу коридора, словно священный символ героизма настоящего большевика. Кто-то ослабил Кирову ремень и расстегнул воротник. В Смольный приехал шеф ленинградского НКВД Медведь, но в дверях его остановили московские чекисты.

Затем на место преступления приехали три доктора, в том числе и Джанелидзе. Они осмотрели Кирова, признали его

мертвым, но, несмотря на это, почти до 17.45 продолжали делать ему искусственное дыхание. Врачи в тоталитарных государствах дрожат от страха, когда умирают высокопоставленные пациенты. И у них имеются веские основания.

После того как доктора наконец осознали тщетность всех попыток оживить Кирова и уехали, присутствующие поняли, что кто-то должен сообщить Сталину.

Часть третья
На краю пропасти. 1934–1936

«Я осиротел…» Знаток похорон

Трубку сталинского телефона поднял Александр Поскребышев. Чудов, заместитель Кирова, сообщил ужасную новость. Поскребышев попытался связаться со Сталиным, но не нашел его. Тогда он послал на поиски секретаря. Иосиф Виссарионович, согласно расписанию работы на день, должен был встречаться с Молотовым, Кагановичем, Ворошиловым и Ждановым.

Сталин неожиданно позвонил в Ленинград и потребовал, чтобы допросили грузинского доктора Джанелидзе на грузинском языке. Потом позвонил еще раз и спросил, во что был одет убийца. В кепку? Не был ли он одет как иностранец? Генрих Ягода, который уже звонил в Ленинград и задавал местным чекистам этот же странный вопрос, приехал в кабинет Сталина в 17.50.

Прошло совсем немного времени, и у Сталина собрались Микоян, Орджоникидзе и Бухарин. Микоян хорошо запомнил, что сказал Сталин. Он сообщил об убийстве Кирова и, не дожидаясь результатов расследования, обвинил в нем сторонников Зиновьева, возглавлявшего до Кирова ленинградскую партийную организацию и левую оппозицию. Иосиф Виссарионович утверждал, что сторонники Зиновьева развязали террор против партии и ее лидеров. Самое сильное впечатление смерть Кирова произвела на его близких друзей, Серго и Анастаса.

Лазарь Каганович обратил внимание на то, что Сталин «сначала был шокирован». Но если вождь и был выбит из колеи, то он быстро взял себя в руки. Сталин приказал секретарю ЦИКа Енукидзе подписать указ, согласно которому процесс над террористами должен состояться в течение десяти дней. После вынесения приговора их следует немедленно расстрелять, апелляции не рассматриваются. Видимо, Сталин лично подготовил текст чрезвычайного указа. В историю этот указ, вернее два постановления, составленные в тот вечер, вошли как «закон 1 декабря». Он очень похож на гитлеровский «Закон о чрезвычайных полномочиях», потому что точно так же закладывал фундамент для проведения выборочного террора и полной отмены какого бы то ни было намека на законность. В течение трех следующих лет на основании «закона 1 декабря» были расстреляны или отправлены в трудовые лагеря два миллиона человека. Анастас Микоян, находившийся в тот вечер в кабинете Сталина, не сказал против драконовского закона

ни слова. С той же легкостью, с какой члены политбюро снимали с предохранителя свои маузеры, они ввергли страну в чрезвычайное положение и менталитет времен Гражданской войны.

Если в тот вечер и прозвучали хоть какие-то возражения против страшного закона, то произнес их Авель Енукидзе. Но именно Енукидзе, самый добрый среди партийцев, не признающих абсолютно никаких норм морали, в конце концов и подписал его. Газеты сообщили, что закон был принят на заседании Президиума ЦИКа. Это означало, что Сталин завел Енукидзе после заседания в накуренную комнату и при помощи каких-то угроз заставил подчиниться. До сих пор остается загадкой, почему малодушный Калинин, бывший главой государства и тоже присутствовавший там, не подписал этот документ. Его подпись появилась позже, когда в газетах уже опубликовали сообщения о принятии акта. Через несколько дней после ЦИКа за «закон 1 декабря» единодушно проголосовало и все политбюро.

Сталин решил лично возглавить делегацию, отправлявшуюся в Ленинград для расследования убийства. В Ленинград хотел поехать и Серго Орджоникидзе, но вождь велел ему остаться. И вновь, как несколькими неделями ранее, он объяснил свой запрет больным сердцем Серго. Внешне все выглядело правдоподобно и логично. У Орджоникидзе на самом деле от горя произошел нервный срыв. Еще одного приступа его сердце могло и не выдержать. Через много лет дочь Серго, Этери Орджоникидзе, вспоминала, что видела плачущего отца один раз в жизни, в день убийства Кирова. Зинаида Орджоникидзе отправилась в Ленинград утешать вдову Сергея Мироновича.

Хотел поехать в Ленинград и Каганович, но Сталин сказал ему, что кто-то должен управлять страной. С собой вождь взял Молотова, Ворошилова и Жданова, а также Ягоду и Андрея Вышинского, заместителя Генерального прокурора, который тем летом привел Серго в бешенство. Правительственный поезд следовал на север в сопровождении сотрудников НКВД. Со Сталиным, конечно, были Паукер и Власик. Заглядывая вперед, можно сказать, что самым важным членом московской делегации, которого взял с собой вождь, был Николай Ежов, начальник отдела кадров ЦК. Ежов был одним из тех молодых большевиков, типа Жданова, на которых Сталин собирался опереться в надвигающихся страшных событиях.

На железнодорожном вокзале в Ленинграде поезд встречали перепуганные местные руководители. Сталин отлично сыграл роль Ланселота, благородного рыцаря, сердце которого разбила

смерть любимого друга. Сойдя на перрон, он первым делом подошел к Медведю, начальнику ленинградской ЧК, и ударил по лицу рукой в перчатке.

С вокзала Сталин отправился через весь город в больницу, в морге которой находилось тело Кирова. Свой штаб вождь организовал в смольнинском кабинете Кирова. Там он и проводил собственное странное расследование, в ходе которого игнорировал любые улики, свидетельствовавшие против заговора зиновьевцев и его левой оппозиции. Первым был допрошен бедный Медведь. Его обвиняли в том, что он допустил убийство. За Медведем привели маленького и жалкого убийцу. Николаев был одной из трагических жертв истории, как голландец, который поджег Рейхстаг. У убийцы Кирова было много общего с поджигателем Рейхстага. Сначала Николаева, этого тщедушного тридцатилетнего карлика исключили из партии, потом восстановили. Он жаловался Кирову и Сталину на несправедливость аппаратчиков. Николаев, скорее всего, находился в состоянии шока. Он даже не узнал Сталина. Потом упал на колени перед вождем и зарыдал.

– Что я наделал? Что я наделал? – причитал он.

Никита Хрущев, который, правда, не присутствовал при допросе, утверждал, что Николаев опустился на колени и заявил, будто бы застрелил Кирова по приказу партии. Источник, близкий к Климу Ворошилову, говорил, что Николаев несколько раз пробормотал: «Но вы сами мне сказали…» Некоторые свидетели показывали, что во время допроса чекисты били его и пинали ногами.

– Уведите его! – хмуро приказал Сталин.

Хорошо информированный сотрудник НКВД Орлов, через несколько лет бежавший на Запад, написал в воспоминаниях, что Николаев показал на Запорожца, заместителя начальника ленинградского НКВД, и воскликнул:

– Почему вы спрашиваете меня? Спросите его.

Запорожца навязали Сергею Мироновичу Кирову в 1932 году. В вотчине Кирова он был человеком Сталина и Ягоды и не очень это скрывал. Что имел в виду Николаев, показывая на Запорожца? Скорее всего, что будущего убийцу уже задерживали в октябре, когда он бродил около дома Кирова с… револьвером в кармане. Но тогда Николаева по необъяснимым причинам отпустили, даже не обыскав. Он уже пытался однажды убить Кирова, но телохранители помешали ему выстрелить.

Через четыре года, когда судили Генриха Ягоду, бывший нарком признался, что приказал Запорожцу не трогать Николаева. Получалось, что убийство Сергея Кирова было

санкционировано в Москве на самом высоком уровне. Однако Ягода на допросах признался во многом. Разобраться в том, что из сказанного им правда, а что ложь, непросто.

После Николаева в комнату ввели его жену, Милду Драуле. По версии НКВД, причиной убийства Кирова была ревность. Николаев якобы хотел отомстить ленинградскому руководителю за роман с его супругой. Эта версия тоже не выглядит особенно правдоподобной. Дело в том, что Сергею Мироновичу Кирову нравились хорошенькие балерины, тоненькие и совсем маленькие девушки. Драуле же была самой обыкновенной женщиной и не отличалась ни особой стройностью, ни красотой. Впрочем, сторонники версии убийства из-за ревности обращают внимание на то, что жена Кирова тоже не была красавицей. Конечно, разобраться в душе мужчины и тем более в его сексуальных пристрастиях непросто, но все, кто знал Сергея Кирова и Милду Драуле, говорили, что они были очень неподходящей парой. Драуле утверждала, что ничего не знала о намерениях супруга. Сталин вышел в приемную и приказал привести Николаева и врачей.

– Для меня уже сейчас ясно, что в Ленинграде действует хорошо организованная террористическая организация, – уверенно заявил вождь. – Необходимо провести самое тщательное расследование.

Тем не менее никаких попыток расследовать убийство Кирова с криминалистической точки зрения сделано не было. Сталин, конечно, не хотел, чтобы следователи вдруг выяснили, что убить Кирова уговаривали люди из НКВД (если это имело место).

Позже ходили слухи, что вождь посетил убийцу в камере и целый час о чем-то с ним проговорил. Многие полагают, что он убеждал Николаева дать показания против Зиновьева и обещал за это сохранить жизнь. Однако Николаев не без оснований боялся, что его обманут.

Таинственность все сильнее сгущалась в искусственно созданный туман. Произошла странная заминка. Иосиф Виссарионович решил допросить охранника Кирова, Борисова. Только Борисов мог дать вразумительный ответ, почему Киров оказался один на один с Николаевым. Поговаривали, что чекисты из Москвы намеренно задержали Борисова внизу, что ему было известно о кознях НКВД.

Телохранителя повезли в Смольный в черном воронке. В этих специальных машинах НКВД обычно перевозили арестованных. Борисов сидел в задней части. Пассажир на переднем сиденье неожиданно схватил руль и вывернул в сторону. Машина резко вильнула, вылетела на тротуар и зацепила боком стену здания.

В этой очень непонятной автомобильной аварии Борисов погиб.

Потрясенный Паукер доложил об аварии Хозяину. Пройдет совсем немного времени, и очень похожие на эту подозрительные аварии прочно войдут в арсенал НКВД, станут главной опасностью для высокопоставленных большевиков, впавших в немилость. Для организаторов заговора, если, конечно, он существовал, Борисов представлял серьезную угрозу.

Когда Сталину сообщили об этой очень подозрительной смерти, он тут же обвинил во всем местную ЧК.

– Даже это не смогли сделать как надо, – презрительно процедил он сквозь зубы.

После убийства Кирова прошло почти семьдесят лет. Скорее всего, тайна его смерти никогда уже не будет раскрыта. Заказал ли Сталин своего «младшего брата»? Твердых доказательств того, что он повинен в смерти Кирова, нет. Но многие до сих пор считают, что вождь замешан в убийстве. Через много лет Хрущев утверждал, что Кирова приказал убить Сталин. Анастас Иванович Микоян, воспоминания которого во многом правдивы и которому меньше других соратников вождя приходилось доказывать свою невиновность, тоже считал, что Сталин каким-то образом связан с убийством.

Ясно одно – убийство ленинградского руководителя пришлось для Сталина очень кстати. Оно послужило отличным предлогом для уничтожения старых партийных кадров. То, что уже через считаные минуты после убийства у него был готов набросок текста «закона 1 декабря», говорит о многом. От этой оперативности так же дурно пахнет, как и от очень сильного желания свалить всю вину на Зиновьева. Иосиф Виссарионович знал о том, что Запорожец незадолго перед убийством Кирова неожиданно отправился в отпуск без разрешения Москвы. Не исключено, что чекисту было известно о плане и он заранее готовил себе алиби. В самом убийстве тоже много загадочного. Почему Борисова задержали у дверей в Смольный? Почему в Смольный так быстро приехали сотрудники НКВД из Москвы? Еще больше подозрений вызывает смерть Борисова. Не стоит забывать и то, что Сталину, почти всегда очень осторожному и осмотрительному, тем не менее не чужд отчаянный риск. Об этом можно судить по его реакции на поджог Рейхстага и чистку фашистской партии, устроенной Гитлером.

Конечно, при более внимательном анализе большинство из перечисленных выше подозрительных фактов становятся менее зловещими и вполне объяснимыми. Слабая охрана Кирова ничего не доказывает, поскольку самого Сталина тогда зачастую охраняли не больше одного-двух человек. Ухудшение отношений

между Сталиным и Кировым тоже типично для повседневной жизни при дворе вождя. В его свите ни на секунду не затихала скрытая борьба. Фавориты обычно долго не задерживались на своем месте. Очень быстрая реакция Сталина на смерть Кирова и его странное расследование тоже не означают, что он организовал убийство. Когда в Польше 27 июня 1927 года убили советского посла Войкова, вождь отреагировал с такой же ошеломительной скоростью. И точно так же его не интересовали настоящие убийцы. Он заявил Молотову, что за преступлением стоит Британия, и немедленно приказал расстрелять десятки так называемых монархистов. Большевики всегда относились к правосудию как к орудию политической борьбы. Местный НКВД, отчаянно пытаясь скрыть свою некомпетентность, вполне мог по собственной инициативе убрать Борисова. Очень многие непонятные и таинственные факты можно объяснить обычными последствиями паники, которая всегда возникает после подобных событий в тоталитарных государствах.

Было бы наивно рассчитывать найти письменные доказательства вины Сталина в убийстве века. Мы знаем, что и при физическом устранении других врагов Сталин никогда не отдавал письменных приказов и указаний. Все распоряжения были только устными. Все они обосновывались *инстанцией*. Это слово оказывало на чиновников магическое воздействие.

Прямое участие Генриха Ягоды в убийстве Кирова тоже представляется маловероятным. Хотя бы потому, что он не был особенно близок к Сталину. Но в НКВД служило много чекистов, начиная от Агранова и кончая тем же Запорожцем, которые были не только слепо преданны вождю и коммунистическим идеалам, но и достаточно аморальны, чтобы сделать все, о чем попросит партия.

Дружба Сталина и Кирова, несмотря на всю внешнюю глубину, носила односторонний характер и была очень хрупкой. Железный Лазарь как-то сказал, что Сталин «просто любил» Кирова, но тут же добавил, что все у Сталина, даже дружба, подчинено политическим интересам. Его отношения с друзьями представляли собой причудливую смесь любви, восхищения и ядовитой зависти. Сталин является прекрасным примером, который как нельзя лучше объясняет крылатую фразу Гора Видала. Американский писатель однажды сказал: «Каждый раз, когда мой друг добивается успеха, во мне что-то умирает». Сталин обожал Николая Бухарина. Вдова Бухарина говорила, что Сталин мог любить и одновременно ненавидеть одного и того же человека. Любовь и ненависть рождают зависть, и они сражаются друг с другом в груди каждого. Может, Сталин считал,

что Киров предал его искреннюю дружбу. Это предательство могло вызвать злобу вождя, похожую на гнев отвергнутой женщины. Ну а после смерти Кирова пришло чувство огромной вины. Все это, конечно, только предположения. Об истинных чувствах Иосифа Виссарионовича приходится лишь гадать. Даже с самыми близкими друзьями он был очень скрытным. Никто не мог похвастаться тем, что знал сокровенные мысли вождя.

Это может показаться странным, но Сталин всегда лучше относился к тем, кого знал не очень хорошо. Однажды он получил письмо от шестнадцатилетнего школьника. Сталин послал ему десять рублей и получил горячую благодарность. Нередко он был сентиментален, особенно с друзьями детства и юности. «Посылаю тебе 2000 рублей, – написал он Петру Капанадзе, другу по Тифлисской семинарии. Капанадзе стал священником, а в декабре 1933 года работал учителем. – Больше у меня сейчас нет. Твоя нужда – хороший повод отдать тебе мой (книжный) гонорар. Живи долго и счастливо». Это сентиментальное письмо Сталин подписал именем отца – «Бесо».

Теплоту по отношению к старинным друзьям подтверждает еще одно удивительное письмо, которое долго пылилось в архиве. В 1930 году Сталин получил интересное послание из далекой Сибири. Директор одного из сибирских колхозов спрашивал его, стоит ли принимать в колхоз бывшего царского полицейского, который утверждает, что якобы знал самого Сталина. Выяснилось, что старик действительно надзирал за Сталиным во время одной из сибирских ссылок. Вождь выкроил время и написал бывшему жандарму пространную рекомендацию. «Во время моей ссылки в Курейке в 1914–16 годах Михаил Мерзликов действительно был жандармом в этом селе. В то время у него был один приказ – охранять меня… Ясно, что я не мог дружить с Мерзликовым. И все же должен сказать, что, хотя наши отношения и не были дружескими, не было в них и той враждебности, какая обычно возникает между надзирателями и ссыльными. Пожалуй, мне следует объяснить, что Мерзликов исполнял свои обязанности надзирателя без обычного жандармского рвения, не шпионил и не преследовал меня, закрывал глаза на мои частые отлучки и нередко упрекал своих подчиненных за то, что не выполняли его приказы… Я считаю своим долгом рассказать обо всем этом. Могу засвидетельствовать, что в 1914–16 годах, когда Мерзликов охранял меня, он вел себя лучше других царских полицейских. Не знаю, чем занимался Мерзликов при Колчаке и советской власти, и тем более не могу знать, какой он сейчас».

Похоже, Сталин, убивавший лучших друзей, все же понимал,

что такое настоящая дружба. Трудно сказать, уничтожил ли он Кирова, или Николаевым на самом деле двигала исключительно ревность. Ясно одно: Сталин очень ловко воспользовался этим убийством, чтобы устранить не только своих противников, но и наименее радикальных соратников.

* * *

Сергей Миронович Киров в темном френче лежал в открытом гробу в окружении красных знамен, десятков венков с трогательными надписями и многочисленных кадок с пальмами. Прощание с ленинградским руководителем было выдержано в типично большевистских традициях и проходило в неоклассической роскоши построенного князем Потемкиным Таврического дворца. 3 декабря, ровно в 9.30 вечера, Сталин и члены политбюро застыли в почетном карауле у гроба. Эта скорбная вахта тоже была непременным атрибутом большевистских похорон. Ворошилов и Жданов были искренне огорчены. На лице Молотова – каменная маска. «На удивление, спокойным и, как обычно, непроницаемым было лицо И. В. Сталина, – отмечал Никита Сергеевич Хрущев. – Казалось, он о чем-то глубоко задумался. Его глаза смотрели поверх Кирова, сраженного пулей убийцы».

Перед возвращением в Москву вождь назначил Андрея Жданова секретарем ленинградской партийной организации. Возглавив Ленинград, Жданов сохранил пост секретаря ЦК. В городе на Неве по приказу Сталина остался и Николай Ежов. Он должен был руководить расследованием убийства.

В десять часов члены политбюро во главе с товарищем Сталиным вынесли гроб с телом Кирова и установили его на орудийный лафет. Процессия медленно направилась в скорбный путь по забитым народом улицам к вокзалу. Там гроб перенесли на поезд, на котором Сталин возвращался в Москву. Украшенный разноцветными гирляндами поезд смерти растворился в полуночной темноте. В Ленинграде остался только мозг Кирова. Ленинградским ученым предстояло найти в нем признаки большевистской гениальности.

Поезд со Сталиным еще находился в пути, а Агранов, чекист, возглавлявший расследование, уже начал допрашивать убийцу. «Упрям, как мул», – доложил он Сталину.

«Кормите Николаева вкусно, покупайте ему курицу, – распорядился вождь, любивший куриное мясо. – Он должен быть сильным, чтобы рассказать нам, чьи приказы исполнял. Если он

будет молчать, мы заставим его заговорить. Он все нам расскажет».

После прибытия поезда на Октябрьский вокзал в Москве гроб с телом Кирова вновь перенесли на орудийный лафет. Затем его отвезли в Колонный зал, где гробу предстояло простоять до похорон, назначенных на следующий день.

Через пару часов после возвращения в Москву Сталин собрал заседание политбюро. Он рассказал коллегам о своем странном и неубедительном расследовании. Анастас Микоян искренне любил Кирова и поэтому был очень расстроен. Но горе не помешало ему задать очевидные вопросы: как Николаеву, вооруженному револьвером, удавалось дважды избежать ареста и как погиб Борисов?

– Как такое могло случиться! – гневно поддержал Анастаса Сталин.

– Кто-то должен за это ответить! – воскликнул Микоян. – Разве председатель ОГПУ Ягода не отвечает за безопасность членов политбюро? Он должен отчитаться перед нами.

Иосиф Виссарионович не дал Ягоду в обиду в тот вечер. Ягода был ему тогда еще нужен. У Сталина имелась другая задача – воспользоваться случаем и разгромить старых большевиков во главе с Зиновьевым. Микояна, Куйбышева и Серго Орджоникидзе поведение Сталина сильно удивило. Анастас обсуждал «непонятное поведение» Кобы с Серго. Очевидно, это происходило во время прогулок по Кремлю, традиционном месте для таких опасных разговоров. Оба были поражены и не могли ничего понять. Орджоникидзе так переживал из-за смерти друга, что потерял голос. Валериан Куйбышев предложил провести расследование ЦК. Следователям из НКВД он, очевидно, не очень доверял. Конечно, маловероятно, что Анастас Микоян, который по-прежнему горячо восхищался Сталиным и верно служил ему до самой смерти, считал, что вождь виноват в смерти Кирова. Партийные руководители научились ловко находить выход из подобных запутанных ситуаций. Они просто внушали себе, что все ясно и понятно.

В ту ночь Павел Аллилуев так же, как после самоубийства Нади, еще раз сыграл роль сторожа при родственнике. Он остался со Сталиным в Кунцеве. Опершись на его руку, Сталин тихо и проникновенно сообщил, что смерть Кирова сделала его круглым сиротой. Он произнес эти слова так трогательно, что Павел не удержался и обнял его. Нет причин сомневаться в искренности горя вождя.

Улицу Горького перекрыли в десять часов утра 5 декабря. Так же, как после смерти Надежды Аллилуевой, Карл Паукер

предпринял усиленные меры безопасности. Сталинская свита собралась в Колонном зале. Похороны видных большевиков всегда проходили очень экстравагантно: горящие факелы, шторы из алого бархата и знамена, свисающие с потолка до пола, густые заросли пальм. О том, что сейчас XX век, говорила толпа репортеров. Они, как сумасшедшие, щелкали затворами фотоаппаратов. Бесчисленные вспышки делали и без того сильное неоновое освещение зала еще ярче. Прощание сопровождалось траурной музыкой в исполнении оркестра Большого театра. Блестящие похороны павшим рыцарям умели устраивать не только нацисты. Большевики хоронили своих героев с не меньшей пышностью. Совпадали даже цвета – на похоронах доминировали красный и черный.

Сталин уже провозгласил Кирова своим самым близким товарищем. После смерти тот превратился в большевистского мученика. По стране прокатилась волна переименований. Именем Кирова были названы его родной город Вятка, Мариинский театр и сотни улиц в разных городах огромной страны.

Гроб стоял на алом кумаче. На виске покойного виднелся синяк зеленоватого оттенка. Он образовался в результате падения. Около гроба сидели вдова и сестры Сергея Мироновича, с которыми он не виделся и не поддерживал отношений в течение тридцати лет. Станислав Реденс, начальник НКВД Москвы, подвел свою беременную жену Анну Аллилуеву и чету Сванидзе к местам почетных гостей рядом с супругами членов политбюро. Наступила тишина. Ее нарушал только стук каблуков солдат, эхом разносившийся по огромному залу. Затем Мария Сванидзе услышала шаги «стойких и решительных орлов». В почетном карауле у гроба застыли члены политбюро.

Оркестр Большого театра заиграл траурный марш Шопена. К печальной музыке примешивалось жужжание многочисленных кинокамер. Сталин стоял сложив руки на животе. Рядом расположился Каганович, тоже в партийном френче, его внушительный живот перетягивал кожаный ремень. Когда солдаты начали прикручивать крышку гроба, Сталин так же, как на похоронах Нади, неожиданно остановил их и подошел к усопшему. Взгляды присутствующих были прикованы к печальному лицу вождя. Он медленно нагнулся и поцеловал Кирова в лоб. Это было очень трогательное зрелище. Весь зал зашелся от громких рыданий. Не стесняясь, плакали даже мужчины.

– До свидания, дорогой друг, – тихо попрощался Иосиф Виссарионович. – Мы отомстим за тебя.

Постепенно Сталин становился большим знатоком ритуала

похорон…

Один за другим с Кировым прощались и другие большевистские вожди: бледный Молотов, печальный Жданов. Лазарь Каганович тоже нагнулся над трупом, но не поцеловал его. Анастас Микоян положил руку на край гроба и наклонился. Вдова упала в обморок. Докторам пришлось отпаивать ее валерьяновыми каплями. Для семьи Сталина потеря Кирова, «этого обаятельного человека, которого любили все», была неразрывно связана со смертью Нади. Вождь перенес всю боль и горе утраты жены на дорогого друга.

Руководители покинули Колонный зал. Гроб закрыли и увезли в крематорий. Павел и Женя Аллилуевы печально смотрели, как он медленно исчез в печи. Сванидзе и остальные вернулись на квартиру Ворошиловых в Кавалерском корпусе. Здесь, на месте последнего ужина Нади, состоялись поминки по Кирову. Молотов и другие руководители со Сталиным во главе собрались в Кунцеве.

На следующее утро Иосиф Сталин в старой шинели и форменной фуражке, Ворошилов, Молотов и Калинин проводили урну с прахом Кирова в последний путь. Ее провезли через Красную площадь. Там, по сообщениям советских газет, собрался миллион рабочих. В тот день было холодно. Изо ртов собравшихся шел пар. Произнести речь, как и на похоронах Нади, поручили Кагановичу. Затем под звуки труб все опустили головы и знамена. «Безупречный большевик» Серго поставил урну с прахом в нишу в кремлевской стене, где она находится и сейчас.

– Я думал, что Кирыч похоронит меня, – печально сказал Орджоникидзе жене, вернувшись домой. – А вышло все наоборот.

Практически одновременно с похоронами начались казни. 6 декабря шестьдесят шесть «белогвардейцев», арестованных за подготовку терактов еще до убийства Кирова, были приговорены к смертной казни. Смертные приговоры выносила Военная коллегия Верховного суда СССР под председательством Василия Ульриха. Вскоре этот круглоголовый человек стал главным исполнителем воли Сталина, требовавшего расстрелов. Еще двадцать восемь человек были казнены в Киеве. 8 декабря из Ленинграда в Москву вернулись Николай Ежов и Агранов. Они три часа докладывали об охоте на террористов в колыбели революции.

Несмотря на трагедию и тревожные признаки того, что скоро расстреливать за убийство Кирова начнут не только террористов, но и большевиков, жизнь сталинского кружка продолжалась так же, как раньше. Разве что стала более мрачной и скучной. 8 декабря, после встречи с Ежовым, Молотов, Орджоникидзе,

Каганович и Жданов, как обычно, пообедали со Сталиным, Василием и Светланой, Сванидзе и Аллилуевыми у него на квартире в Кремле. Светлана получила подарки. Девочка очень переживала потерю любимого «второго секретаря» Кирова. Сталин похудел и побледнел. В его взгляде появилась какая-то таинственность. Было очевидно, что он тоже сильно переживает смерть друга. Мария Сванидзе и Анна Аллилуева старались его утешить и ни на минуту не отходили. Алеша Сванидзе предупредил жену, чтобы она сохраняла дистанцию и не вела себя слишком фамильярно. Она не прислушалась к этому мудрому совету. Мария подумала, что муж просто ревнует ее к Сталину. Вождю показалось, что на столе мало еды. Он позвал Каролину Тиль и приказал принести что-нибудь еще. Сам Сталин почти не ел. Вечером он взял с собой Алешу Сванидзе, Светлану и Василия и поехал в Кунцево. Остальные пошли на квартиру Орджоникидзе.

Поскольку Сталин сразу после убийства Кирова обвинил в преступлении Зиновьева и его сторонников, неудивительно, что Ежов и НКВД быстро арестовали ленинградский и московский «центры» зиновьевцев. Списки людей, подлежащих аресту, вождь составил собственноручно. Главная цель многочисленных допросов Николаева – получить признание о его связи с Зиновьевым. Убийца Кирова молчал недолго. 6 декабря он во всем признался. Зиновьева и Каменева, двух ближайших соратников Ленина, арестовали. Бывшим членам политбюро не помогло даже то, что в 1925 году они встали на сторону Сталина в борьбе с Троцким и спасли его.

На заседании политбюро были зачитаны показания «террористов». Сталин лично приказал Вышинскому и Ульриху приговорить обоих старых большевиков к смертной казни.

После смерти Кирова «все изменилось», как говорил об этом Юрий Жданов. В первую очередь были значительно усилены меры безопасности. Это произошло в то самое время, когда казалось, что для поддержки безутешному вождю нужна простая жизнь его двора с весельем, экстравагантными поступками женщин и бегающими детьми. Но придворная жизнь изменилась навсегда.

5 декабря встревожился Ян Рудзутак. Этому гордому, почти необразованному, хотя и умному старому большевику показалось, будто Сталин показал на Рудзутака пальцем и обвинил в том, что он не мог быть выходцем из семьи рабочих, поскольку учился в институте. «Я бы не стал беспокоить вас подобными мелочами, – написал Рудзутак Сталину, – но я слышал о себе много сплетен. Очень печально, что они дошли и до вас».

Латыш Ян Рудзутак десять лет отсидел в царских тюрьмах.

У него были усталые выразительные глаза. После долгих лет тяжелого физического труда в ссылке он слегка прихрамывал. В свободное время любил выезжать за город и фотографировать красоты природы.

Рудзутак входил в политбюро и был союзником Сталина, но сейчас все сильнее чувствовал, что в их отношениях появляется холодок. Он видел: вождь больше не доверяет ему.

«Вы ошибаетесь, товарищ Рудзутак, – холодно ответил Сталин. – Я показывал на Жданова, а не на вас. Мне хорошо известно, что вы не учились в институте. Я прочитал ваше письмо Молотову и Жданову. Они согласились со мной, что вы ошибаетесь».

Вскоре после убийства Кирова Сталин шел по Кремлю с одним морским офицером. В кремлевских коридорах теперь через каждые десять метров стояли охранники. Они провожали всех внимательными взглядами.

– Обратили внимание на солдат? – спросил Сталин своего спутника. – Идешь по коридору и думаешь: «Кто из них выстрелит?» Если вот этот, то он будет стрелять в спину. Если тот, то вы получите пулю в лицо.

21 декабря, вскоре после первой волны расстрелов, свита приехала в Кунцево отмечать пятьдесят пятый день рождения своего повелителя. Народу собралось много, мест не хватало. Мужчины со Сталиным во главе начали заносить в столовую дополнительные столы и стулья. Микоян и Орджоникидзе были тамадами. Сталин все еще оставался расстроенным смертью Кирова, но его настроение постепенно улучшалось. Несмотря на это, Алеша Сванидзе не разрешил жене прочитать стихи, которые она сочинила специально к этому дню. Ему показалось, что неумеренное восхваление Сталина или очевидное требование разрешить женщинам выезжать на Запад вновь испортит вождю настроение.

На первое в тот вечер был борщ, на второе подали телятину. Вождь принялся собственноручно, никого не пропуская, разливать борщ. Начал он с Молотовых и Поскребышева, который совсем недавно женился, а закончил Авелем Енукидзе и своими детьми. «Сталин ел борщ из глубокой тарелки, – вспоминает Артем Сергеев. – Он накалывал вилкой куски мяса».

В самый разгар праздничного ужина в Кунцево приехали Лаврентий Берия и его бывший покровитель, глуховатый Нестор Лакоба, руководивший теперь Абхазией.

Сталин предложил выпить за Сашико Сванидзе, сестру своей первой жены, Като, и Алеши. Этот тост вызвал ярость у жены Алеши, Марии. Между женщинами из окружения Сталина

постоянно шла борьба за его благосклонность и внимание. Затем Сталин, как утверждает Артем, вспомнил про детей и налил ему, а также Василию немного вина. Заметив их нерешительность, вождь воскликнул:

– Не бойтесь! Выпейте вина!

Когда Анна Реденс и Мария Сванидзе так же, как Надя, заворчали, что детям не стоит давать вино, Иосиф Виссарионович весело рассмеялся:

– Разве вы не знаете, что вино полезно для здоровья? С его помощью можно вылечить много болезней!

Вскоре атмосфера за столом стала печальной. Во время похорон Кирова многие вспоминали Надю. Вот и сейчас, на празднике, появился дух Банко. Серго, который был тамадой, встал и произнес тост за Кирова:

– Его убил мерзавец, он отнял Сергея у нас!

Кто-то громко заплакал.

Затем кто-то предложил выпить за Дору Казан, жену Андреева, одну из любимых женщин Сталина, и ее учебу в Промышленной академии. Тост напомнил Сталину о Наде.

– Мы уже три раза говорили об академии, – сказал он, вставая. – Поэтому давайте выпьем за Надю!

Все встали, по лицам катились слезы. Один за другим гости молча подходили к грустному Сталину и чокались с ним. Анна Реденс и Мария Сванидзе поцеловали его в щеку. Марии показалось, что он стал «мягче, добрее». Когда все поднялись из-за стола, Сталин, как заправский диск-жокей, начал ставить на граммофон любимые пластинки. Начались танцы.

Наплясавшись, гости запели печальные грузинские песни. Сталин подпевал. Много лет назад он пел в церковном хоре, а сейчас стал всесильным дирижером огромной империи. Песни вновь настроили собравшихся на грустный лад. Чтобы встряхнуть гостей, Николай Власик, который не только охранял Сталина, но и исполнял обязанности придворного фотографа, предложил сделать групповой снимок. Так получилась замечательная картина двора Сталина накануне Большого террора.

Фотографирование стало причиной новых ссор между соперницами. На снимке Иосиф Виссарионович сидит в центре в окружении женщин, которые преклонялись перед ним. Справа от него расположилась бесцеремонная Сашико Сванидзе, дальше – Мария Каганович и сопрано Мария Сванидзе с высокой грудью. Слева сидит стройная и элегантная Полина Молотова. Мундиры перемешались с партийными френчами. Клим Ворошилов, нарком обороны, был в тот вечер в военном мундире. Станислав Реденс – в синей форме НКВД. На Павле Аллилуеве

тоже военная форма комиссара. На полу сидят улыбающийся Серго Орджоникидзе, Анастас Микоян и Лакоба. Сюда же, практически улегшись на пол, сумели втиснуться Берия и Поскребышев.

У ног вождя, как и на другом снимке, где Сталина окружают только женщины, устроилась Женя Аллилуева. Словно Чеширский кот, съевший сметану, она улыбается в объектив фотоаппарата.

Тайная дружба – новгородская роза

– Ты так хорошо одеваешься! – с восхищением сказал Сталин своей невестке Жене Аллилуевой. – Тебе следовало работать бы закройщицей.

– Да что вы! – Женя рассмеялась. – Я и пуговицы не могу пришить. Мне их пришивает дочь!

– Ну и что! – Вождь хмыкнул. – Ты бы учила советских женщин, как нужно одеваться.

После смерти Нади Женя практически переехала к Сталину, чтобы присматривать за ним. Похоже, в 1934 году их дружеские отношения переросли в нечто большее. Тридцатишестилетняя Женя была дочерью священника из Новгорода. Это стройная и похожая на статуэтку голубоглазая женщина с волнистыми белокурыми волосами, ямочками на щеках, вздернутым носиком и широким, всегда полураскрытым в улыбке ртом. У нее замечательная кожа с золотистым оттенком и решительный характер. Женю Аллилуеву трудно назвать красавицей, но эта «роза новгородских полей», казалось, так и пышет здоровьем. Вынашивая дочь Киру, она накануне родов колола дрова. В то время как Дора Казан одевалась в строгие платья, а Екатерина Ворошилова постоянно полнела, Женя носила платья с оборочками, яркими воротничками, шелковыми платками и оставалась молодой, свежей и очень женственной.

Дамы, окружавшие Сталина, находили его тем более привлекательным, что после смерти Нади и убийства Кирова он, несомненно, страдал от одиночества. Власть сама по себе сильное возбуждающее средство, а в комбинации с силой, одиночеством и горем она и вовсе превращается в коктейль, от которого голова идет кругом. Но Женя отличалась от других женщин, входивших в окружение Сталина. Она познакомилась с ним уже после того, как вышла замуж за брата Нади, Павла. Они с мужем много времени жили за границей и вернулись из Берлина незадолго до самоубийства Надежды Аллилуевой. Тогда-то между овдовевшим Сталиным и этой беспечной, веселой женщиной возникли совершенно иные отношения. Брак между Женей и Павлом не был особенно счастливым и легким. По своему характеру Павел совсем не подходил к профессии военного. Это мягкий мужчина, склонный, как и Надя, к истерикам. Женя была недовольна, что у нее слабохарактерный муж. Если бы не Сталин, они бы развелись в начале тридцатых. Но вождь запретил развод. Несмотря на то что Надя застрелилась из подаренного братом пистолета, отношение Сталина к Павлу

Аллилуеву не изменилось. Об этом говорит хотя бы то, что Павел часто оставался у него ночевать.

Сталин восхищался тем, как горячо Женя любила жизнь. Она не боялась вождя. В свой первый после возвращения из Берлина приезд в Зубалово Аллилуева увидела на столе тарелку с супом и быстро его съела. Затем в комнату вошел Сталин.

– Где мой луковый суп? – спросил он.

Жене пришлось признаться, что она его съела. Такой поступок, соверши его кто-нибудь другой, мог вызвать вспышку гнева, но в случае с Женей Сталин только улыбнулся и сказал:

– Надо будет распорядиться, чтобы наливали две тарелки.

Она всегда говорила то, что думала. Женя Аллилуева (хотя и не единственная), рассказывала Сталину в 1932 году о голоде. Опять же, другому человеку столь смелый поступок мог стоить головы. Женю Сталин за такую дерзость простил.

Женя Аллилуева много читала. Как-то Сталин спросил, что ему почитать. Она посоветовала заняться историей Древнего Египта и пошутила, что он уже многое перенял у фараонов. Сталин часто хохотал от ее незамысловатых шуток. Беседы с ней напоминали ему забавные разговоры с соратниками из политбюро. Женя замечательно пела частушки. Сталин с удовольствием слушал ее.

Женя не могла не подшучивать над строгими партийными матронами. Сталину тоже нравилось разыгрывать своих придворных. Как-то раз Полина Молотова, возглавлявшая косметическую промышленность СССР, похвалилась, что надушилась своим последним изделием, духами «Красная Москва».

– Так вот почему от вас так приятно пахнет! – галантно проговорил Сталин, принюхиваясь.

– Как бы не так, Иосиф! – вмешалась в разговор Женя. – От нее пахнет «Шанелью № 5».

Женя быстро поняла, что допустила бестактность. Такого рода шутки делали членов большой сталинской семьи врагами. Причем происходили эти распри накануне превращения политики в кровавую и очень опасную профессию. Подобные замечания сходили с рук одной Аллилуевой, потому что Сталин уважал ее за независимость и дерзость.

В 1936 году Иосиф Виссарионович принял Конституцию. Женя вечно и везде опаздывала. Не успела она и к началу церемонии. Аллилуева тихо вошла в зал и облегченно перевела дух, уверенная, что никто не заметил опоздания.

После церемонии к ней подошел Сталин. Он поздоровался

и пожурил.

– Как ты меня разглядел? – удивилась она.

– Я вижу все. – Вождь самодовольно улыбнулся. Это была абсолютная правда. Зрение, слух и другие чувства у него были острыми, как у кошки. – Я разгляжу за два километра. Ты единственная, кто осмеливается опаздывать.

Сталин, оставшись один с детьми, часто советовался с Женей Аллилуевой, как воспитывать Василия и Светлану. Светлана быстро превращалась в девушку. Когда она надела первую юбку, Сталин прочитал ей строгую лекцию о большевистской скромности.

– Разве может девочка носить такие платья? – спросил он Аллилуеву. – Я не хочу, чтобы она показывала колени.

– Но это же естественно, – возразила Женя.

– И она еще просит деньги, – пожаловался вождь.

– Ну и что здесь страшного? – Аллилуева улыбнулась.

– Может, и ничего. Но для чего ей деньги? – упорствовал Сталин. – Человек вполне способен прожить на десять копеек в день.

– Брось, Иосиф! – Женя рассмеялась. – На десять копеек в день можно было прожить до революции, а не сейчас.

– А я думал, что и сейчас можно, – задумчиво произнес он.

– Как им удается держать тебя в неведении? Они что, печатают специальные газеты?

Только Женя Аллилуева могла разговаривать с вождем в таком тоне.

Очевидно, примерно в это же время Сталин и Женя стали любовниками. Историкам не суждено знать, что происходит за дверями спальных комнат. В случае с большевиками этот вопрос усложняет их любовь к конспирации и пуританская мораль. За отношениями между Сталиным и Женей наблюдала Мария Сванидзе. В то лето от Марии не укрылось, что Женя из кожи вон лезет, чтобы остаться со Сталиным наедине. Из дневника Сванидзе мы узнаем, как зимой того же года Сталин приехал домой и нашел там Марию и Женю. «Он пошутил над Женей, что она опять начала поправляться, – пишет Сванидзе. – Разговаривал с ней очень ласково. Теперь, когда мне все известно, я буду еще внимательнее следить за ними…»

«Сталин любил мою мать», – утверждала Женина дочь Кира. Можно, конечно, возразить, что дочерям часто кажется, будто великие люди влюблены в их матерей, но ее двоюродный брат, Леонид Реденс, тоже считал, что тут была не просто дружба. Есть и другое свидетельство. Позже, во второй половине тридцатых, Лаврентий Берия предложил Жене… выйти за Сталина замуж.

Скорее всего, это неуклюжее предложение исходило от самого вождя. Когда она вновь вступила в брак после смерти Павла Аллилуева, Сталин был вне себя от ярости. Очевидно, он ревновал Женю.

С Женей Сталин всегда был мягок и вежлив. Анне Реденс и Марии Сванидзе он звонил крайне редко, а вот с Женей, по словам Светланы, разговаривал практически каждый день. Причем даже тогда, когда их роман закончился.

Конечно, Евгения Аллилуева была далеко не единственной привлекательной женщиной при дворе красного царя. В середине тридцатых годов вождь все еще вел жизнь, в которой находилось место самым разным молодым и ветреным женщинам.

Но в тот памятный декабрьский вечер у ног вождя сидела именно Женя.

* * *

28 декабря убийца Кирова, Николаев, и четырнадцать его сообщников предстали в Ленинграде перед судом. Большой специалист по вынесению смертных приговоров, Ульрих, напоминавший многим змею, позвонил Сталину в Москву, чтобы получить указания.

– Заканчивайте с ними, – лаконично велел вождь.

В соответствии с «законом 1 декабря» все они были расстреляны через час после этого разговора. Та же трагическая участь ждала и их ни в чем не виноватых родных и близких. Всего в декабре 1934 года был казнен 6501 человек. В то время у Сталина еще не имелось четко разработанного плана по проведению Большого террора. Он пока лишь интуитивно догадывался, что партию можно подчинить, только очистив ее от противников. Другого же способа избавления от врагов помимо физического уничтожения он не знал. Сталин со своей сверхразвитой интуицией постепенно подходил к осмыслению стоящей перед ним задачи. Следователи НКВД не могли связать Ленинград с «московским центром» Зиновьева и Каменева, но чекисты обладали талантом убеждения арестованных. Террорист дал обвинительные показания против Зиновьева и Каменева. Соратники Ленина были приговорены к десяти и пяти годам тюремного заключения соответственно. Сталин распространил секретное письмо, в котором говорилось, что со всей оппозицией следует обращаться как с белогвардейцами – арестовывать и изолировать. НКВД работал, не покладая рук. Волна арестов вскоре превратилась

в бурную реку. Лагеря затопил «Кировский поток».

В это же самое время Иосиф Виссарионович начал джазовую оттепель. «Жить стало лучше, товарищи, – не без юмора говорил он. – Жить стало веселее».

* * *

11 января 1935-го Сталин и большинство членов политбюро присутствовали на гала-представлении советского кинематографа в Большом театре. Мероприятие напоминало церемонию «Оскар». Только не было глупых шуток, и советских режиссеров награждали не позолоченными статуэтками, а орденами Ленина.

«Из всех искусств для нас важнейшим является кино», – говорил Ленин. Кинематограф был искусством нового общества. Сталин лично следил за развитием советского Голливуда и руководил им при помощи Главного управления кинопромышленности, затем Комитета по делам кинематографии. Эту организацию возглавлял Борис Шумяцкий, с которым Сталин когда-то сидел в ссылке. Вождь следил за каждым шагом режиссеров, за съемками фильмов и даже читал сценарии. Он обсуждал фильмы со своими соратниками и просматривал каждую картину перед выходом в прокат. Помимо всего прочего Сталин был еще и главным цензором – Йозефом Геббельсом и Александром Кордой в одном лице.

Вождь был помешан на кино. В 1934 году он так много раз посмотрел советский вестерн «Чапаев» и комедию «Веселые ребята», что выучил их наизусть. Григорий Александров снимал «Веселых ребят» под пристальным руководством Сталина. После окончания съемок Шумяцкий решил показать только первую часть, сказав, что съемки второй части еще не закончены. Иосифу Виссарионовичу картина понравилась.

Шумяцкий вызвал Александрова, который взволнованно ходил около кинозала:

– Вас ждут при дворе.

– Веселая картина, – сказал Сталин Александрову. – Я отдохнул, как после месяца отпуска…

Ободренный такой оценкой своего творчества Александров немедленно приступил к съемкам серии веселых и легких музыкальных комедий. После «Цирка» он снял самый любимый фильм Сталина – «Волга-Волга». Когда режиссер приступил к работе над последним фильмом этой серии, он назвал его «Золушкой». Сталину название не понравилось, и он подготовил список из двенадцати возможных вариантов названий.

Александров выбрал «Светлый путь».

Когда за помощью к Сталину обратился Александр Довженко, снимавший картину «Аэроград», его в тот же день пригласили в «Маленький уголок». Кроме хозяина кабинета, там находились и Ворошилов с Молотовым. Сталин попросил режиссера прочитать сценарий. Позже он предложил Довженко тему для его следующего фильма.

– Ни мои слова, ни газетные статьи ни к чему вас не обязывают, – великодушно сказал вождь. – Вы свободный человек. Если у вас другие планы, занимайтесь ими. Не смущайтесь. Я хочу, чтобы вы это знали.

Вождь посоветовал режиссеру чаще использовать замечательные русские народные песни, которые любил крутить на граммофоне.

– Вы когда-нибудь их слышали? – поинтересовался Иосиф Виссарионович.

– Нет. – Довженко, у которого, как выяснилось, не было граммофона, покачал головой.

Позднее режиссер вспоминал: «После этого разговора не прошло и часа, а мне домой уже привезли граммофон, подарок вождя. Я буду трепетно относиться к нему до конца жизни».

Пока Довженко умилялся сталинским граммофоном, партийные руководители решали, как поступить с Сергеем Эйзенштейном, тридцатишестилетним режиссером-авангардистом, снявшим «Броненосец Потемкин». В жилах Эйзенштейна текла латышская, немецкая и еврейская кровь. Он слишком долго находился в Голливуде и, как сообщал Сталин американскому писателю Эптону Синклеру, «потерял доверие друзей в СССР». Сталин сказал Кагановичу, что Эйзенштейн – троцкист, а может, и еще хуже.

В конце концов Эйзенштейна уговорили вернуться. Ему поручили снять «Бежин луг». В основе фильма лежала история Павлика Морозова, юного героя, который выдал отца-кулака. Картина получилась чересчур помпезной и не понравилась Сталину. Но он знал, что Эйзенштейн очень талантлив. Когда отношения с фашистской Германией начали портиться, вождь поручил Сергею Эйзенштейну снять фильм об Александре Невском, разбившем шведских и немецких завоевателей. Картина «Александр Невский» должна была прославлять детище Сталина – социализм, объединенный с русским национализмом. Вождь остался доволен, историческая картина ему очень понравилась.

Сталин написал длинное письмо режиссеру Фридриху Эммлеру, в котором разбирал его фильм «Великий гражданин».

В третьем пункте читаем: «Обращения к Сталину следует убрать. Сталина замените Центральным комитетом».

* * *

Скромность Сталина нередко была такой же показной, как и самые яркие проявления культа его личности, который провозгласили соратники. Он не возражал, потому что считал это победой над комплексом неполноценности. Микоян и Хрущев позднее упрекали Кагановича за то, что тот поощрял тщеславие Сталина и придумал сталинизм, предложив: «Давайте заменим слово „ленинизм“ во фразе „Да здравствует ленинизм“ на „сталинизм“!» Сталин подверг предложение критике. Но Железный Лазарь хорошо изучил Хозяина и знал, что идея пришлась тому по душе.

«Почему вы прославляете меня, будто я один принимаю решения?» – с наигранным возмущением спрашивал Сталин, а сам с удовольствием следил за тем, как в газетах расцветает культ его личности. В «Правде» в 1933–1939 годах его имя упоминалось в половине передовиц. Вождю всегда дарили цветы, его постоянно фотографировали с детьми. Появлялись статьи, авторы которых писали, как они познакомились с товарищем Сталиным. Имя Сталина было не только на земле, но и в небе. Пролетавшие над Красной площадью самолеты образовывали слово «Сталин». «Правда» восторженно писала: «Жизнь Сталина – наша жизнь, наше прекрасное настоящее и будущее». Когда вождь появился на VII съезде Советов, две тысячи делегатов, как один, вскочили на ноги и начали громко кричать, бешено хлопать. По словам одного писателя, в этом порыве объединились любовь, преданность и бескорыстность. «Как он прост! – восторженно прошептала рабочая с фабрики. – Как скромен!»

Культ личности был не только у Сталина, но и у других большевистских вождей – только, конечно, поменьше. Железный Лазарь или Железный комиссар, как еще называли Кагановича, смотрел на трудящихся с тысяч портретов, которые несли на парадах. Именем Ворошилова называли пайки в армии. Метких стрелков награждали значком «Ворошиловский стрелок». Дни рождения красного маршала отмечала вся страна. На них выступал сам Сталин. Детвора менялась почтовыми открытками, на которых были изображены народные герои. Храбрец Ворошилов, говорят, ценился значительно выше вечно угрюмого и насупленного Молотова.

Нельзя сказать, что скромность Сталина была на все сто

процентов показной. Во многих сражениях между тщеславием и скромностью он поощрял похвалы в свой адрес и одновременно презирал их. Отвечая на просьбу директора Музея революции передать рукописи работ для того, чтобы сделать из них экспозицию, Иосиф Виссарионович язвительно написал: «Не думал, что в таком преклонном возрасте можно быть таким дураком. Книги издаются миллионными тиражами. Зачем кому-то нужна рукопись? Я сжег все рукописи!»

В Грузии собрались выпустить книгу о детстве вождя. Издатели попросили у Поскребышева разрешения, но Сталин строго-настрого запретил это делать. Он не только заметил, что это глупо и бестактно, но и потребовал наказать виновных. Впрочем, причина тут не столько в скромности, сколь в нежелании, чтобы народ знал о детстве и юности вождя. К этому периоду своей жизни Иосиф Виссарионович относился очень трепетно и прилагал все силы, чтобы сохранить в тайне.

Сталин прекрасно понимал всю глупость и абсурдность культа личности. Он был достаточно умен, чтобы осознавать, что рабскому поклонению грош цена. Однажды ему доложили, что студенту одного технического института грозит тюрьма за то, что тот попал бумажным дротиком в портрет Сталина. Виновный обратился к Сталину с просьбой о прощении. Вождь его поддержал. «С тобой поступают неправильно, – написал он юноше. – Прошу не наказывать! – В конце не удержался и пошутил: – Снайпера, который метко попадает в цель, нужно не наказывать, а награждать!»

И все же Иосиф Сталин нуждался в культе и тайно его лелеял. Он мог позволить себе быть откровенным с главой канцелярии, которому доверял больше, чем другим. В архивах Александра Поскребышева сохранились две очень примечательные записки. В ответ на просьбу колхозников разрешить им назвать колхоз именем Сталина вождь написал секретарю, что позволяет называть своим именем все что угодно. «Я не имею ничего против желания этих колхозников или других людей носить имя Сталина, – ответил он Поскребышеву. – Разрешаю впредь на подобные просьбы отвечать согласием от моего имени».

В канцелярию пришло письмо от очередного почитателя вождя. Он просил у тирана примерно того же. «Я решил изменить свое имя, – сообщал он. – Хочу, чтобы меня называли именем любимого ученика Ленина, Сталина».

«Не возражаю, – написал на письме вождь. – Даже согласен. Буду счастлив, потому что появится младший брат, которого у меня нет. Сталин».

Сразу после раздачи наград кинематографистам в политбюро снова пришла смерть.

Взлет карлика и падение Казановы

25 января 1935 года в возрасте сорока семи лет от болезни сердца и алкоголизма неожиданно умер Валериан Куйбышев. Он всего на восемь недель пережил своего друга, Кирова. Куйбышева не удовлетворили результаты расследования НКВД, поэтому существует версия, что его убили врачи. Имя Куйбышева также значится в списке жертв Ягоды, которых нарком якобы отравил. Тут мы вступаем в область такой дремучей уголовщины и откровенно бесстыдного бандитизма, что смерть каждого видного государственного деятеля вызывает оправданные сомнения. Но, конечно же, далеко не каждая смерть была на самом деле убийством. Трудно не согласиться с тем, что в тридцатые годы люди умирали не только насильственным способом, но и по естественным причинам. Владимир, сын Куйбышева, полагал, что его отца убили. Однако этот героический пьяница давно болел. Большевистские вожди вели такой нездоровый образ жизни, что остается только удивляться, как большинство из них сумели дожить до старости.

Кончина Куйбышева, как и убийство Кирова, оказалась для Сталина очень кстати. Он решил воспользоваться подвернувшейся возможностью и 1 февраля повысил в должности двух молодых звезд, идеальных представителей нового века. Кагановича Сталин бросил на железные дороги, а полуграмотный рабочий Никита Хрущев, который через двадцать лет займет место вождя, был назначен управлять Москвой.

Лазарь Каганович познакомился с Хрущевым во время Февральской революции 1917 года в украинском шахтерском городе Юзовка. В молодости Хрущев заигрывал с троцкизмом, но у него были сильные покровители. «Каганович меня очень любил», – вспоминал он. Любила его и Надя, которую он называл «счастливым лотерейным билетом». Да и сам Сталин к нему благоволил. Никита Сергеевич Хрущев обладал взрывной энергией пушечного ядра. Этот коренастый мужчина с яркими свиными глазками, казалось, излучал примитивную грубость. Он постоянно улыбался и показывал золотые зубы. Но за простотой и грубостью Хрущева скрывалась хитрость. Став первым секретарем столичной парторганизации, Никита Сергеевич затеял грандиозную строительную программу. Он хотел превратить Москву в сталинский город. При Хрущеве десятками разрушались старинные церкви, строились метро, современные здания. Новое назначение позволило ему войти в советскую элиту и регулярно бывать в Кунцеве. Этот

безжалостный и честолюбивый верующий в марксизм-ленинизм называл Сталина своим отцом. Со временем неотесанный Хрущев стал любимцем вождя.

Резко пошел наверх и другой протеже Кагановича. После расследования убийства Кирова Николай Ежов занял место секретаря ЦК. 31 марта он был официально назначен шефом НКВД. Совсем скоро этот «кровавый карлик» станет одним из самых страшных людей в истории человечества.

В самом начале восхождения на политический Олимп Ежов нравился почти всем, кто с ним встречался. Это был очень отзывчивый, добрый, мягкий и тактичный человек. Он пытался помогать всем, кто обращался к нему за помощью. Таким он запомнился своим коллегам. Особой любовью Ежов пользовался у слабого пола. Он был почти красавцем, как вспоминала одна из его знакомых. У него широкая улыбка, яркие умные глаза зеленовато-голубого цвета и густые черные волосы. Он любил ухаживать за женщинами, был скромен и приятен в общении.

Ежов отличался поразительной работоспособностью. Этот низенький стройный мужчина, всегда одетый в мятый дешевый костюм и синюю атласную рубашку, бойко говорил с заметным ленинградским акцентом и умел располагать к себе людей. Попадая в незнакомую компанию, он поначалу стеснялся, но быстро осваивался и начинал шутить, поражая всех веселым характером. У Николая Ежова был прекрасный баритон. Он играл на гитаре и несмотря на легкую хромоту любил танцевать гопак. Однако все эти качества меркли рядом с его худобой и низким ростом. Даже в советском руководстве, состоящем из коротышек, он казался пигмеем, поскольку его рост был всего 151 сантиметр.

Родился Николай Ежов в 1895 году в маленьком литовском городке. Его отец был инспектором по охране леса и содержал чайную-бордель, а мать – горничной. Так же, как Каганович и Ворошилов, Ежов проучился несколько лет в школе, уехал в Петербург и пошел работать на Путиловский завод. Интеллектуалом он никогда не слыл, но, как и остальные большевики, был слегка помешан на самообразовании. Читал так много, что даже получил прозвище Коля-книголюб. Ежов в полной мере обладал и другими способностями, которые необходимы для настоящего большевика: энергией, твердостью, талантом организатора и превосходной памятью. Этот бюрократический набор большевистского аппаратчика Сталин считал «признаком высокого интеллекта».

Из-за маленького роста Николая Ежова не взяли в царскую армию, и он остался в Петербурге чинить оружие. А вот в Красную армию Ежова приняли в 1919 году. В Витебске он

познакомился с Лазарем Кагановичем, который вскоре стал ему покровительствовать. В 1921 году Ежов работал в Татарской республике, где вызвал ненависть местного населения пренебрежительным отношением к национальной культуре. Где-то в начале двадцатых Ежов встретился со Сталиным. В июне 1925 года он дослужился до поста одного из секретарей партии в Киргизии. После учебы в Коммунистической академии его перевели на работу в ЦК, потом назначили заместителем наркома по сельскому хозяйству. В ноябре 1930 года Ежова пригласил к себе Сталин. По предложению Кагановича Николай Ежов начал присутствовать на заседаниях политбюро. В начале тридцатых он возглавил отдел кадров при ЦК. В 1933-м, кипя бюрократической энергией, Ежов активно помогал Кагановичу чистить партию. В общем, у него складывалась карьера удачливого партаппаратчика, но уже тогда, в начале тридцатых, были заметны первые признаки последовавших осложнений.

«Не знаю более идеального работника, – говорил коллега Николая Ежова. – Если ему поручить дело, то можно ничего не проверять и быть спокойным». Но была у Ежова и одна серьезная проблема. «Он не может остановиться», – сказал о нем кто-то из коллег. Это очень точная характеристика, типичная для настоящего большевика в годы Большого террора. Но у Ежова эти качества характера распространялись и на его личную жизнь.

Юмор Николая Ежова отличался грубостью и ребячливостью. Он любил проводить соревнования среди комиссаров, которые снимали брюки. Победителем необычных соревнований считался тот, кто мог сдуть кучку папиросного пепла при помощи напора газов. Будущий нарком шумно кутил на оргиях с проститутками и был активным бисексуалом. Ежов с удовольствием занимался любовью с портняжками, солдатами на фронте и даже высокопоставленными большевиками. Среди его любовников, говорят, был Филипп Голощекин, организатор и исполнитель расстрела Романовых.

Помимо пьянок, вечеринок и сексуальных оргий у Ежова была еще одна страсть – он собирал миниатюрные яхты. Ежов был легко возбудим, отличался слабыми нервами и не мог разобраться в своей сексуальной ориентации. Слабое здоровье не позволяло ему состязаться с такими людьми-бульдозерами, как Железный Лазарь, не говоря уже о самом Сталине. Ежова постоянно донимали нервные болезни. У него имелся и букет других заболеваний, по которым можно изучать медицину. Он страдал от язвы, чесотки, туберкулеза, ангины, ишиалгии, псориаза, нервной болезни, которая была, по-видимому, и у Сталина. Ежов часто впадал в депрессии и слишком много

пил. Вождю приходилось внимательно следить за его здоровьем и состоянием, чтобы тот не надорвался и мог работать.

Сталин принял Ежова в свой тесный круг. Нарком работал до изнеможения, поэтому вождь настаивал, чтобы он больше отдыхал. «Сам Ежов против продления отпуска, но врачи говорят, что он еще не отдохнул, – писал Сталин в сентябре 1931 года. – Давайте продлим его отпуск, пусть полечится в Абастумани еще два месяца».

Вождь любил давать своим фаворитам прозвища. Ежова он называл «моя ежевика». Записки Сталина к шефу тайной полиции часто состояли из коротких личных просьб: «Товарищ Ежов, дайте ему работу» или «Выслушайте и помогите».

Сталин с его феноменальной интуицией и чутьем понимал сущность Ежова. В архивах сохранилась записка, датированная августом 1935 года. В ней вождь как бы суммирует отношения с Николаем Ежовым. «Когда вы что-то обещаете, вы всегда это делаете!» – одобрительно написал Сталин. Особенно нравилась вождю исполнительность Ежова. Когда Вера Трейл встретилась с шефом НКВД в годы его наивысшего расцвета, она обратила внимание на интересную особенность. Ежов был настолько восприимчив к мыслям и пожеланиям собеседников, что порой мог «буквально заканчивать фразы за них».

Николай Ежов не имел образования, зато обладал недюжинными способностями. Он все схватывал на лету и, что очень важно для начальника тайной полиции, не был отягощен моральными принципами.

Ежов карабкался по служебной лестнице не в одиночестве. Ему помогала жена, Евгения. Этой женщине предстояло стать одной из самых ярких и роковых представительниц окружения Сталина. Многим объектам внимания Ежовой знакомство с ней стоило жизни. Волей судьбы поэт Мандельштам оказался свидетелем того, как Ежов ухаживал за Евгенией. По невероятному стечению обстоятельств великий российский поэт и главный палач Советской России встретились летом 1930 года. Мандельштам отдыхал в одном из элитных сухумских санаториев. Там же поправлял здоровье и Николай Ежов со своей тогдашней женой Тоней. Мандельштамы жили на чердаке особняка в Дендропарке, который имел форму гигантского белого свадебного торта, а Ежовы – на одном из нижних этажей.

Ежов женился на Антонине Титовой в 1919 году. Титова получила неплохое образование и искренне верила в марксизм. Во время отдыха в 1930 году в сухумском особняке она днями загорала в шезлонге, читала «Капитал» и с удовольствием принимала знаки внимания одного старого большевика. Николай

Ежов тоже времени даром не терял. Он вставал рано утром и бежал рвать розы для Евгении, которая отдыхала в этом же санатории вместе с мужем. Ежов дарил новой пассии цветы, изменял жене, пел и плясал гопак – так восстанавливали потраченные на дело партии силы и многие другие большевики. В отличие от Тони новая любовь Ежова не была большевичкой. На марксизм-ленинизм ей, по большому счету, было наплевать. Евгения представляла собой яркий пример советской кокотки. Вскоре она познакомила нового воздыхателя со своими друзьями, московскими писателями. В том же году Ежов развелся и женился на Жене.

В 1930-м Евгении Фейгенберг было двадцать шесть лет. Эта стройная, привлекательная и очень живая еврейка родилась в Гомеле. Она была помешана на литературе, но не на книгах, как большинство читателей, а на тех, кто их писал. Ежов и Женя стоили друг друга, оба были очень развратны. Новая супруга будущего наркома обладала сексуальной энергией Мессалины, но сильно уступала ей в коварстве и хитрости. Брак с Ежовым, несмотря на ее молодость, стал для нее третьим. Первым мужем Евгении Фейгенберг был чиновник Хаютин. Его сменил некий Гадун. Получив назначение в советское посольство в Лондоне, он захватил с собой и молоденькую жену. Жене в Великобритании, конечно, очень понравилось. Поэтому, когда мужа отозвали в Москву, она осталась за границей. Работая машинисткой в советском представительстве в Берлине, Евгения познакомилась с первым из своего длинного списка литературных знаменитостей. Исаака Бабеля хорошенькая и ветреная машинистка соблазнила письмом. «Вы меня не знаете, но я вас знаю очень хорошо…» – писала она так же, как сейчас пишут кумирам юные поклонницы. Если бы Бабель догадывался, к чему приведет знакомство с Евгенией, он бы, наверное, тут же купил билет и уехал из столицы Германии.

Вернувшись в Москву, Женя познакомилась с Колей Ежовым. У нее была заветная мечта – организовать собственный литературный салон. Неудивительно, что частыми гостями в доме Ежовых стали ее старый знакомый Бабель и звезда джаза, Леонид Утесов.

Николай Ежов в отличие от супруги был фанатичным марксистом. Литература и писатели его не интересовали. С Ежовыми дружили Серго Орджоникидзе и его жена Зина. Сохранились фотографии, сделанные на даче, на которых они сняты вчетвером. Этери, дочь Серго, вспоминает, что Евгения выделялась среди жен партийных боссов стильной и модной одеждой.

В 1934 году Ежов в очередной раз оказался на грани нервного и физического истощения. Он буквально валился с ног от усталости. Все его тело было покрыто фурункулами. Сталин, который в это время отдыхал с Кировым и Ждановым в Сочи, отправил Ежова в Германию, врачи которой славились на всю Европу. Вождь приказал Двинскому, заместителю Александра Поскребышева, отправить в берлинское посольство шифрованную телеграмму: «Прошу уделить очень пристальное внимание товарищу Ежову. Он серьезно болен, положение крайне тяжелое. Окажите ему всю необходимую помощь и выполняйте все его желания… Он хороший человек и очень ценный работник. Буду очень благодарен, если вы будете регулярно информировать ЦК о состоянии его здоровья и том, как идет его лечение».

Никто не возражал против стремительного взлета Ежова. Напротив, все были довольны его продвижением по служебной лестнице. Хрущев считал его восхитительным приобретением для ЦК. Бухарин уважал за «доброе сердце и чистую совесть», хотя и отмечал, что Ежов пресмыкается перед Сталиным. Впрочем, это свойство характера едва ли можно назвать уникальным среди большевистских руководителей.

Ежевике было нелегко работать с Генрихом Ягодой. По заданию Сталина они должны были заставить Зиновьева, Каменева и их сторонников взять на себя ответственность за убийство Кирова и другие не менее страшные дела.

* * *

Прошло совсем немного времени, и Ежевика начал действовать. Он занес железный кулак над одним из самых старых друзей Сталина, Авелем Енукидзе. Этот добрый и щедрый сибарит обожал прекрасный пол. При этом он с возрастом выбирал все моложе и моложе. В тридцатых секретарь ЦИКа крутил любовь с совсем молоденькими балеринами. Его сотрудницами были почти исключительно женщины. Аппарат высшего органа власти страны представлял собой агентство знакомств, в которое Енукидзе устраивал отвергнутых и будущих любовниц.

Друзья Сталина постоянно обсуждали амурные приключения Авеля Енукидзе. «Енукидзе отличался особой распущенностью, – писала Мария Сванидзе. – Где бы он ни появлялся, повсюду оставлял после себя вонь. Он преследовал женщин, разрушал семьи и соблазнял совсем юных девушек. Обладая большими материальными ресурсами и властью, Енукидзе использовал их

для удовлетворения личных низменных интересов. На деньги партии он покупал девушек и женщин». Многие считали, что у Енукидзе серьезные проблемы с психикой. В конце концов «дядя» Авель дошел до девяти-одиннадцатилетних девочек. Он, конечно, щедро платил матерям наложниц, поэтому скандалов удавалось избегать. Мария часто жаловалась Сталину на старого развратника Енукидзе. Вождь начал внимательнее прислушиваться к жалобам окружающих. Сталин перестал доверять Енукидзе еще в 1929 году.

Крестный отец Нади допустил большую ошибку. Он пересек незримую черту в жизни Сталина, отделявшую политику от личной жизни. Авель Енукидзе поддерживал одинаково хорошие отношения как с левыми, так и с правыми. Политика «и нашим, и вашим» была для Сталина неприемлемой. Возможно, после убийства Кирова Енукидзе единственный возражал против «закона 1 декабря». Но он же и наиболее ярко демонстрировал моральное разложение советской аристократии.

Сталин считал, что его окружают свиньи, дорвавшиеся до кормушки. Вождь всегда чувствовал себя одиноким, несмотря на наличие многочисленной свиты. В прошлом году ему было так скучно в Сочи, что он умолял Енукидзе приехать. В Москве вождь часто просил Анастаса Микояна и Алешу Сванидзе, который был ему как брат, остаться на ночь. Микоян несколько раз ночевал у Сталина, но это не нравилось его жене. «Как она может проверить, что я на самом деле был у Сталина?» – объяснял он подозрительность Ашхен. У Сванидзе подобных проблем с женой не было, поэтому он оставался у Сталина часто.

Катализатором падения Авеля Енукидзе оказалась зацикленность Сталина на раннем этапе своей жизни. Юность и молодость для большевиков являлись примерно тем же, чем для средневековых рыцарей была генеалогия. Енукидзе написал книгу «Наши подпольные типографии на Кавказе». Главный редактор «Правды» Мехлис, которого многие называли хорьком, пометил отдельные места и тут же отправил экземпляр вождю. Замечания, сделанные Сталиным на полях книги, показывают, что он остался очень недоволен трудом старого друга. «Ложь! – читаем мы. – Вранье!.. Полная галиматья!..» Когда Енукидзе написал статью о своей дореволюционной работе в Баку, Сталин раздал ее экземпляры на заседании политбюро с язвительным комментарием: «Ха! Ха! Ха!»

Авель Енукидзе допустил непростительную ошибку. Он не стал лгать и ничего не написал о подвигах вождя, которых не было. Все вполне логично. Заслуга в создании революционного движения в Баку принадлежала Енукидзе, а не Сталину.

«Чем он еще недоволен? – жаловался Енукидзе самым близким друзьям. – Я делаю все, о чем он меня просит, но ему все время мало. Он хочет, чтобы я признал его гением».

Большинство других партийных руководителей были менее гордыми и щепетильными. В 1934 году Лакоба написал книгу, прославлявшую революционную деятельность Иосифа Сталина в Батуми. Лаврентий Берия не желал, чтобы его обошел соперник. Он собрал группу грузинских историков и поставил перед ними задачу – написать издание «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье». Нетрудно догадаться, что этот труд тоже был полон похвал в адрес вождя. Книга вышла в том же году. На обложке, конечно, стояла фамилия Берии.

«Моему дорогому и любимому Хозяину, великому Сталину!» – так автор подписал дарственный экземпляр.

* * *

Конечно, Сталин припомнил Енукидзе и его поведение после самоубийства Нади. Николай Ежов раскрыл в Кремле террористическую группу, которой руководил… «дядя» Авель. Каганович был в ярости. «Здесь сильно пахнет гнилью!» – патетически воскликнул он не хуже героев Шекспира. НКВД арестовал 110 сотрудников аппарата Енукидзе, библиотекарей и горничных. Все они обвинялись в терроризме. Сюжеты придуманных Сталиным заговоров всегда отличались злобой и романтизмом. В этот раз была придумана некая графиня, которая хотела убить Сталина, пропитав ядом страницы книги, как Мария Медичи. Двух арестованных приговорили к смертной казни. Остальным повезло, они получили от пяти до десяти лет лагерей.

Как и все, что происходило вокруг Сталина, «Кремлевское дело» оказалось намного сложнее и многограннее, чем могло показаться с первого взгляда. Частично оно было направлено против Енукидзе лично. Частично Сталин хотел очистить Кремль от колеблющихся людей, которые способны ему изменить. Но дело оказалось неким образом связано и со смертью Надежды Аллилуевой. В архиве сохранилось письмо одной служанки на имя Калинина с просьбой о помиловании. Служанка была арестована за то, что сплетничала с подругами о самоубийстве жены вождя. Сталин, конечно, не забыл, что Енукидзе подрывал его авторитет у Нади. Помнил вождь и о том, что Авель первым увидел тело и стал свидетелем непростительной слабости Сталина в первые часы трагического дня.

Авель Енукидзе был снят с высокого поста секретаря ЦИКа. Ему пришлось отправить в газету покаянное письмо. Енукидзе отослали на Северный Кавказ руководить одним из санаториев.

На пленуме ЦК он подвергся яростным атакам Ежова и Берии. Ежевика впервые поднял ставки так высоко. Зиновьев и Каменев несли не только моральную ответственность за убийство Кирова, утверждал он, но и организовали его. Разобравшись с террористами, Ежов набросился на новую жертву. Бедного «дядю» Авеля он обвинил в политической слепоте и потворстве врагам, которое граничит с настоящей уголовщиной. Енукидзе инкриминировалось, что он разрешил контрреволюционерам Зиновьеву, Каменеву и троцкистским террористам свить гнезда в Кремле и плести заговоры с целью убийства Сталина. «Это едва не стоило товарищу Сталину жизни!» – с пеной у рта доказывал Ежевика. По его словам, Енукидзе был самым «типичным представителем развращенных и самодовольных коммунистов, которые строят из себя либеральных господ за счет партии и государства».

Авель Енукидзе защищался, как мог. Он пытался переложить хотя бы часть вины на Ягоду.

– На работу в мой аппарат нельзя устроиться без самой тщательной проверки на благонадежность! – заявил он.

– Неправда! – возразил Генрих Ягода, в огород которого был брошен этот камень.

– Нет, правда! Я больше, чем кто-либо другой, знаю ошибки в работе вашего ведомства. Их вполне можно классифицировать как предательство и двуличие.

На помощь Ягоде пришел Лаврентий Павлович Берия, он намекнул на доброту и щедрость Енукидзе по отношению к провинившимся товарищам:

– Как бы там ни было, но вы давали им деньги. Почему помогали?

– Одну минуту… – ответил Авель Енукидзе и назвал имя старого друга, который сейчас находился в оппозиции. – Я знаю его прошлое и настоящее лучше Берии.

– Нам не хуже, чем вам, известно, чем он сейчас занимается.

– Я не помогал ему лично, – подчеркнул Енукидзе.

– Он активный троцкист… – угрожающе произнес Берия.

– И выслан советскими властями, – вмешался в перепалку сам Сталин.

– Вы поступили неправильно, – бросил с места реплику Анастас Микоян.

Енукидзе был вынужден признаться, что дал другому оппозиционеру немного денег. Свой поступок объяснил тем,

что за помощью обратилась жена этого человека.

Остальные бросились добивать павшего товарища.

– Ничего страшного, если она будет голодать! – выкрикнул Серго Орджоникидзе. – Подумаешь, пришла и начала каркать! Тебе-то какое дело, что она голодает?

– Ваше поведение недопустимо! – возмутился нарком Ворошилов. – Вы ведете себя как ребенок.

Ягода понимал, что Енукидзе отчасти прав. В том, что среди сотрудников Ежова возникла террористическая организация, отчасти виноват и он сам.

– Я признаю свою вину, – сказал чекист. – Но я виноват лишь в одном. В том, что вовремя не схватил Енукидзе за горло.

По вопросу наказания Авеля Енукидзе возникли разногласия.

– Должен признаться, что не все заняли правильную позицию в этом деле, но товарищ Сталин сразу почувствовал неладное, – заявил Лазарь Каганович.

Все кончилось тем, что «крыса» Енукидзе был исключен из ЦК и партии – из партии, правда, временно.

Через несколько дней в Кунцеве Сталин, пребывавший в мрачном настроении, неожиданно улыбнулся Марии Сванидзе. «Ты довольна, что мы наказали Авеля?» – поинтересовался он.

Мария была в восторге от того, что эта загноившаяся рана наконец была вылечена. Первого мая Женя и чета Сванидзе приехали в Кунцево на шашлыки. Кроме них и самого Сталина, на даче присутствовал Каганович. Хозяин был мрачнее тучи и молчал. Он немного повеселел, когда женщины начали ссориться. Ему всегда нравилось, когда другие ругались. Кто-то предложил выпить за Надю. «Она сделала меня калекой, – сказал Сталин. – Как она могла застрелиться после того, как осуждала за это же Яшу?»

Царь катается на метро

В самый разгар дела Енукидзе Сталин, Каганович и Орджоникидзе пришли на день рождения любимой няни Светланы, который отмечался на кремлевской квартире. Иосиф Виссарионович подарил именинице шляпку и шерстяные носки. Он много шутил и ласково кормил Светлану из своей тарелки. Все были полны надежд и оптимизма в связи с открытием Московского метро. Этот советский шедевр с мраморными залами, похожими на дворцовые, был назван в честь своего создателя, Лазаря Кагановича. Железный Лазарь принес десять билетов для Светланы, ее теток и охранников и предложил им прокатиться под землей. Женя и Мария принялись уговаривать Сталина поехать с ними. Неожиданно вождь согласился.

Внезапное изменение планов вызвало, как писала в своем дневнике Мария Сванидзе, большой переполох в свите Сталина и среди его соратников. Они бросились лихорадочно крутить диски телефонов. Через считаные минуты о незапланированной экскурсии знали премьер Молотов и добрая половина политбюро. Все уже расселись по лимузинам, когда примчался Молотов. Он попытался уговорить Сталина отказаться от опрометчивой поездки. Отправляться под землю, пытался втолковать он Сталину, без должной подготовки рискованно. Больше всех боялся Каганович. Он был бледен, как мел. Железный Лазарь предложил было поехать в полночь, когда метро уже закрыто для простых смертных, но Сталин настоял на немедленной поездке.

Три большие машины с партийными руководителями, женщинами, детьми и охранниками выехали из Кремля и направились к ближайшей станции метро. Там все вышли и спустились в тоннели. Они очутились на перроне, но поезда не было. Можно представить, как метался Лазарь Моисеевич и требовал побыстрее подать состав. Простые пассажиры заметили Сталина и начали громко аплодировать и выкрикивать здравицы. Вождь начал хмуриться. Он был недоволен ожиданием. Когда наконец к перрону подъехал поезд, руководители с сопровождающими их лицами под аплодисменты присутствовавших при этом великом событии москвичей подались в вагон и расселись по местам.

Высокопоставленные пассажиры вышли на Охотном Ряду, чтобы осмотреть станцию. Сталина опять окружила толпа поклонников. Марию Сванидзе в давке больно прижали к колонне. Охрана смогла пробиться к вождю не сразу. Мария

обратила внимание на то, что Василий испугался. Всем было страшно, но Сталин улыбался. У него поднялось настроение. Иосиф Виссарионович захотел ехать домой, потом неожиданно передумал и вышел на Арбате. Прежде чем все вернулись в Кремль, восторженные москвичи едва не устроили второе восстание. Василий был так шокирован поездкой, что долго плакал в постели. Он успокоился только после того, как ему дали валерьяновые капли.

Поездка в метро показала дальнейшее ухудшение отношений между вождями и женщинами, Сванидзе и Аллилуевой, этими идеологически нестойкими актрисами, по собственному признанию Марии, «покрытыми румянами и пудрой». Каганович весь кипел от злости. В том, что Сталин неожиданно решил покататься на метро, он справедливо винил Женю и Марию. Он сердито прошипел, что организовал бы поездку, если бы они предупредили заранее. Все были взволнованы. Только Серго сохранял олимпийское спокойствие. Он улыбался в усы и загадочно качал головой.

Дора Казан, пробившая себе локтями дорогу в комиссариат легкой промышленности, считала Женю Аллилуеву и Марию Сванидзе пустышками. Они, по мнению Казан, ничего не делали и бесцельно тратили время. В сталинской семье их, по выражению Киры Аллилуевой, считали бедными родственницами. «Даже секретарь Поскребышев начал посматривать на нас свысока, – рассказывала Кира, – словно мы путались у него под ногами и мешали работать».

Семья допустила роковую ошибку, отказавшись налаживать нормальные отношения с Берией. При этом они даже не пытались скрыть своего отвращения к грузинскому чекисту. Родственницы Сталина вели себя возмутительно. Они во все вмешивались и постоянно сплетничали. Надя себе такого не позволяла. В суровом кастовом мире большевиков такое поведение было недопустимо. Они отказались принимать во внимание отношение вождя к семье и не понимали, что заходят слишком далеко. Мария Сванидзе, доносившая Сталину об амурных похождениях Енукидзе, хвастливо писала в дневнике: «Кое-кто из членов политбюро даже считает, что я влиятельнее их. Я, если захочу, могу отменить практически любое их решение».

Фотография, сделанная на дне рождения Сталина в 1934 году, стала причиной очередной ссоры. Снимок еще больше подорвал доверие Сталина к родственницам. Сашико Сванидзе нашла на столе кунцевского кабинета Сталина эту фотографию и взяла ее, чтобы напечатать копии. Так же вели себя амбициозные фаворитки при королевских дворах. Тот факт,

что Сашико находилась в кабинете Сталина в его отсутствие, говорит о многом. Как минимум, она и другие женщины могли регулярно читать секретные документы, с которыми работал вождь. Мария ненавидела Сашико за наглость и стремительный взлет. Она обнаружила пропажу и сказала Сталину: «Напрасно ты разрешаешь ей вести себя как дома. Она злоупотребляет твоим гостеприимством».

Эта история – один из очень редких случаев, когда вождя упрекали в доброте. Сталин рассердился и обругал секретарей и Власика за то, что они теряют фотографии. Все кончилось большим скандалом. Он велел Сашико убираться! Своей цели Мария Сванидзе добилась, но это была пиррова победа. Гнев Сталина был направлен не на одну Сашико, а на всю семью.

Избавившись от Сашико, Женя и Мария потеряли всякую осторожность. Сванидзе вели себя так, будто Иосиф Виссарионович был добрым и заботливым отцом семейства, а не великим Сталиным. Когда вождь пригласил Сванидзе и Аллилуевых к себе на ужин в Кунцево после спектакля Кировского балета, они опоздали. Сталин сильно разозлился. «Мы не рассчитали время и приехали только к полуночи, а балет закончился в десять, – объясняла Мария. – Иосиф не любил ждать».

Мы видим здесь Сталина глазами его друзей еще до того, как Большой террор превратил генсека из более или менее нормального правителя в Ивана Грозного. Его целых два часа заставляют ждать приглашенные на ужин гости! Он не садился за стол и в ярости играл в бильярд с охраной. Такое наплевательское отношение, по мнению вождя, принижало значение его исторической и священной миссии. Наверняка в тот вечер он мрачно размышлял над тем, что советские аристократы не боятся и не уважают его.

Наконец гости приехали. Мужчины отправились играть в бильярд. Сталин был недоволен. Он не скрывал своего плохого настроения и был подчеркнуто груб с женщинами. Плохое настроение прошло после того, как он выпил вина и начал с гордостью рассказывать о Светлане. Как всякий любящий отец, он приводил в пример ее умные и смешные высказывания.

Гости облегченно перевели дух. Им показалось, что они прощены. Но Сталин ничего не забывал и не прощал. Придет время, и они жестоко поплатятся за это опоздание.

* * *

Сталину понравилась импровизированная поездка на метро. Он рассказал Марии Сванидзе, что его тронула любовь простых людей к своему руководителю. В этот раз все было по-настоящему, потому что никто ничего не готовил заранее. Сталин неоднократно говорил, что народ нуждается в царе, в человеке, которому будет поклоняться и ради которого надо жить и работать. Иосиф Виссарионович всегда считал, что русский народ любил царей. Ему нравилось сравнивать себя с Петром Великим, Александром I или Николаем I. Временами этот выходец из Грузии, маленькой страны, которая не одно столетие была сатрапией Персии, идентифицировал себя с персидскими шахами. Из его записей мы знаем, что своими учителями Сталин считал двух монархов. Одним из них был Надир-шах, правитель Персии, живший в XVIII веке. Надир-шах превратил Персию в обширное и сильное государство. Сталин его так и называл: «Надир-шах, учитель». Вождя интересовал еще один персидский шах, Аббас I. Этот персидский монарх отличился тем, что как-то обезглавил двух сыновей одного противника и отправил ему головы. «Я похож на шаха?» – спрашивал Сталин у Лаврентия Берии.

Но своим вторым «я», главным учителем Иосиф Сталин считал Ивана Грозного. Он не уставал напоминать об этом соратникам – Молотову, Жданову и Микояну. Сталин постоянно хвалил Грозного за то, что он казнил бояр. Вождь утверждал, что эти репрессии были необходимы. Иван тоже потерял любимую жену. Ее убили бояре. В связи с этим возникает интересный вопрос. Как советские вельможи могли утверждать, что Сталин провел их, скрыв истинный характер, – ведь он открыто хвалил царя, систематически убивавшего собственных дворян?

В конце 1935 года вождь начал вводить в жизнь Советского Союза царскую атрибутику. В сентябре он восстановил титул маршала. Первыми советскими маршалами стали Клим Ворошилов, Семен Буденный и еще три героя Гражданской войны. Среди них были Михаил Тухачевский, которого Сталин ненавидел, и Александр Егоров, новый начальник Генерального штаба Красной армии, жена которого так расстроила Надю в ночь самоубийства.

Вождь не забыл и любимых чекистов. Для НКВД он придумал звание, эквивалентное маршальскому. Генрих Ягода стал первым генеральным комиссаром государственной безопасности.

Как-то неожиданно выяснилось, что пышность и блеск царского двора вновь обрели значение. Ворошилову и Ягоде очень нравилось щеголять в новой форме. Отправляя Николая Бухарина

в Париж, Сталин осуждающе заметил: «У тебя поношенный костюм. Ты не можешь путешествовать по Европе в таком виде. Сейчас у нас все по-другому. Ты должен быть хорошо одет». Вождь с большим вниманием относился к подобным мелочам. В тот же день, после обеда, он вызвал портного из комиссариата иностранных дел и поручил приодеть Бухарина.

НКВД распоряжался самыми последними средствами роскоши, домами, деньгами. «Разрешите купить на 60 тысяч золотых рублей машины для работников НКВД», – писал Ягода розовыми чернилами Молотову 15 июня 1935 года. Интересно, что Сталин (синим карандашом) и Молотов (красным) дали добро, хотя и сократили запрашиваемую Ягодой сумму на обновление автопарка до 40 000. Но и на эти деньги можно было купить много «кадиллаков». К тому времени Сталин уже распорядился, чтобы все кремлевские «роллс-ройсы» перевели в один гараж.

Сталин становился царем. Дети – наверное, потому, что к 1935 году вождь уже вернул им новогодние елки, – весело пели: «Спасибо, товарищ Сталин, за наше счастливое детство». Однако в отличие от усыпанных драгоценностями Романовых, которые тесно ассоциировались с русской деревней и крестьянством, Сталин создал для себя особую разновидность царя. Он стал скромным, суровым, таинственным монархом, который не любит деревню. Как это ни странно, но такой образ нисколько не противоречил его марксистским убеждениям.

Иногда забота Сталина о народе доходила до легкого абсурда. В ноябре 1935 года, например, Анастас Микоян объявил собравшимся в Кремле стахановцам, что Сталина очень заинтересовало мыло и он затребовал образцы. «После этого мы получили специальное постановление ЦК, в котором говорилось, каким должен быть ассортимент и из чего мыло должно состоять», – объявил Микоян под громкие аплодисменты собравшихся в зале.

От мыла Иосиф Виссарионович перешел… к уборным. Хрущев правил Москвой вместе с председателем исполкома Моссовета, Николаем Булганиным, еще одной восходящей звездой большевистской партии. Это был красивый белокурый безжалостный бывший чекист с козлиной бородкой. Сталин называл Хрущева и Булганина «отцами города». Узнав о тяжелой ситуации в Москве с туалетами, он пригласил к себе Никиту Сергеевича и сказал: «Товарищ Хрущев, до меня дошли слухи, что у вас в Москве неблагополучно обстоит с туалетами. Даже по-маленькому люди не знают, где найти такое место, чтобы освободиться. Вы с Булганиным подумайте о том, чтобы создать

в городе подходящие условия».

Сталину нравилось играть роль Отца, который спускается с вершины Олимпа и помогает своему народу. Как-то к вождю обратился учитель Каренков из Казахстана, потерявший работу. «Я приказываю немедленно прекратить преследование учителя Каренкова», – велел Сталин казахским руководителям.

Трудно представить, чтобы Гитлер или даже президент Рузвельт занимались поисками писсуаров, исследованиями мыла или судьбой учителя из маленького провинциального городка.

Туповатый, но добродушный Ворошилов, прочитав статью о разгуле подростковой преступности, подготовил для политбюро записку. Хрущев, Булганин и Ягода, писал он, согласны с тем, что «другого выхода, кроме как ловить маленьких бродят и сажать за решетку, нет… Не понимаю, почему их нельзя расстреливать». Сталин и Молотов немедленно воспользовались подвернувшейся возможностью и добавили в арсенал борьбы против политических оппонентов еще одно грозное оружие. Политбюро приняло постановление, по которому детей с двенадцати лет можно казнить.

* * *

Очередные ошибки уже провинившихся друзей и разговоры о злых детях-преступниках сильно испортили Сталину отдых в Сочи. Авель Енукидзе не внял предупреждениям и продолжал обсуждать политические вопросы со своим старым другом, Серго Орджоникидзе. Сталину казалось, что с Енукидзе он расправился окончательно. Сейчас вождь никак не мог понять, как с Авелем кто-то еще мог продолжать дружить. Недоверие вождя к Серго росло. Он поделился сомнениями со старым другом Орджоникидзе, Лазарем Кагановичем.

«Странно, что Серго продолжает дружить с Енукидзе», – недоумевал Иосиф Виссарионович. Ему казалось, что Енукидзе вообще больше не существует. Вождь распорядился убрать его и из санатория. «Дядю» Авеля и его «заговорщиков» Сталин называл теперь не иначе как «отребьем». Старых же большевиков, все больше вызывающих у вождя раздражение и злобу, он величал любимыми эпитетами Ленина – «старые пердуны». Каганович понял, что Сталин не намерен прощать Енукидзе, и перевел его в Харьков.

Не все в порядке было у вождя и в семье. Его беспокоил сын Василий. Мальчику исполнилось уже четырнадцать лет. Чем больше абсолютной власти получал Сталин,

тем распущеннее и наглее становился Василий. Этот мини-Сталин старался во всем подражать своим охранникам-чекистам. Начал с разоблачения жен учителей. «Отец, я уже просил коменданта удалить жену учителя, но он отказался», – жаловался он. Измученный капризами сына Сталина комендант Зубалов писал, что Светлана учится хорошо, а Вася – плохо, и называл его лентяем. Учителя звонили Каролине Тиль и спрашивали, что делать с Василием Сталиным. Он прогуливал уроки и часто заявлял, что «товарищ Сталин» не велел ему заниматься у определенных учителей – естественно, у тех, кто был с Васей строг и требователен. 9 сентября 1935 года Ефимов испуганно доложил Хозяину, что Василий написал о себе: «Вася Сталин, родился в марте 1921 года, умер в 1935». Для семьи Сталина самоубийство не было отвлеченным понятием. К тому же этот способ ухода в мир иной пользовался у большевиков большой популярностью. Когда Сталин принялся за чистку партии, его противники не нашли ничего лучше, как совершать самоубийства. Это выводило вождя из себя. Самоубийства партийцев он гневно называл способом «плюнуть партии в глаза».

Вскоре Василий поступил в артиллерийское училище вместе с детьми других вождей, включая Степана Микояна. Один из педагогов тоже жаловался Сталину, что Василий угрожает покончить с жизнью.

«Я получил ваше письмо о выкрутасах Василия, – написал Сталин В. В. Мартышину. – Отвечаю так поздно, потому что был сильно занят. Василий – избалованный мальчишка со средними способностями, дикарь, не всегда честный. Он часто прибегает к шантажу, со слабыми ведет себя нагло. Его избаловали многочисленные покровители, которые при каждом удобном и неудобном случае напоминают ему, что он сын Сталина. Я очень рад, что ему достался хороший учитель и что вы обращаетесь с ним так же, как с другими детьми, и требуете, чтобы он подчинялся требованиям школьной дисциплины. Стать совсем безнадежным Василию не позволяют только такие учителя, как вы, которые не дают спуску этому капризному отпрыску. Я советую вам быть с Василием построже. Не бойтесь угроз этого избалованного мальчишки. Не верьте, что он совершит самоубийство. Я на вашей стороне и всегда готов вас поддержать…»

Светлана была любимицей Сталина. Она часто ездила с ним отдыхать на юг. Читая письма Сталина Кагановичу, в которых автор в основном рассуждал о наказании Енукидзе, почти явственно видишь, как она сидит рядом с отцом на веранде дачи.

Поскребышев каждый день привозил вождю горы документов, завернутых в газету. Сталин сидел, как на троне, на плетеном стуле за столом, заваленном документами, и писал на них резолюции. В этих письмах он часто упоминал дочь. После смерти Кирова место любимого «секретаря» у Светланы занял Каганович. Он тоже не забывал ее в посланиях к Сталину. Мы нередко читаем в них: «Да здравствует наша хозяйка Светлана! Я жду приказа, чтобы отложить начало нового учебного года на 15–20 дней. Л. М. Каганович». Василия в этих письмах Каганович называл «коллегой хозяйки Светланы».

Через три дня Сталин сообщил Кагановичу, что хозяйка Светлана требует принятия решений, чтобы проверить своих секретарей. «Слава хозяйке Светлане! – ответил Железный Лазарь. – С нетерпением ждем ее возвращения».

Вернувшись в Москву, Светлана навестила Кагановича. В тот же день он сообщил вождю: «Сегодня нашу работу проверяла хозяйка Светлана».

Отдыхая в Сочи, Сталин узнал от Лаврентия Берии, что его мать, Кеке, с каждым днем становится все слабее. Вождь решил повидаться с ней и 17 октября выехал в Тифлис. Эта встреча была третьим свиданием матери с сыном за двадцать без малого лет, миновавших после Октябрьской революции.

Берия не мог упустить такой возможности, чтобы еще сильнее втереться в доверие Хозяина. Он заботился о старой женщине, как проницательный царедворец присматривает за вдовствующей императрицей. Кеке не один год прожила в уютных комнатах для прислуги в величественном здании XIX века, дворце бывшего царского губернатора, князя Михаила Воронцова. За ней ухаживали две пожилые женщины. Все они ходили в длинных черных платьях и платках, которые в Грузии по традиции носят вдовы. Берия с женой Ниной часто навещали мать Сталина. Старуха до последних дней любила посплетничать о сексе. «Почему ты не заведешь себе любовника?» – спрашивала она Нину Берия.

Сталина нельзя было назвать очень заботливым сыном, но он регулярно писал матери. «Дорогая мать, живи, пожалуйста, 10 000 лет. Целую, Сосо». «Знаю, я тебя разочаровал, – извинялся он в одном письме. – Но что я могу сделать? Я очень занят и часто писать не могу».

Кеке иногда присылала сыну в Москву конфеты. Он порой помогал деньгами. Как сын, ставший главой семейства, он ни на минуту даже в этих письмах не забывал о своей героической миссии и сообщал, что готов к испытаниям, которые ему приготовила судьба: «Здравствуй, мама, дети благодарят тебя

за конфеты. Не беспокойся обо мне, я здоров. Я выстою перед испытаниями судьбы… Тебе нужны еще деньги? Послал 500 рублей и мои фотографии с детьми. P. S. Дети тебе кланяются. После смерти Нади моя личная жизнь стала очень суровой, но сильный человек всегда должен быть мужественным».

Сталин находил время, чтобы защищать братьев Эгнаташвили, детей владельца трактира, который был благодетелем его матери. Этой старинной связи не давал умереть Александр Эгнаташвили по прозвищу «Кролик». Он служил в Москве в ЧК и, вероятно, пробовал еду за столом вождя, чтобы того не отравили.

«Дорогая матушка, вчера был у Сосо, – писал Эгнаташвили в апреле 1934 года Кеке. – Мы долго разговаривали. Он поправился. В последние четыре года я еще не видел его таким здоровым и крепким. Он много шутил. Напрасно говорят, что Сосо выглядит старше своих лет. Все считают, что больше 47 ему не дашь!»

Кеке сильно болела. «Я знаю, что ты болеешь, – писал Сталин матери. – Держись. Отправляю к тебе детей…»

Приехав в Тифлис, Василий и Светлана остановились в резиденции Берии, потом пошли проведать бабушку. Они обратили внимание, что стены комнаты Кеке увешаны фотографиями и портретами сына. Светлана запомнила, что Нина Берия разговаривала с Кеке по-грузински. Оказывается, старушка не знала русского языка.

Сталин попросил зятя Алешу Сванидзе и старого друга Нестора Лакобу сопровождать его в поездке к Кеке. Сталин недолго пробыл с матерью. Если бы он задержался, то наверняка бы заметил на стенах ее спальни среди своих снимков и портретов снимок Берии. Конечно, у Берии в Грузии был собственный культ личности, но для старушки он стал вторым сыном.

На отношение Сталина к матери сильно влияли детские воспоминания. Он не забыл, что она часто колотила его и что у матери были романы с купцами, которым она стирала. Ключ к разгадке этих отношений можно найти в библиотеке вождя. В «Воскресении» Толстого он подчеркнул абзац, в котором говорится, что мать может одновременно быть и доброй, и злой. Кеке отличалась способностью делать бестактные язвительные замечания, которые, естественно, не нравились Сталину. К примеру, она живо интересовалась, почему Сталин поссорился с Троцким? По ее мнению, они могли править Россией вместе.

В этот приезд Сталин долго улыбался, потом напрямую спросил мать:

– Почему ты так сильно меня била в детстве?

– Для твоей же пользы. Поэтому ты и вырос таким умным и хорошим, – ответила Кеке и сама задала вопрос: – Иосиф, а ты сейчас кто?

– Помнишь царя? Ну так вот, я что-то вроде царя.

– Было бы лучше, если бы ты стал священником. – Старушка вздохнула.

Иосиф Виссарионович расхохотался.

Советские газеты сообщили о встрече сына с матерью с вызывающей тошноту сентиментальностью. «Семидесятипятилетняя Кеке добра и полна жизни! – восторгалась „Правда“. – Она вся загорается, когда говорит о незабываемых минутах встречи с сыном. „Весь свет с радостью смотрит на моего сына и нашу страну, – гордо заявляет она. – Как, по-вашему, какие чувства испытываю сейчас я, его мать?“»

Вождя рассердил этот всплеск верноподданнических чувств. Когда Поскребышев прислал ему статью, он написал секретарю: «Я тут совершенно ни при чем». Этого вождю показалось недостаточно, и он распорядился Молотову и Кагановичу: «Требую запретить эти буржуазные проявления, которые просачиваются в нашу прессу. Я имею в виду интервью с моей матерью и прочую галиматью! Прошу освободить меня от непрерывного публичного звона этих негодяев!»

Сталин был недоволен статьями в газетах, но, конечно, был рад, что мать здорова. «Наверное, у нас в генах есть какая-то особая сила!» – не без гордости заметил он. Вождь послал Кеке платок для головы, куртку и немного лекарств.

Приехав в Москву, Иосиф Виссарионович решил вновь вернуться к делу Кирова, о котором начали потихоньку забывать после расстрела Николаева. Вождь хотел расширить дело и включить в него новых действующих лиц. Сталин приказал возобновить допросы Зиновьева и Каменева, старых большевиков, приговоренных в начале 1935 года к длительным срокам. По стране прокатилась новая волна арестов. В Горьком НКВД арестовал Валентина Ольберга, старого товарища Троцкого. На допросе он «добровольно» рассказывал, что в убийстве Кирова замешан и Троцкий. Последовали новые аресты.

Показательный процесс

Никто из приглашенных на день рождения Сталина (родственники, вожди и Берия) не замечал, что тучи сгущаются. В Кунцеве еще никогда не было таких веселых и шумных вечеринок. Клим Ворошилов блистал в новом белом маршальском мундире. Его безвкусно одетая жена завистливо поглядывала на платье Марии Сванидзе, купленное в Берлине. После ужина, как в добрые старые времена, начались песни и танцы. За столом звучали абхазские и украинские народные песни, веселые студенческие частушки. Сталин решил заказать пианино, чтобы на нем играл Жданов. В самый разгар веселья Постышев, один из руководителей Украины, начал танцевать медленный танец с… Молотовым. Эта необычная пара очень развеселила Иосифа Виссарионовича и других гостей. Пожалуй, в тот вечер на сталинских вечеринках впервые был исполнен медленный вальс в исполнении двух мужчин, который мы часто будем видеть в Кунцеве после войны.

Сталин, как всегда, стоял около граммофона и исполнял роль диск-жокея. В тот вечер он даже немного потанцевал. Конечно, это был не вальс Молотова и Постышева, не зажигательная лезгинка Микояна, который, казалось, взлетал к потолку, а что-то из русских народных танцев. Алеша и Мария Сванидзе сплясали модный в Европе фокстрот и пригласили именинника присоединиться, но он сказал, что бросил танцевать после смерти Нади. Танцы и веселье продолжались до четырех часов утра.

Весной 1936 года аресты старых сторонников Троцкого усилились. Надвигались новые репрессии. Тем, кто уже сидел в лагерях, выносили новые приговоры. Тех, кого посадили по обвинениям в терроризме, расстреливали. Мало кто тогда понимал, что это только подготовка к гвоздю программы вождя – громкому показательному судебному процессу, первому из знаменитых сталинских политических представлений.

Главным организатором был назначен Николай Ежов. Этот подающий надежды теоретик марксизма-ленинизма даже написал книгу о зиновьевцах. Нетрудно догадаться, что не обошлось без ошибок и что эти ошибки исправил лично Сталин. Генрих Ягода, генеральный комиссар государственной безопасности, относился к показательным процессам скептически. Он все еще оставался главным чекистом Советской России, но Ежов подсиживал его и постоянно плел против него интриги. Первый показательный процесс оказался для слабого Ежова очередным нелегким испытанием. Он вновь был на грани истощения.

Каганович предложил отправить Ежова в двухмесячный отпуск и выделить на лечение и отдых три тысячи рублей. Сталин предложение Железного Лазаря поддержал.

Роли главных действующих лиц политического спектакля отвели Зиновьеву и Каменеву. Для того чтобы убедить их принять в нем участие, НКВД арестовал много старых друзей этих соратников Ленина. Сталин внимательно следил за допросами задержанных. Следователи из НКВД должны были во что бы то ни стало добиться признаний. Иосиф Виссарионович открыто требовал принятия жестких мер: «Залезьте на заключенного и не слезайте с него, пока он не признается».

Александр Орлов, высокопоставленный сотрудник НКВД, бежавший на Запад, прекрасно описал подготовку к процессу. Организационную работу проводил Ежов. Он обещал сохранить свидетелям жизнь, если они дадут показания против Зиновьева и Каменева, которые, как назло, отказывались сотрудничать. Сталин чуть ли не ежечасно звонил в НКВД и интересовался результатами.

– Как вы думаете, Каменев может сознаться? – спросил он у Миронова, одного из помощников Ягоды.

– Не знаю, – ответил Миронов.

– Не знаете? – угрожающе переспросил вождь. – А вы знаете, сколько весит наше государство со всеми фабриками и заводами, машинами, армией с ее вооружением и флотом? – Чекист решил, что собеседник шутит, но Сталин был серьезен. – Подумайте и ответьте, – сказал Сталин, пристально глядя на собеседника.

– Никто не знает точных цифр, Иосиф Виссарионович. Очень много, это из области астрономических чисел.

– Тогда ответьте мне, может ли один слабый человек бороться с этим астрономическим весом?

– Не может, – ответил Миронов.

– Ну что же, – Сталин кивнул. – Когда придете с докладом в следующий раз, в вашем портфеле должно лежать признание Каменева.

Несмотря на то что к главным обвиняемым не применялись меры физического воздействия, многочисленные угрозы следователей и бессонные ночи в конце концов сломали астматика Зиновьева и Каменева. О методах, при помощи которых добывались признания, красноречиво свидетельствует следующий факт. В самый разгар лета в их камерах неожиданно на всю мощность включили отопление. Ежов угрожал расстрелять сына Каменева, если тот будет продолжать упорствовать.

* * *

Пока следователи НКВД усиленно обрабатывали Зиновьева и Каменева, Максим Горький умирал от гриппа и очаговой пневмонии. К этому времени старый писатель лишился последних иллюзий и полностью разочаровался в советской действительности. Он понял, какую опасность представляют друзья-чекисты после того, как его сын Максим внезапно скончался от гриппа при очень таинственных обстоятельствах.

Через много лет Марта Пешкова, дочь Максима, вспоминала, что после смерти отца Ягода стал навещать Пешковых каждый день. По пути на Лубянку он обязательно заезжал в особняк пролетарского писателя выпить чашку кофе и пофлиртовать с матерью Марты. «Он был влюблен в Тимошу, – утверждала жена Алексея Толстого, – и хотел, чтобы она тоже любила его».

«Вы все еще не знаете меня, – угрожал Ягода расстроенной вдове. – Я могу сделать все что угодно». Писатель Александр Тихонов был уверен, что между Ягодой и Тимошей существовал роман. Марта же уверяет, что никакого романа не было. Когда к Горькому приезжал Сталин, Ягода, все еще любивший Тимошу, всегда задерживался. К тому времени он уже начал понимать, что над его головой сгущаются тучи. После ухода членов политбюро Ягода подробно расспрашивал секретаря Горького, что делали и о чем говорили вожди. Особенно его интересовало, что говорили о нем и Тимоше.

Сталин попросил Горького написать биографию вождя, но писатель отказался от поручения. Сама идея вызвала у него отвращение. Вместо этого он забрасывал вождя и политбюро безумными предложениями. Чего стоит хотя бы его идея поручить членам Союза писателей переписывать шедевры мировой литературы. Сталин все чаще задерживался с ответами, но продолжал извиняться за задержку. «Я ленив, как свинья, когда речь идет о письмах, – откровенно признавался он Горькому. – Как ваше самочувствие? Здоровы? Как работается? Мы с друзьями чувствуем себя отлично».

НКВД ловко обманывал Горького. Для того чтобы пролетарский писатель не узнал о новых допросах своего друга, Каменева, специально для Горького печатали номера «Правды», в которых ничего не говорилось о репрессиях. Сейчас уже и сам Максим Горький понимал, что находится фактически под домашним арестом. «Я окружен со всех сторон, – печально шептал он. – Я в западне!»

Состояние Горького резко ухудшилось. Писателя лечили лучшие советские доктора, но они были бессильны что-либо сделать. «Пусть приезжают, если успеют добраться», – ответил как-то Горький, которому как раз делали уколы, на просьбу

руководителей разрешить навестить его.

Сталин, Молотов и Ворошилов тут же приехали. Они с удовлетворением увидели, что Горький отдыхает после инъекции камфоры. Вождь решил взять ход лечения в свои руки.

– Почему здесь так много людей? – сурово поинтересовался он. – Кто это вся в черном сидит около Алексея Максимовича? Что это за женщина? Она что, монахиня? Ей не хватает только свечи в руке. – Речь шла о баронессе Муре Будберг, любовнице Горького, которую он в свое время делил с британским фантастом Гербертом Уэллсом. – Немедленно выведите из комнаты всех посторонних, за исключением той женщины в белом халате, которая ухаживает за Горьким. Почему здесь такое похоронное настроение? В такой мрачной атмосфере может умереть и здоровый человек.

Сталин велел принести вина. Они чокнулись и обнялись. Через день вождь вновь решил навестить писателя, но ему сказали, что Горький слишком плохо себя чувствует и не может его принять.

«Алексей Михайлович, мы заезжали к вам в два часа утра, – написал Сталин. – Нам сказали, что у вас пульс был 82 удара в минуту. Доктора не пустили нас, мы подчинились. Все передают вам привет, огромный привет. Сталин». На этой же записке подписались и Молотов с Ворошиловым.

Горький начал кашлять кровью. 18 июня 1936 года он скончался от туберкулеза, пневмонии и сердечной недостаточности. Позже возникла версия, что писателя убили Ягода и врачи. Естественно, все они признались в убийстве. То, что Горький умер до того, как начался процесс над Каменевым и Зиновьевым, было как нельзя на руку Сталину. Неизвестно, как бы писатель повел себя, когда узнал бы о процессе над другом. Однако история болезни Горького, хранящаяся в архивах НКВД, свидетельствует о том, что умер писатель все же естественной смертью.

Ягода прятался в задних комнатах особняка Горького. Он старался не показываться на глаза вождя, потому что знал, что уже находится в опале. «Что здесь делает это жалкое создание? – грозно поинтересовался Иосиф Виссарионович, увидев чекиста. – Избавьтесь от него».

* * *

Наконец в июле 1936-го Зиновьев попросил, чтобы ему разрешили переговорить с Каменевым наедине. Затем они

потребовали, чтобы их выслушали члены политбюро. Если партия гарантирует, что им сохранят жизнь, Зиновьев и Каменев готовы признаться. Ворошилов встретил это требование в штыки. Ему хотелось поскорее расправиться с этими «мерзавцами». Когда ему показали протоколы допросов, он написал Сталину, что «эти ужасные люди являются типичными представителями мелкой буржуазии с лицом Троцкого. Они – конченые люди. Для них нет места в нашей стране, нет места среди миллионов людей, готовых умереть за родину. Эти подонки должны быть ликвидированы. Мы должны быть уверены, что НКВД проведет чистку как надо». Красный маршал, казалось, искренне одобрял репрессии и физическое уничтожение бывшей оппозиции. 3 июля Сталин ответил на его гневное письмо: «Дорогой Клим, ты читал их признания? Как тебе нравятся эти буржуазные марионетки Троцкого? Они хотели уничтожить всех членов политбюро. Разве это не ужасно? Как же низко могут пасть люди. И. Ст.».

В сопровождении Ягоды и охраны этих двух сломленных людей привезли с Лубянки в Кремль, где они оба когда-то жили. Когда их ввели в комнату, в которой Каменев провел десятки заседаний политбюро, арестанты увидели, что их ждут только Сталин, Ворошилов и Ежов.

– Но где остальные члены политбюро? – удивился Зиновьев.

Сталин ответил, что политбюро поручило присутствовать на этой встрече им с Ворошиловым. Учитывая ту злобу, с которой Ворошилов относился к Зиновьеву и Каменеву, его включение в состав «комиссии» легко объяснимо. Но где же был Вячеслав Молотов? Он-то точно не возражал против расстрелов. Возможно, просто схитрил и не пришел, не желая лгать старым большевикам.

Каменев умолял политбюро гарантировать им жизнь.

– Гарантировать? – воскликнул Сталин, если верить описанию этой встречи в воспоминаниях невозвращенца Александра Орлова. – Какие здесь могут быть гарантии? Это просто смешно! Может, вы захотите составить официальный договор и заверить его в Лиге Наций? Похоже, Зиновьев и Каменев забыли, что они не на рынке, где торгуются за украденную лошадь, а в политбюро коммунистической партии большевиков! Если слова политбюро недостаточно, то я не вижу смысла в дальнейшем разговоре.

– Зиновьев и Каменев ведут себя так, будто они в том положении, когда могут ставить политбюро условия! – поддержал вождя Ворошилов. – Если у них еще осталась хоть крупица здравого смысла, они должны упасть на колени перед товарищем Сталиным.

Сталин объяснил, почему Зиновьев и Каменев не будут расстреляны. Во-первых, процесс будет не над ними, а на самом деле над Троцким. Во-вторых, если вождь не расстрелял их, когда они находились в оппозиции к партии, то зачем казнить сейчас, когда Зиновьев и Каменев помогают? И наконец, в-третьих. «Товарищи, похоже, забыли, что мы большевики, сторонники и последователи Владимира Ильича Ленина, – торжественно произнес Сталин, – и не хотим проливать кровь старых большевиков независимо от того, насколько серьезны их прошлые грехи…»

Уставшие от допросов и угроз Зиновьев и Каменев согласились признать вину при условии, что их не расстреляют, а их семьи не будут репрессированы.

– Об этом даже не стоит говорить, – закончил Сталин встречу. – Это и так очевидно.

Вождь принялся за очень важную работу. Ему предстояло написать сценарий процесса над Зиновьевым и Каменевым. Он старательно прописывал каждую мелочь, наслаждаясь своим, явно преувеличенным, талантом драматурга. Новые архивные документы свидетельствуют, что Сталин работал даже над выступлениями государственного обвинителя. Новый генеральный прокурор Андрей Вышинский старательно записывал разглагольствования вождя о том, какой должна быть его заключительная речь.

29 июля Сталин составил секретный циркуляр, в котором сообщал, что террористический левиафан под названием «Объединенный троцкистско-зиновьевский центр» пытался убить Сталина, Ворошилова, Кагановича, Кирова, Жданова и других большевистских вождей. Включение в список жертв «террористов», конечно, считалось большой честью, поскольку означало близость к вождю. Можно представить, с какой надеждой, словно школьники, которые мчатся к доске объявлений, чтобы убедиться, что их ввели в состав футбольной команды, партийные руководители читали этот список. Обращает на себя внимание отсутствие Молотова в перечне жертв. Многие историки объясняют это якобы его оппозицией репрессиям и Большому террору. Однако более вероятным представляется иное: у председателя Совета народных комиссаров СССР, скорее всего, в то время были разногласия со Сталиным по какому-то другому, наверняка мелкому вопросу. Известно, что Молотов неоднократно хвалился: «Я всегда поддерживал принимаемые меры». В архивах сохранился интересный документ, из которого следует, что причина отсутствия в списке жертв может крыться в критике Молотова со стороны Николая Ежова. НКВД арестовал

няньку его дочери Светланы, немку по национальности. Молотов пожаловался Ягоде, но освобождения не добился. Ежов обвинял председателя Совнаркома в «недостойном поведении». 3 ноября Ежов прислал Молотову протоколы допросов, которые вполне можно считать предупреждением.

Перед началом процесса Николай Ежов, несомненно, был одним из самых приближенных соратников Сталина, о чем свидетельствуют ежедневные встречи. Ягоду же, выступавшего против политических процессов, вождь принял всего однажды. Сталин был недоволен работой наркома внутренних дел. «Вы работаете плохо, – сказал он. – НКВД поражен серьезной болезнью».

В конце концов Иосиф Виссарионович позвонил Ягоде и устроил разнос по телефону. Если нарком не возьмет себя в руки и не исправится, вождь угрожал «врезать ему по носу».

* * *

Первый из знаменитых показательных процессов начался 19 августа 1936 года в Октябрьском зале на втором этаже Дома Союзов. Собрались триста пятьдесят зрителей. В основном это были переодетые в штатское чекисты. Кроме них, конечно, присутствовали иностранные журналисты и дипломаты. На возвышении в центре находились трое судей во главе с Ульрихом. Их стулья, покрытые красной тканью, напоминали троны. Главной звездой этого театрального представления должен был быть генеральный прокурор Андрей Вышинский. Его речи, во время произнесения которых он брызгал от ярости слюной и говорил, как красноречивый педант, сделали его фигурой европейского масштаба.

Вышинский с помощниками сидел слева от зрителей. Обвиняемые, шестнадцать заросших и неряшливо одетых несчастных людей, – справа. Их охраняли солдаты НКВД, вооруженные винтовками с примкнутыми штыками.

За обвиняемыми виднелась дверь, которая вела в комнату, где стоял стол с бутербродами и закусками. В этой комнате сидел Генрих Ягода. Отсюда он мог в ходе процесса общаться с Вышинским и обвиняемыми.

Сталин, говорят, прятался на галерке, в маленькой комнате, расположенной в задней части зала. Многие якобы видели валившие оттуда клубы дыма трубки.

13 августа, то есть за шесть дней до начала процесса, Сталин еще раз встретился с Ежовым и уехал на поезде в Сочи.

Таинственность и секретность пропитали всю советскую систему. Они были настолько глубокими, что понадобилось более шестидесяти лет, чтобы выяснить, что на самом деле Сталин во время процесса над Зиновьевым и его друзьями был далеко от Москвы. Правда, это не мешало вождю следить за всеми перипетиями этой юридической драмы так же внимательно, как если бы он выслушивал доклады помощников у себя в кабинете. Восемьдесят семь пакетов с печатями НКВД плюс стенограммы заседаний, не говоря уже об обычных кипах газет, сотнях записок и телеграмм, лежали на плетеном столе, который стоял на веранде дачи.

Каганович и Ежов обсуждали с вождем каждую деталь. В эти дни Ежов был явно сильнее своего недавнего покровителя. Об этом можно судить хотя бы по тому, что его подпись на телеграммах стояла перед подписью Железного Лазаря.

Великий кукловод управлял представлением издалека. Ежов и Каганович просто выполняли его указания и снабжали прессу нужной информацией. 17 августа они доложили Хозяину о том, как организовано освещение процесса в печати. «„Правда“ и „Известия“ будут каждый день уделять процессу первую страницу», – докладывали Ежов и Каганович.

На следующий день они получили от Хозяина телеграмму с приказом начать процесс 19-го числа. Подсудимым предъявили фантастические обвинения в совершении очень запутанных преступлений. Темный заговор возглавляли Троцкий, Зиновьев и Каменев. Они входили в «Объединенный троцкистско-зиновьевский центр». Им вменялись в вину убийство Кирова и неоднократные, к счастью, неудачные покушения на жизнь Сталина и других большевистских вождей. Никто не удосужился объяснить, почему они решили не трогать Молотова. Целых шесть дней обвиняемые с поразительной покорностью, так удивлявшей наблюдателей с Запада, признавались в этих и других не менее невероятных преступлениях.

Обвинение изъяснялось на языке, путаном и непонятном, как иероглифы. Его можно хоть как-то понять, если знать эзопов язык и помнить, что в закрытой вселенной большевиков, наполненной заговорами и борьбой зла против добра, терроризмом считалось любое сомнение в правильности решений и поступков Сталина. Отсюда следовало, что все политические оппоненты вождя были убийцами и террористами. Каждый раз, когда собиралось больше двух террористов, рождался заговор. В результате объединения «убийц» и «террористов» из разных фракций возник объединенный центр едва ли не космических масштабов. Процесс убедительно показывает страсть Сталина

к театральности и размах большевистской паранойи, сложившейся после десятилетий жизни в подполье.

Сломленные люди сидели на скамье подсудимых и четко отвечали на вопросы обвинения. Генеральный прокурор Вышинский оказался достойным исполнителем воли и идей гениального кукловода. Он блестяще объединял гнев и негодование проповедника Викторианской эры с дьявольскими проклятиями сибирского шамана. Вышинский – невысокого роста щеголеватый мужчина в отлично сшитом костюме, белой рубашке и галстуке в клетку. Из-за стекол очков в роговой оправе проницательно смотрели яркие черные глазки. Рыжеватые волосы уже начали редеть. Западные наблюдатели считали, что этот человек с курносым носом и седыми усами больше похож не на генерального прокурора первого в мире государства рабочих и крестьян, а на процветающего брокера, который привык обедать в шикарных ресторанах и играть в гольф в Саннингдейле.

Родился Андрей Януарьевич Вышинский в богатой и знатной польской семье в Одессе. Когда-то он попал в одну тюремную камеру со Сталиным. Он делил с будущим вождем содержимое продовольственных корзинок, которые приносили родители. Эта прозорливость, возможно, спасла Вышинскому жизнь. Несмотря на меньшевистское прошлое, он сделал завидную карьеру в партии большевиков. Отличительными чертами Вышинского были абсолютная покорность и страшная жестокость, граничившая с кровожадностью. В докладных записках и письмах, написанных Сталину в тридцатые годы, он постоянно предлагал расстреливать обвиняемых. Обычно он называл их «троцкистами, готовящими убийство Сталина». Чаще всего записки заканчивались словами: «Рекомендую высшую меру наказания, расстрел».

С одной стороны, пятидесятитрехлетний Андрей Вышинский был очень груб с подчиненными, с другой – был страшным подхалимом перед начальством. «Я уверен, что людей нужно держать в сильном напряжении», – любил повторять он и сам постоянно жил в напряжении. Вышинского мучили приступы экземы. Он существовал в постоянном страхе, который сам же и разжигал. Прокурор никогда не терял бдительности, был всегда готов дать отпор. Энергичный, амбициозный и очень умный Андрей Януарьевич Вышинский производил на иностранцев сильное впечатление. Он пугал их своими судебными манерами и злыми шутками. Это Вышинский, правда не сейчас, а через несколько лет назовет румынов не народом, а профессией. Он очень гордился репутацией смертельно опасного человека. Когда в 1947 году Вышинского представили в Лондоне принцессе

Маргарет, он прошептал дипломату: «Пожалуйста, не забудьте сказать, что я был генеральным прокурором во время знаменитых московских процессов».

Ежов с Кагановичем, должно быть, много времени проводили в комнате для высокопоставленных гостей. Они каждый день докладывали Сталину о том, как идет процесс. «Зиновьев подтвердил слова Бакаева, что тот сообщал Зиновьеву, как идет подготовка к теракту против Кирова…»

Убедить иностранных журналистов в том, что это не спектакль, было нелегко. Сомнения усиливали грубые ошибки НКВД. На суде, к примеру, было заявлено, что сын Троцкого, Седов, отдавал приказы совершать убийства из гостиницы «Бристоль» в Дании. Однако было известно, что отель с таким названием был разрушен еще в 1917 году.

«Какого черта вам понадобилось упоминать эту гостиницу? – рассвирепел Сталин, узнав о промахе. – Нужно было сказать: железнодорожный вокзал. Вокзалы никто не разрушает».

В представлении участвовало значительно больше актеров, чем находилось на сцене. О многих ставших впоследствии знаменитыми «террористах» говорилось вскользь. Это создавало впечатление, что они выйдут на сцену на будущих процессах. Подсудимые активно сотрудничали с обвинением. Они заложили сначала нескольких военных, потом взялись за левых в лице Карла Радека и правых: Бухарина, Рыкова и Томского. Андрей Вышинский торжественно объявил, что прокуратура открывает дела против этих известных деятелей.

Находившиеся за сценой актеры играли свои роли по-разному. Карл Радек был талантливым журналистом и знаменитым международным революционером. Этот весельчак с бакенбардами носил очки с круглыми стеклами, щеголял в кожаных сапогах и шинели, курил трубку. В начале тридцатых он пользовался расположением Сталина и был его главным советником по отношениям с Германией. Журналисты так же, как писатели, всегда думали, что смогут спастись при помощи статей или книг. Сталин решил: «…Хотя это звучит и не очень убедительно, но я бы предложил отложить рассмотрение вопроса об аресте Радека на какое-то время, чтобы дать ему возможность опубликовать в „Известиях“ большую статью, подписанную его именем». Понятно, что в этой статье Радек должен был покаяться во всех грехах. Несмотря на кровожадность, Сталин не шел к репрессиям прямой дорогой. Иногда он мог давать старым друзьям временную передышку. Изредка попадались даже счастливчики, которым удавалось спастись.

22 августа подсудимые отказались от последнего слова.

Они признавали свою вину. В Сочи полетела телеграмма на бланке политбюро. В ней Каганович, Орджоникидзе, Ворошилов, Чубарь и Ежов просили указаний, как быть дальше. «Апелляции были бы очень некстати», – ответил Сталин на следующий день в 11.10 вечера и подробно расписал, как сообщать в газетах о приговорах. Этот драматург человеческих душ в типичной для себя манере полагал, что приговор нуждается в «стилистической обработке». Через полчаса он написал еще одну телеграмму. Вождя тревожило, что к процессу могут относиться как к театральной постановке.

Сталинские мастера по плетению интриг умело разожгли в советском обществе гнев против террористов. Никита Хрущев, горячий сторонник показательных политических процессов и расстрелов, как-то вечером приехал в здание ЦК и оказался свидетелем интересной сцены. Лазарь Каганович и Серго Орджоникидзе, не стесняясь в выражениях, уговаривали Демьяна Бедного написать для «Правды» статью с требованием пролить кровь террористов. После того как Бедный прочитал свое творение вслух, в комнате наступило неловкое молчание.

– Нет, товарищ Бедный, это нам не подходит, – покачал головой Железный Лазарь. Серго тут же вышел из себя и начал кричать. Хрущев молчал, но тоже угрожающе смотрел на поэта.

– Я не могу! – пытался протестовать Демьян Бедный, но он сумел.

На следующий день «Правда» напечатала его произведение с многозначительным заголовком «Пощады нет!».

Поймали мы змею, и не одну змею.
Зиновьев! Каменев! На первую скамью!
Вам первым честь – припасть губами к смертной чаше!
Нет больше веры вам. Для нас уж вы мертвы.
Убивши Кирова, кого убили вы?

Стихотворение перекликалось с передовицей, которая гласила: «Расстрелять, как бешеных собак!»

Андрей Януарьевич Вышинский суммировал «настроения народа» в своем заключительном слове: «Эти бешеные псы капитализма пытались уничтожить лучшего представителя Советской страны – Кирова. Я требую, чтобы эти бешеные псы были расстреляны. Все до единого!» Сами «псы» патетически молили о пощаде и делали все новые и новые признания в надежде смягчить свою участь. Даже сейчас, спустя почти семьдесят лет, их трудно читать спокойно. Каменев закончил свое выступление, сел, потом опять вскочил и попросил не трогать его

детей. «Независимо от того, каким будет мой приговор, я заранее считаю его справедливым, – заявил близкий соратник Ленина. – Не оглядывайтесь назад, – обратился он к своим сыновьям. – Идите вперед. Следуйте за Сталиным!»

Судьи удалились для вынесения вердикта. Конечно, никакого обсуждения не было и в помине. Приговор был известен давно. В 14.30 судьи вернулись в зал. Все подсудимые были приговорены к расстрелу. Один из несчастных, выслушав смертный приговор, закричал: «Да здравствует дело Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина!»

Вернувшись в тюрьму, перепуганные «террористы» вспомнили про обещание Сталина не расстреливать их и подали апелляцию. Они просили сохранить им жизнь. Зиновьев и Каменев в своих камерах с тревогой ждали ответа. В 20.48 в солнечный Сочи, где в то время отдыхал вождь, пришла очередная правительственная телеграмма. Каганович, Орджоникидзе, Ворошилов и Ежов сообщали, что осужденные подали апелляцию с просьбой о помиловании. «Политбюро предлагает отклонить апелляцию, – писали партийные руководители, – и этой же ночью привести приговор в исполнение». Сталин не ответил. Может, он упивался долгожданной местью. Может, ужинал и не хотел отрываться от еды. Конечно, он прекрасно понимал, что казнь двух ближайших товарищей Ленина означала гигантский шаг по направлению к его следующей колоссальной авантюре. Иосиф Виссарионович уже тогда, конечно, намечал развязать террор против самой партии, устроить кровавую резню, в которой погибнут даже его друзья и члены семьи. Сталин выжидал три долгих часа.

Часть четвертая
Резня. Ежов, карлик-отравитель. 1937–1938

Палач. Яд Берии и доза Бухарина

За несколько минут до полуночи Сталин отправил в Москву короткую телеграмму. Она состояла всего из одного слова. «Хорошо», – ответил он на предложение соратников отклонить апелляцию приговоренных к смертной казни преступников. Менее чем через час во двор тюрьмы Лубянки въехали несколько машин. В них сидели партийные руководители. Они должны были присутствовать на расстрелах Зиновьева и его товарищей.

Каменев держался достойно. Зиновьев же, напротив, был охвачен паникой. Главных «террористов» вывели из камер. Ежова и Ягоду сопровождал бывший парикмахер Карл Паукер. По должности на расстрелах важных преступников должен был присутствовать Андрей Вышинский, но он, говорят, очень боялся крови и обычно присылал вместо себя одного из своих главных следователей, Льва Шейнина. Анастас Микоян написал в мемуарах, что Ворошилов представлял политбюро.

Сталин никогда не присутствовал при пытках или казнях. Правда, в детстве он однажды видел, как на виселицу вздернули преступника. И конечно же, вождь был очевидцем расстрелов в Царицыне. Он уважал своих палачей. Расстрелы официально назывались «высшей мерой наказания». Большие любители сокращений, большевики называли их ВМН или просто «вышкой». Сам вождь обозначал приведение смертных приговоров в исполнение как «черную работу» и относился к ней как к выполнению приказа партии. Главным мастером по «черной работе» при Сталине считался Блохин, сварливый чекист с решительным лицом и зачесанными назад черными волосами; ему было за сорок. Он стал одним из наиболее «плодовитых» палачей двадцатого столетия. Иногда, чтобы не запачкать форму, Блохин надевал на расстрелы кожаный фартук мясника. Несмотря на то что это чудовище собственноручно расправилось с тысячами заключенных, его имя мало известно историкам. В театре при сталинском дворе Блохин всегда находился за кулисами. Но он все время был поблизости, готовый выполнить партийный приказ.

Зиновьев выкрикнул, что это фашистский заговор.

– Товарищи, я вас очень прошу, бога ради, позвоните Иосифу Виссарионовичу! – умолял он палачей. – Иосиф Виссарионович обещал сохранить нам жизнь!

Некоторые свидетели утверждают, что Зиновьев ползал перед чекистами на коленях и целовал им сапоги.

Каменев сказал:

– Мы заслужили смерть, потому что недостойно вели себя на процессе.

Он велел Зиновьеву взять себя в руки и умереть достойно. Зиновьев продолжал кричать. Лейтенанту НКВД пришлось застрелить его в расположенной поблизости камере. Обоих убили выстрелами в затылок.

Расплющенные пули извлекли из черепов, очистили от крови, сероватого мозгового вещества и вручили Ягоде. Вполне возможно, к наркому они попали еще теплыми. Неудивительно, что Вышинский предпочитал не посещать расстрелы и присылал вместо себя другого человека. Генрих Ягода написал на пулях «Зиновьев» и «Каменев». Он хранил эти страшные, но священные реликвии дома в своей знаменитой коллекции эротики и женских чулок. Тела расстрелянных кремировали.

Сталина всегда больше всего интересовало, как враги вели себя в последние мгновения жизни. Он наслаждался их унижением и уничтожением. «Человек физически может быть храбрым, но политически – трусом», – любил говорить Иосиф Виссарионович. Через несколько недель после расстрела Каменева и Зиновьева на торжественном банкете в честь основания ЧК Карл Паукер, который не только охранял Сталина, но и смешил его шутовскими выходками, изобразил в лицах расстрел Зиновьева и его мольбы о пощаде. Под громкий смех вождя и Ежова двое чекистов, изображавших охранников, втащили в комнату полненького Паукера с выбритой макушкой и в корсете. «Бога ради, позвоните Сталину!» – закричал он, как Зиновьев, потом решил прибавить кое-что от себя. Паукер, еврей по национальности, славился умением рассказывать еврейские анекдоты. При этом он говорил с еврейским акцентом, проглатывая «р» и постоянно кланяясь. Сейчас он решил объединить эти два приема. Бывший парикмахер упал на колени и, подняв руки вверх, закричал: «Услышь, о Израиль! Господь – наш Бог, и он един». Сталина представление развеселило. Он так долго хохотал, что Паукеру пришлось повторить номер. Когда вождю стало плохо от смеха, он махнул рукой и велел Паукеру замолчать.

* * *

Николай Бухарин в это время покорял вершины на Памире. Прочитав в газетах, что его имя упоминалось на процессе Зиновьева, он тут же вернулся в Москву. Раньше казалось, что ему простили старые грехи. Он стал главным редактором «Известий»,

вошел в партийную элиту и часто встречался со Сталиным. В 1935 году на банкете Иосиф Виссарионович даже громко произнес тост в его честь: «Давайте выпьем за Николая Ивановича Бухарина! Мы все любим Бухарчика. Кто старое помянет, тому глаз вон!» Трудно сказать, что заставляло Сталина продолжать играть в кошки-мышки с «любимым Бухарчиком», который с тревогой ждал в своей кремлевской квартире. Может, вождь хотел приберечь его для будущего показательного процесса (после самоубийства Томского). А может, старая любовь не исчезла полностью.

8 сентября ЦК вызвал Бухарина на встречу с Кагановичем. Кроме хозяина кабинета, Ежова и Вышинского, Николай Иванович с изумлением увидел своего старинного друга Григория Сокольникова. Чекисты привезли этого уважаемого старого большевика на очную ставку. Очные ставки считались одним из страшных сталинских ритуалов. На них, как при изгнании нечистой силы, добро, по мнению большевиков, обязательно должно победить зло. Одна из целей очных ставок, конечно, – запугать обвиняемого. Но не исключено, и это могло быть главной целью, таким способом старались убедить членов политбюро в вине задержанного. Лазарь Каганович играл роль беспристрастного наблюдателя. Сокольников рассказал о существовании «право-левого центра», в который входил и Бухарин. Заговорщики, естественно, хотели убить Сталина.

– Ты что, совсем с ума сошел и не несешь ответственности за свои слова? – Бухарин разрыдался.

После того как Сокольникова увели, Каганович громко сказал:

– Эта проститутка лжет от начала и до конца! Возвращайтесь в газету, Николай Иванович, и спокойно работайте.

– Но почему он лжет, Лазарь Моисеевич?

– Мы это узнаем, – не очень уверенно ответил Каганович.

Он продолжал любить Бухарина, но сказал Сталину, что его роль еще предстоит выяснить. Сталинская антенна уловила, что время Бухарчика еще не пришло. 10 сентября Андрей Вышинский объявил, что следствие против Бухарина и Рыкова прекращено за отсутствием состава преступления. Николай Бухарин вернулся на работу. Опасность, казалось, миновала. Следователи из НКВД тем временем начали готовить следующий процесс. Но кошка еще не наигралась с мышкой.

* * *

Сталин не торопился возвращаться в Москву. Он руководил параллельными кампаниями по уничтожению врагов. Вождя, впрочем, занимало тогда не только это. В Испании шла гражданская война. 15 октября на Пиренейский полуостров начали прибывать советские танки, самолеты и советники. Они поддерживали республиканское правительство. Республиканцы боролись с генералом Франко, которого, в свою очередь, поддерживали Гитлер и Муссолини. Сталин относился к испанской гражданской войне как к репетиции Второй мировой войны. Но еще больше он считал ее повторением Гражданской войны в России.

Междоусобная борьба с троцкистами дома и с фашистами за рубежом вызвала в Москве военную истерию и подбрасывала дров в топку Большого террора. Сталин стремился затянуть войну в Испании как можно сильнее, чтобы связать руки Гитлера, и при этом не обидеть западные державы. Сами республиканцы заботили его меньше всего. Более того, словно хитрый уличный мальчишка-торговец, Иосиф Виссарионович украл у испанцев несколько сотен миллионов долларов. Сначала он якобы спас золотой резерв Испании. Потом заставил расплатиться этим золотом за советское оружие, заломив очень высокие цены.

Иосиф Сталин продолжал отдыхать в Сочи. Он постоянно указывал соратникам по телефону, что делать в Испании. Ворошилову давал советы по военным делам, Кагановичу – по политическим, а Ежову – по вопросам безопасности. Когда НКВД фактически захватил власть на Пиренейском полуострове, Сталин не без удивления узнал, что ему противостоит не столько Франко, сколько ненавистные троцкисты. Он приказал уничтожать троцкистов, а вместе с ними на всякий случай и советских граждан. Советские дипломаты, журналисты и военные, находившиеся в Испании, столько же времени сражались с фашистами, сколько обвиняли друг друга в предательстве и сотрудничестве с врагом.

После краткого пребывания на новой черноморской даче, которую Лакоба построил для Сталина в Новом Афоне, в Абхазии, рядом с монастырем, возведенном по приказу Александра III, вождь вернулся в Сочи. Там к нему присоединились Жданов и Михаил Иванович Калинин. Ежов расширял списки врагов. Теперь в них входила не только старая оппозиция в полном составе, но и целые национальности. Первыми под удар сталинских репрессий попали поляки.

Ведя борьбу с оппозицией, Николай Ежов стремился занять место Ягоды. Он обвинял его в потворстве врагам, пассивности и хвастовстве. Письмо Ежова Сталину можно считать бесстыдной

просьбой назначить его наркомом внутренних дел. «Без Вашего вмешательства результатов не будет», – убеждал он вождя.

Генрих Ягода тем временем тоже не сидел сложа руки. Его люди прослушивали телефонные разговоры Ежова со Сталиным. Узнав, что Ежевику вызывают в Сочи, Ягода решил опередить соперника. Однако в Сочи его ждал холодный прием. Карл Паукер отказался пропускать Ягоду на дачу вождя.

25 сентября Сталин решил заменить Ягоду Ежовым. Вождя поддержал Андрей Жданов. «Мы считаем абсолютно необходимым и настоятельным назначить товарища Ежова народным комиссаром внутренних дел. Ягода не справился с задачей разоблачения троцкистско-зиновьевского блока. Сталин, Жданов».

Серго Орджоникидзе тоже приезжал в Красную Поляну обсудить назначение Ежова и свои разногласия с НКВД. Сталин понимал, что должен уговорить Серго согласиться с назначением Ежова наркомом, хотя семьи Ежевики и Орджоникидзе дружили.

Многие в стране, узнав о назначении Николая Ежова наркомом внутренних дел, облегченно вздохнули. Бухарин в числе прочих надеялся, что новый нарком закончит террор. Никто не мог предположить, что репрессии только начинаются. Лазарь Каганович хорошо знал своего протеже. Он высоко отзывался об умении Ежова блестяще проводить допросы и предложил Сталину сделать его генеральным комиссаром госбезопасности. «Товарищ Ежов хорошо справляется с делами, – сказал Железный Лазарь Серго. – Он расправляется с бандитами и контрреволюционерами-троцкистами по-большевистски». Так крошечный Ежевика стал вторым по могуществу человеком СССР.

Сталин был глубоко разочарован «серьезной болезнью» в НКВД. Он не без оснований считал наркомат внутренних дел гнездом старых большевиков. По его мнению, наркомат был наполнен сомневающимися в правоте политики партии поляками, евреями и латышами. Для контроля над этими самодовольными людьми, считавшими себя элитой, ему требовался человек со стороны. И раньше, и особенно сейчас Сталин стремился превратить НКВД в послушное орудие для исполнения своих приказов. Есть свидетельства, что в начале тридцатых годов он обсуждал назначение в НКВД Кагановича и Микояна, а незадолго до описываемых событий предлагал пост наркома Лакобе.

Нестор Лакоба отказался переезжать в Москву из солнечной Абхазии. Его край был похож на рай на земле, и он правил в нем, как средневековый князь. Конечно, Лакоба был предан Сталину, но ему больше подходила роль гостеприимного хозяина

абхазских курортов, чем наркома, пытающего невинных людей в застенках Лубянки. Однако его отказ привлек внимание партийных боссов к правлению Лакобы. Все высшие должности и места в Абхазии были заняты родственниками и друзьями Нестора. Неудивительно, что эту республику нередко называли «Лакобистаном». К тому же Лакоба хотел превратить Абхазию из автономной в союзную республику. Подобные идеи были чрезвычайно опасны в многонациональном СССР.

Не было князя выше Лакобы. Сталин был недоволен таким положением друга. Еще раньше он запретил использовать во владениях Лакобы абхазские имена, а сейчас отверг его план повысить конституционный статус Абхазии.

31 октября Сталин наконец вернулся в Москву. Он поужинал в столице с Лакобой. Казалось, что все тихо и спокойно. Ничто не предвещало беды, но это было обманчивое впечатление. Когда Лакоба вернулся домой, Берия пригласил его на обед в Тифлис. Тот отказался. Тогда ему позвонила мать Берии и тоже попросила приехать. Лакоба отправился в Тифлис. 27 декабря они вместе пообедали и посетили театр. Там Нестору стало плохо. Он вернулся в гостиницу и долго стонал, сидя перед окном. «Эта змея Берия убил меня», – прохрипел Лакоба.

В 4.20 утра Лакоба скончался от сердечного приступа. Ему было всего сорок три года. Лаврентий Берия отправил гроб с телом соперника поездом в Сухуми. Врачи Лакобы были уверены, что его отравили. Берия приказал удалить все внутренние органы, а позже выкопал и уничтожил сам труп, ликвидировав доказательства убийства.

Лаврентий Павлович не ограничился одним Лакобой. Он расправился и со всей его семьей. Абхазского руководителя назвали «врагом народа». Он стал первой жертвой репрессий из близкого окружения вождя. Недаром Сталин задумчиво писал: «Яд, яд…» Он дал Берии карт-бланш и предоставил самому решать все споры на Кавказе. Еще до расправы с Лакобой Лаврентий Берия ездил в Ереван. После этого визита Армения лишилась своего первого секретаря. Агаси Ханджян или покончил жизнь самоубийством, или был убит.

Из всех уголков необъятной империи в Москву приходили сообщения о новых заговорах врагов и вредителей. Местные руководители быстро догадались, что на вредителей можно списать собственные промахи и ошибки, некомпетентность и коррупцию.

Часы неумолимо приближали начало войны с гитлеровской Германией. Однако напряжение росло не только на западе, но и на востоке. Здесь агрессивную политику проводила Япония.

Тем временем советские граждане сражались в Испании.

* * *

Незадолго перед зловещей смертью Лакобы Берия арестовал Папулию Орджоникидзе, старшего брата Серго, сотрудника наркомата путей сообщения. Лаврентий Павлович хорошо знал, что его бывший покровитель, Серго, настраивал против него Сталина и предупреждал, что Берия – негодяй и мерзавец. Орджоникидзе отказывался жать руку Берии и даже построил высокий забор между их дачами.

Сталин ловко воспользовался местью грузинского сатрапа. При помощи ареста Папулии Орджоникидзе и других мер он начал давить на горячего Серго. Главный промышленник Советской России полностью поддерживал репрессивную политику режима, но возражал против арестов своих подчиненных. Главным героем следующего показательного процесса предстояло стать заместителю Серго Орджоникидзе, помощнику наркома Юрию Пятакову, опытному руководителю, который был когда-то троцкистом. Орджоникидзе и Пятаков ценили друг друга и с удовольствием работали вместе.

В июле 1936-го за связи с Троцким была арестована жена Пятакова. За несколько дней до начала процесса над Зиновьевым Ежов вызвал Пятакова. Он прочитал ему показания подсудимых, которые обвиняли его в участии в троцкистском заговоре, и сообщил, что Пятаков освобожден от должности заместителя комиссара. Юрий Пятаков предложил доказать свою невиновность оригинальным способом. Он был готов лично расстрелять всех приговоренных к смерти террористов, включая бывшую жену, и опубликовать в газетах покаянные статьи.

«Я указал ему на всю абсурдность этого предложения», – сухо докладывал Ежов Сталину.

12 сентября Юрий Пятаков был арестован. Серго, отдыхавший в это время в Кисловодске, проголосовал за его исключение из ЦК. Конечно же, Орджоникидзе чувствовал, что и над его головой сгущаются тучи. Бледный, уставший, непохожий на самого себя, Серго сильно болел. Политбюро приказало ему работать не больше трех дней в неделю. НКВД тем временем начал арестовывать его советников и специалистов, которые не были членами партии. Орджоникидзе обратился за помощью к Ежевике: «Товарищ Ежов, пожалуйста, разберитесь с этим вопросом. Я уверен, что произошла какая-то ошибка».

Серго Орджоникидзе был не одинок в своих страхах.

Они с Кагановичем не только обладали неиссякаемой энергией и были хорошими друзьями, но и возглавляли гигантские промышленные комиссариаты. НКВД не обошел стороной и ведомство Железного Лазаря. Его техспецов, железнодорожников, тоже арестовывали десятками.

Сталин прислал Серго протоколы допросов Пятакова. Арестованный признавался в том, что он саботажник. Отстрел технических специалистов был любимым занятием настоящих большевиков, но в аресте брата Орджоникидзе явно чувствовалась рука самого Сталина. «Папулию не могли арестовать без согласия Сталина, – сказал Серго Микояну. – Сталин дал санкцию на арест, даже не позвонив мне. Мы с ним были такими близкими друзьями, а он неожиданно позволил им арестовать моего родного брата!» Во всех бедах Орджоникидзе обвинял Берию.

Серго обратился к Сталину. Он делал все, чтобы спасти брата, но, похоже, перегнул палку. Арест близкого родственника был проверкой на преданность. Не один Сталин осуждал соратников за буржуазный сентиментализм. Молотов тоже сурово критиковал Орджоникидзе за то, что он «руководствуется эмоциями и думает только о себе».

9 ноября у Серго Орджоникидзе случился еще один сердечный приступ. Пока он отлеживался в больнице, из Тифлисского совета был уволен его третий брат, Валико. Он провинился тем, что утверждал, будто Папулия невиновен. Серго оставил гордость и написал Лаврентию Берии. «Дорогой товарищ Серго! – радостно ответил Лаврентий Павлович. – После вашего звонка я тут же вызвал Валико. Сегодня Валико восстановлен на работе. Ваш Л. Берия». Берия перенял у Сталина любовь к игре в кошки-мышки. Так же, как вождь, он не всегда шел к цели прямым путем.

Сейчас Сталин относился к Орджоникидзе как к врагу. Накануне пятидесятилетия Серго была издана его биография. Сталин внимательно изучал ее и делал язвительные пометки к абзацам, в которых рассказывалось о героизме Орджоникидзе: «А как же Центральный комитет? Как же партия?»

Сталин и Серго Орджоникидзе вернулись в Москву отдельно друг от друга. К этому времени следователи НКВД уже засучив рукава работали с пятьюдесятью шестью сотрудниками наркомата тяжелой промышленности. Серго оставался единственным, кто мог еще хоть как-то сдерживать вождя. Наверное, поэтому правые, которым тоже приходилось тяжело, полностью его поддерживали. «Мой дорогой, добрый и горячо любимый Серго! – писал Орджоникидзе Николай Бухарин. – Держись!»

Как-то в театре, где Сталин и члены политбюро,

как положено, заняли места в первом ряду, Орджоникидзе заметил бывшего премьера Рыкова с дочерью Натальей (она-то и рассказала автору об этом эпизоде). Всеми забытые Рыковы сидели в партере на двадцать каком-то ряду. Серго тут же бросил Сталина и помчался целоваться с опальным большевиком. Рыковы были тронуты до слез.

На параде 7 ноября Сталин заметил с трибуны мавзолея Николая Бухарина, который находился среди обычных зрителей. Он послал чекиста сказать: «Товарищ Сталин приглашает вас на мавзолей». Бухарин сначала испугался, что его сейчас арестуют, потом успокоился и с благодарностью принял приглашение.

Николай Иванович Бухарин, обаятельный, но склонный к истерикам интеллектуал, пользовался всеобщей любовью. По тону писем, которыми он забрасывал вождя и которые с каждым днем становились все более взволнованными и испуганными, хорошо видно, как вокруг шеи Бухарина все туже затягивалась петля. «Большой ребенок», – насмешливо заметил Сталин на одном из писем Бухарина. «Чудак-человек!» – на другом. Бухарин все не мог остановиться: он даже во сне разговаривал со Сталиным.

«Все, что связано со мной, подвергается резкой критике, – читаем мы в письме от 19 октября 1936 года. – Мне даже не предложили написать статью в честь дня рождения Серго. Может, я не заслуживаю этой чести? К кому мне обратиться, как не к любимому человеку, который не ответит зуботычиной? Я вижу ваши намерения, но пишу вам, как писал Ильичу. Я пишу по-настоящему любимому человеку, которого так же, как Ленина, часто вижу во снах. Наверное, это покажется вам странным, но это действительно так. Мне трудно жить под подозрением. Мои нервы на пределе. В одну из бессонных ночей я написал стихотворение „Великий Сталин“».

Другим старым другом Бухарина был Климент Ворошилов. Они были так близки, что Николай Иванович называл красного маршала «милая чайка» и даже писал для него речи. Ворошилов подарил Бухарину пистолет со словами о признательности и дружбе. В последнее время он старался не отвечать на письма опального друга. «За что ты меня так обижаешь?» – спрашивал в одном из посланий Бухарин.

Оказавшись в опасности, Николай Бухарин написал Климу длинное, полное просьб послание. В нем он, в частности, сообщал, что обрадовался расстрелу «псов», Зиновьева и Каменева. «Прости за такое путаное письмо, – извинялся любимец Ленина. – Тысячи мыслей мечутся в моей голове,

как быстрые лошади, которых не могу сдержать. Обнимаю тебя, потому что я чист. Н. Бухарин».

Ворошилов решил, что должен порвать это подобие дружбы. Он приказал адъютанту переписать письмо Бухарина для членов политбюро. «Я вкладываю по просьбе товарища Ворошилова также его ответ Бухарину», – написал адъютант на конверте.

Ответ Ворошилова является образцом аморальности, жестокости, страха и трусости. «Товарищу Бухарину. Я возвращаю ваше письмо, в котором вы позволяете себе предпринимать злобные атаки на руководство партии. Если вы надеялись убедить меня в вашей полной невиновности, то вам удалось только убедить меня в обратном. Вы убедили меня, что я должен держаться от вас подальше. Если вы не отречетесь письменно от ваших грязных эпитетов в адрес руководства партии, я буду считать вас негодяем. К. Ворошилов, 3 сентября 1936».

Ворошилов разбил Бухарину сердце этим страшным письмом. «Мое письмо заканчивается словами: „Обнимаю тебя“, – горевал он, – а твое – „…буду считать тебя негодяем“».

Первоначально Ежов собирал материалы по делу левых Радека и Пятакова, но к декабрю ему удалось получить также показания против Бухарина и Рыкова. Декабрьский пленум напоминал суд над старыми большевиками. Сталин, как всегда, решил проверить, насколько созрели условия для их уничтожения. Конечно, Иосиф Виссарионович подавлял всех своей волей, но Большой террор не был делом рук одного человека. В выкриках партийных руководителей, требовавших крови врагов, явственно слышался энтузиазм фанатиков, иногда превращавший пленум почти в трагикомедию.

Ежов с гордостью докладывал об арестах двухсот членов «Троцкистского центра» в «Азово-Черноморской организации», трех сотен – в Грузии и четырехсот – в Ленинграде.

Сначала Николай Ежов хотел покончить с процессом против Пятакова и Радека, который должен был вот-вот начаться. Он зачитал членам политбюро то, как отзывался Пятаков о рабочих: «стадо овец».

– Свинья! – выкрикнул Берия.

В комнате послышались возгласы негодования. Потом, как следует из протоколов, кто-то воскликнул:

– Звери!

– Как низко опустился этот злобный агент фашистов! – подхватил другой голос. – Это коммунист-перерожденец и бог знает кто еще! Этих свиней нужно всех передушить!

– А что делать с Бухариным? – спросил кто-то.

– Нужно обсудить всех, – предложил Сталин.

– Бухарин – настоящий негодяй! – прорычал Лаврентий Берия.

– Какая свинья! – воскликнул другой товарищ.

Ежов сообщил, что Бухарин и Рыков входят во второй центр. Они были «террористами» и поэтому сидели вместе с этими убийцами. Бухарин должен был покаяться в грехах и выдать сообщников, но не сделал этого.

– Значит, вы считаете, что я тоже стремлюсь к власти? – спросил он Ежова. – Вы это серьезно? В этой комнате присутствует много товарищей, которые хорошо знают меня, мою душу…

– Трудно узнать чью-нибудь душу. – Берия усмехнулся.

– Против меня не было сказано ни одного слова правды. Каменев на процессе заявил, что до 1936 года встречался со мной ежегодно. Я попросил Ежова выяснить, когда и где мы с ним встречались, чтобы опровергнуть эту ложь. Мне сказали, что Каменеву не задали этот вопрос, и сейчас его уже об этом не спросишь.

Несколько партийных руководителей принялись инкриминировать Бухарину предательство, самыми яростными были Каганович, Молотов и Берия. В этот самый момент, когда Бухарин с трудом отбивался от обвинений, сыпавшихся на него с разных сторон, Железный Лазарь вспомнил о собаке Зиновьева.

– В 1934 году Зиновьев пригласил Томского к себе на дачу. Сначала они выпили чая, потом поехали на машине Томского выбирать для Зиновьева собаку. Видите, какая близкая между ними была дружба! Они так помогали друг другу, что отправились вместе выбирать собаку.

– А что за собака? – неожиданно поинтересовался Сталин. – Охотничья или сторожевая?

– Сейчас это уже невозможно установить, – пошутил Каганович, и все засмеялись.

– Так они выбрали собаку? – продолжал расспрашивать Сталин.

– Выбрали. – Железный Лазарь улыбнулся. – Они искали четырехногого друга, похожего на них.

– Собака была хорошая или плохая? – никак не мог успокоиться вождь. – Кто-нибудь знает?

В комнате вновь послышался смех.

– На очной ставке выяснить это не удалось, – пожал плечами Лазарь Каганович.

В конце концов Сталин почувствовал, что большинство старых членов партии все же не поддерживают его в деле Бухарина.

– Мы тебе доверяли, но, похоже, ошибались, – скорее печально, чем гневно подытожил он дебаты. – Мы верили тебе, продвигали по служебной лестнице и вот теперь видим, что ошиблись. Ведь так, товарищ Бухарин?

Сталин закрыл пленум, так и не поставив на голосование вопрос о том, что делать с обвинениями Ежова. Бухарин и Рыков смогли перевести дух, но они прекрасно понимали: это лишь временная передышка. События пленума стали опасным прецедентом. Они показали региональным руководителям, удельным князькам, что неприкосновенных людей нет. Уничтожить можно даже такого гиганта, как Бухарин.

При помощи Ежова Сталин также раздувал в стране истерию страха относительно будущих войн с Польшей и Германией и вполне реальных опасностей гражданской войны в Испании. Новый фаворит вождя помогал сплетать паутину, где нашлось место необъяснимым провалам в промышленности (на деле вызванным некомпетентностью советских руководителей) и сопротивлению региональных князьков, заговорам врагов и вредителей. Обстановка всеобщей истерии очень напоминала паранойю и зверства российской Гражданской войны, по которой нередко скучали старые большевики.

Сталин очень боялся, что через не такую уж надежную границу с Польшей в страну могут проникнуть шпионы. Польша была традиционным врагом России на западе. Именно Польша разбила Советскую Россию в 1920 году. Об антипольских настроениях красноречиво свидетельствует и тот факт, что на пленуме была совершена попытка обвинить в связях с этой страной даже Никиту Хрущева. Во время разговора в коридоре с Ежовым Сталин увидел Хрущева, неожиданно подошел к нему и ткнул пальцем в плечо.

– Как твоя фамилия?

– Хрущев, товарищ Сталин, – ответил перепугавшийся Хрущев.

– Нет, ты не Хрущев. – Вождь хитро улыбнулся. – Кое-кто говорит, что ты не Хрущев.

– Как вы можете верить этой лжи? – ужаснулся Никита Сергеевич. – Моя мать еще жива. Это можно легко проверить.

Сталин сослался на Ежова, но тот сказал, что никакой компрометирующей Хрущева информации у него нет. Иосиф Виссарионович сделал вид, что забыл сомнения относительно московского руководителя. Но этот разговор показывает, что он проверял даже членов ближайшего окружения.

Вождь был полон решимости подчинить своей воле строптивых руководителей регионов. Украина была особым

случаем. Это вторая по значимости республика страны, зерновая житница, с хорошо развитой культурой. Украинские руководители Косиор и Чубарь продемонстрировали ненадежность во время недавнего голода, а второй секретарь Постышев вел себя как удельный князь в окружении собственной свиты.

13 января 1937 года Сталин написал телеграмму, в которой обвинял Постышева в недостатке «важнейшей партийной бдительности». Наводить порядок в Киеве отправился Лазарь Каганович. Он уже руководил этой республикой в конце двадцатых, поэтому Железного Лазаря здесь хорошо знали. Вскоре ему удалось найти «слабое место» Постышева.

Оказалось, удельный князь раздавил маленького человечка. У Поли Николаенко, говорили, не все в порядке с психикой. Она относилась к той породе людей, которым до всего есть дело. Неудивительно, что Поля критиковала Постышева и его жену, тоже занимавшую высокий пост. Постышева не нашла ничего лучше, как исключить надоедливую Николаенко из партии. Когда Каганович сообщил в Москву о Поле Николаенко, Сталин сразу понял: это как раз то, что нужно.

21 декабря 1936 года члены семьи Сталина и соратники приехали на дачу в Кунцево отметить его очередной день рождения. Песни и танцы продолжались до утра. Непрерывная борьба с внешними и внутренними врагами, раскрытие многочисленных заговоров не прошли даром даже для этого двужильного актера-драматурга. Иосифу Виссарионовичу часто досаждала хроническая ангина. Болезнь обострялась в периоды наивысшего напряжения. Сталин выписал из Мацесты профессора Валединского и назначил его семейным врачом в добавление к профессору Владимиру Виноградову. Этот известный медик имел большую практику еще до революции и сейчас жил в квартире, наполненной дорогим антиквариатом и прекрасными картинами. Больной пять дней пролежал на диване с высокой температурой. Его окружали светила советской медицины и члены политбюро. Врачи навещали Сталина два раза в день и дежурили около него по ночам. К Новому году вождь поправился. Он даже присутствовал на новогоднем вечере. Это был последний праздник, на который собралась вся семья в полном составе. 1 января 1937 года Сталин встретился с профессорами, которые приехали проверить его самочувствие. Он поделился с ними воспоминаниями о своей недолгой работе метеорологом и частых рыбалках во время сибирской ссылки.

В этот напряженный момент, когда вождь готовил свою самую рискованную после коллективизации авантюру – резню

ленинской партии, – ему пришлось вновь отвлечься на дуэль с Серго Орджоникидзе.

* * *

Сталин вызвал на заседание политбюро Николая Бухарина и Юрия Пятакова. Пятакову, вспыльчивому промышленнику, вскоре предстояло быть главным героем на собственном показательном процессе. Бывший заместитель наркома тяжелой промышленности сейчас представлял собой наглядный пример методов работы следователей НКВД. Он подтвердил обвинения в адрес Бухарина в терроризме. «Живой труп. Это был не Пятаков, а его тень. Скелет с выбитыми зубами», – рассказывал Бухарин жене. Пятаков разговаривал низко опустив голову и все время старался закрыть лицо руками. Серго пристально смотрел на своего бывшего заместителя и друга.

– Вы дали эти показания добровольно? – спросил он.

– Да, добровольно. – Юрий Пятаков вяло кивнул.

Конечно, заданный Орджоникидзе вопрос кажется абсурдным.

Но это было единственным проявлением старой дружбы. Сделать что-нибудь еще означало бы пойти против самого политбюро. В нем же состояли такие фанатики, как Ворошилов, которые доводили себя до приступов бешенства и ненависти по отношению к врагам. «А твой заместитель оказался первоклассной свиньей, – сообщил Орджоникидзе Клим. – Тебе бы следовало знать, что нам рассказал этот сукин сын!»

Когда Серго прочитал подписанные Пятаковым протоколы допросов, он поверил в предательство старого друга и возненавидел его. Для Орджоникидзе эти месяцы стали самым тяжелым периодом в жизни.

Сталин следил за подготовкой предстоящего показательного процесса против «Параллельного антисоветского троцкистского центра». На самом деле это была атака на комиссариат тяжелой промышленности Серго. Именно в нем работали десять из семнадцати обвиняемых. Большая роль вождя в показательных процессах хорошо известна.

Придя в себя после ангины, Сталин вызвал в Кунцево генерального прокурора. Несложно представить эту встречу. Иосиф Сталин ходил взад-вперед по комнате, попыхивая трубкой и давая ценные указания. Трусливый Андрей Вышинский, бледный от страха, строчил в блокноте, стараясь не пропустить ни слова. «Эти злодеи не имеют никакого права быть советскими

гражданами… они боятся советского народа, боятся наших людей… Их тайные соглашения с Японией и Германией являются соглашениями зайца с волком, – лихорадочно записывал прокурор мудрые мысли Хозяина. – Когда Ленин был жив, они выступали против Ленина…»

Сталинские мысли о врагах в 1937 году показывают более важную причину для убийств сотен тысяч людей, чем оппозиция большевистской партии. «Может, ваши ошибки объясняются тем, что вы потеряли веру», – говорил он, обращаясь к старым большевикам. Эти слова объясняют почти религиозную ярость надвигающейся резни.

От напряжения у Сталина вновь воспалились миндалины. Ему пришлось лечь на обеденный стол в столовой, чтобы профессора могли осмотреть его горло. Профессора остались в Кунцеве на ужин. Вскоре приехали и члены политбюро. За столом произносились тосты, рекой лились вино и водка. После того как гости вышли из-за стола, врачи с изумлением смотрели, как танцуют руководители Советской России.

Сталину в тот вечер было не до танцев. Его голова была занята важными задачами, стоявшими перед ним в этом страшном году. Вождь предложил выпить за советскую медицину, но тут же многозначительно добавил: «…Враги и среди докторов есть. Вы это скоро увидите!» Вождь был готов начать Большой террор.

Серго. Смерть «безупречного большевика»

Юридическая мелодрама в зале суда началась 23 января 1937 года. В круговорот Большого террора немедленно попали тысячи новых потенциальных жертв. Карл Радек, с которым, не исключено, работал сам Сталин, много шутил, но это был черный юмор. Во время следствия, говорил Радек, его не пытали. Это он пытал следователей, месяцами отказываясь отвечать на вопросы.

Затем он произнес слова, которые, очевидно, услышал от самого Сталина: «Но в нашей стране есть полутроцкисты, четверть-троцкисты, троцкисты на одну восьмую, люди, которые помогают нам [троцкистам], не зная о существовании террористической организации, однако симпатизируя ей и нам». Смысл этого высказывания, конечно, ясен. Анализируя его вместе с выступлением Вышинского, можно сказать, что именно в начале 1937 года Сталин решил придать репрессиям полную беспорядочность и хаотичность. Те, кто не верил слепо в идеалы марксизма-ленинизма, должны умереть.

Процесс длился недолго. Он закончился 29 января. В 19.13 судьи отправились выносить приговор. Они совещались до трех часов ночи. Тринадцать обвиняемых, Пятаков в их числе, были приговорены к расстрелу. Радек получил десять лет. После вынесения приговора у Блохина появилась новая работа. Николай Ежов был награжден за успешно выполненное задание должностью генерального комиссара государственной безопасности и квартирой в Кремле.

200 тысяч москвичей, околдованных советской пропагандой, собрались на Красной площади, невзирая на 27-градусный мороз. Они пришли с флагами и транспарантами, на которых было написано: «Приговор суда – приговор народа». К собравшимся обратился Хрущев. Столичный руководитель гневно осудил Иуду Троцкого, как бы намекая, что если Троцкий – Иуда, то Сталин – Иисус. Кстати, Юрий Жданов слышал, как Сталин порой в шутку сравнивал себя с Иисусом Христом. «Поднимая свою руку на товарища Сталина, они поднимают руку против всего лучшего, что есть у человечества, – гневно клеймил предателей Никита Хрущев, – потому что Сталин – это надежда… Сталин – наше знамя, Сталин – наша воля, Сталин – наша победа». Советская Россия утонула в девятом вале ненависти, страха и кровожадности. Мария Сванидзе написала в дневнике,

что низость и коварство Радека превосходили все мыслимые пределы. «Эти аморальные чудовища заслужили такой конец, – возмущалась она и изумлялась: – Как мы могли так слепо доверять этой банде негодяев и мерзавцев?»

Сегодня это трудно представить, но в те годы советский народ был убежден, что троцкисты пробрались в дирекцию буквально каждой фабрики и завода, каждой железнодорожной станции и других предприятий и саботировали их работу. Поверить в эту чушь, наверное, помогало то, что при индустриализации страны и выполнении пятилеток было допущено великое множество ошибок и промахов. Бездарное управление экономикой и головокружительные темпы пятилетних планов послужили причиной многих тысяч больших и маленьких аварий. Несчастные случаи происходили каждый день. Только в 1934 году, к примеру, на железной дороге произошли 62 000 аварий! Как такое могло случиться в стране, которую жители считали идеальной? Партийные руководители нашли выход. Они ловко свалили вину за собственные ошибки на врагов, которые завелись в продажной элите. Саботажников и вредителей на промышленных предприятиях и железных дорогах арестовывали тысячами. НКВД нанес очередной сильный удар по вотчинам Орджоникидзе и Кагановича.

Сталин тщательно готовил пленум ЦК, которому придавал особое значение. Этот пленум должен был формально открыть Большой террор против самой партии. 31 января политбюро поручило двум главным промышленникам СССР доложить о фактах вредительства в их комиссариатах. Сталин захотел предварительно просмотреть их речи. Серго признавал, что вредителей необходимо остановить, но считал, что теперь, когда они арестованы и обезврежены, следует успокоиться и вернуться к нормальной работе. Сталин сердито написал на черновике: «Где подробности, цифры, факты? Доложить, какие отделы особенно поражены саботажем и сколько в них вредителей». Серго при встрече согласился внести дополнения. Он, казалось, принимал критику, но втайне отправил доверенных сотрудников в регионы выяснить, не сфабрикованы ли дела против его техспецов чекистами. Такой поступок являлся прямым вызовом Сталину.

Больной Орджоникидзе понимал, что пропасть между ними расширяется с каждым днем. Сейчас Серго оказался на грани разрыва с партией, которой посвятил всю жизнь.

«Не понимаю, почему Сталин перестал мне доверять, – жаловался он Анастасу Микояну, вероятно, во время прогулок по заснеженному Кремлю. – Я безгранично предан ему и не хочу

с ним бороться. Уверен, во всем виноваты интриги Берии. Он дает Сталину ложную информацию, а тот ему верит». Орджоникидзе и Микоян пребывали в полной растерянности. Поведение вождя вызывало у них замешательство. «Как он мог сажать в тюрьмы честных людей и затем расстреливать их за саботаж!» – вспоминал через много лет Микоян.

«Сталин затеял плохое дело, – говорил Серго. – Я всегда был ему очень близким другом. Сейчас же я не могу с ним работать, я покончу с жизнью». Анастас ответил, что самоубийство ничего не решит.

17 февраля между Орджоникидзе и Сталиным произошел горячий спор. Они выясняли отношения несколько часов. Серго ушел к себе в кабинет, а в три часа вернулся на заседание политбюро.

Вождь похвалил доклад Ежова, а выступления Серго Орджоникидзе и Лазаря Кагановича раскритиковал. Орджоникидзе и Каганович отправились в приемную к Поскребышеву, чтобы, как провинившиеся школьники, переписать свои доклады. В семь часов вечера Каганович и Орджоникидзе прогуливались по Кремлю и беседовали. «Он был болен, – вспоминал позже Железный Лазарь. – У него не выдерживали нервы».

Сталин намеренно закручивал гайки. НКВД провел обыск на квартире Серго. Санкционировать столь возмутительный поступок мог, конечно, только сам Сталин. К этому примешивались личные отношения между Орджоникидзе и Ежовым. Они дружили семьями и проводили выходные вместе, но дружба превращалась в пыль, когда приказывала партия. Орджоникидзе был зол и унижен. Он позвонил Сталину. «Серго, почему ты расстроен? – притворно удивился вождь. – НКВД в любую минуту может обыскать и мою квартиру».

Сталин вызвал Орджоникидзе. Тот помчался к Кобе, даже не захватив пальто. Зина с пальто выбежала за мужем, но он уже был на квартире Иосифа Виссарионовича. Она прождала полтора часа на улице. Провокации Сталина лишний раз подтверждали полное бессилие Серго. Он выскочил от Сталина очень возбужденный и, даже не надев пальто и шапки, понесся домой. Орджоникидзе начал переписывать свой доклад. Потом, если верить жене, вновь помчался к вождю. Тот встретил его попытки помириться презрительным: «Ха, ха, ха!»

Серго сказал Зине, что не может бороться с Кобой, потому что любит его. На следующее утро он остался в постели и отказался от завтрака. «Я плохо себя чувствую», – сообщил он супруге и попросил, чтобы его никто не беспокоил. Орджоникидзе сказал,

что будет работать дома. В 17.30 послышался глухой звук. Зинаида Орджоникидзе бросилась в его комнату.

Мертвый Серго лежал на кровати. Его грудь была обнажена. Он выстрелил себе в сердце. На коже виднелись ожоги от пороха. Сначала Зина яростно целовала руки, грудь и губы мужа, словно надеялась оживить его, потом вызвала доктора. После того как врач констатировал смерть, она позвонила Сталину. Вождь был в Кунцеве. Охранники сказали, что Хозяин гуляет, но она закричала:

– Скажите Сталину, что это Зина Орджоникидзе. Скажите ему, чтобы он немедленно подошел к телефону. Я буду ждать на линии.

– Что за спешка? – недовольно осведомился Сталин, которого оторвали от прогулки по саду.

Зина велела ему немедленно ехать в Кремль.

– Серго сделал то же, что и Надя! – сказала она.

Услышав о самоубийстве Надежды Аллилуевой, Сталин бросил трубку. Для него это было большим оскорблением.

Судьба распорядилась так, что Константин Орджоникидзе, один из братьев Серго, именно в это время приехал к нему в гости. У здания он встретил шофера брата. Тот велел ему поторопиться. У входной двери стоял один из помощников Орджоникидзе.

– Нашего Серго больше нет, – сообщил он.

Через полчаса с дач приехали Сталин, Молотов и Жданов. Последний непонятно зачем надел на лоб черный платок. Каганович, Ворошилов и Ежов уже находились в квартире Орджоникидзе. Микоян, услышав новость о смерти друга, воскликнул: «Не верю!» и выскочил на улицу без верхней одежды.

Кремлевская семья вновь оплакивала потерю своего члена. Самоубийство Серго вызвало у Сталина и его соратников не только горе, но и гнев.

Зинаида сидела на краю кровати рядом с телом мужа. Вожди вошли в комнату, печально посмотрели на труп и сели на стулья. Ворошилов, всегда очень добрый к друзьям, принялся успокаивать Зину.

– Зачем утешать меня! – Она оттолкнула красного маршала. – Вы не смогли спасти его для партии!

Иосиф Виссарионович поймал взгляд Зины и жестом попросил ее выйти в кабинет. Они стояли и молча смотрели друг на друга. Сталин казался сломленным и жалким. Его снова предали.

– Что мы скажем людям? – наконец спросила вдова.

– Конечно, о смерти Серго следует сообщить в прессе. –

Сталин кивнул. – Скажем, что он скончался от сердечного приступа.

– Этому никто не поверит! – резко возразила Зина. – Серго любил правду. Нужно напечатать все как есть.

– Почему не поверят? – Вождь плечами пожал. – Все знали, что у него слабое сердце. Поверят…

Дверь в комнату, где произошла смерть, была закрыта. Константин Орджоникидзе заглянул в щелку и увидел Кагановича и Ежова. Они что-то обсуждали, сидя у трупа своего общего друга. Неожиданно в столовой квартиры Орджоникидзе появился Лаврентий Берия. Он тоже приехал в Москву на пленум. Зинаида бросилась на бывшего чекиста и попыталась влепить пощечину.

– Крыса! – зло крикнула она.

Берия тут же исчез.

Громоздкое тело Серго вынесли из спальни и положили на стол. Приехал брат Молотова, фотограф, он взял с собой фотоаппарат. Сталин и вожди встали около трупа.

19 февраля газеты объявили о смерти Серго Орджоникидзе, которая наступила якобы в результате сердечного приступа. Фальшивое сообщение подписали несколько видных профессоров. «В 17.30, во время послеобеденного отдыха, Серго Орджоникидзе неожиданно почувствовал себя плохо, через несколько минут он умер от паралича сердца».

Пленум отложили до похорон Серго. Последнее препятствие, стоявшее перед Сталиным, было устранено. Смерть «безупречного большевика» потрясла Марию Сванидзе. Она подробно описала прощание с ним в Колонном зале, как он лежал «среди цветов, музыки, слез и почетных караулов». Мимо открытого гроба нескончаемой вереницей медленно шли тысячи людей. К Серго в Советском Союзе относились как к священному герою. Горе большинства людей было искренним. Николай Бухарин написал такие трогательные строки: «Он сверкал, как молния, среди пенистых волн». И одновременно с ними прислал очередное патетическое письмо Сталину. «Я хотел написать Климу и Микояну, – сообщал он, – но боюсь, что они обидят меня. Я понимаю, что клевета уже сделала свое дело. Я это уже не я. Не могу даже поплакать у гроба с телом старого товарища… Коба, я не могу жить в такой атмосфере. Поверь мне, я очень сильно тебя люблю и желаю тебе скорейших и решительных побед…»

Самоубийство Орджоникидзе хранилось в большой тайне. Сталин и другие члены политбюро, такие как Ворошилов, были разочарованы. Они считали, что Серго совершил недостойный

поступок. На пленуме Сталин раскритиковал этого большевистского дворянина за то, что он вел себя как князь.

Сталин был главным в процессии, которая несла урну с прахом Серго Орджоникидзе. Ее поставили в нишу в кремлевской стене рядом с урной с прахом Кирова. Вождь уловил своей сверхчувственной антенной, что примеру Серго могут последовать и другие члены партии, которые сомневались в правильности ее политики. Во время похорон он напомнил Микояну о том, как тому удалось выжить во время разгрома Бакинской коммуны и избежать печальной участи стать двадцать седьмым бакинским комиссаром. «Ты был единственным, кто сумел спастись в этой темной и непонятной истории, – многозначительно проговорил он. – Анастас, не заставляй нас пытаться ее прояснить». Микоян решил не раскачивать лодку. Он не мог пропустить это недвусмысленное предупреждение мимо ушей. В стране сгущались сумерки.

«Я не могу больше так жить, – писал Бухарин Сталину через несколько дней после похорон Орджоникидзе. – Мое физическое и моральное состояние не позволяют мне прийти на пленум. Я объявляю голодовку. Буду голодать до тех пор, пока с меня не снимут обвинения в предательстве, вредительстве и терроризме».

Муки Николая Ивановича Бухарина только начинались. Анна, жена Бухарина, проводила его на первое заседание. Символично, что оно началось в сильную метель. Удивительно, но главные жертвы того пленума, Бухарин и Ягода, жили в Кремле по соседству со Сталиным и другими членами политбюро. Тем не менее чекисты обвиняли их в организации убийств. Кремль по-прежнему оставался деревней. Но с этой деревней по злобе и зависти, которые там царили, не могло сравниться ни одно другое селение на Земле.

23 февраля пленум ЦК начал работу. Первое заседание открылось в 18.00. Пленум проходил под впечатлением смерти Орджоникидзе, расстрела Пятакова, постоянно нарастающих арестов, кровожадности и истерии, который разжигали газеты.

Николай Ежов открыл пленум яростными нападками на Бухарина и его голодовку.

– Я не застрелюсь, – оправдывался Бухарин. – Если я застрелюсь, тогда будут говорить, что я совершил самоубийство, чтобы причинить вред партии. Но если я умру, как сейчас, от голода и болезни, вы ничего не потеряете!

– Шантажист! – послышались крики из зала.

– Негодяй! – крикнул бывшему другу Клим Ворошилов. – Лучше держи свою варежку закрытой! Какая низость! Как ты

смеешь говорить такие слова?

– Мне очень трудно жить, – попытался объяснить Бухарин.

– А нам легко? – спросил Сталин. – Ты несешь вздор.

– Вы злоупотребили доверием партии, – возвышенно заявил Андреев.

Видя агрессивное настроение вождей, члены ЦК тоже начали доказывать свою верность.

– Не уверен, что есть смысл продолжать эту дискуссию, – заявил И. П. Жуков, однофамилец знаменитого маршала. – Эти люди должны быть расстреляны так же, как были расстреляны остальные негодяи!

Тирада была произнесена с такой злобой, что остальные участники пленума выразили одобрение громкими криками и хохотом. Наверное, многие в этот самый кульминационный момент охоты на ведьм пытались найти разрядку в смехе. Посыпались шутки.

Бухарин язвительно сказал, что в показаниях против него нет ни слова правды.

– Спрос рождает предложение. Это означает, что те, кто давал показания против меня, знают спрос!

Эти слова тоже были встречены взрывом смеха. Но если любимец Ленина рассчитывал разжалобить сердца товарищей по партии при помощи юмора, то он ошибался. Пленум постановил создать комиссию под председательством Микояна и поручить ей решить судьбу Бухарина и Рыкова. Когда обвиняемые вернулись в зал заседаний, осунувшиеся и уставшие после бессонных ночей, никто не захотел пожать им руки. Ежов еще не успел потребовать смертной казни, а Сталин уже издевался над своей жертвой:

– Товарищ Бухарин объявил голодовку. Кому направлен твой ультиматум, Николай? Центральному комитету?

– Но вы собираетесь исключить меня из партии.

– Попроси у Центрального комитета прощения.

– Я не Зиновьев и не Каменев. – Бухарин решительно покачал головой. – Я не стану лгать и возводить на себя напраслину.

– Если вы не признаетесь, то своим упрямством докажете, что являетесь фашистским наймитом, – заметил Анастас Иванович Микоян.

«Наймиты» дома ждали решения своей участи. В старой квартире Сталина и Нади в Потешном дворце Бухарин торопливо писал письмо новому ЦК и потомкам. Он попросил красавицу жену Анну, которой тогда было всего двадцать три года, заучить его наизусть, потому что знал: такое слишком опасно доверять бумаге. «Снова и снова Николай Иванович читал мне его

шепотом, – писала Анна, – и я должна была повторять следом за ним. Если я ошибалась, он больно щипал меня за руку».

На другом берегу реки, в Доме на набережной, нетерпеливо ждал Рыков. «Они посадят меня в тюрьму!» – сказал он родным. Когда нападки на Рыкова стали особенно яростными, с его женой случился сердечный приступ. 21-летняя дочь, преданная и любящая Наталья, вместо матери каждый день помогала ему одеваться на пленум.

Комиссия решила судьбу старых большевиков. Большинство преданных сторонников Сталина, такие как Хрущев, хотели устроить показательный процесс, но «без применения смертной казни». Ежов, Буденный и Постышев, который понимал, что у него самого над головой сгущаются тучи, проголосовали за расстрел. Молотов и Ворошилов, как и подобает настоящим подхалимам, поддержали не очень понятное предложение товарища Сталина. Вождь сначала хотел отправить Бухарина и Рыкова в ссылку, потом передумал и написал на листе бумаги: «Передать дело НКВД».

Наконец вызвали Бухарина и Рыкова. Родные начали со слезами прощаться. Рыков попросил дочь позвонить Поскребышеву и узнать, какое вынесли решение. «Когда он мне понадобится, я вышлю машину», – ответил секретарь Сталина. За окном уже начали сгущаться сумерки, когда позвонил этот зловещий предвестник судьбы и предупредил, что высылает автомобиль. Наталья помогла любимому отцу надеть костюм, галстук, жилет и пальто. Они молча спустились на лифте и вышли на набережную. Посмотрев в сторону Кремля, Рыковы увидели черный лимузин. Отец с дочерью повернулись друг к другу, неловко пожали руки и трижды расцеловались по старинному русскому обычаю. «Отец молча сел в машину. Она повезла его в Кремль. – Наталья навсегда запомнила минуты расставания. – Больше живым я его никогда не видела. Только во снах».

Когда Александр Поскребышев позвонил Бухарину, Анна зарыдала и бросилась на грудь к мужу. Примерно так же будут проходить в ближайшие годы расставания миллионов людей. Через четверть часа вновь раздался звонок. Поскребышев сообщил, что пленум ждет его, но Николай Иванович Бухарин не торопился. Он опустился на колени перед совсем еще молодой Анной. «Со слезами на глазах он попросил прощения за то, что разрушил мне жизнь, – рассказывала она. – Но он умолял меня воспитать нашего сына большевиком. „Преданным, настоящим большевиком!“ – дважды повторил он». Бухарин заставил жену пообещать доставить письмо, которое она заучила

наизусть, обновленной партии. «Ты молода, ты доживешь до этого», – улыбнулся он и поднялся с пола. Николай Иванович обнял, поцеловал Анну и сказал: «Смотри, не голодай, Анютка. История допускает неприятные опечатки, но правда все равно победит».

«Мы знали, – писала Анна Ларина, – что расстаемся навсегда». Она с трудом пробормотала: «Постарайся не лгать о себе», – но это было слишком большой просьбой. Застегнув кожаное пальто, Николай Бухарин растворился в темных аллеях вокруг Большого Кремлевского дворца.

После его ухода прошли считаные минуты. Около Потешного дворца остановилась большая черная машина. Из нее вышли чекисты во главе с Борисом Берманом. В отличие от коллег этот толстый ветеран-чекист был в стильном костюме. На его пальцах сверкали толстые кольца, на мизинце виднелся длинный ноготь. Пока они производили обыск в квартире Бухарина, Сталин на пленуме предложил передать дело НКВД.

– Кто-нибудь хочет выступить? – спросил Андреев, который в тот вечер вел заседание. – Никто? Есть другие предложения, кроме того, что сделал товарищ Сталин? Нет? Тогда давайте голосовать… Кто-нибудь против предложения товарища Сталина? Никого? Воздержавшиеся есть? Двое… Итак, предложение передать дело НКВД принимается с двумя воздержавшимися. Воздержались Бухарин и Рыков.

Николай Бухарин и Иван Рыков, когда-то правившие Россией вместе со Сталиным, были арестованы после того, как вышли из зала, где проходил пленум. Бухарин совершил всего один шаг, но он был похож на падение в тысячи километров. Несколько минут назад он жил в Кремле, имел машины, дачи и слуг, а сейчас въезжал в ворота Лубянки. Во внутренней тюрьме ему пришлось отдать все вещи. Его раздели, проверили задний проход. Затем одежду вернули, но пояс и шнурки на всякий случай забрали. После этого Бухарина отвели в камеру, где его уже ждал сокамерник. Как всегда, это был агент НКВД. Он изображал из себя заключенного и должен был вызвать сокамерника на откровенность. И все же любимцу Ленина повезло. Его, по крайней мере, не пытали, как остальных.

Анну Бухарину и частично парализованную после сердечного приступа жену Рыкова с дочерью Натальей вскоре тоже арестовали. Почти два следующих десятилетия они провели в трудовых лагерях.

Бухарин и Рыков были не единственными жертвами того отвратительного пленума. Ежов гневно клеймил позором Генриха Ягоду. Вячеслав Молотов зачитал доклад, с которым не успел

выступить Орджоникидзе. В нем говорилось, что в наркомате тяжелой промышленности выявлено 585 вредителей. Каганович во время выступления с пеной у рта требовал безжалостно сорвать маски с врагов и саботажников на железных дорогах.

Нашел Сталин применение и «героической обвинительнице» из Киева. Он похвалил Полю Николаенко, обличавшую украинского руководителя Постышева, и назвал ее «простым членом партии», с которым Постышев обращался как с надоедливой мухой.

– Иногда простые люди оказываются значительно ближе к правде, чем некоторые высокопоставленные чиновники, – назидательно заявил вождь.

Постышева перевели на другую работу, но не арестовали. Сталин недвусмысленно предупреждал партийных руководителей, что никто – ни члены политбюро, ни удельные князьки, ни члены его собственной семьи – не могут отныне чувствовать себя в безопасности. «Мы, старые члены политбюро, скоро сойдем со сцены, – сказал он. – Таковы законы природы. Поэтому нам хотелось бы, чтобы у нас была достойная смена. Причем не один состав, а несколько».

Сталин – и как политик, и как человек – имел все необходимое для того, чтобы постоянно усиливать борьбу. «Чем дальше мы продвигаемся вперед, чем больше успехов достигаем, тем ожесточеннее становится сопротивление разбитых эксплуататорских классов и тем скорее они начнут прибегать к крайним формам борьбы», – сформулировал вождь свое видение Большого террора.

* * *

После февральского пленума 1937 года Ежевика начал превращать НКВД в таинственную секту священнодействующих палачей. Он отправил людей Ягоды инспектировать районы и арестовал их в дороге. Всего были расстреляны три тысячи чекистов. Начальник службы охраны Сталина, Карл Паукер, и его зять, Станислав Реденс, сохранили посты.

19, 20 или 21 марта Николай Ежов собрал уцелевших чекистов в Офицерском клубе. Там генеральный комиссар госбезопасности объявил, что Генрих Ягода морально разложился, был развратником, вором и немецким шпионом. На Германию бывший нарком, оказывается, начал работать еще в 1907 году, как раз когда вступил в партию. Не забыл Ежов и о своем росте. «Я могу быть мал ростом, но у меня сильные

руки. У меня руки Сталина», – угрожающе проговорил он. Стало ясно, что казни и репрессии будут носить беспорядочный характер. «В борьбе против фашистских агентов появятся и невинные жертвы, – сообщил нарком. – Мы начинаем решительное наступление на врага. Пусть никто не обижается, если мы кого-нибудь заденем локтем. Лучше пусть пострадают десять невинных людей, чем один шпион ускользнет от расплаты. Лес рубят – щепки летят».

Уничтожение военачальников, падение Ягоды и смерть матери

Ежов «раскрыл» очередной заговор, на этот раз направленный против него самого. Ягода, оказывается, пытался отравить его, для чего якобы обрызгал ртутью шторы в его кабинете. Позже выяснилось, что Ежевика выдумал покушение. Тем не менее Генрих Ягода был арестован на кремлевской квартире еще до того, как политбюро формально санкционировало его арест. К этому времени власть политбюро была официально передана так называемой «пятерке», в состав которой входили Сталин, Молотов, Ворошилов, Каганович и Ежов. Причем последний даже не являлся даже членом политбюро.

Обыск в жилищах Ягоды – их у бывшего наркома внутренних дел было два, квартира в центре Москвы и роскошная дача за городом – показал, какой разврат царил среди верхушки НКВД. Эротическая коллекция Ягоды состояла из 3904 фотографий и одиннадцати ранних порнофильмов. Его достижения в охоте на хорошеньких женщин ярко иллюстрирует женская одежда, хранившаяся в квартире. Складывалось впечатление, что Ягода руководил не милицией, а магазином женской одежды. Коллекция включала в себя 9 импортных женских пальто, 4 беличьи шубы, 3 плаща из тюленьей кожи, шуба из каракуля, 31 пару женских туфелек, 91 женский берет, 22 шляпки, 130 пар импортных шелковых чулок и 70 шелковых трико, 10 женских поясков, 13 сумочек, 11 женских костюмов, 57 блузок, 69 ночных рубашек, 31 женский жакет, 4 шелковые шали. Помимо этого Ягода обзавелся коллекцией из 165 трубок и мундштуков с порнографическими украшениями и одним резиновым фаллоимитатором.

Нашли при обыске и более страшные реликвии – две расплющенные пули, извлеченные из черепов Зиновьева и Каменева. Эти пули, как и порнографическое имущество Ягоды, перешли по наследству Ежову. Ежевика хранил сокровища у себя в кабинете.

Кроме шпионажа и морального разложения, бывшего наркома обвиняли в незаконных сделках с алмазами. Генрих Ягода не отпирался. Он лучше других был знаком с методами работы следователей на Лубянке и сразу же после ареста стал давать показания. Допросы начались 2 апреля.

В гигантскую сеть репрессий угодила очередная порция жертв. Прежде чем отсылать протоколы допросов Сталину,

Николай Ежов внимательно проверял, чтобы в них не были упомянуты его протеже. Через три недели Ежов доложил об успехах. Ягода признался в том, что поддерживал Рыкова еще с конца двадцатых годов. «Действуйте, я вас не трону», – таким образом будто бы уговаривал Ягода Рыкова бороться с партией. Потом он обвинил Паукера и признался, что обрызгал ртутью шторы в кабинете Ежевики, чтобы избавиться от соперника. Сталина особенно заинтересовали показания Ягоды в отношении Енукидзе и Тухачевского. Авель Енукидзе, утверждал арестант, организовал заговор вместе с маршалом Тухачевским, старинным врагом Сталина еще со времен Гражданской войны.

Ко времени начала процесса над Бухариным и Рыковым Генрих Ягода сознался в убийствах Горького и сына писателя, в которых ему помогали врачи, а также в убийстве Кирова.

Конечно, бывший нарком знал, что вместе с ним погибнут его семья и друзья. В мире, созданном Сталиным, существовало правило, согласно которому при падении любого высокопоставленного чиновника арестовывали всех, кто хоть как-то с ним связан. Родные, друзья, любовницы и протеже безжалостно уничтожались вместе с «врагом народа». Вскоре после ареста Ягоды были расстреляны его зять и тесть. Та же участь постигла и писателей, входивших в его литературный салон. Жену Ягоды, сестру и родителей отправили в ссылку. Отец Ягоды отправил Сталину покаянное письмо. Он обвинял единственного сына в серьезных преступлениях и отрекался от него. Много лет назад два старших брата Генриха Ягоды отдали свои жизни за революцию. Сейчас 78-летний ювелир из Нижнего Новгорода терял и третьего сына. Мать и отец Ягоды погибли в лагерях.

В тюрьме с Ягодой произошла полная метаморфоза. «Впервые в жизни мне придется рассказать о себе всю правду», – бывший чекист вздыхал с таким видом, будто испытывал большое облегчение, снимая со своего сердца тяжелый груз. В камеру к Ягоде подсадили Виктора Киршона, писателя, которому часто давал советы Сталин и который будет вскоре расстрелян. Ему поручили разговорить заключенного. Генриха Ягоду очень интересовало, что о нем говорят в городе.

«Просто хочу спросить вас об Иде [жене] и Тимоше [любовнице], о ребенке, семье, – грустно говорил он Киршону. – Хотелось бы увидеть перед смертью знакомые лица». «Если бы я был уверен в том, что мне сохранят жизнь, то мне было бы легче сознаться в убийстве Горького и его сына», – размышлял Ягода. «Но невыносимо трудно говорить об этом в присутствии Тимоши, – признавался он следователям. – Можете написать

в рапорте Ежову следующее: я сказал, что Бог все же должен существовать. От Сталина я не заслуживаю ничего, кроме благодарности за свою верную службу. От Бога же я заслуживаю самое суровое наказание за то, что тысячи раз нарушал Его заповеди. Посмотрите, где я сейчас, и судите сами: есть Бог или нет?»

Ягодовская белладонна принесла еще один роковой плод. Венгерский парикмахер и любимец кремлевских детей, 44-летний Карл Паукер, был арестован 15 апреля. Он чересчур много знал и очень хорошо жил. Сейчас Сталин перестал доверять старым чекистам – особенно тем, в чьих жилах текла нерусская кровь или кто имел связи с заграницей. Паукера тихо расстреляли 14 августа 1937 года. Он стал первой жертвой среди сталинских придворных.

Арестовали и «дядю» Авеля Енукидзе. 20 декабря его отправили в ссылку.

Наконец НКВД принадлежал Сталину. Следующей на очереди стояла Красная армия.

* * *

Вечером 1 мая 1937 года, после парада на Красной площади, на квартире Ворошилова, как всегда, состоялась вечеринка. Настроение было далеко не праздничным. Царила напряженная атмосфера. Сейчас все, что происходило в стране, было окрашено в багровые цвета борьбы с врагами. Буденный написал, что Сталин открыто говорил о надвигающихся репрессиях в том числе в рядах своей свиты. «Настало время покончить с врагами, которые сейчас есть и в армии, и в партии, и даже в Кремле», – сказал вождь. Эти слова доказывают, что он был готов уничтожать даже членов своего окружения, независимо от их статуса. Жертвами могли стать все, начиная от кремлевских врачей и кончая членами политбюро.

Семен Буденный предположил, что Сталин имел в виду маршала Тухачевского и старших командиров Красной армии, в том числе Иону Якира и Яна Гамарника. Эта троица стояла утром на мавзолее и принимала парад. Буденный утверждал, что очень хотел бы ошибаться. Создается впечатление, что усатого кавалериста беспокоила судьба коллег. Однако архивные документы неопровержимо свидетельствуют, что Буденный с Ворошиловым больше года уговаривали Сталина зачистить Красную армию. Более вероятным представляется, что гости, собравшиеся на квартире Ворошилова в тот майский

вечер, не только поддерживали Сталина в страшных начинаниях, но и настойчиво убеждали усилить репрессии. Годом ранее Ворошилов, к примеру, показал вождю развединформацию из немецкого посольства, отправленную в Берлин. В ней сообщалось, что Михаил Тухачевский внезапно перестал быть франкофилом и сейчас отзывается с большим уважением к немецкой армии.

Михаил Николаевич Тухачевский, скорее всего, был самым талантливым советским военачальником довоенной поры. Ему надлежало стать главной мишенью чистки в армии. Этот утонченный дворянин, красивый, умный и способный, по словам Кагановича, не переносил дураков. За это Тухачевского ненавидели глуповатые Ворошилов и Буденный. Михаил Тухачевский ухаживал за привлекательными женщинами. Он был настолько обаятелен и неотразим, что Сталин прозвал его Наполеончиком. Лазарь Каганович перефразировал известное высказывание Бонапарта: «У Тухачевского в ранце лежит наполеоновский жезл».

Разумеется, Михаил Тухачевский был таким же безжалостным, как любой другой настоящий большевик. При подавлении выступлений крестьян в двадцатые годы он широко использовал ядовитые газы. В конце двадцатых и начале тридцатых этот локомотив военных идей выступал за резкое увеличение численности Красной армии и создание механизированных войск, которые следовало задействовать в так называемых «глубоких» операциях. Тухачевский понимал, что наступает эра танков и авиации. Эти новаторские идеи привели к конфликту со сталинскими друзьями, которые продолжали жить кавалерийскими атаками и бронепоездами.

Сталин пытался арестовать Тухачевского за измену в 1930 году, но Серго Орджоникидзе в числе прочих выступил против и помог ему вернуться на должность заместителя наркома обороны. В мае 1936 года у Тухачевского произошла еще одна ссора с очень обидчивым и мстительным Ворошиловым. Клима вывела из себя вполне обоснованная критика Михаила Николаевича. Со временем военачальники помирились. Трудно сказать, было ли это простым совпадением, но именно тогда арестовали первых военачальников Красной армии. Главная цель их допросов – показания против маршала Тухачевского. На январском процессе Генрих Ягода назвал новые имена врагов среди военных. Ягода, Енукидзе и отсталые военные подбросили дров в костер репрессий.

11 мая Тухачевский был снят с поста заместителя наркома обороны и сослан в Волжский военный округ. 13 мая Иосиф

Виссарионович положил руку ему на плечо и тепло пообещал, что Тухачевский скоро вернется в Москву. Слово свое вождь сдержал. 22 мая Тухачевского арестовали и действительно привезли в Москву. Ежов и Ворошилов организовали аресты практически всего высшего командного состава Рабоче-крестьянской Красной армии.

Нарком внутренних дел лично проводил допросы задержанных. На встрече со Сталиным Андрей Вышинский, стараясь выслужиться, предложил применить пытки. «Сами решайте, – бросил вождь Ежевике. – Но Тухачевский во что бы то ни стало должен все рассказать. Не верится, что он действовал один». Получив карт-бланш, Ежов тут же бросился на Лубянку, чтобы насладиться мучениями маршала. Михаила Тухачевского жестоко пытали.

В самый разгар драмы, 13 мая, в возрасте семидесяти семи лет умерла мать Сталина. Свидетельство о ее смерти подписали три профессора и два простых доктора. В графе «причина смерти» значится «кардиосклероз». Александр Поскребышев одобрил официальное сообщение в газетах. Сталин сам написал на грузинском языке текст для венка: «Дорогой и любимой матери от ее сына Иосифа Джугашвили». Наверное, для того, чтобы подчеркнуть гигантское расстояние между Сосо и Сталиным, он использовал свою настоящую фамилию. На похороны матери вождь не ездил. Ему было не до подобных мелочей. Он занимался делом Тухачевского. Кеке похоронил Лаврентий Берия с женой и сыном Серго. Правда, Сталин позже интересовался, как прошли похороны, словно чувствуя вину за то, что не был на них.

Ежов часто бывал в кабинете Хозяина. Через несколько дней сломленный маршал наконец «признался» во всех предъявленных обвинениях. Енукидзе якобы завербовал его в 1928 году. Конечно, Тухачевский был немецким шпионом и вместе с Бухариным хотел захватить власть в Советском Союзе… Признание Тухачевского, сохранившееся в архивах, испачкано маленькими коричневыми пятнышками. Анализ показал, что это кровь.

Теперь Сталину предстояло убедить политбюро в вине военных. Якир, один из арестованных командиров, был большим другом Кагановича. На заседании политбюро вождь припомнил Железному Лазарю эту дружбу. Каганович, в свою очередь, указал Сталину, что именно вождь продвигал Якира по служебной лестнице. Тот немного помолчал, потом тихо сказал:

– Правильно, я помню. Будем считать, что дело закрыто.

Лазарь Моисеевич не мог не знать, как выбивают признания следователи Ежова. Тем не менее он поверил в существование

заговора среди военных. Анастас Микоян тоже дружил со многими арестованными. Сталин зачитал ему выдержки из признания Уборевича, в которых тот признавался, что работает на немецкую разведку.

– Невероятно, но факт. – Сталин с наигранным изумлением покачал головой. – Они сами признали это.

Для того чтобы избежать «фальсификаций» и кривотолков, допрашиваемых заставляли подписывать каждую страницу протоколов допросов. Тем не менее Анастас Иванович заметил:

– Я очень хорошо знаю Уборевича. Он поразительно честный человек.

Сталин успокоил его и сказал, что военные сами будут решать, как поступать с коллегами.

– Они знают все подробности и лучше разберутся, где правда, а где ложь, – заверил вождь.

Наверное, чтобы другие не расслаблялись, Сталин бросил в котел репрессий и заместителя председателя Совнаркома Яна Рудзутака. Латыш был кандидатом в члены политбюро. Он стал первым арестованным из высшей элиты советского государства. «Он так крепко сдружился с этими филистимлянами, что отдалился от нас», – вспоминал Вячеслав Молотов. На иносказательном языке большевиков это значило – от «культурных друзей».

В 1920-х годах Ян Рудзутак был верным союзником Сталина. Потом он попал в опалу. Рудзутак даже обвинял Иосифа Виссарионовича в том, что тот оклеветал его сразу после убийства Кирова. «Вы неправы, Рудзутак», – холодно ответил тогда Сталин.

Рудзутак был арестован во время ужина вместе с несколькими актерами. Говорят, что женщины, взятые в тот вечер и доставленные на Лубянку, и через несколько недель ходили в вечерних туалетах, которые к тому времени превратились в рванье.

«Сам черт, наверное, не разберется в его друзьях и женщинах», – с отвращением высказался после ареста Рудзутака Молотов, а Каганович уточнил: «В молоденьких женщинах». Может, Рудзутака расстреляли за его веселость, общительность и любовь к вечеринкам? Молотов тем не менее счел своим долгом объяснить: «Думаю, сознательно он не участвовал в заговоре, но это не освобождает его от ответственности… В конце концов, у нас были материалы, которые доказывали вину Рудзутака».

После военных НКВД взялся за старых большевиков. Особенно многочисленными аресты были в Грузии. Именно там находилось больше всего упрямых «старых пердунов», которые

так раздражали Сталина.

Сначала руководство, следуя партийной традиции, обсуждало списки арестованных. В архивах хранится немало таких подписанных вождями перечней. Они показывают, в какой атмосфере решались человеческие судьбы. Обычно партийные боссы делали пометки «за» или «согласен». Но иногда, явно желая показать Хозяину жестокость и решительность, добавляли крепкие слова.

«Безо всяких колебаний – да, – написал Буденный на постановлении об аресте Тухачевского и Рудзутака. – Необходимо покончить с этим отребьем».

Маршал Егоров, с женой которого Сталин флиртовал на ужине в ноябре 1932 года, уже находился под следствием. «Всех этих предателей нужно стереть с лица земли как самых больших врагов и отвратительных подонков», – тем не менее написал Егоров.

1 июня в Кремле открылось совещание высшего командного состава РККА. На нем присутствовали более ста командиров Красной армии, а также Сталин, Ворошилов и Ежов. Командиры долго не могли прийти в себя после того, как с трибуны сообщили, что их начальники в подавляющем большинстве были немецкими шпионами. Ворошилов «раскрыл» контрреволюционный заговор фашистской организации и хмуро признался, что сам был близок с некоторыми преступниками. Он был виноват в том, что не хотел в это верить!

На следующий день на совещании выступил Сталин. Он еще сильнее напугал военных, добавив тумана.

– Надеюсь, никто не сомневается в существовании военно-политического заговора, – угрожающе произнес вождь.

Он объяснил, что Михаила Тухачевского подстрекали Троцкий, Бухарин, Рыков, Енукидзе, Ягода и Рудзутак. Как в любом хорошем шпионском романе, Сталин постарался ввести в заговор женщину. Он хорошо знал о любви Тухачевского и Енукидзе к слабому полу и не мог не воспользоваться этой слабостью.

– В Германии, в Берлине, есть очень опытный шпион, – рассказал Сталин ошеломленным слушателям. – Ее зовут Жозефина Хейнце. Это очень красивая женщина. Она завербовала Енукидзе и помогла завербовать и Тухачевского.

Чекисты Николая Ежова не прекращали работу ни днем ни ночью. Военных арестовывали едва ли не во время совещания. Стоит ли удивляться, что в такой обстановке оставшиеся на свободе поддержали Сталина.

Климент Ефремович Ворошилов упивался местью.

– Я никогда не доверял Тухачевскому, никогда особенно не доверял Уборевичу. Они были негодяями, – заявил он на совещании своего комиссариата. Его ободрила недавняя критика вождя, который ругал Тухачевского за аморальное поведение. – Товарищи, мы еще не очистили наш комиссариат от всех врагов. Лично я не сомневаюсь, что среди нас остались люди, которые думают, что все это только слова и им ничего не будет. Они болтали: «Хорошо бы убить Сталина и Ворошилова». Наше правительство уничтожит таких людей.

– Правильно! – закричали из зала. Послышались аплодисменты.

– Морально они совсем опустились, – продолжил обличать врагов красный маршал. – Вы только посмотрите, что они вытворяли в личной жизни!

9 июня Андрей Вышинский допросил арестованных. Он дважды докладывал Сталину по телефону, а в 22.45 лично приехал в Маленький уголок. Члены политбюро рассмотрели просьбы обвиненных в измене офицеров о помиловании, передавая их друг другу. На обращении Якира Сталин написал: «Мерзавец и проститутка». «Абсолютно точная характеристика», – тут же согласился Ворошилов. Молотов, как глава правительства, подписал отказ в помиловании. Больше всех радовался Каганович. Он едва ли не танцевал от радости. «Для этого предателя и ублюдка может быть только одно наказание – расстрел!» – воскликнул Каганович.

11 июня Верховный суд постановил учредить Особый военный трибунал для суда над предателями. Военную коллегию возглавил похожий на змею Ульрих. Однако главными судьями были сами маршалы. Активнее всех вел себя Буденный. Он обвинял подсудимых во вредительстве. По его мнению, идея создания механизированных дивизий была не чем иным, как вредительством и саботажем.

«Мне кажется, что я сплю», – лаконично прокомментировал Михаил Тухачевский обвинения в свой адрес.

Никто больше не говорил о Жозефине, красавице шпионке, работавшей на Германию. Однако многих военачальников обвинили в шпионаже – они якобы служили «второй родине». Якир, например, был бессарабским евреем. Большинство судей пребывали в ужасе от происходящего. «Завтра я окажусь на их месте», – сказал позже друзьям один из них, командир корпуса Белов. Он оказался прав – так оно и получилось.

В тот же день, в 23.35, все подсудимые были приговорены к смерти. Ульрих бросился рапортовать Сталину, который ждал его вместе с Молотовым, Кагановичем и Ежовым. Он даже не стал

читать приговоры, а просто сказал: «Согласен». Ежов с Ульрихом вернулись, чтобы организовать приведение приговора в действие. Рано утром на следующий день все обвиняемые были расстреляны.

Как всегда, Сталин проявил садистское любопытство.

– Какими были последние слова Тухачевского? – спросил он Ежова.

– Эта змея заявил, что предан родине и товарищу Сталину. Он просил о снисхождении. Ясно, что Тухачевский хитрил, он не сложил оружие.

Все обвинители, за исключением Ульриха, Буденного и Шапошникова, позже были тоже расстреляны. Если у Буденного и имелись какие-то сомнения относительно поддержки репрессий, то они вскоре рассеялись. Прошло совсем мало времени, и к нему приехали чекисты с ордером на арест. Усатый кавалерист выхватил пистолет и пригрозил убить всякого, кто приблизится к нему, а сам тем временем срочно позвонил Хозяину. Сталин отменил арест. Жена Буденного оказалась менее везучей.

Ворошилов начал гигантскую чистку в армии. Он писал в НКВД письма, в которых требовал арестовать тех или иных командиров – всего около трехсот человек. 29 ноября 1938 года нарком хвалился, что 40 тысяч человек арестованы и 100 тысяч командиров назначены на новые должности. Трое из пяти маршалов, пятнадцать из шестнадцати командармов, шестьдесят из шестидесяти семи командиров корпусов и все семнадцать комиссаров были расстреляны.

На неформальных встречах с военными Сталин горячо подстрекал их к охоте на ведьм в своих рядах.

– Можем мы ли открыто говорить о врагах народа или нет? – поинтересовался капитан третьего ранга Лаухин.

– Вы имеете в виду – публично? – уточнил Иосиф Виссарионович.

– Нет, между собой, в армии.

– Не только можете, но и обязаны, – ответил Сталин.

Офицеры обсуждали отдельных военных.

– Горбатов очень волнуется, – сообщил Куликов, командир дивизии Украины.

– Он не должен беспокоиться, если он честный человек, – заметил Сталин.

– Я бы не сказал, что он абсолютно чист, – объяснил Куликов. – Горбатов, несомненно, связан с ними.

– Значит, тогда ему есть чего бояться. – Вождь довольно улыбнулся.

Красная армия была последней силой, которая стояла на пути Сталина и могла его остановить. Одного этого соображения оказалось вполне достаточно, чтобы уничтожить высший командный состав. Но у вождя имелись наверняка и другие причины. Не исключено, что военные знали: Сталин в молодости был двойным агентом и работал на царскую охранку. Возможно, даже собирались что-то предпринять.

Официальным объяснением считается дезинформация немцев. Немецкие шпионы якобы убедили Сталина в том, что высший командный состав готовит переворот. Главный шпион Гитлера, Гейдрих, состряпал эту дезу и передал ее русским через ничего не подозревавшего чешского президента Бенеша. Однако в деле Тухачевского немецкими уликами как раз пользоваться не стали. В этом не было необходимости. Сталину не требовались ни дезинформация немцев, ни таинственное досье на самого вождя, якобы имевшееся в охранке, чтобы уничтожить Тухачевского. Избавиться от него Сталин намеревался еще в самом начале 1930-го, то есть за три года до прихода Гитлера к власти. Вождь и его близкие друзья были убеждены, что военным нельзя доверять и их следует уничтожать при малейших подозрениях. Как-то Сталин напомнил Ворошилову в записке об офицерах, арестованных летом 1918 года: «Мы хотели расстрелять этих офицеров скопом».

В резне Ворошилову помогал один человек, который олицетворял трагедию, свалившуюся на Красную армию. Сталину и Ежову нужно было освещать в прессе процесс над военными. Для этой роли идеально подходил главный редактор «Правды» Лев Захарович Мехлис – один из самых необычных придворных в свите красного царя. Выйдя на всесоюзную сцену, он скоро превратился из бича прессы в военного Мефистофеля. Его сравнивали с акулой, а Сталин называл Мехлиса фанатиком. Вождь с удовольствием рассказывал забавные истории об его рвении.

Несмотря на сравнение с акулой, своим заостренным лицом Мехлис больше напоминал какую-то птицу. Сходство с представителем мира пернатых ему придавал и нимбоподобный венчик черных волос.

Лев Мехлис сыграл в сталинских репрессиях такую же большую роль, как Берия или Молотов. Родился он в Одессе в 1889 году в семье евреев. Школу будущий мрачный демон бросил в четырнадцать лет, в большевистскую партию вступил довольно поздно, лишь в 1918 году. До того как стать большевиком, он успел пофлиртовать с другими партиями.

В годы Гражданской войны комиссар Мехлис безжалостно

наводил порядок в Крыму. Здесь он расстрелял и повесил тысячи противников советской власти.

Со Сталиным Мехлис встретился во время польской кампании. Он стал одним из помощников вождя и узнал немало его секретов. Лев Мехлис был беззаветно предан товарищу Сталину. Работал с невиданной даже среди большевиков энергией и кровожадной яростью. Мрачный демон был чересчур энергичен и талантлив, чтобы оставаться на заднем плане, как Александр Поскребышев.

Женился Лев Захарович на враче, еврейке по национальности. Когда у него родился сын, Мехлис поставил в детскую кроватку портрет Ленина с красной ленточкой.

В 1930 году вождь назначил Мехлиса главным редактором «Правды». Журналистами Лев Мехлис руководил с той же жестокостью, внушающей уважение и страх.

В царской армии Лев Мехлис дослужился до артиллерийского капрала. Сейчас его назначили заместителем наркома обороны. Мехлис возглавил политический отдел Красной армии. Мрачный демон налетел на армию, как несущийся во весь опор конь Апокалипсиса.

Сталин и остальные члены пятерки в это время были заняты организацией поразительной лотереи. Ставкой в ней была жизнь человека. В результате ее проведения уничтожено целое поколение советских людей.

Кровавая баня

Никто не писал фамилий людей, которых нужно расстрелять, – просто назначались квоты. Речь шла о тысячах несчастных. 2 июля 1937 года политбюро приказало местным секретарям арестовывать и расстреливать наиболее враждебно настроенных к советской власти элементов. К смертной казни их приговаривали так называемые тройки – трибуналы, состоящие из трех человек. Обычно в состав тройки входили секретарь партийной организации, прокурор и начальник НКВД.

Сталин ставил перед собой цель – навсегда уничтожить всех врагов и сомневающихся, то есть тех, кого нельзя убедить поверить в социализм. Партийная верхушка хотела ускорить стирание классовых барьеров и тем самым построить на земле рай для трудящихся масс. Окончательным решением этого вопроса стала резня миллионов людей. Массовые убийства нисколько не противоречили теории и идеалам большевиков. Не стоит забывать, что большевизм являлся своего рода религией и основывался на систематическом уничтожении враждебных классов. К тому времени советский народ уже привык к пятилетним планам с их цифрами, заданиями и разнарядками. Наверное, поэтому появление таких же показателей, только по убийствам мало кого удивило. Подробности при этом не имели никакого значения и никого не волновали. Если уничтожение Гитлером евреев считается геноцидом, то кровавую баню, устроенную Сталиным, можно вполне назвать демоцидом («уничтожением народа»). Свою классовую борьбу большевики довели до каннибализма.

30 июля Николай Ежов и его заместитель Михаил Фриновский предложили политбюро рассмотреть приказ № 00447. В нем говорилось, что 5–15 августа регионы получат разнарядки по двум категориям. Первая означала расстрелы, вторая – депортацию. Чекисты предлагали расстрелять 72 950 человек и арестовать 259 450. Некоторые области были пропущены. В дальнейшем регионам разрешили самим составлять списки. Родные «врагов народа» тоже подлежали депортации. Политбюро утвердило предложение НКВД на следующий день.

Мясорубка была запущена в действие и начала набирать обороты. Охота на ведьм, разжигаемая и подпитываемая рвением местных властей, постепенно приближалась к своему пику. В этот страшный маховик затягивалось все больше и больше людей. Распоряжение Центра вызвало горячий отклик на местах. Регионы

быстро выполняли разнарядки и просили увеличить квоты. В период между 28 августа и 15 декабря политбюро согласилось расстрелять сначала еще 22 500 человек дополнительно, затем еще 48 000.

От страшных преступлений Гитлера, который систематически уничтожал заранее выбранную цель (евреев и цыган), Большой террор большевиков отличался разве что неразборчивостью и случайностью. В Советской России смерть зачастую носила произвольный характер. Давно забытые язвительные высказывания в адрес власти или руководителей, заигрывания с оппозицией, самая обыкновенная зависть к коллеге, занимающему более высокий пост или живущему в более комфортабельной квартире – приносили пытки и смерть целым семьям. На причины никто не обращал внимания. «Лучше зайти слишком далеко, чем недостаточно далеко», – говорил Николай Ежов своим людям. Первоначальные квоты по репрессированным выросли до 767 397 арестованных и 386 798 расстрелянных.

Дело не ограничилось отдельными личностями. Одновременно Ежов начал наступление на нации и народности. Во время Большого террора чекисты уделяли большое внимание и национальной принадлежности своих жертв. Советские власти особенно не любили поляков и этнических немцев. 11 августа нарком внутренних дел подписал приказ № 00485, согласно которому уничтожению подлежали «польские диверсанты» и «шпионские группы». В результате была перебита большая часть компартии Польши. Погибли практически все поляки, входившие в партийную верхушку, а также советские граждане, имевшие какие-либо контакты с ними. Конечно же, уничтожались и жены с детьми. В ходе этого мини-геноцида арестовали 350 000 человек, из них 144 000 поляков. Из 247 257 расстрелянных 110 000 были поляками. Как мы увидим дальше, преследование поляков сильно затронуло и окружение самого Сталина. Всего же, по последним подсчетам, учитывая разнарядки и борьбу с народностями, в ходе чисток были арестованы до 1,5 миллиона человек, из которых около 700 тысяч, то есть каждый второй, расстреляны.

«Бейте и убивайте, не разбираясь», – приказывал Ежов своим подчиненным. Те, кто не проявлял должного рвения в ходе арестов «контрреволюционных элементов», уничтожались сами. Таких, однако, было немного. Основная масса чекистов взялась за дело засучив рукава. Стараясь превзойти друг друга в кровавом рвении, они рапортовали московскому начальству о гигантских количествах арестованных. Ежевика, несомненно выполнявший приказы пятерки и лично Сталина, подчеркивал, что ничего

страшного не произойдет, если во время проведения операции будет расстреляна лишняя тысяча людей. Поскольку Сталин и Ежов постоянно увеличивали разнарядки, дополнительные убийства были неизбежны. Так же, как это происходило при проведении гитлеровского холокоста, Большой террор в России многим был обязан колоссальному «подвигу» партийного руководства. Нарком Ежов вникал во все мелочи. Он, к примеру, даже указывал, какие растения и кусты следует высаживать на местах массовых захоронений.

Как только началась массовая резня, Сталин практически перестал показываться на людях. Его можно было лицезреть только на встречах с детьми и официальными делегациями. В народе ходили слухи, что будто бы вождь не знает, что творит Ежов. За весь 1937-й Сталин только дважды выступал перед аудиторией, а в следующем году – всего один раз. Он отменил летний отпуск. В следующий раз вождь отправился на юг отдыхать только в 1945 году. На торжественных собраниях, посвященных Октябрьской революции, и в 1937-м, и в 1938-м, с докладами выступал Молотов.

Как-то зимой на улице среди сугробов встретились писатель Илья Эренбург и Всеволод Мейерхольд.

– Если бы только кто-нибудь мог рассказать обо всем этом Сталину! – с тоской сказал Эренбург.

Театральный режиссер Мейерхольд уверенно сказал Эренбургу:

– От Сталина все эти ужасы скрывают.

Ключ к разгадке тайны знал их общий друг, Исаак Бабель, любовник жены Ежова:

– Конечно, Ежов играет свою роль, но не он главный в этом деле.

Сталин являлся главным руководителем и вдохновителем Большого террора, но было бы в корне неверно винить в репрессиях только одного человека. Массовые и систематические убийства начались вскоре после того, как Ленин пришел к власти в 1917 году, и не прекращались вплоть до смерти Сталина. Новая социальная система, построенная большевиками, строилась на массовых репрессиях. Она оправдывала убийства, утверждала, что это нужно для достижения будущего счастья. Террор ни в коем случае не был результатом только чудовищности и кровожадности Сталина. Хотя будет неправильно утверждать, что на резню не оказали влияния властность Сталина, его злоба и поразительная мстительность. «Величайшее наслаждение заключается в том, чтобы выбрать врага, приготовить все для его

уничтожения, безжалостно расправиться с ним и с чистой совестью лечь спать», – сказал как-то вождь Каменеву.

Сталин со своими соратниками и друзьями считал лучшими годы Гражданской войны. 1937-й можно, наверное, назвать путешествием в прошлое, возвращением в Царицын.

«Мы были в Царицыне с Ворошиловым, – рассказывал вождь офицерам Красной армии. – За неделю мы выявили врагов, хотя и не знали положения на фронте. Мы разоблачили их по делам и поступкам. И если сегодня политические работники будут судить людей по их настоящим делам, то вскоре мы разоблачим всех врагов и в Красной армии».

Тем временем надвигалась катастрофа в экономике. Из документов, сохранившихся в архиве Молотова, ясно, что голод и случаи людоедства отмечались даже в 1937 году.

О моральном разложении среди большевистских вельмож ходили легенды. Ягода жил во дворцах и торговал государственными алмазами, Якир, как крупный землевладелец, сдавал в аренду дачи. Жены маршалов, например Ольга Буденная и ее подруга, Галина Егорова, блистали на балах и банкетах в иностранных посольствах и салонах. Их ужины напоминали блестящие дореволюционные приемы, на которые со всей Москвы съезжались ослепительные женщины в модных туалетах.

«Почему цены поднялись на сто процентов в то время, когда в магазинах ничего нет? – удивленно задавалась вопросом в дневнике Мария Сванидзе. – Куда исчезли хлопок, лен и шерсть, когда работники получают медали за выполнение планов? А как быть со строительством дач и великолепных домов, на которые тратятся безумные деньги?»

Ответственность за террор и репрессии лежит на сотнях тысячах чиновников, которые отдавали приказы и проводили расстрелы. Сталин с соратниками убивали с энтузиазмом, почти весело. Аппаратчики в большинстве случаев превышали цифры разнарядок.

Сталин был удивительно откровенен со своим близким окружением относительно истинной цели репрессий. Конечно же, он хотел уничтожить всех врагов. Вождь постоянно сравнивал террор с резней бояр, которую три с лишним столетия назад устроил Иван Грозный.

– Кто вспомнит эту шваль через десять или двадцать лет? – Сталин саркастически усмехался. – Никто. Кто сейчас вспомнит имена бояр, от которых избавился Иван Грозный? Тоже никто. В конце они все получили по заслугам.

– Народ все понимает, Иосиф Виссарионович, – сказал Молотов. – Советские люди понимают и поддерживают вас.

– Иван Грозный убил слишком мало бояр, – многозначительно сказал Сталин Микояну. – Он должен был казнить всех бояр и создать новое государство.

В то время как регионы выполняли разнарядки и сами выбирали, кого репрессировать, Сталин убивал тысячи людей, которых знал лично. Николай Ежов приезжал к вождю с докладами буквально каждый день. В течение полутора лет были арестованы 5 из 15 членов политбюро, 98 из 139 членов ЦК и 1108 из 1966 делегатов XVII съезда. За это время Ежевика принес вождю 383 расстрельных списка. При этом каждый раз говорил: «Я прошу санкции осудить их всех по первой категории».

Большинство расстрельных списков подписывали Сталин, Молотов, Каганович и Ворошилов. На десятках стоят также подписи Андрея Жданова и Анастаса Микояна. Были очень «урожайные» дни. Например, 12 ноября 1938 года, Сталин и Молотов обрекли на смерть 3167 человек. «Я подписал много списков арестованных, фактически почти все, – признавался Молотов. – Мы обсуждали и совместно принимали решение. Тогда во главу угла ставилась скорость работы. Мог в эти списки попасть случайный человек?.. Да, иногда хватали невинных людей. Полагаю, что один или два из десяти осуждались несправедливо, но остальных приговаривали к смертной казни правильно». Сталин говорил: «Лучше срубить на одну невинную голову больше, чем промедлить на войне». В поименных расстрельных списках содержались фамилии 39 тысяч человек. Сталин делал на списках пометки для Ежова: «Товарищ Ежов, тех, чьи фамилии я пометил буквами „ар.“, – арестовать, если они еще не арестованы». Иногда Сталин просто писал: «Расстрелять все 138 человек». Когда Молотов получал расстрельные списки из регионов, он подчеркивал числа и никогда не обращал внимания на фамилии. Каганович с большой теплотой вспоминал неистовство тех дней: «Какие чувства! Какие эмоции!» Все советские руководители того времени несут ответственность за то, что зашли так далеко.

Вождь заявил, что сын не должен отвечать за грехи отца, но потом тщательно пометил семьи врагов. «Они должны быть изолированы, – объяснял Молотов, – иначе неизбежны многочисленные жалобы и просьбы». 5 июля 1937 года политбюро приказало НКВД посадить жен всех осужденных предателей в лагеря на 5–8 лет и взять под опеку государства детей в возрасте до пятнадцати лет. Под это постановление подпадали 18 тысяч жен и 25 тысяч детей «врагов народа». Но и этого было недостаточно. 15 августа Николай Ежов приказал сдавать детей в возрасте от одного года до трех лет в детские дома. «Социально

опасных детей в возрасте от трех до пятнадцати можно сажать в тюрьмы в зависимости от степени их опасности», – указывал нарком. Почти миллион детей «врагов» советской власти и «предателей» выросли в детских домах. Со своими матерями они зачастую встречались лишь в двадцатилетнем возрасте.

Сталин был главным мотором этой гигантской машины убийств. Множество записок, которые пылятся в архивах, хранят приказы и распоряжения Сталина. Он не ленился уговаривать и убеждать не только соратников, но даже мелких исполнителей убивать своих товарищей.

Конечно, партийные руководители время от времени спасали особо близких друзей. Но из-за остальных они, понятно, не хотели рисковать. Только Сталин мог спасти жизнь любому «врагу и предателю». Капризы вождя, неожиданные помилования делают картину Большого террора еще запутаннее и туманнее. Узнав об аресте Серго Кавтарадзе, старого друга из Грузии, Сталин решил сохранить ему жизнь и поставил против его фамилии тире. Эта маленькая черточка карандашом спасла Кавтарадзе жизнь. В расстрельные списки попал и другой старинный друг вождя, посол Трояновский. «Не трогать», – написал Сталин около его фамилии. Но если генсек переставал доверять человеку, наказание было неминуемым, хотя иногда на это уходили целые годы.

Порой люди страдали, сталкиваясь со Сталиным благодаря невероятным совпадениям. Польская коммунистка Костыржева ухаживала за своими розами недалеко от Кунцева. Ее цветы увидел через забор Сталин. «Какие прекрасные розы!» – похвалил он. Тем же вечером Костыржева была арестована. Впрочем, в данном случае может существовать и иное, чем зависть Сталина, хотя и маловероятное объяснение. Произошла эта история во время антипольской кампании, и, видимо, Костыржева значилась в списках репрессированных.

Сталин нередко забывал или – значительно чаще – притворялся, будто забыл, что происходило с теми или иными знакомыми. Узнавая через много лет о том, что их расстреляли, вождь печально качал головой. «У вас были такие прекрасные люди, – позже сказал он польским товарищам. – Вера Костыржева, например. Не знаете, что с ней случилось?» Даже его феноменальная память порой давала сбои – так много было жертв.

Сталину нравилось пугать подчиненных. Показателен случай со Стецким. Этому человеку когда-то покровительствовал Бухарин. Во второй половине тридцатых он успешно работал в отделе культуры ЦК. На одной из очных ставок со своими

обвинителями Бухарин передал Сталину старое письмо, в котором Стецкий критиковал вождя. «Товарищ Бухарин передал мне ваше письмо к нему, – написал Стецкому Иосиф Сталин. – Наверное, он хотел намекнуть, что и у товарища Стецкого были ошибки. Я не стал читать это письмо. Возвращаю его вам. С коммунистическим приветом Сталин». Нетрудно представить ужас товарища Стецкого, когда он получил это написанное от руки послание. Конечно, он тут же ответил: «Товарищ Сталин, получил ваше письмо. Спасибо за доверие. Теперь относительно моего письма, написанного в 1926 году. Тогда я действительно заблуждался в своих взглядах и входил в бухаринскую группу. Сейчас мне стыдно даже вспоминать об этом». Несмотря на «доверие», Стецкий был арестован и расстрелян.

Сталин любил играть в кошки-мышки даже с близкими друзьями. Семен Буденный хорошо показал себя на процессе над военными командирами. Но когда чекисты начали хватать людей из его штаба, пришел жаловаться к Ворошилову. Увидев большой список невинных, по убеждению усатого кавалериста, людей, находившихся под следствием, Клим пришел в ужас и отказался помогать.

– Поговори со Сталиным сам, – посоветовал он.

Буденный отправился к Сталину.

– Если эти люди, которые делали революцию, враги народа, то это значит, что в тюрьму нужно посадить и нас! – смело заявил Буденный.

– Что вы говорите, Семен Михайлович? – Сталин рассмеялся. – Вы что, с ума сошли? – Он позвонил Ежову. – Ко мне пришел Буденный. Он требует арестовать нас.

Позже Семен Буденный утверждал, что передал список Николаю Ежову и тот якобы даже отпустил несколько человек.

Прежде чем арестовать жертву, Сталин всегда старался успокоить подозрения. В начале 1937 года он позвонил жене одного из заместителей Орджоникидзе в комиссариате тяжелой промышленности. «Я слышал, что вы ходите пешком, – участливо сказал вождь. – Это нехорошо. Я пришлю вам машину». На следующее утро у дома замнаркома стоял лимузин. Еще через два дня замнаркома арестовали.

Советские генералы, дипломаты, разведчики и писатели, работавшие и воевавшие в Испании, погрязли в трясине доносов и предательств, убийств, интриг и разоблачений. Сталинский посол в Мадриде Антонов-Овсеенко когда-то был троцкистом. Он попытался доказать свою преданность режиму, но сделал это неловко. Сталин отозвал его в Москву, повысил в должности и на следующий день приказал арестовать. Принимая журналиста

Михаила Кольцова, находившегося в Испании, Сталин пошутил о его испанских приключениях и назвал дон Мигелем. В конце аудиенции генсек неожиданно поинтересовался: «Вы не собираетесь стреляться? Ну тогда прощайте, дон Мигель». Кольцов играл в Испании в смертельно опасные игры. Он доносил Сталину и Ворошилову на соотечественников. Вскоре после разговора в кабинете Сталина дон Мигель был арестован.

Кабинет вождя был завален письмами с мест. В них власти с энтузиазмом рапортовали о расстрелах. В типичном отчете от 21 октября 1937 года читаем, что в Саратове были расстреляны одиннадцать человек, в Ленинграде сначала восемь, потом еще двенадцать, шесть и пять в Минске и так далее. Всего в списках значились фамилии 82 человек. Подобные рапорты, адресованные Сталину и Молотову, исчислялись сотнями.

Конечно, получал Сталин и множество писем с просьбами о помощи. Бонч-Бруевич, чья дочь была замужем за одним из помощников Ягоды, утверждал: «Поверьте мне, дорогой Иосиф Виссарионович, я бы сам привел сына или дочь в НКВД, если бы они были против партии». Каннер, сталинский секретарь в двадцатые годы, многое сделал в борьбе с Троцким и другими соперниками Сталина, но несмотря на это тоже был арестован в 1937 году. «Каннер не может быть негодяем, – писала некая Макарова, возможно его жена. – Да, он дружил с Ягодой, но кто мог подумать, что нарком безопасности окажется таким подлецом и мерзавцем? Поверьте, товарищ Сталин, Каннер заслуживает вашего доверия!» Каннер был расстрелян.

В секретариат генсека часто приходили просьбы от старых большевиков, которые были его близкими друзьями. Автор одного из таких посланий, Вано Джапаридзе, написал: «Моя дочь арестована. Не могу представить, что она сделала плохого. Прошу вас, дорогой Иосиф Виссарионович, облегчите ужасную судьбу моей дочери».

Шли письма и от обреченных партийных руководителей. Они чувствовали нависшую опасность и отчаянно пытались спастись. «Я не могу работать, – сообщал Николай Крыленко, народный комиссар юстиции, сам подписавший немало смертных приговоров. – Моя преданность делу партии не подлежит сомнениям. В сложившейся ситуации я не могу сидеть сложа руки. Пожалуйста, уделите мне несколько минут вашего времени». Крыленко тоже был расстрелян.

Все вожди были властны над жизнью и смертью. Через много лет Никита Хрущев неожиданно вспомнил случай с одним мелким агрономом, который чем-то его рассердил. «Конечно, я мог бы сделать что-нибудь с ним. Мог бы уничтожить его,

стереть с лица земли».

Ежевика на работе и отдыхе

Подсчитано, что за полтора года Большого террора Сталин принимал Ежова 1100 раз, то есть по два раза в день. По данному показателю Ежевика уступает только Молотову. Следует отметить, что это только, так сказать, официальные встречи в кремлевском кабинете вождя. Вне всяких сомнений, они часто виделись на даче. В архивах сохранилось много документов. Из них мы узнаем, что Сталин составлял собственные расстрельные списки и обсуждал их с Ежевикой. 2 апреля 1937 года, к примеру, он написал для Ежова синим и красным карандашом список из шести пунктов. Среди них встречаются и такие зловещие, как «очистить Государственный банк». Иногда Сталин подвозил маленького наркома на его дачу.

Переехав в кабинет Ягоды, Николай Ежов не изменил бешеного распорядка дня. Напротив, под воздействием ужасных дел, которыми ему предстояло заниматься, постоянно увеличивавшегося количества арестовываемых и расстреливаемых, страшного давления, как сверху, так и снизу, работы стало неизмеримо больше. Так же, как Сталин, Ежевика трудился по ночам. Он постоянно чувствовал усталость, с каждым днем становился все бледнее. У него часто сдавали нервы.

Распорядок дня Ежова известен. Он допоздна спал дома, обедал с женой. Потом встречался с заместителем Фриновским на даче. Пропустив рюмку-другую, нарком ехал в Бутырку или на Лубянку допрашивать подозреваемых и часто собственноручно пытал их. Поскольку Николай Ежов находился в высшем эшелоне советской власти без малого семь лет, многих своих жертв он знал лично. В июне 1937 нарком внутренних дел подписал приказ об аресте своего крестного отца, Москвина, и его жены, в доме которых часто бывал. Обоих расстреляли.

Ежевика нередко поражал всех своей жестокостью. Чекисты арестовали Булатова. Он так же, как Ежов, был руководителем отдела ЦК и нередко бывал у него в гостях. Во время пятого допроса Булатова в камеру вошел генеральный комиссар госбезопасности.

– Ну как, Булатов признался? – поинтересовался он.

– Нет, товарищ генеральный комиссар! – ответил следователь.

– Значит, плохо работаете, – хмуро бросил Ежов и перед тем, как выйти, добавил: – Поработайте с ним как следует!

Но порой даже этому страшному человеку приходилось тяжело. Однажды Ежову пришлось присутствовать на расстреле

друга. Ежов искренне огорчился.

– Я вижу по твоим глазам, что тебе меня жалко, – сказал ему товарищ.

Ежов был явно расстроен, тем не менее приказал чекистам открыть огонь.

После ареста еще одного старого друга он сначала тоже сильно переживал. Потом изрядно выпил, «взял себя в руки» и велел своим людям «отрезать ему уши и нос, выколоть глаза и порезать на маленькие кусочки».

Впрочем, жалость и переживания были показными, не настоящими. Однажды Ежов задержался в камере друга сильно за полночь. Они проговорили несколько часов. Эта задушевная беседа не помогла несчастному – его все равно расстреляли.

Члены политбюро восхищались твердостью Николая Ежова. Вячеслав Молотов считал, что «он хотя и не был кристально чистым человеком, но был хорошим партийным работником».

Иногда в разгар вакханалии арестов, пыток и убийств Ежевика вспоминал о своем истинном характере. Во время разговора со сталинским доктором Виноградовым, которому предстояло давать показания на предстоящем процессе над Бухариным, его же собственным учителем, подвыпивший Ежов посоветовал: «Вы хороший человек, но слишком много говорите. Запомните, каждый третий человек в стране работает на меня и обо всем мне рассказывает. Настоятельно советую вам поменьше болтать».

Это было время наивысшего могущества генерального комиссара Ежова. Он находился в зените власти и славы. На больших праздниках фоторепортеры обязательно снимали Ежова во время прогулки по Кремлю с самим товарищем Сталиным. Чекист смеялся и часто курил папиросу, которая казалась слишком крупной для него.

Слушая 6 ноября долгие речи партийных руководителей в Большом театре на торжественном заседании, посвященном Октябрьской революции, американский посол Дэвис внимательно наблюдал за Сталиным, Ворошиловым и Ежовым. Они часто о чем-то шептались и улыбались. «Правда» называла наркома внутренних дел «несгибаемым большевиком, который днями и ночами распутывает нити фашистских заговоров и обрубает их одну за другой». В его честь называли города и стадионы. Для казахского барда Джамбула Джабаева Николай Ежов был «пламенем, сжигающим змеиные норы».

Семья Ежовых жила на роскошной даче в Мещерине недалеко от Ленинских Горок. У многих большевистских руководителей там были загородные дома. На даче имелся обычный набор

удобств советского вождя: домашний кинотеатр, теннисный корт и многочисленная прислуга. Своих детей у Ежовых не было. Они взяли из детского дома сироту, Наташу. Для нее Ежевика стал нежным и любящим отцом. Он учил приемную дочь играть в теннис, кататься на велосипеде и коньках. На фотографиях мы видим, как Ежов крепко обнимает Наташу. На снимках он ничем не отличался от любого другого нормального отца. Ежов баловал девочку подарками и часто играл с ней, возвращаясь домой с работы.

Когда нарком Ежов начал бросать в мясорубку террора иностранных коммунистов и русских, вернувшихся из эмиграции, к нему обратилась с просьбой о помощи бывшая эмигрантка Вера Трейл. Эта хорошенькая женщина была дочерью Александра Гучкова, известного царского либерала. В то время она была беременна и очень тревожилась за судьбу друзей.

Вере позвонили после полуночи: «Говорит Кремль. Товарищ генеральный комиссар готов вас принять».

Лимузин отвез Трейл в Кремль. Ее ввели в длинный тускло освещенный кабинет с лампой, накрытой зеленым абажуром. Аромат власти часто творит чудеса. Вера Трейл с первого взгляда влюбилась: «…Прекрасно высеченное лицо, коричневые вьющиеся волосы и голубые глаза (такой голубизны я никогда не видела), маленькие изящные руки». Она рассказала, что НКВД арестовал ее друзей, в основном писателей. Ежов умел слушать не перебивая. Он создавал впечатление, что ему очень интересен рассказ собеседника. Нарком отпустил охрану и сказал:

– Обычно я не принимаю незнакомых людей наедине, без охраны.

– Меня вы можете не бояться, – начала флиртовать просительница. – Я даже не захватила сумочку.

– Вижу. У вас только папиросы «Беломор»… Но вы сказали, что беременны, так ведь?

– Нет, я не говорила. Разве это не видно? – Огромный живот Веры свидетельствовал лучше всяких слов.

– Я вижу у вас на животе большую выпуклость, – пошутил Ежов. – Но откуда мне знать, что там не бомба, которую вы ловко спрятали в подушку? Ведь вас прежде, чем впустить, никто не обыскивал, не так ли?

Нарком встал, вышел из-за стола и направился к Трейл. На его лице было такое выражение, словно он собирался проверить ее живот. У Трейл от удивления широко раскрылись глаза. Ежов остановился на полпути, рассмеялся и вернулся на место.

– Конечно, вы беременны, – сказал он. – Я просто пошутил.

Сцена, разыгравшаяся в кабинете наркома внутренних дел в разгар ночи, как нельзя лучше показывает, каким чувством юмора он обладал.

Ежов пообещал рассмотреть просьбу Трейл, вновь принять ее и заботливо посоветовал отправляться спать.

На следующую ночь Вере Трейл опять позвонили из приемной Ежова. «Немедленно уезжайте в Париж!» – огорошил ее наркомовский адъютант.

Утром перепуганная Вера ни свет ни заря примчалась на вокзал, села на поезд и уехала в Париж. Она была твердо убеждена, что Николай Ежов, рискуя собственным положением, а может, и больше, чем положением, спас ей жизнь. Возможно, она права. Всех ее друзей расстреляли, а она осталась жива.

И все же физической привлекательности просителя или просительницы в подавляющем большинстве случаев было недостаточно для того, чтобы спасти жизнь врага. У Ежевики развивался роман с Евгенией Подольской, женой посла в Польше. Они встречались в тридцатые годы. Ежов даже предлагал ей остаться в Москве, но Подольская отказалась. В ноябре 1936-го она была арестована, а 10 марта 1937 года – расстреляна.

Ежов забрасывал своего непосредственного начальника, Молотова, донесениями о многочисленных заговорах, которые «раскрыл». «Я всегда считал, что наибольшую ответственность нес Сталин и мы, поощрявшие его и активно помогавшие, – писал позже Вячеслав Молотов. – Лично я всегда проявлял активность и полностью поддерживал принимаемые меры. Сталин был прав: лучше снести одну невинную голову, чем…» Железный Лазарь соглашался: «Иначе бы мы никогда не победили в войне». Молотов не кривил душой, говоря о своей активности. Он, не задумываясь, подписывал расстрельные списки и, очевидно, добавлял имена к спискам жен «врагов», таких как Косиор и Постышев. Все они были расстреляны. Из двадцати восьми комиссаров, работавших у Молотова в начале 1938 года, двадцать были убиты.

Сталин как-то увидел в очередном списке несчастных большевика Г. И. Ломова.

«А он сюда как попал?» – спросил вождь. «Предлагаю немедленно арестовать негодяя Ломова», – написал в ответ Молотов.

Однажды председатель Совнаркома поинтересовался у Ежова об одном известном и уважаемом профессоре: «Почему этот человек все еще в комиссариате иностранных дел, а не в НКВД?»

Когда по ошибке сожгли несколько книг Ленина и Сталина, Молотов приказал Ежевике как можно быстрее расследовать дело

и сурово наказать виновных.

Молотову донесли, что один областной прокурор выступал против чисток и вполне справедливо пошутил: как Сталин и Молотов, при таком количестве заговоров против них, до сих пор живы? Премьер рассердился и написал в НКВД: «Расследовать и согласовать с Вышинским. Молотов».

Лазарь Каганович тоже громил врагов народа не покладая рук. Он утверждал, что в СССР нет ни одной железной дороги, на которой не было бы троцкистско-японских вредителей. Железный Лазарь написал как минимум тридцать два обращения в НКВД. В них он требовал арестовать восемьдесят три своих сотрудника. Его подпись стоит под расстрельными списками, в которых значатся фамилии 36 тысяч человек. Железнодорожников хватали и расстреливали сотнями. В конце концов один чиновник из ведомства Кагановича позвонил Александру Поскребышеву и предупредил, что на одной железной дороге совсем некому работать.

Партийные руководители понимали, что никто не находится в безопасности. Они знали, что всех их постоянно проверяют на преданность. Оба секретаря Молотова были арестованы. «Я почувствовал, как над моей головой начинают сгущаться тучи, – вспоминал он о времени, когда чекисты начали собирать против него показания. – Мой первый помощник сбросился в лифтовую шахту в здании НКВД».

Все знали, что ходят по краю пропасти. Нужно было помнить не только о себе, но и о своих семьях. Сталин ясно давал понять, что врагов следует уничтожать, невзирая на звания и должности. Ошибались те, кто рассчитывал, что их защитят высокие посты. Аресты членов политбюро, таких как Рудзутак, быстро показали, что это не так. НКВД собирал компромат на всех. Водителей партийных руководителей арестовывали так часто, что Никита Хрущев не выдержал и пожаловался Хозяину: «Они и против меня собирают материалы». Несомненно, у всех вождей были такие же тревожные мысли, как у Хрущева, который позже говорил: «Я не был уверен, что утром меня не переведут из рабочего кабинета в тюремную камеру».

* * *

Дело маршала Буденного наверняка заставило вождей собраться с мыслями и еще больше насторожиться. 20 июня 1937 года, вскоре после расстрела Михаила Тухачевского, Сталин заявил усатому кавалеристу:

– Ежов сказал мне, что твоя жена ведет себя недостойно. Не забывай: мы не позволим никому, даже жене, скомпрометировать тебя. Обсуди это вопрос с Ежовым. Решите, что следует сделать, и примите нужные меры, если это необходимо… Ты не разглядел врага в непосредственной близости от себя. Почему ты ее жалеешь?

– Плохая жена – это семья, а не политика, товарищ Сталин, – ответил Семен Буденный. – Я сам во всем разберусь.

– Ты должен проявить храбрость, – настаивал вождь. – Думаешь, мне не жалко, когда врагами народа оказываются люди из моего окружения?

Жена Буденного, Ольга, пела в Большом театре и дружила с женой маршала Егорова. Галина Егорова была актрисой и снималась в кино. Похоже, Ольга Буденная наставляла рога своему супругу с тенором из Большого и флиртовала с польскими дипломатами.

Буденный отправился на Лубянку. Николай Ежов рассказал ему, что Ольга вместе с Галиной часто ездит на приемы в зарубежные посольства. Затем маршал удалился из Москвы инспектировать войска, а его супругу арестовали прямо на улице. Ольгу Буденную допросили и быстро приговорили к восьми годам тюрьмы. Чуть позже добавили еще три. Буденный рыдал, как мальчишка, когда узнал об аресте. По его щекам катились крупные слезы. Ольгу посадили в одиночную камеру, где она со временем сошла с ума.

Существовала легенда, что Сталин относился к женщинам милосерднее, чем к мужчинам. Возможно, так оно и было. У жен членов ЦК имелось больше шансов выжить. Однако есть немало и противоположных примеров. Сорокалетнюю Галину Егорову арестовали и расстреляли даже раньше мужа. Никакого рыцарства здесь не было и в помине. Вспоминать об ухаживаниях Сталина за ней накануне самоубийства Нади не стоило. Вождь всегда становился беспощадным, если имелся хотя бы намек на сексуальную распущенность.

Террор, помимо выполнения других важных функций, стал триумфом целомудренной и ханжеской большевистской морали после сексуальной свободы и распущенности двадцатых годов. Немалую роль в делах расстрелянных Енукидзе, Тухачевского и Рудзутака сыграло то, что Молотов назвал «слабостью к женщинам». Присутствия актрис, круговорота балов в посольствах, блеска загнивающего Запада и иностранного декаданса нередко было вполне достаточно, чтобы убедить одинокого Сталина и пуританина Молотова, что они имеют дело с государственной изменой. Однако следует отметить,

что моральная распущенность никогда не была главной причиной физического уничтожения людей. Цель всегда оставалась политической. Обвинения в сексуальной распущенности имели одну задачу – обесчестить арестованных в глазах бывших коллег, показать, как низко пали «враги». Енукидзе и Рудзутак соблазняли, по выражению Кагановича, «совсем молоденьких девочек». Едва ли в ЦК существовали педофилы – так же, как, впрочем, и широко разветвленная сеть террористов и шпионов.

Сталин долгие годы терпел вечера у Авеля Енукидзе. Бабники типа Булганина и Берии продолжали успешно делать карьеру и процветать. Главное – быть преданным Сталину и поддерживать курс партии.

Иосиф Виссарионович был неуклюжим человеком из XIX века. Он мог флиртовать с хорошо одетыми женщинами своего круга, вел себя очень целомудренно по отношению к дочери. Его шокировали феминизм и свободная любовь, царившие в партии в двадцатые годы. Однако в кругу друзей-соратников он часто был грубым и вульгарным самцом. Его ханжество и пуританизм носили типично викторианский характер. Коленки Светланы, выглядывавшие из-под платья; а также смелый, по его мнению, взгляд на снимках, нередко становились причиной глупых скандалов в семье. Вождю не понравился слишком страстный поцелуй в первом варианте комедии «Волга-Волга» – режиссеру Александрову пришлось вырезать этот эпизод. Более того, чиновники в кинематографе, с повышенной ревностью следившие за реакцией Хозяина, практически запретили поцелуи в советских фильмах. Во второй части фильма Эйзенштейна «Иван Грозный» Сталина смутил поцелуй Ивана. Он считал, что эпизод слишком затянут и должен быть сокращен. Когда в опере «Евгений Онегин» исполнительница роли Татьяны вышла на сцену в прозрачном платье, Иосиф Виссарионович в ужасе воскликнул: «Как женщина может показываться перед мужчиной в таком виде?» Режиссер моментально пушкинскую поглощенность мирскими интересами заменил большевистской скромностью. Уже в старости Сталину попалась на глаза пачка грузинских папирос, на которой была изображена девушка в пикантной позе. Она пришел в ярость и приказал немедленно заменить рисунок. «Где ее научили так сидеть? – возмущался он. – В Париже?»

Тем не менее он поощрял соблюдение норм буржуазной морали среди своих соратников. Жданова хотела уйти от мужа, который со временем превратился в хронического алкоголика. Так же, как Гитлер, который настоял, чтобы Магда Геббельс вернулась к мужу, Сталин приказал ей вернуться. «Вы должны

жить вместе», – строго сказал вождь. Та же история произошла с Павлом Аллилуевым. Когда вождь узнал, что Куйбышев грубо обращается с женой, он воскликнул: «Если бы я знал об этом, то давно положил бы конец этому безобразию!»

* * *

Одной из самых больших загадок Большого террора была страсть Сталина заставлять своих жертв письменно признаваться в самых невероятных преступлениях. Возможно, это объясняется его положением. В марте – июле 1937 года Сталин превратился в абсолютного диктатора.

Культ личности расцвел в Советском Союзе таким пышным цветом, что слово великого Сталина было законом для всех. «Он не мог ошибаться, – говорил Хрущев. – Сталин все видел ясно и четко». Анастас Микоян считал, что именно из-за культа никто не спорил с вождем. Но террор, как писалось выше, не был результатом деятельности одного Сталина. У соратников вождя руки тоже по локоть в крови. Они все время уговаривали Сталина уничтожить все больше и больше врагов. Это были жестокие люди. Однако, несмотря на всю свою кровожадность, перед тем как осудить жертву, соратники вождя хотели иметь доказательства вины. По этой причине Сталин и уделял так много внимания письменным признаниям обвиняемых.

Получив признания от Ежова, генсек тут же показывал их на заседаниях политбюро. Что бы ни думали члены политбюро, они не могли устоять перед этим бурным потоком самооговоров и самообвинений. В марте 1937 года Сталин послал Молотову, Кагановичу, Ворошилову и Микояну типичную для того времени записку: «Прошу ознакомиться с показаниями польско-немецких шпионов Александры (мать) и Татьяны (дочь) Литзинских, а также Минервиной, бывшей секретарши Енукидзе». Помощники Сталина хорошо знали Енукидзе, поэтому Сталин постарался, чтобы признания выглядели как можно убедительнее. Микоян тем не менее усомнился. Сталин обвинил его в слабости и достал из стола признания самого Авеля Енукидзе. Каждая страница показаний была подписана Авелем.

– Он не только признался, но и подписал каждую страницу во избежание вот таких недоразумений, – подчеркнул вождь.

Кагановичу оказалось вполне достаточно признаний женщин.

– Как ты можешь не подписывать смертный приговор, если материалы следствия неопровержимо свидетельствуют, что этот человек – враг народа? – возмущался Каганович.

Жданов, если верить его сыну Юрию, тоже доверял разоблачениям, полученным от Николая Ежова. «Некоторое время мой отец искренне верил, что среди ленинградского руководства скрывались царские агенты», – вспоминал Юрий Жданов. Немного иначе обстояли дела с теми «врагами», которых Ждановы знали лично. «Если он враг народа, тогда и я тоже враг!» – нередко говорила жена Андрея Жданова.

Вожди и их жены порой шептались на кухне, сомневаясь в правильности некоторых арестов. Однако в подавляющем большинстве случаев они были уверены в вине задержанных.

Зачастую людей расстреливали не из-за того, что они сделали, а из-за того, что могли сделать в будущем. «Главным было то, что в решающий момент на них нельзя будет положиться», – признался однажды Молотов. Некоторые старые большевики, такие как, например, Рудзутак, были преданы делу партии. Их предательство носило потенциальный характер. Сталин все еще мог восхищаться работой или даже личностями своих врагов. После расстрелов Тухачевского и Уборевича он продолжал читать лекции членам политбюро о таланте Тухачевского и о том, что солдат Красной армии следует готовить, как Уборевич.

Имелся в репрессиях и любопытный религиозный подтекст. По указанию Сталина Вышинский на январском процессе 1937 года упрекнул обвиняемых: «Вы потеряли веру». Они потеряли веру и должны были за это умереть. Иосиф Виссарионович как-то сказал Берии: «Врагом народа является не только тот, кто устраивает акты саботажа, но и тот, кто сомневается в правильности партийной линии. Таких очень много, и мы должны их ликвидировать». Сталин подчеркнул, отвечая впавшему в панику большевику, который спрашивал, доверяют ли ему еще: «Я доверяю вам политически, но я не уверен в вас в свете перспективы будущей партийной деятельности». Если перевести эти запутанные слова на простой язык, то они означают примерно следующее: сейчас вождь доверяет, но сомневается в поведении большевика во время предстоящей войны.

«Есть что-то великое и смелое в политической идее генеральной чистки, – писал из тюрьмы Николай Иванович Бухарин, один из тех, кто хорошо понимал Сталина. – Все окажутся под вечным подозрением… Таким образом руководство получит для себя полные гарантии».

Чем сильнее враги государства, тем сильнее должно быть государство. «Вечное подозрение», о котором писал Бухарин, являлось той средой, в которой Сталин чувствовал себя как рыба

в воде. Верил ли он всем делам, поступавшим из НКВД? В юридическом и криминальном смысле – едва ли. Этот хитрый и коварный политик с каменным сердцем верил только в святость и непогрешимость собственной политики.

На ужине после ноябрьских праздников вождь объявил: любой человек, который посмеет ослабить мощь советского государства «даже в своих мыслях, да, даже в своих мыслях», должен считаться врагом, и «мы уничтожим их, как клан». Такие слова можно было бы услышать от средневекового вождя какого-нибудь кавказского народа, блестящего политика эпохи Ренессанса или любимого Сталиным Ивана Грозного. Иосиф Виссарионович объяснил слушателям, что, не являясь блестящим оратором и видным мужчиной, он тем не менее стал преемником «орла» Ленина. Почему? Потому что этого хотела партия. Сталиным и его сторонниками руководил «священный страх», что они не оправдают доверия масс. Поэтому, объяснял Сталин, репрессии – это истинно священное возмездие, которое проистекает из большевистско-мессианской природы партии. Неудивительно, что Николай Ежов называл НКВД своей тайной сектой.

Убожество священного бандитизма выше самой веры. От пыточных камер Лубянки до сталинского Маленького уголка немногим более километра. На самом же деле от Кремля до Лубянки было куда ближе.

Окровавленные рукава

По утрам Ежевика отправлялся на заседания политбюро и совещания прямо с допросов и пыток. Однажды Никита Хрущев заметил пятнышки засохшей крови на рукавах и манжетах его крестьянской рубахи. Хрущев, сам далеко не ангел, поинтересовался, что это за пятна. Ежов сверкнул голубыми глазами и ответил, что каждый настоящий большевик должен гордиться такими пятнами, потому что это кровь врагов революции.

Сталин часто писал указания напротив имен в расстрельных списках. В декабре 1937 года он, например, лаконично дописал около фамилии одного несчастного: «Бить, бить!» «Думаю, пришло время надавить на этого господина и заставить его рассказать о своих грязных делишках, – написал Сталин против другой фамилии. – Где он находится: в тюрьме или в гостинице?»

В 1937 году политбюро официально разрешило применение пыток. Сталин позже признавал: «НКВД применял методы физического воздействия, которые разрешил ЦК. Это было абсолютно правильно и необходимо».

Пытками руководил Николай Ежов. Чекисты общались на жаргоне. Едва ли не у каждой пытки имелось свое название. Сам процесс уничтожения невинного человека они называли французской борьбой. Через несколько лет роли поменялись, и пытали уже палачей. Мастера Ежова признались, что пользовались жгутами, специальными дубинками, а также более традиционными методами физического воздействия. Они не давали заключенным спать, устраивали непрерывные допросы. На жаргоне следователей это называлось «конвейером». Леонид Заковский, один из помощников Генриха Ягоды, написал руководство по методам физического воздействия на заключенных.

Нередко члены политбюро Молотов и Микоян приходили на допросы своих товарищей в величественный кабинет Ежова на Лубянке. «Рудзутака сильно били и пытали, – заметил Вячеслав Молотов после одного из таких походов. – Необходимо было действовать безжалостно». Лазарь Каганович считал, что «очень трудно не быть жестоким», но нельзя забывать, что они «убежденные старые большевики, которые никогда не пойдут на добровольное признание». Складывается впечатление, что политбюро большевистской партии состояло из каких-то бандитов, как позже говорил Молотов.

Ежов и позже Берия принимали личное участие в пытках

или собственноручно убивали своих жертв. Руководители Советского Союза порой мало чем отличались от обычных преступников.

Сталин с соратниками часто шутил над способностью НКВД заставлять людей признаваться в самых невероятных преступлениях. Многих заключенных избивали так сильно, что у них в буквальном смысле выпадали глаза из глазниц. Арестантов нередко колотили до смерти. Смерть во время пытки обычно списывали на сердечный приступ.

Николай Ежов творчески развивал систему изощренных истязаний. Он решил не пользоваться подвалами Лубянки или другими тюрьмами и устроил специальное заведение для пыток и расстрелов в здании НКВД рядом с Лубянкой, в Варсонофьевском переулке. Заключенных доставляли туда в черных воронках. Их подвозили к низкому помещению кубической формы с бетонным полом, который спускался к дальней стене, сделанной из бревен, чтобы в них застревали пули. Кровь и другие жидкости смывали водой из специальных шлангов. После выстрела в затылок труп прятали в металлический ящик и увозили в один из московских крематориев. Пепел обычно высыпали в какую-нибудь братскую могилу. Несколько таких могил находились на Донском кладбище.

Путь, который заканчивался на Донском кладбище, часто начинался с письма Сталину. Генсек получал не только просьбы о помиловании, но и доносы. Их авторы требовали репрессировать виновных. Эти доносы стали тем самым керосином, который не давал погаснуть огню Большого террора. Разоблачения врагов народа служили очень важной, жизненно необходимой частью сталинской системы. В Советском Союзе считалось, что граждане обязательно должны доносить друг на друга. Обвинения бурным потоком стекались в кабинет Сталина.

Часть разоблачений очень похожа на неуклюже составленные парламентские запросы в капиталистических странах и журналистские расследования. «Вам, вероятно, не нравится, что люди пишут такие письма, а я рад, – говорил вождь соратникам. – Было бы плохо, если бы никто не жаловался…»

Конечно, некоторые доносы были обоснованными. Но в подавляющем большинстве они являлись плодами маниакальной охоты на ведьм, поистине людоедской злобы и аморальных амбиций советских граждан.

Сталин получал удовольствие, читая доносы и принимая решения по ним. Если обвиняемый ему не нравился, письмо

отправлялось в НКВД с припиской: «Разобраться!» Обычно такие проверки заканчивались расстрелом несчастной жертвы. Если же вождь не хотел торопиться с устранением человека, то прятал донос в папку и мог вернуться к нему через неделю или через много лет.

Архивы Сталина битком забиты разоблачениями и доносами. Одни написаны простыми гражданами, другие – высокопоставленными чиновниками. В одном из таких типичных доносов сотрудник Коминтерна разоблачал врагов народа в комиссариате иностранных дел.

Можно только догадываться, какая атмосфера страха и интриг царила за кремлевскими стенами. Бывший секретарь Орджоникидзе, наверняка пытаясь спасти жизнь, написал Сталину донос на вдову Серго, Зинаиду. Он слышал, как Зинаида неоднократно говорила, что не может жить без Серго, и выражал беспокойство, как бы она не сделала какой-нибудь глупости. Зинаида Орджоникидзе часто звонила женам предателей, которые просили передать товарищу Ежову их ходатайства о помиловании мужей. «Это неправильно, – негодовал бдительный секретарь. – Ей следует запретить делать это. Прошу ваших указаний. Готов выполнить любой ваш приказ. Преданный вам Семушкин».

Вот, например, типичный донос тех времен от некого Крылова из далекого Саратова, внимательно прочитанный и помеченный Сталиным. Крылов сообщил, что у врагов народа есть друзья и сочувствующие в НКВД и прокуратуре. Военные доносили друг на друга так же активно, как представители других профессий. «Прошу вас снять командира Осипова, – писал офицер из Тифлиса. – Он очень подозрительный человек». Сталин подчеркнул синим карандашом слово «подозрительный».

Молния сидевшего в Москве Зевса поражала регионы с разной силой. В июле 1937 года Люшков, безжалостный чекист, который уже навел порядок в Ростове, был вызван в Кремль и получил новое задание. Он должен был отправиться на Дальний Восток. Сталин говорил о людских жизнях, как о старой одежде: какую-то мы оставляем, какую-то выбрасываем. Он считал ненадежным первого секретаря Дальневосточного обкома Варейкиса. Особенно генсеку не нравилось, что Варейкис собрал собственную свиту. Чекисту надлежало выявить «врагов народа» на Дальнем Востоке, но маршала Блюхера трогать не следовало. Люшков отправился на восток и покорно арестовал Варейкиса.

Менее надежным способом расправы с региональными руководителями было использование разоблачителей на местах. Одним из наиболее известных «героических разоблачителей

врагов» была киевлянка Поля Николаенко. Вождь заметил ее и поддержал. На совести этого страшного борца с «врагами народа» смерть около 8 тысяч человек. Поля специализировалась на публичных выступлениях, в ходе которых громко выкрикивала обвинения. Никита Хрущев был свидетелем, как она показала пальцем на одного человека и зловеще сказала: «Я не знаю этого человека, но по его глазам вижу, что он враг народа». Вот еще один признак религиозной истерии Большого террора. Как отбиться от таких обвинений? Ответить: «Я не знаю эту женщину, которая обвинила меня, но могу сказать по ее глазам, что она проститутка»?

17 сентября 1937 года Поля Николаенко обратилась к Сталину. По ее письму очевидно, что это очень простая и глупая женщина.

В приемную товарища Сталина.

Прошу передать это заявление лично товарищу Сталину. Товарищ Сталин говорил обо мне на февральском пленуме…

Дорогой вождь, товарищ Сталин… Прошу вас вмешаться в дела киевской парторганизации. Враги здесь вновь набирают силу. Они сидят в своем аппарате и творят черные дела. После пленума, на котором вы говорили о Киеве, моем деле и назвали меня «маленьким человеком», они начали меня травить. Сейчас они хотят меня политически уничтожить. Один человек, связанный с врагами народа, крикнул мне: «Я все вижу по ее глазам. Она думает одно, а говорит другое!» Я была, есть и останусь предана партии и ее Великому вождю. Вы помогли мне найти правду. Сталинская правда сильна! Сейчас я прошу вас что-нибудь сделать с киевской партийной организацией.

Иосиф Виссарионович услышал призыв о помощи. Через десять дней он указал украинским руководителям: «Обратите внимание на товарища Николаенко. Прочитайте ее письмо. Защитите эту женщину от шайки хулиганов! По моей информации, Глаз и Тимофеев не особенно надежны. Сталин». Глаза и Тимофеева арестовали, но Косиора в тот раз опасность миновала.

Вскоре на местах начали расстреливать очень много «врагов народа», и делали это очень быстро. Никита Сергеевич Хрущев, правивший в те годы Москвой, действовал активно. По его приказам был расстрелян 55 741 чиновник, что значительно превышало первоначальную политбюровскую разнарядку в 50 тысяч человек. 10 июля 1937 года Хрущев попросил у Сталина разрешения расстрелять для выполнения квоты

2000 бывших кулаков. В архивах НКВД хранятся документы, из которых следует, что Никита Сергеевич писал много просьб об арестах. К весне 1938 года благодаря Хрущеву были арестованы тридцать пять из тридцати восьми секретарей районных и городских организаций. Эти цифры дают ясное представление о том, с каким рвением он проводил чистку в столице. Поскольку Хрущев находился в Москве, то расстрельные списки он приносил прямо на стол Сталину и Молотову.

– Не может быть, чтобы врагов было так много! – воскликнул Сталин.

– На самом деле их еще больше, – ответил Хрущев, если верить Молотову. – Вы не можете себе представить, как их много в Москве.

Ашхабаду выделили квоту в 6277 расстрелянных. Местные власти перевыполнили план в два с лишним раза. Расстреляно 13 259 человек.

Сажали в тюрьмы и расстреливали в основном невинных людей. Региональные руководители отбирали жертв по собственному разумению. Своих противников они уничтожали, а друзей сохраняли. Но ведь именно этих удельных князьков, которые завели себе свиты и дворы, и хотел уничтожить Сталин. Кровожадность и усердие первых секретарей не только не спасли им жизнь, но и стали дополнительным поводом для уничтожения. Было очевидно, что через какое-то время Центр начнет вторую волну террора и направлена она будет против руководителей на местах.

Только личные ставленники Сталина, такие как Андрей Жданов в Ленинграде и Лаврентий Берия в Закавказье, могли быть спокойны за свою судьбу. Жданов был горячим сторонником версии, что в Ленинград проникли троцкисты. Правда, и он, несмотря на свой фанатизм, порой задумывался над отдельными случаями. «Знаешь, никогда не думал, что Викторов окажется врагом народа», – признался Жданов адмиралу Кузнецову. Моряк, правда, уловил в его голосе не сомнение, а лишь удивление.

Андрей Жданов стал инициатором арестов 68 тысяч ленинградцев.

Что касается Берии, то он не нуждался ни в чьей помощи, потому что сам был профессиональным чекистом. Лаврентий Павлович тоже значительно превысил разнарядку центра. Москва требовала 268 950 человек арестовать и 75 950 – расстрелять. Позже квоту для Закавказья увеличили. Были уничтожены десять процентов грузинской компартии. Сталин хорошо знал многих из них. Лаврентий Берия лично пытал врагов. В камеру вдовы

Лакобы он подбросил змею, от чего она сошла с ума. Детей-подростков забил до смерти.

Сталин недолго искал решение проблемы с руководителями на местах. Он решил поручить их уничтожение своим фаворитам. Это не только позволяло ему подавить независимость провинциальных партийных руководителей, но и давало возможность лишний раз проверить друзей на верность. Соратники не подкачали. Они разъехались по городам и весям и развернулись во всю мощь. Словно военные командиры времен Гражданской войны, руководители отправились в командировки на собственных бронепоездах с головорезами из НКВД.

Анастас Микоян, нарком внешней торговли и снабжения, имел репутацию одного из самых порядочных советских вождей. Он, несомненно, помогал жертвам террора позже и многое сделал, чтобы развенчать культ личности Сталина после его смерти. Но и он в 1937 году так же, как остальные, подписывал расстрельные списки и предлагал арестовывать сотни своих сотрудников. У Анастаса Ивановича хватило ума держаться подальше от интриг и склок. Он не лез, как коллеги, наверх, энергично работая локтями. Микоян обладал практичным умом и недюжинными организаторскими способностями. Он сосредоточился на конкретной работе в своем наркомате. Но Микоян понимал, что играть необходимо по общим правилам, поэтому послушно выполнял требуемое Сталиным.

Конечно, партийные руководители старались спасти близких друзей, но происходило это в основном уже в 1939 году, когда обстановка изменилась. В приемной Андреева, по словам его дочери, всегда толпились люди. Многим из них он якобы помог. Но Каганович честно признавался, что было крайне трудно спасать друзей и даже родственников. Главным препятствием были царившая в те годы в обществе ненависть к «врагам народа». Приходилось убивать многих, чтобы помочь единицам. Скорее всего, в этом плане Микоян сделал больше других вождей. Как-то он обратился лично к Сталину и сказал, что его друга Андреасяна дураки-следователи из НКВД обвинили в шпионаже в пользу Франции лишь за то, что того звали Наполеоном.

– Он такой же француз, как и ты! – пошутил Микоян.

Сталин расхохотался.

Ворошилов, на совести которого очень много репрессированных и расстрелянных, передал Сталину просьбу дочери арестованного друга. Вождь, как обычно, написал: «Товарищу Ежову. Проверьте!»

Отец девушки, которого выпустили на свободу, пришел поблагодарить Ворошилова.

– Страшно там? – поинтересовался красный маршал.

– Очень страшно.

Больше старые друзья этот вопрос никогда не обсуждали.

Когда Сталину надоело разбираться с просьбами соратников, он провел через политбюро запрет на подобного рода обращения. Если кто-то из вождей пытался спасти друга, главным было не дать ему попасть в руки другого руководителя. Анастас Микоян спас жизнь одному старому товарищу. Микоян умолял его немедленно уехать из Москвы, но старый большевик, как средневековый рыцарь, хотел, чтобы ему вернули меч, то есть требовал возвращения партийного билета. Он позвонил Андрееву, и тот велел вновь его арестовать.

Возможно, истории о доброте Микояна дошли до Сталина, потому что вождь внезапно охладел к старому товарищу. В конце 1937 года генсек решил проверить преданность Анастаса и отправил его в Армению со списком трехсот человек, которых следовало арестовать. Анастас Иванович подписал список, но вычеркнул из него фамилию одного друга. Тем не менее беднягу все равно арестовали. Во время выступления Микояна на собрании ереванской парторганизации в зал вошел Берия. Лаврентий Павлович хотел понаблюдать за ним и попугать остальных. В Армении были схвачены тысяча человек, в том числе семь членов республиканского политбюро из девяти. После возвращения Анастаса Микояна в Москву Сталин, вероятно убедившийся в его преданности, вновь потеплел.

В кровавые командировки по стране ездили все партийные вожди. Жданов чистил Урал и Среднюю Волгу. Украине особенно не повезло. Туда отправились Каганович, Молотов и Ежов. Железный Лазарь также побывал в Казахстане, Иванове, Челябинске. Повсюду он сеял страх. «Первое впечатление подсказывает, что необходимо арестовать секретаря обкома Епанчикова, – сообщал Каганович в первой телеграмме из Иванова в августе 1937 года. – Правотроцкистские вредители в этих краях достаточно хорошо организованы. Они проникли в промышленность, сельское хозяйство, снабжение, здравоохранение, торговлю, образование, но особенно много врагов народа занимается политической работой среди масс».

«Подвиги» Кагановича, однако, меркли на фоне лихорадочной ярости, с которой выполняли приказы Сталина два наиболее страшных монстра Большого террора – Андреев и Маленков.

Сорокадвухлетний Андрей Андреевич Андреев, низенький мужчина с маленькими усами, не справился с советскими железными дорогами и был вынужден вернуться вместе с Ежовым

в свои прежние владения – ЦК. Этот человек, один из немногих настоящих пролетариев в руководстве Советским Союзом, обладал отталкивающей внешностью. Он любил слушать Чайковского, бродить по горам и фотографировать красоты природы. Андреев отправлял жене, Доре Казан, полные любви почтовые открытки, в которых подробно рассказывал о детях. Он стал одним из самых страшных палачей Большого террора.

20 июля Андреев приехал в Саратов с приказом разгромить Республику Немцев Поволжья. «Для чистки Саратова необходимы все средства, – докладывал он Сталину в первой из множества телеграмм. Едва ли не в каждом слове этих донесений чувствуются фанатизм и страстное желание выполнить порученное дело. – Саратовская парторганизация встречает все решения ЦК с большим удовлетворением». В это «удовлетворение» верится с большим трудом. Андреев повсюду раскрывал «заговоры врагов народа» и сообщал, что «местные руководители не хотят разоблачать шайки террористов и спасают уже раскрытых врагов».

На следующий после приезда день Андрей Андреев взялся за дело и начал энергично арестовывать подозреваемых. «Нужно арестовать второго секретаря, – написал он. – У нас имеются доказательства, что Фрейшер является членом правотроцкистской организации. Просим разрешения на арест».

Одна из таких «шаек террористов» состояла из двадцати упрямцев, работавших на машинно-тракторной станции. «Мы решили задержать двух директоров, которые входят в правокулацкую организацию. Они ломают трактора или, вернее, специально работают очень медленно, потому что на ходу – только 14 из 74 тракторов».

В 23.38 ночи того же дня Сталин написал знаменитым синим карандашом: «Центральный комитет согласен с вашим предложением расстрелять бывших работников МТС». На следующий день двадцать человек были расстреляны.

Еще через три дня Андреев радостно рапортовал вождю о раскрытии очередной «фашистской организации». «Мы планируем арестовать первую группу в составе 50–60 человек. Нужно арестовать премьера республики Луфа. Из документов следует, что он поддерживает правых троцкистов».

Из Саратова Андреев направился в Куйбышев, потом – в Среднюю Азию, где сменил все руководство. Видя его решительность, Сталин дал карт-бланш: «Вы можете действовать, как считаете нужным». Развязав себе руки, Андрей Андреевич с новой энергией набросился на несчастных большевиков. «Я арестовал семь наркомов, 55 начальников отделов ЦК и трех

секретарей ЦК», – написал он из Сталинабада. Из Азии этот неутомимый «чистильщик» вернулся в Россию. Через несколько дней из Воронежа полетела в Москву радостная телеграмма: «В Воронеже нет бюро. Все враги, все арестованы. Выезжаю в Ростов!»

В этих страшных поездках Андреева сопровождал полный молодой человек тридцати пяти лет. Георгий Маленков представлял особый тип убийцы – убийцу-бюрократа. Своим стремительным взлетом он обязан чисткам и репрессиям. Маленков ездил с Микояном в Армению и с Ежовым в Белоруссию. Один историк подсчитал, что Георгий Максимилианович несет прямую ответственность за убийства 150 тысяч человек.

Это был маленький толстый мужчина с бледным и круглым лицом. На его подбородке не росли волосы. У него веснушчатый нос, темные, немного узкие глаза и черные волосы, свисавшие на лоб. Говорил резким, скрипучим голосом. Благодаря по-женски широким бедрам фигура Маленкова напоминала грушу. Неудивительно, что Жданов прозвал его Маланей. Но под толстым слоем жира скрывался очень честолюбивый человек, мечтавший о власти.

Родители Маленкова были провинциальными дворянами. Его прапрадед переехал в Россию из Македонии в годы царствования Николая I. Предки Маленкова занимали довольно высокие посты в Оренбурге. В роду этого видного большевика имелись генералы и адмиралы. Сам он считал себя посадником – так называли правителей Древнего Новгорода – или, на худой конец, чиновником, как и его предки. В отличие от таких сталинских головорезов, как Каганович, который кричал на подчиненных и бил их, Маленков производил впечатление удивительно воспитанного человека. Он вставал, когда кто-то входил в комнату, и изъяснялся на отличном русском языке. Георгий Максимилианович морщился, когда при нем ругались. Но от его негромких вежливых слов у многих по спине бежали холодные мурашки.

Отец Маленкова шокировал родственников, женившись на дочери кузнеца. Она родила трех сыновей. Георгий был младшим. Мать Маленкова обладала властным и сильным характером. Будущий партийный руководитель очень ее любил. Он получил неплохое образование. В классической гимназии усердно изучал латынь и французский; затем стал инженером-электриком. В этом Георгий Маленков походил на Жданова. В политбюро, сплошь состоявшем из невежественных сапожников и плотников, он был одним из самых образованных.

Так же, как многие другие честолюбивые подростки, во время Гражданской войны Георгий вступил в партию большевиков. Родные утверждали, что он служил в кавалерии, но подтверждений этому нет. Как бы то ни было, прошло совсем немного времени, и Маленков стал пропагандистом. Во время одной из поездок на агитпоезде он познакомился со своей будущей женой, Валерией Голубцовой. Валерия тоже была дворянкой и так же, как его мать, обладала очень сильным характером.

Брак Маленковых оказался на редкость удачным. Георгий Максимилианович был хорошим отцом и очень любил своих детей. Он дал им прекрасное образование. Маленков сам учил детей, читал им стихи – даже в самый разгар войны, когда с ног валился от усталости.

Валерия помогала мужу в ЦК. Там на способного и подающего большие надежды аппаратчика обратил внимание Вячеслав Молотов. Он помог Маленкову попасть в секретариат Сталина. В начале тридцатых Георгий Маленков стал секретарем политбюро. Как и Ежов, он был одним из представителей энергичного и умного молодого поколения большевиков. Сначала ему покровительствовал Каганович, потом преданностью и умением работать он обратил на себя внимание самого Сталина.

Еще одной отличительной чертой Маленкова было почти полное отсутствие чувства юмора.

Этот очень хитрый, похожий на евнуха партийный руководитель никогда не говорил, если в этом не было необходимости. Он очень внимательно слушал Сталина и постоянно записывал его слова в блокнот. На обложке было написано: «Указания товарища Сталина».

После ухода Николая Ежова в наркомат внутренних дел Маленков занял его место во главе отдела кадров ЦК. Маленков занимался очень важной работой – подбирал нужные кадры для тех или иных постов.

В репрессиях 1937 года Маленков, по словам Анастаса Микояна, сыграл очень большую роль. Если Сталин был двигателем Большого террора, а Ежов – исполнителем, то Георгий Маленков может по праву считаться его главным бюрократом.

Одна из записок, хранящаяся в архиве Сталина, кратко, но ярко показывает отношения, существовавшие между ними: «Товарищ Маленков, Москвина необходимо арестовать. И. Ст.».

Несмотря на свою полезность и важность, даже Георгий Маленков мог попасть в мясорубку репрессий. В 1937 году на конференции Московской партийной организации его назвали

«врагом народа». Конфуз произошел в тот самый момент, когда Маленков говорил, что вступил в Красную армию в Оренбурге в годы Гражданской войны.

– Были ли в Оренбурге в то время белые? – выкрикнул чей-то голос с места.

– Да…

– Значит, вы были с ними.

– Белые могли в то время находиться в Оренбурге, – вмешался Никита Хрущев. – Но это не значит, что товарищ Маленков был одним из них.

Молодые восходящие звезды советской элиты: Маленков, Хрущев и Ежов – были такими близкими друзьями, что их называли «неразлейвода». В то время малейшие промедление и растерянность могли закончиться арестом. Никита Сергеевич спас Маленкову жизнь. Тогда же ему удалось сохранить и собственную. Хрущев пришел к Сталину и признался, что в начале двадцатых сочувствовал троцкистам.

Свита вождя энергично поддерживала Большой террор. Даже спустя несколько десятилетий эти фанатики продолжали защищать самого массового убийцу в истории человечества. «Я несу ответственность за репрессии и считаю их правильными, – говорил Молотов. – За террор отвечают все члены политбюро. 1937 год был неизбежен». Микоян соглашался, что все, кто работал рядом со Сталиным, несут свою долю ответственности за массовые репрессии. Уже один тот факт, что они повинны в убийствах такого огромного количества людей, ужасен сам по себе. Еще труднее принять другое обстоятельство. Все они прекрасно понимали, что даже по их далеким от истинной справедливости меркам большинство репрессированных были ни в чем не виноваты. «Мы виновны лишь в том, что зашли слишком далеко, – сказал Лазарь Каганович. – Все мы делали ошибки. Но мы выиграли Вторую мировую войну».

Те, кто знал этих массовых убийц, позже размышляли, что Маленков или Хрущев не были «испорченными» по своей природе. Они просто были людьми своего времени.

В октябре 1937 года очередной пленум одобрил арест новой группы членов ЦК. «Каждый из семидесяти человек исключил от одного до пятнадцати членов ЦК, затем оставшиеся шестьдесят исключили еще пятнадцать», – вспоминал Вячеслав Михайлович Молотов.

Насмерть перепуганные руководители областей и краев обратились к Сталину с одинаковой просьбой: «Примите меня по личному делу хотя бы на десять минут. Меня несправедливо

обвиняют в страшной лжи». Вождь написал зеленым карандашом Поскребышеву: «Скажите им, что я в отпуске».

Общественная жизнь во время террора. Жены и дети вождей

Вся эта страшная трагедия происходила в обстановке невиданного общественного подъема и ликования, бесконечной череды торжественных побед и пышных празднований. Сцена, участниками которой оказались Сталин, игравший роль несколько смущенного отца, его дочь Светлана и ее лучшая подруга, является типичной для Большого террора.

Сталин и одиннадцатилетняя Светлана каждый день встречались за ужином на кремлевской квартире. Нередко к Светлане приходила Марта Пешкова. Власти утверждали, что ее дед, Максим Горький, и отец якобы были убиты Ягодой, любовником ее матери, а также врачами-вредителями. Сталин хотел, чтобы Светлана подружилась с Мартой. С этой целью он и познакомил девочек.

Подружки играли в комнате Светланы. Домохозяйка сказала, что Сталин ждет их. Гостей в тот вечер в квартире не было. Иосиф Виссарионович пребывал в хорошем настроении. Ему очень нравилось возвращаться домой, где его ждала любимая дочь. «Где моя хозяйка?» – обычно громко кричал он, входя в квартиру. Вождь часто помогал Светлане делать уроки. Близкие знакомые и соратники, видевшие Сталина в кругу семьи, не могли не удивляться, как этот жестокий человек с железной волей способен быть таким мягким и ласковым с дочерью.

Как-то он посадил ее к себе на колено и рассказал одному гостю: «После смерти ее матери я всегда называю ее хозяйкой. Она так свыклась с этим, что теперь пытается командовать на кухне. Ее оттуда сразу же выгнали. Она расплакалась, но мне удалось ее успокоить».

Сталин с удовольствием подшучивал над Мартой. Она была очень хорошенькой девочкой и краснела по малейшим пустякам.

– Марфочка, говорят, за тобой уже гоняются мальчишки? – с улыбкой поинтересовался генсек во время ужина. Марта Пешкова так смутилась, что не смогла донести до рта ложку с супом. – Много ребят за тобой бегает? – продолжал допрашивать покрасневшую девочку вождь.

– Хватит, папа, оставь Марту в покое, – пришла на помощь подруге Светлана.

Сталин рассмеялся и сказал, что теперь будет молчать. Он всегда выполнял приказы своей дорогой хозяйки. «Весь тот ужин я просидела как на иголках», – вспоминала Марта.

Она не боялась Сталина, которого знала с детства.

Дети вождей жили своей собственной жизнью и не очень замечали, что творится вокруг. Светлана, к примеру, не обращала внимания на то, что в последнее время исчезло много друзей ее родителей. Едва ли не на глазах Марты не так давно арестовали очередного любовника ее матери.

Вся огромная страна дрожала от страха, но для детей большевистских руководителей, по крайней мере тех, чьи родители не были арестованы, эти годы были лучшими в жизни. В Советском Союзе по-прежнему царила джазовая лихорадка. В 1938 году на экраны кинотеатров вышла музыкальная комедия Александрова «Волга-Волга». На дачах днями напролет крутили песни из этого фильма. На приемах и балах в иностранных посольствах убийцы танцевали фокстрот. Каганович встретил новую музыку с большим энтузиазмом. Он считал, что джаз станет прекрасным подспорьем для энергичной советской молодежи. Вместе со своим другом, джазменом Леонидом Утесовым, Железный Лазарь даже написал специальную агитку. Называлось это руководство по джазу по-большевистски длинно: «Как организовать ансамбли песни, танцев и джазовые оркестры на железной дороге». Авторы требовали, чтобы на каждом железнодорожном вокзале Советского Союза был свой джаз-банд. Очень логично и правильно – народ необходимо было взбодрить.

«Эти годы действительно были временем большой радости и мечтаний о светлом будущем, – рассказывал через много лет Степан Микоян. – Мы постоянно жили в состоянии приятного волнения, настроение было приподнятым. В Москве открылись метро с красивыми люстрами и огромная гостиница „Москва“. Советские люди построили новый город, Магнитогорск, и одержали много других побед».

Большевистская пропаганда прославляла героев труда типа шахтера-ударника Стаханова, летчиков, полярных исследователей. О Ворошилове и Ежове слагали стихи и писали песни. Режиссеры снимали фильмы о советских героях.

«Да, это было время настоящих героев, – воспоминала Наташа Андреева, дочь члена политбюро. – Мы ничего не боялись. Жизнь была наполнена радостными событиями. Я помню улыбающиеся лица советских людей, покорения горных вершин, полеты героев-летчиков. Отнюдь не все жили под гнетом и притеснялись. В детстве мы знали, что главное – сделать людей сильными, дать им образование и создать Нового человека. В школе нас учили, как пользоваться разными приборами и орудиями. Мы выезжали за город и помогали колхозникам

собирать урожай. Никто нам ничего не платил, это была наша приятная обязанность».

Героями были не только шахтеры, летчики и исследователи. Героями считались и чекисты. 21 декабря 1937 года органы отметили свою двадцатую годовщину. Празднование юбилея проходило в Большом театре. Оно вылилось в грандиозное представление. В окружении огромных букетов цветов и знамен с изображениями Сталина и Ежова Анастас Микоян, сменивший по такому торжественному случаю костюм с галстуком на партийный френч, выступил с праздничным докладом. «Перенимайте сталинский стиль работы у товарища Ежова так же, как он перенял его у товарища Сталина», – сказал Микоян. Но главным тезисом этого знаменательного выступления, несомненно, была мысль, что «каждый гражданин СССР обязан всемерно помогать НКВД».

Страна торжественно отметила сотую годовщину смерти Пушкина и юбилей великого грузинского поэта Руставели. Лаврентий Берия организовал в Грузии пышный праздник. В Тифлис приехали Ворошилов и Микоян. По мере того как Европа приближалась к большой войне, Сталин все теснее соединял традиционную русскую культуру с большевизмом.

Советская Россия сражалась тогда с фашистами в Испании. В СССР стало необычайно модным все, что связано с Испанией: испанские песни, голубые испанские фуражки с красной линией на козырьке и большие береты, которые носили, лихо сдвинув набок или на затылок.

О многом говорит название одной из самой популярных песен тех лет: «Если завтра война…». Неудивительно, что в такой атмосфере и дети вождей мечтали стать летчиками или военными. «Даже мы, дети, знали, что приближается война, – рассказывал приемный сын Сталина, Артем Сергеев. – Чтобы устоять в ней, мы должны быть сильными. Как-то дядя Сталин позвал нас, ребят, и спросил: „Кем вы хотите быть“?» Артем хотел стать инженером. Вождь покачал головой. «Нет, нам нужны люди, которые разбираются в артиллерии». Артем и Яков Джугашвили, который в то время уже работал инженером, поступили в артиллерийское училище. «Это единственная привилегия за всю жизнь, которую я получил от Сталина», – признался Сергеев.

Самой престижной перед войной считалась профессия летчика. Многие дети руководителей страны стали «сталинскими соколами». На летчиков учились Василий Сталин, Степан Микоян, Леонид Хрущев и другие.

Для детей это, возможно, и было славное время, а вот их родители наверняка придерживались иного мнения. Каждый день

к ликованию примешивались глубокие депрессии, стрессы, неуверенность, тревоги. Конечно, советские люди не могли не тревожиться за собственную судьбу. Ведь у них на глазах арестовывали их друзей, коллег и родственников. Очевидно, что в глубине души у многих были сомнения. Но не стоит особенно доверять интервью в западной печати и вышедшим в России мемуарам, авторы которых уверяли, что их родители были убеждены в невинности всех арестованных. Это проявление запоздалой вины тех, чьи отцы принимали активное участие в массовой резне. Правда же была совсем другой. Андрей Жданов как-то сказал сыну Юрию, что Ежов всегда прав, даже в тех делах, которые кажутся невероятными.

Андреев был уверен, что повсюду прячутся «враги народа». Однако он придерживался мнения, что, прежде чем кого-нибудь арестовывать, необходимо провести тщательное расследование. Анастас Микоян сомневался во многих арестах, но его сын Серго говорил, что отец всегда оставался «убежденным коммунистом». Жены вождей иногда были даже фанатичнее своих мужей. Микоян вспоминал, что его супруга абсолютно верила Сталину и редко сомневалась в решениях вождя. Наташа Андреева рассказывала: «Мой отец верил во вредителей и в существование пятой колонны. Они, говорил он, разрушают наше государство и поэтому должны быть уничтожены. Моя мать была убеждена в этом не меньше его. Мы готовились к войне».

Партийные руководители никогда не говорили о репрессиях в присутствии детей. Детвора продолжала жить в мире лжи. Нежелание открывать свои мысли даже собственному сыну является одной из самых страшных примет того ужасного времени, считал известный физик Андрей Сахаров.

Дети вождей находились в информационной блокаде, но они не могли не замечать исчезновения родственников и друзей. Конечно, дети переживали и хотели спросить у родителей, что происходит, но эти темы во всех семьях считались запретными. Дети Микоянов слышали, как их родители и дяди шепчутся о волне арестов в Армении. Иногда Анастас забывался и громко восклицал: «Я не верю в это!» «Андреев никогда не говорил с нами об арестах, это было делом взрослых, наших родителей, – вспоминала Наталья Андреева. – Если арестовывали знакомого, папа говорил маме: „Дорошка, давай выйдем на минуточку. Нужно поговорить“». Дора Казан так же, как страстная обличительница Николаенко, говорила родственникам, что может определить врага народа по глазам.

Взрослые шептались на кухне, плотно закрыв дверь. Если жена Микояна задавала опасный вопрос, Анастас отвечал:

«Немедленно замолчи!» Орджоникидзе перед смертью заставил начавшую было возмущаться по поводу ареста кого-то из знакомых жену замолчать, сказав: «Не сейчас!»

Особой популярностью стали пользоваться прогулки в лесу или вокруг Кремля. Не потому, конечно, что руководители так уж беспокоились о своем здоровье и хотели подышать свежим воздухом. Главная причина – только во время этих прогулок они могли откровенно разговаривать, не боясь, что их услышат.

Дом на набережной, уродливое и одновременно роскошное здание, был построен для молодых вождей, включая Хрущевых, большинства наркомов и родственников Сталина: Сванидзе и Реденсов. Жильцы каждую ночь с замиранием сердца прислушивались к шуму лифта и стука в дверь. НКВД часто арестовывал «врагов народа» по ночам. В романе «Дом на набережной» Трифонов рассказывал, как швейцар в униформе каждое утро сообщал жильцам, кого увезли ночью. В огромном здании одна за другой начали освобождаться квартиры. Они стояли пустыми, на дверях виднелись страшные печати НКВД.

Никиту Хрущева очень беспокоили родственницы, большие любительницы посплетничать. Он страшно рассердился, когда узнал, что его теща, простая женщина из деревни, часами болтает внизу. Никита Сергеевич лучше многих знал, что такие разговоры могут стоить жизни не только ей, но и всем окружающим.

Вожди постоянно держали наготове мешки с одеждой и едой для тюрьмы. Спали они с „маузерами“ и „наганами“ под подушкой, чтобы покончить с жизнью, лишь бы не попасть в застенки Лубянки. Те, кто был умнее, объясняли детям, что делать и как жить, если арестуют родителей. Мать Зои Зарубиной, приемной дочери высокопоставленного чекиста, учила: нужно собрать теплую одежду и уехать с маленькой сестрой, которой было восемь лет, в деревню к родственникам.

Дети, конечно, замечали частые переезды. После каждого ареста и расстрела освобождались квартира и дача. Их тут же с большим удовольствием занимали те большевики, которые пока еще были живы, и их честолюбивые жены-домохозяйки, не забывавшие даже в это страшное время о повышении уровня собственной жизни. Сталин при помощи таких подачек еще крепче привязывал соратников к репрессиям и резне. Семья Ежова после ареста Генриха Ягоды быстро переехала в квартиру бывшего наркома. Жданов получил дачу Рудзутака. Молотову досталась дача Ягоды, а позже – рыковская.

Самым жадным среди руководителей оказался Андрей Вышинский. Прокурор давно мечтал о даче Леонида Серебрякова.

«Не могу оторвать от нее глаз. – Он тяжело вздыхал. – Ты счастливый человек, Леонид. У тебя такая прекрасная дача». Через считаные дни после ареста Серебрякова, которого увезли на Лубянку 17 августа 1936 года, генеральный прокурор потребовал его дачу. Он проявил большую смекалку, ухитрился продать старый дом и получить 600 тысяч рублей на строительство нового. Эту огромную сумму члены политбюро одобрили 24 января 1937 года, в тот самый день, когда Вышинский устраивал Серебрякову перекрестный допрос на процессе над Радеком.

Конечно, попадались и порядочные люди, которые отказывались от имущества падших коллег. Порядочность выходила им боком. Маршал Егоров неосмотрительно отказался от дачи казненного товарища и сам был расстрелян.

«Мы ничего не боялись в 1937 году», – вспоминала Наташа Андреева. Она твердо верила в то, что НКВД арестовывает только врагов народа и вредителей. Следовательно, наивно полагала Андреева, ее и родителей никогда не арестуют. Степан Микоян тоже нисколько не тревожился. Только позже он понял, в каком страхе и напряжении жили родители. Членам политбюро рассылали копии протоколов допросов. Степан часто пробирался в кабинет отца и тайком читал поразительные признания друзей своей семьи, которые неожиданно оказались врагами и предателями.

В каждой семье имелся человек, который убирал из фотоальбомов все упоминания о репрессированных. У Микоянов таким «чистильщиком» был Сергей Шаумян, приемный сын старого большевика. После очередного расстрела он внимательно просматривал все семейные альбомы и старательно стирал с фотографий лица врагов. Конечно, это было страшное искажение действительности, но большинству детей, не понимавших сути происходящего, вымарывать лица даже нравилось.

Может, не все догадывались, что репрессии носят беспорядочный характер, но все понимали, что опасность рядом. Многие соглашались, что раз неумолимо приближается война, то врагов необходимо убивать. Дети разговаривали об этом между собой. Василий Сталин весело рассказывал Артему Сергееву и своим двоюродным братьям Реденсам об арестах.

Больше всего о настоящей жизни в стране дети узнавали на занятиях в школе. Большинство детей вождей учились в школах № 175 и № 110. Многих туда возили на «паккардах» и «бьюиках» личные шоферы отцов. Большинство смущалось так же, как дети западных миллионеров. Сыновья Микояна

требовали, чтобы машина останавливалась как можно дальше от школы, и шли пешком около полукилометра.

В этой школе преподавала английский жена Николая Булганина, восходящего партийного руководителя. Учителя элитного заведения притворялись, будто ничего не происходит. А дети видели, как хватают их друзей. Лучшим другом Степана Микояна был Сережа Металликов, сын одного из главных докторов Кремлевской больницы и племянник Александра Поскребышева. Обоих его родителей арестовали в 1937 году.

Со Светланой Сталиной в школе обращались как с царевной. Учителя заискивали перед ней. Одноклассница дочери вождя запомнила, что парта Светланы всегда сверкала, как зеркало, точно ее только что отполировали. Сразу после ареста родителей из класса, в котором она училась, исчезали дети. Царевна, конечно, не должна была встречаться с отпрысками «врагов народа».

Иногда подростков хватали прямо на юношеских вечеринках на глазах товарищей. Василий Сталин и Степан Микоян от души веселились на вечеринке, которую устроил один из их друзей по Военной академии. Неожиданно в дверь позвонили. Какой-то мужчина в штатской одежде попросил позвать Василия Сталина, ему нужно было о чем-то с ним поговорить. Василий вышел в прихожую. Там его как сына вождя предупредили, что чекисты приехали за одним из участников вечеринки. Сталин-младший вернулся в комнату и велел другу выйти в прихожую, а сам шепотом сообщил Степану, что того сейчас арестуют. Они подошли к окну и увидели, как чекисты посадили парня в черную машину и увезли. Подростка обвинили в том, что он является членом молодежной антисоветской группы. Больше этого несчастного юношу никто не видел.

Родители тщательно оберегали детей от нежелательных связей. «Мой приемный отец всегда очень настороженно относился к моим друзьям и интересовался их родителями», – вспоминала Зоя Зарубина. Чекисту Леониду Эйтингону нетрудно было навести справки на Лубянке.

Когда одному из детей Ворошилова позвонил мальчик, чей отец только что был арестован, Екатерина Ворошилова велела сыну немедленно порвать с ним все отношения. Сын Жданова, Юрий, утверждал, что родители разрешали ему приводить домой детей «врагов»: «Мои родители никогда не возражали». Но все зависело от времени. В горячке 1937–1938 годов, скорее всего, было по-другому. После того как Степан Микоян начал встречаться с девушкой Катей, он получил рапорт НКВД, из которого следовало, что она дружит с сыном «врага народа».

«Я ждал, что отец запретит мне встречаться с ней, но он так и не сказал ни слова», – вспоминал Степан. Однако, когда некоторые семьи, близкие к Микоянам, попали под подозрение, Анастас порвал с ними все связи.

* * *

С появлением в начале 1937 года в свите вождя красивых молодых жен Поскребышева и Ежова двор достиг наивысшей степени блеска. Сталин не изменял своим привычкам и по-прежнему часто устраивал в Зубалове посиделки с шашлыками, дарил шоколад дочери и Марте Пешковой. В то время как вся страна вздрагивала при одном упоминании НКВД, вождь был, как никогда, ласков со своими детьми.

Леониду Реденсу тогда стукнуло девять. Однажды он заблудился в Зубалове. В конце концов мальчик выбежал на какую-то поляну и увидел группу взрослых. Все, кроме Сталина, рассмеялись.

– Заблудился? – участливо спросил Иосиф Виссарионович. – Пойдем со мной, я покажу тебе дорогу к дому.

Однако дружба с вождем постепенно превращалась в ежедневный ужас.

Часть пятая
Резня. Появление Берии. 1938–1939

Еврейки Сталина. Семья в опасности

Однажды, когда Сталин отдыхал в Зубалове, Сергей, средний сын Жени и Павла Аллилуевых, с плачем вбежал в комнату. Родители испугались, что Сталин будет недоволен. Павел обладал таким же истерическим характером, как и его сестра Надя. Он ударил дочь Киру за то, что она не сумела успокоить брата. Кира Аллилуева тогда была уже девушкой. Она выросла на глазах Сталина, была смелой, непослушной и не понимала опасности, которые несет близкое знакомство с вождем. Кира нередко отказывалась есть то, что предлагал Иосиф Виссарионович. Павел хмурился и начинал бить ее ногой под столом. Несмотря на террор и потоки крови, заливающие страну, дети продолжали безмятежно играть вокруг Сталина и его убийц. Они были похожи на беспечных птичек, которые влетают в открытую пасть крокодила и вылетают из нее.

Сталин по-прежнему ездил в гости к товарищам. Он часто приглашал на ужин Александра Поскребышева. На ужинах танцевали и играли в шарады.

Поскребышев недавно женился на очень красивой и подвижной девушке. Она тоже вошла в окружение вождя. Познакомились будущие супруги в 1934 году. Поскребышев, которого даже при большом желании нельзя назвать ни красавцем, ни романтиком, приехал на вечеринку в дом кремлевского врача Михаила Металликова. Ася, жена Металликова, состояла в дальнем родстве с Троцким. Ее сестра была замужем за сыном Троцкого, Седовым. Настоящая фамилия Металликова – Масенкис. Он родился в семье литовских евреев-сахаропромышленников. В те годы – опасное родство.

У Металликова была сестра, смуглая молодая Бронислава. Она излучала энергию и игривость, которых часто так не хватало женщинам старых большевиков. 24-летняя Бронка была замужем за адвокатом. Она родила дочь. По образованию Бронислава тоже была врачом – эндокринологом. В архивах и альбомах сохранились ее фотографии. На них мы видим стройную молодую женщину с яркими веселыми глазами, одетую в платье в горошек. В тот вечер она играла в какую-то игру и бегала вокруг стола. 43-летний Поскребышев, шеф сталинской канцелярии, не мог отвести от нее взгляда. Потом за столом начали бросаться едой. Она кинула в кого-то кусок торта и попала прямо во всесильного секретаря Сталина. Поскребышев влюбился в Бронку и вскоре на ней женился. Семейные снимки показывают, как он любил ее. Историки чаще всего видели в Александре Поскребышеве этакого

Квазимодо. На снимках из семейного альбома мы видим нежного любящего мужа, который положил голову на плечо красавицы жены и спрятал лицо в ее каштановых волосах.

Эта семейная пара, красавица и чудовище, вызывали смех в свите Сталина. Кира Аллилуева слышала, как полька Бронислава шутила об уродстве мужа. Поскребышев, говорила Бронка, настолько уродлив, что ей приходится спать с ним только в темноте, чтобы не видеть лица.

Александр Поскребышев гордился своей уродливостью. Говорят, что Сталин выбрал его в первую очередь не за деловые качества, а за непривлекательную внешность. Секретарь не обижался на язвительные шутки в свой адрес и с удовольствием играл роль придворного шута. Иосифу Виссарионовичу нравилось смотреть, как его секретарь залпом выпивает стакан водки, не закусывая. Он восторгался тем, что Поскребышев может очень долго стоять с поднятыми руками и держать под ногтями горящую бумагу. «Смотрите! – Вождь смеялся. – Саша может запросто выпить стакан водки и даже не поморщится».

Сталину нравилась и Бронка. Она представляла новое поколение легкомысленных женщин. Супруга Поскребышева нисколько не боялась вождей и быстро освоилась среди руководителей Советского Союза. Со Сталиным она была на «ты». Когда Бронка ехала за границу, то обязательно так же, как женщины из семейства Аллилуевых, всегда привозила Светлане подарки. Прежде чем вручить девочке подарок, она непременно звонила Сталину и спрашивала разрешения.

– А он ей подойдет? – отвечал вождь вопросом на вопрос, когда речь шла о купленном за границей пуловере.

– Подойдет!

– Тогда дари!

Лучшей подругой Бронки была Евгения Ежова, редактор и большая поклонница литературы и писателей. Эти две вечно хихикающие и красивые очаровашки с еврейско-польской и литовской кровью так похожи, что Кира Аллилуева считала их сестрами. У них даже отчество одинаковое: Соломоновна. Ежов и Поскребышев тоже были близкими друзьями. Пока их жены сплетничали и обсуждали подруг, они ездили на рыбалку.

В то время как Ежевика, сейчас уже кандидат в члены политбюро, безжалостно расправлялся со своими жертвами, его жена тоже не сидела сложа руки. Она не только дружила с известными литераторами, но и спала с большинством из них. Обаятельный и красивый писатель Исаак Бабель был главным львом литературного зверинца Евгении Ежовой. «Когда

приглашают „на Бабеля“, можно не сомневаться, что обязательно все придут», – не без гордости писала жена писателя.

Соломон Михоэлс, знаменитый актер, еврей по национальности, с блеском игравший короля Лира для Сталина, руководитель джаз-банда Леонид Утесов; кинорежиссер Сергей Эйзенштейн, писатель Михаил Шолохов, журналист Михаил Кольцов – вот далеко не все, а только самые известные люди искусства, входившие в салон очаровательной сплетницы и болтушки.

На кремлевских вечеринках Евгения Ежова всегда плясала фокстрот и старалась не пропускать ни одного танца.

Ее хорошая подруга, Зинаида Гликина, тоже создала свой литературный салон. Когда Зинаида развелась с мужем, Ежов пригласил ее жить к себе домой и вскоре соблазнил. Она – далеко не единственная любовница миниатюрного наркома.

Евгении было не до мужа. Она в это время крутила любовь с Бабелем, Кольцовым и Шолоховым. Мало кто отказывался от приглашения жены Ежова. «Только подумайте, наша девушка из Одессы стала первой дамой королевства!» – говорил Бабель.

После самоубийства Нади ходили слухи, что Сталин влюбился и женился. Среди супруг вождя чаще всего называли Розу, сестру Лазаря Кагановича, его племянницу Розу и дочь Майю. Об этом много сплетничали, слухам верили. Смуглая Роза Каганович, если судить по фотографиям, была очень привлекательной. Кагановичи вообще отличались красотой. Железный Лазарь в молодости был настоящим красавцем, а его дочь Майю, когда она выросла, нередко сравнивали с Элизабет Тейлор.

Сплетням о тайной женитьбе Сталина больше всего обрадовались в Германии. Гитлеровская пропаганда получила отличный козырь – женой правителя Советской империи стала еврейка. Немцы с удовольствием писали о союзе главного большевика и еврейки. И хотя Кагановичи, отец и дочь, горячо отрицали слухи о замужестве Майи, причем, по мнению многих, слишком горячо, похоже, что история с женитьбой вождя – все же вымысел.

Сплетни о жене-еврейке особенно забавны еще и потому, что нацистам не нужно было прилагать особых усилий, чтобы связать Сталина с ненавистными для истинных арийцев евреями. Советского руководителя окружали одни еврейки – начиная от Полины Молотовой, Марии Сванидзе и кончая Бронкой Поскребышевой, Евгенией Ежовой. Сын Берии, которому вполне можно доверять, когда речь заходит о слухах и сплетнях при дворе красного царя, вспоминал, как Лаврентий Павлович

со смехом подсчитывал романы Хозяина с еврейками.

Фавориток вождя больше всего интересовали наряды, шутки и романы, чем диалектический материализм. Женщины Сталина во главе с Женей Аллилуевой и Марией Сванидзе были уверены, что являются душой и сердцем его мира.

Станислав Реденс, начальник московского НКВД, часто возил свою семью в гости к Ежовым. Детям родственников Сталина главный чекист страны очень нравился. Леонид Реденс вспоминал, как Ежевика вприпрыжку спускался по ступенькам в мундире генерального комиссара госбезопасности, очень напыщенный и гордый. Наверное, для того, чтобы подчеркнуть свою важность, он часто хмурился.

Кира Аллилуева была в восторге от шуток и розыгрышей Евгении Ежовой и Бронки Поскребышевой. Ежов, работавший по ночам, слишком уставал, чтобы общаться с Кирой и другими подростками, которых прятали за занавесом. Когда маленький Ежевика в поскрипывающих сапогах проходил мимо детей, они начинали хихикать. Павел Аллилуев и Станислав Реденс знали, к чему может привести этот смех. Они страшно сердились и запрещали детям хохотать над наркомом.

Иосиф Виссарионович начал заметно отдаляться от семьи. Шутки и сплетни Аллилуевых и Сванидзе теперь вызывали у него не улыбки, а подозрения. 28 февраля 1937 года все родственники собрались на кремлевской квартире Сталина, чтобы отметить одиннадцатый день рождения Светланы. Яков, ласковый и спокойный старший сын вождя, в первый раз привел с собой Юлию, свою новую жену, тоже еврейку. Она была замужем за охранником-чекистом, когда встретилась с Яковом. Познакомились они благодаря Реденсу. Возмущенный Сталин тут же обвинил родственника в сводничестве.

Мария Сванидзе ни на минуту не прекращала плести интриги. Она считала Юлию авантюристкой и пыталась настроить Сталина против нее.

– Иосиф, это невозможно! – возмущалась она. – Ты должен вмешаться!

Однако Мария добилась противоположного результата. Наверное, назло ей Сталин неожиданно поддержал старшего сына.

– Мужчина любит ту женщину, любить которую ему велит сердце, – ответил он. – И ему все равно, швея она или принцесса.

Вскоре после женитьбы у Якова родилась дочь. Девочку назвали Гуля. Вождь обратил внимание на то, как хорошо следит Юля за одеждой мужа. Похоже, думал он, она все же настоящая баба. «Теперь я вижу, что у тебя хорошая жена», – в конце концов

сказал Сталин Яше, который жил со своей маленькой семьей в огромном жилом доме в переулке Грановского. Когда Сталин затем встречался с Юлей, он хорошо к ней относился, проявляя заботу, – даже кормил ее с вилки, как самый настоящий любящий грузинский свекор.

Сталину надоели родственники, поэтому на день рождения дочери он не приехал. Марии Сванидзе казалось, что она понимает причину его недовольства. От Аллилуевых не было «никакого толку». «Безумная Ольга, круглый дурак Федор, недоумки Павел и Нюра [Анна Реденс], ограниченный и недалекий Стан [Реденс], лентяй Вася [Василий Сталин], глуповато-сентиментальный Яша, – перечисляла она родственников вождя. – Единственные нормальные люди в нашей большей семье – Алеша, Женя, я и Светлана». Читать этот психологический анализ смешно, потому что первыми были репрессированы именно Сванидзе.

В Марии чувство самовлюбленности било через край. Она затерзала мужа письмами, в которых хвалилась: «Я выгляжу лучше 70 процентов большевистских жен. Стоит мужчине меня увидеть, и он никогда меня не забудет». Наверное, она была права, но яркость и красота при дворе Сталина никогда не являлись особенно важными преимуществами и не способствовали благосклонности вождя. Остается только пожалеть этих высокомерных, но порядочных женщин. Судьба обошлась с ними жестоко. Она забросила их в такую трясину времени и жизни, которую они так и не смогли осознать до конца.

Как-то весенним вечером Сталин в паре с Павлом играл в бильярд со Сванидзе и с Реденсом. В этих семейных баталиях существовало одно правило. Проигравшие должны проползти под столом. В тот вечер удача была не на стороне вождя. Павел дипломатично предложил, чтобы вместо них под столом проползли дети, Кира и Сергей. Девятилетний Сергей не возражал, но Кира, которой тогда было уже восемнадцать и которая стала такой же прямой и смелой, как мать, дерзко отказалась. Она бесстрашно заявила, что раз Сталин и ее отец проиграли, то они и должны лезть под стол. С Павлом Аллилуевым в тот вечер случилась истерика. Он долго гонялся за дочерью с бильярдным кием.

Вскоре после этого знаменательного поединка голубоглазый и щеголеватый Сванидзе неожиданно обнаружил, что они со Сталиным больше не «братья». «Алеша был либералом, европейцем, – объяснял Молотов. – Сталин почувствовал это и начал отдаляться от него».

Сванидзе работал заместителем председателя Государственного банка СССР. Все руководство банка состояло из таких же, как он, «космополитов», и поэтому сейчас находилось под подозрением. 2 апреля 1937 года Сталин написал Ежову зловещее письмо. «Займитесь Государственным банком, – приказал он главному чекисту. – Очистите его от врагов и вредителей».

Здесь следует заметить, что Алеша Сванидзе к тому же много лет выполнял деликатные личные поручения Сталина. В середине 1937 года неожиданно обрывается дневник Марии Сванидзе. Причина ясна. Она больше не входила в окружение Сталина, и ей не о чем писать. К 21 декабря Сванидзе уже находились под следствием. Еще одним признаком опалы стало отсутствие приглашения на день рождения вождя. Для Марии это, наверное, было особенно обидно и больно.

Через несколько дней Сванидзе пришли в гости к Жене и Павлу Аллилуевым. Происходило это в Доме на набережной, где они все жили. Мария хотела похвастаться бархатным платьем с большим декольте. В полночь гости ушли. Женя и Кира пошли на кухню мыть посуду. Неожиданно в дверь позвонили. На пороге стоял взволнованный сын Марии от предыдущего брака. «Маму и Алешу арестовали, – сообщил он. – Маму увели в том красивом платье…» Через несколько месяцев Жене принесли письмо от Марии Сванидзе, которая просила передать его Сталину. «Если я не покину этот лагерь, то умру», – писала она. Женя передала письмо Сталину. Он нахмурился и предупредил: «Больше никогда этого не делай!»

Вскоре после ареста Марию перевели в тюрьму более строгого содержания. Только теперь Женя почувствовала, какую опасность таит для нее и ее детей такая близость к Сталину. Это вовсе не означает, что она разлюбила Иосифа Виссарионовича. Несмотря на ужасные несчастья, которые ей пришлось пережить, она продолжала любить Сталина до самой своей смерти.

Женя решила, что будет благоразумнее отдалиться от Сталина. Одновременно с этим она принялась уговаривать Павла поговорить с вождем об аресте их друзей. Очевидно, он выполнил ее просьбу. «Они мои друзья, – сказал он. – Посади тогда и меня в тюрьму!» Обращение помогло, нескольких человек отпустили.

Другие Аллилуевы тоже старались при случае заступиться за арестованных. Бабушка Ольга, жившая, как благородная дама, в Кремле, больше молчала. Многие считали, что Сталин не знал о кровавых подробностях репрессий и его обманывали чекисты.

Она одна на этом корабле дураков прекрасно понимала, как обстоят дела. «Ничего в этой стране не происходит без его ведома», – говорила Ольга Аллилуева. Поэтому она никогда не просила ни за каких друзей. Сергей Аллилуев продолжал обращаться к Сталину. Он приходил к вождю домой, садился на диван и ждал, нередко засыпая. На рассвете, когда Сталин возвращался с позднего ужина, Аллилуев просыпался и просил за чью-нибудь жизнь. Генсеку нравилось дразнить тестя. Он часто повторял любимое выражение Сергея Аллилуева: «Точно, точно». «Значит, ты пришел ко мне, „Точно, точно“», – шутил вождь.

Сразу после ареста Сванидзе Анастас Микоян приехал, как обычно, на ужин к Сталину в Кунцево. Иосиф Виссарионович знал, как тот близок с Алешей. Он подошел к армянину и спросил:

– Ты слышал, что мы арестовали Сванидзе?

– Слышал. – Микоян мрачно кивнул. – Но за что?

– Он немецкий шпион, – ответил Сталин.

– Но это невозможно, – запротестовал Анастас Иванович. – Он ничего не саботировал. Какой толк от шпиона, который ничего не делает?

Тогда Сталин поведал своему непонятливому другу, что Сванидзе был особым шпионом. Немцы завербовали его, когда тот был в плену во время Первой мировой войны. А сейчас он должен только собирать информацию.

Можно предположить, что ужин после таких откровений продолжился как ни в чем не бывало.

* * *

Чтобы свалить руководителя, достаточно было его заподозрить. Дальше все происходило по инерции. Павел Петрович Постышев в свое время очень развеселил Сталина медленным танцем с Молотовым. Этот решительный и высокомерный большевик с нездоровым желтоватым цветом лица долго правил республикой, но недавно был смещен с поста первого секретаря компартии Украины. После отъезда из Киева он отчаянно пытался доказать свою преданность. Для этого Постышев уничтожил едва ли не всех чиновников в Куйбышеве. Сейчас же неожиданно выяснилось, что он погорячился и уничтожил не тех. Расплата наступила на январском пленуме.

– Но советское и партийное руководство находилось в руках врагов… – оправдывался Павел Постышев.

– Все? – прервал его Микоян. – От самого низа и до самого

верха?

– Неужели в Куйбышеве совсем не было честных людей? – поинтересовался Булганин.

– А вы не преувеличиваете, товарищ Постышев? – грозно спросил Молотов.

– У всех бывают ошибки, – примирительно сказал Лазарь Каганович.

Постышев понял намек и тут же сказал:

– Я готов говорить о своих личных ошибках.

– Я хочу, чтобы вы рассказали всю правду, – попросил Лаврентий Берия.

– Пожалуйста, разрешите мне закончить, – взмолился Постышев. – Я попытаюсь объяснить мотивы, которыми руководствовался…

– Вы не можете ничего объяснить! – прогрохотал Железный Лазарь. – В том-то все и дело!

Павел Постышев встал, чтобы ответить на обвинения, но Андреев, который вел заседание, резко остановил его:

– Сядьте, товарищ Постышев! Это не место для прогулок.

Прогулки для Постышева закончились навсегда. Его подверг беспощадной критике Георгий Маленков. Сталин предложил исключить переусердствовавшего руководителя из политбюро. Никиту Хрущева, который вскоре отправился руководить Украиной, выбрали вместо опального Постышева кандидатом в члены политбюро. Хрущев взобрался на вершину советского Олимпа.

Падение Павла Постышева являлось и завуалированным предупреждением для Николая Ежова. Однако нарком и не думал успокаиваться, он действовал все с большей и большей яростью.

Сталин, казалось, не сразу решил, как поступить с Постышевым. У бывшего руководителя Украины, человека властного и жестокого, имелось немало врагов. Возможно, они в конце концов и уговорили вождя добить поверженного соперника. У Постышева оставалась последняя надежда – личное обращение к Сталину. «Товарищ Сталин, я прошу вас принять меня после заседания», – написал Постышев. «Я не могу вас сегодня принять, – сухо ответил Сталин. – Переговорите с товарищем Молотовым».

Через несколько дней Постышева арестовали. Сталин подписал очередную разнарядку на расстрелы, всего на 48 тысяч человек. В это же время состоялось падение и маршала Егорова. Военачальника ждала та же печальная участь, что уже постигла его красавицу жену.

Николай Ежов арестовывал, пытал и убивал не покладая рук.

Он так выкладывался на работе, что валился от усталости с ног. 1 декабря 1937 года Сталин приказал ему взять недельный отпуск.

В начале января Ежевика, который к тому времени каждый день пил, отправился чистить Киев. Новый украинский руководитель Хрущев оказал ему самую энергичную помощь. Всего в столице Украины было арестовано 30 тысяч человек. Приехав в Киев и узнав, что его опередил предшественник Станислав Косир, вычистивший почти все украинское политбюро, Хрущев арестовал нескольких наркомов и их заместителей. Политбюро одобрило расстрельный список Никиты Сергеевича, состоявший из 2140 человек. Будущий преемник Сталина и тут перевыполнил норму. Он развернул на Украине свой Большой террор. В 1938 году были арестованы 106 119 человек. Приезд Ежова в Киев ускорил проведение кровавой бойни. «После приезда Николая Ивановича Ежова на Украину началось настоящее уничтожение спрятавшихся врагов», – хвалил Хрущев несгибаемого сталиниста Ежова за то, что тот безжалостно выкорчевывает «врагов народа».

НКВД «раскрыл заговор», участники которого хотели отравить лошадей. Два профессора были арестованы и объявлены нацистскими агентами. Никита Хрущев проверил так называемый яд и обнаружил, что он для лошадей безвреден. Только после назначения трех разных комиссий ему удалось доказать, что с этим заговором вышла ошибка. Налицо появление сомнений в работе НКВД. Однако есть все основания считать, что колебаться в отношении чекистов Хрущев начал лишь после того, как свое недовольство ими выразил сам Сталин.

Во время пьянок в Киеве Николай Ежов проявил поразительную неосторожность. Такая неосмотрительность тем более удивительна для человека, который знал, как работают органы, которые он сам возглавлял. Ежов хвалился, что все политбюро у него в руках, что для главного чекиста нет авторитетов и неприкасаемых, что он мог арестовать любого человека, даже партийного вождя. Ежевика напивался до такого состояния, что однажды ночью его пришлось нести домой. Сам он идти уже не мог. Конечно, рано или поздно, но Сталин должен был узнать о возмутительном поведении наркома в Киеве и его пьяном хвастовстве.

Ежов вернулся в Москву к началу третьего, последнего, показательного процесса над антисоветским блоком правых и троцкистов. Суд открылся 2 марта 1938 года. Главными обвиняемыми были Рыков, Бухарин и Ягода. Бывший нарком внутренних дел признался во множестве преступлений, в том

числе в убийствах Кирова и Горького. Николай Бухарин сделал «признание» особого рода – на эзоповом языке, наполненное сатирой в адрес Сталина и детских потуг Ежова на раскрытие страшных заговоров. Однако Бухарин старался напрасно. Его язвительность ничего не изменила.

Николай Ежов присутствовал на расстрелах «врагов народа». Говорят, он приказал избить Ягоду.

Но Ежевика проявил и какое-то слабое подобие гуманизма, когда очередь дошла до казни его старого собутыльника, бывшего секретаря Ягоды, Буланова. Перед расстрелом Ежов велел принести Буланову коньяка.

Сразу после мартовских расстрелов Ежевика предложил организовать четвертый суперпроцесс над польскими шпионами в Коминтерне. Он готовился уже не один месяц и старательно собирал материалы против иностранцев. Но Сталин предложение маленького наркома отклонил. Какими бы важными ни были эти дела, Иосиф Виссарионович всегда помнил, что есть и другие вопросы. Его сверхчувствительная интуиция уловила опасные настроения среди помощников. Все они страшно устали. Но особенно сильно выдохся главный палач, Ежевика.

Берия и усталость палачей

4 апреля 1938 года Николай Иванович Ежов был назначен комиссаром водного транспорта. Это назначение имело определенный смысл, потому что строительство каналов велось в основном силами заключенных ГУЛАГа, то есть находилось в ведении НКВД. Но чувствовалась тут и тревожная для Ежевики симметрия – Генрих Ягода после снятия с поста наркома внутренних дел получил такую же должность.

Ежов тем временем основательно прошелся даже по политбюро. На Лубянке допрашивали Постышева. Вскоре был арестован Роберт Эйхе, руководитель Западной Сибири.

Сталин решил повысить Станислава Косиора. Он был назначен заместителем председателя Совнаркома и переехал в Москву. Однако в апреле 1938 года чекисты схватили брата Косиора. Как обычно бывало в подобных случаях, единственной надеждой самого Косиора на спасение был отказ от родственника.

«Мне приходится жить в обстановке подозрений и недоверия, – писал он Сталину. – Вы не можете себе представить, насколько это тяжело для невинного человека. Арест моего брата бросает тень и на меня. Клянусь жизнью, я даже представить себе не мог истинную природу Казимира Косиора. Мы с ним никогда и не были особенно близки. Не могу понять – зачем он все это придумал?.. Товарищ Сталин, все обвинения в мой адрес от начала и до конца неверны. Прошу вас, товарищ Сталин, разрешить мне объясниться перед политбюро. Я докажу, что стал жертвой лжи врагов народа. Иногда мне кажется, что все это какой-то глупый сон…»

Как же часто жертвы доносов и наговоров сравнивали свое положение со сном! 3 мая Косиора арестовали, за ним последовал Чубарь. Каганович позже утверждал, что защищал Косиора и Чубаря, но когда увидел подписанные ими признательные показания, сдался.

Николай Ежов и не думал менять свою ночную жизнь вампира, наполненную пьянками и пытками. Его раздавила гигантская работа. От Сталина, конечно, не укрылось, что его любимый нарком морально разлагается. «Позвонишь в комиссариат – говорят, что он уехал в Центральный комитет. Позвонишь в Центральный комитет – выясняется, что он уехал в комиссариат. Посылаешь курьера к нему на квартиру, а он там валяется мертвецки пьяный», – жаловался вождь.

Конечно, палачам приходилось постоянно жить в обстановке стрессов. Как Гиммлер спустя несколько лет заботился о своих

подручных, чтобы те лучше выполняли работу, так и сейчас Сталин часто успокаивал своих помощников. Далеко не все обладали достаточными силами, чтобы выдержать такую напряженную жизнь.

Палачи из НКВД спасались при помощи спиртного. Даже у тех, кто не пил, голова шла кругом от потоков крови и гор трупов. Даже страшный Мехлис едва не сломался в самом начале террора, когда он еще руководил «Правдой». Он отправил необычное письмо Сталину. Оно позволяет нам понять, как трудно приходилось помощникам вождя в годы репрессий.

Дорогой товарищ Сталин, мои нервы на пределе. Я не достоин высокой чести быть большевиком. Особенно обидно и больно мне было после нашего частного разговора, ведь я обязан вам не только своей жизнью, но и партийностью. Я чувствую себя полностью раздавленным. Эти годы забрали у нас много людей… Мне приходится руководить «Правдой» без секретарей и редакторов, когда нет одобренных руководством тем, когда я оказался в конце концов в роли «мальчика для битья». Это организованный бедлам, который может поглотить кого угодно. И он уже поглотил немало народа! В последние дни я мало спал и сейчас чувствую себя разбитым, засыпать удается лишь в одиннадцать часов утра или даже в двенадцать… Я мечусь по квартире после бессонных ночей в газете. Считаю, что пришло время освободить меня [от этой работы]. Я не могу быть главным редактором «Правды», потому что не сплю и болею, потому что не могу следить за тем, что происходит в стране, в экономике, искусстве и литературе, у меня нет времени даже сходить в театр… Простите меня, дорогой товарищ Станин, за те неприятные минуты, которые я вам доставил. Мне очень трудно перенести такое потрясение!

У генерального прокурора Вышинского также едва не произошел нервный срыв, когда он нашел у себя на столе записку следующего содержания: «Все знают, что вы меньшевик. Сталин попользуется вами, а потом приговорит к вышке. Бегите! Вспомните Ягоду. Это ваша судьба. Мавр сделал свое дело, мавр должен уйти!»

Постоянно пьяный Ежов почувствовал, что Сталин, как он позже сам писал Хозяину, «не доволен работой НКВД», что еще сильнее ухудшило его настроение. Он предпринимал отчаянные попытки доказать свою преданность и полезность. От него, говорят, исходило предложение переименовать Москву в Сталинодар. Политбюро идею высмеяло и отклонило. Вместо

этого наркома призвали расстреливать собственных сотрудников, которых он защищал.

В начале 1938-го Сталин с Ежевикой решили уничтожить старого чекиста Абраама Слуцкого. Слуцкий руководил зарубежной разведкой, поэтому, чтобы не пугать советских агентов за границей, они придумали хитрый план. 17 февраля Фриновский пригласил Слуцкого к себе в кабинет. Туда же вошли и другие заместители Ежова. Они схватили Слуцкого и прижали к его лицу маску с хлороформом. Потом ему вкололи яд. Слуцкий скончался прямо в кабинете Фриновского. Официально было объявлено, что он умер от сердечного приступа.

Вскоре чистки стали угрожать даже тем чекистам, кто был близок к самому Ежову. Когда с Дальнего Востока решили отозвать его протеже, Люшкова, Ежевика предупредил своего человека. Люшков все понял и перебежал к японцам. Николай Ежов был в такой страшной панике, что попросил Фриновского поехать вместе с ним к Сталину и присутствовать при разговоре. «У меня одного не хватит для этого сил», – признался нарком. Ежов чуть с ума не сошел от страха. Сталин справедливо заподозрил, что тот предупредил Люшкова о вызове в Москву.

Чувствуя, что Ежов сейчас в опале, соратники Сталина, с лихвой доказавшие готовность и решимость убивать, начали обвинять наркома внутренних дел в моральном разложении и лжи. Наиболее острым критиком ежовских перегибов, по словам очевидцев, был Андрей Жданов. Его сын Юрий утверждает, что отец давно хотел переговорить со Сталиным наедине, но в кабинете всегда присутствовал Ежов. «Наконец отцу удалось встретиться со Сталиным тет-а-тет, – рассказал Юрий Жданов. – „Политические провокации продолжаются“, – сказал он». Эта история звучит вполне правдоподобно, потому что Жданов был ближе всех к Сталину и мог позволить себе некоторые вольности.

В середине 1938 года на заседании политбюро произошла горячая перепалка между Вячеславом Молотовым и Николаем Ежовым. Сталин стал на сторону премьера и велел Ежевике извиниться.

Тучи продолжали сгущаться. Очередным предателем стал советский резидент в Испании Александр Орлов. Ежов страшно боялся Сталина. Он решил промолчать и попытался скрыть эту информацию.

29 июля Сталин подписал очередной расстрельный список. Среди подлежащих уничтожению были и люди Николая Ежова. Нарком так испугался, что начал расстреливать заключенных, которые могли бы дать против него показания. Успенский,

начальник украинского НКВД, находился в то время в Москве. Он узнал, что за пять дней должны расстрелять тысячу человек. «Ото всех следов необходимо избавиться, – предупредил его Ежов. – Все расследования надо срочно закончить. Дела нужно привести в такое состояние, чтобы в них ничего нельзя было понять».

Сталин мягко указал Ежову, что тот не справляется с НКВД в одиночку и нуждается в помощи. Он попросил Ежевику найти себе ассистента. Ежов попросил назначить Маленкова, но вождь решил, что тот должен остаться в ЦК. Трудно сказать, от кого исходила инициатива, но, возможно, Каганович предложил перевести в НКВД Лаврентия Берию. Это должно было устроить Сталина. Он сам кавказец и знал, что на его родине до сих в почете кровавая вражда, месть и тайные убийства. Берия вполне подходил для выполнения непростой задачи. Ему не нужно было ничего объяснять, он сам был чекистом. Лаврентий Павлович – единственный первый секретарь компартии союзной республики, лично пытавший задержанных. Его излюбленными орудиями пыток были жгут и дубинка. Берию ненавидели многие старые большевики и члены семьи Сталина. Вождь наверняка подумал, что грузинский чекист с его интригами, заговорами и мстительностью поможет ему навести порядок в собственном доме.

Вероятно, Ежов попытался арестовать своего соперника, но было поздно. Сталин уже переговорил с Лаврентием Павловичем – на заседании Верховного Совета 10 августа. Берия перебирался в Москву.

После 1931 года Лаврентий Павлович Берия проделал долгий путь. В момент описываемых событий ему исполнилось только тридцать шесть лет. Этот незаурядный человек обладал сложным и очень мощным умом. Он был остроумен и очень любил, казалось бы, не по делу шутить, рассказывать не всегда приличные анекдоты и грубо разыгрывать коллег и знакомых. Ему удавалось одновременно быть и садистом-палачом, и любящим мужем, и нежным отцом.

К 1938 году Берия уже был хроническим бабником. Из таких людей власть нередко делает сексуальных маньяков. Берия, несомненно, был талантливым организатором. Прирожденный управленец являлся единственным руководителем Советского Союза, которого можно было представить, как через много лет говорила его невестка, на посту председателя правления «Дженерал Моторс». Он руководил гигантскими предприятиями при помощи комбинации угроз («Я сотру вас в порошок»), мелочной аккуратности и педантизма. Все, за что ни брался

Берия, работало с точностью часового механизма. Он не терпел только две вещи: многословия и неясного выражения мыслей.

Лаврентий Берия был хорошим работником, деловым и способным. Еще в начале 1932 года Сталин говорил Кагановичу, что у Берии «бычьи нервы» и он никогда не устает. Эти качества необходимы при сталинском дворе. «Он был очень умный человек, – признавал Вячеслав Молотов, – и отличался нечеловеческой энергией. Мог неделю работать без сна».

Лаврентий Павлович обладал удивительной способностью вызывать страх и энтузиазм. С подчиненными он был груб, часто угрожал: «Мы арестуем вас и сгноим в лагерях. Мы превратим вас в лагерную пыль». Несмотря на это, перед ним преклонялись. Протеже Берии, молодой грузин Алеша Миртсхулава, хвалил своего бывшего покровителя за человечность, силу духа, энергию и патриотизм даже спустя полвека после его гибели, во время нашего разговора в 2002 году.

Берия любил хвастаться, что может выбить из человека любое признание. «Дайте мне его на одну ночь, и я заставлю его признаться в том, что он король Англии!» – любил повторять Лаврентий Павлович.

Его любимыми фильмами были вестерны, но в них ему нравились не американские ковбои, а мексиканские бандиты. Берия был прилично образованным для большевистского вождя. Сталин любил подшучивать над этим неудавшимся архитектором. Генсек с улыбкой говорил, что в пенсне Берии простые стекла и он носит очки лишь для того, чтобы придать себе умный вид.

Коварный интриган, большой грубиян и хам, психопат и сексуальный авантюрист, Лаврентий Берия вполне мог бы перерезать горло соперникам, соблазнять фрейлин и отравлять кубки с вином при дворах Чингисхана, Сулеймана Великолепного или Лукреции Борджиа. Но этот «фанатик», как называла его Светлана, боготворил Сталина на раннем этапе своей московской карьеры. Отношения между ними напоминали связь между монархом и вассалом. Берия обращался со Сталиным как с царем, а не как с товарищем по партии, пусть и первым. Старые товарищи вели себя со Сталиным уважительно, но с большей фамильярностью. Конечно, и они восхваляли вождя, но это не была такая грубая лесть, как у Берии. Лаврентий Павлович произносил верноподданническим тоном: «О да, вы правы, абсолютно правы, на все сто процентов правы». «Он всегда подчеркивал, что предан моему отцу, – вспоминала Светлана. – Со временем Сталин к этому привык. Он считал, что этот человек поддержит все, что бы он ни говорил».

Берия принес ко двору Сталина обычаи знойной Абхазии.

Со временем он станет еще более сложным, честолюбивым и испорченным, но менее преданным марксизму. В 1938 году эта «колоссальная фигура», по словам Артема Сергеева, изменила все.

Лаврентий Берия, как многие перед ним, сначала попытался отказаться от нового назначения. Нет причин сомневаться в его искренности. Судьба предшественников говорила, что это очень опасное место. Генрих Ягода только что был расстрелян. Ежову грозила опасность. Не хотела переезжать в Москву и жена Берии, Нина. Но Лаврентий был невероятно честолюбив. Когда Сталин предложил сделать его первым заместителем НКВД, Николай Ежов патетически воскликнул, что из этого грузина получится и хороший нарком. «Нет, он будет только хорошим заместителем», – успокоил его Сталин.

Сталин приказал Власику организовать переезд Берии в столицу. В августе 1938 года, после краткой поездки в Тифлис, где он назначил своего преемника, Лаврентий Павлович приехал в Москву. 22 августа он был назначен первым заместителем наркома внутренних дел.

Берия получил квартиру в роковом Доме на набережной. Сталин лично приехал посмотреть, как устроился его очередной протеже, но квартирой остался не очень доволен. Он знал, что на солнечном юге с его традиционными пристрастиями к роскоши, вину и в изобилии растущим в этих краях экзотическим фруктам большевистские руководители живут лучше, чем в остальных местах необъятной страны. В Тифлисе Берия обитал в элегантном старинном особняке.

Сталин предложил соотечественникам перебраться в Кремль, но жена Берии отнеслась к этому предложению без особой радости. В конце концов вождь выбрал для своего выдвиженца из Грузии величественный дом в самом центре Москвы. В этом особняке на Малой Никитской улице до революции жил генерал Куропаткин. Так у Лаврентия Берии, единственного из советских руководителей, появился собственный особняк.

Сталин, казалось, нашел в приехавшей в Москву семье Берии свою давно потерянную семью. Он очень любил Нину Берия, похожую на статуэтку миловидную блондинку, и всегда относился к ней как к дочери.

Новый руководитель Грузии Кандид Чарквиани приехал к Берии на ужин. Зазвонил телефон. Через минуту в доме началась суматоха. «Сейчас приедет Сталин!» – сообщила Нина и бросилась на кухню готовить грузинские блюда. Скоро появился Иосиф Виссарионович. Сталин и Берия пели во время супры, грузинского застолья с традиционными блюдами. Даже после

Большого террора вождь не лишился способности совершать неожиданные поступки.

Берия и Ежов стали друзьями, но это была показная, неискренняя дружба. Лаврентий Павлович ласково называл шефа «Дорогой Ежик» и даже гостил у него на даче. Такие отношения не могли долго продолжаться в диких джунглях сталинского двора.

Берия присутствовал на большинстве совещаний в комиссариате. Он взял под контроль разведку и начал неторопливо, исподволь готовиться к устранению Ежевики. Лаврентий Павлович пригласил на ужин Хрущева и предупредил о близости Маленкова и Ежова. Хрущев догадался, что на самом деле Берия завуалированно советует ему порвать с наркомом внутренних дел. Вне всяких сомнений, такой же разговор состоялся и с Маленковым. Но самое яркое доказательство того, что Берия копал под начальника, можно найти в архивах. Грузинский чекист хитростью уговорил Вышинского пожаловаться Сталину на медлительность Ежова. Вождь никак не отреагировал, но Молотов строго указал Николаю Ежову: «Необходимо прислушиваться к советам товарища Берии и работать побыстрее». Поскребышев всегда был флюгером, по которому можно определить настроение Сталина. Вскоре он перестал, как раньше, по-дружески говорить Ежову «ты» и начал ездить в гости не к нему, а к Берии.

Берия принес в НКВД новый дух. На смену неистовости и страстности Ежова пришла строгая система террора в «административных рамках». Именно посредством этой системы Сталин затем управлял Россией. Работа наркомата внутренних дел значительно улучшилась. К сожалению, заключенным от этого легче не становилось. Берия вместе с Ежовым допрашивал арестованных партийных боссов: Косиора, Чубаря и Эйхе. Их продолжали жестоко пытать. Чубарь написал письма Сталину и Молотову, где рассказывал о страшных пытках, которым подвергают заключенных в тюрьмах НКВД.

Сталин, Ежевика и Берия решили сейчас заняться Дальним Востоком – армия, которой командовал талантливый маршал Блюхер, до этого почти не подверглась чисткам. В конце июня на блюхеровских командиров набросился кровожадный Мехлис. Свой штаб он организовал в железнодорожном вагоне. Вскоре Лев Захарович начал закидывать Сталина и Ворошилова телеграммами примерно следующего содержания: «Повсюду в специальных железнодорожных войсках сомневающиеся и колеблющиеся… Выявлены 46 командиров немецкой, литовской, польской, латвийской и галицийской

национальности… Должен отправляться во Владивосток, там предстоит большая чистка в войсках…» Он удовлетворенно рапортовал вождю: «Уволил 215 политических работников, большинство из них арестованы. Но чистка еще не закончена. По-моему, нельзя уезжать из Хабаровска, не проведя более тщательного и серьезного расследования». Когда Ворошилов и Буденный попытались спасти офицеров, Мехлис пожаловался на Ворошилова (они люто ненавидели друг друга) Сталину: «Я докладывал ЦК и наркому Ворошилову о ситуации в секретном отделе Дальневосточного фронта. Там окопалось много сомневающихся людей и шпионов. Тов. Ворошилов приказал прекратить процесс. Не могу согласиться с этим решением». Даже Каганович, человек очень жестокий, считал, что Мехлис проявляет верх кровожадности, и говорил: главный политрук Красной армии порой перегибает палку.

В то самое время, когда Мехлис отправился наводить порядок в дальневосточных войсках, японская Квантунская армия решила проверить Красную армию на прочность. Западнее озера Хасан произошло крупное сражение. Блюхер атаковал японцев 6–11 августа 1938-го и отбросил их с большими потерями. Сталин, которого Мехлис постоянно уговаривал быть жестче и решительнее, был недоволен многочисленными потерями и колебаниями Блюхера. Он отругал маршала по телефону: «Скажите мне честно, товарищ Блюхер, вы действительно хотите воевать с японцами? Если нет, ответьте честно, как подобает настоящему коммунисту».

«Акулы приехали, – сказал Блюхер жене. – Они хотят меня съесть. Вопрос стоит ребром: или они меня съедят, или я – их. Но последнее маловероятно». Московские акулы-убийцы сыграли в судьбе Василия Блюхера роковую роль. Мехлис арестовал четырех человек из штаба маршала и потребовал у Сталина и Ворошилова разрешения «расстрелять всех четверых без суда по специальному приказу». Маршал Блюхер был отозван в столицу и арестован 22 октября 1938 года.

«Теперь очередь за мной!» – рыдал у себя в кабинете Николай Ежов. Несмотря на критическое положение, он продолжал с неослабевающим рвением пытать и расстреливать «врагов народа». 29 сентября Берию поставили во главе Главного управления государственной безопасности (ГУГБ), которое было самым важным в НКВД. Ежов лишился большей части власти. Теперь приказы по наркомату считались недействительными без подписи Лаврентия Павловича.

Ежевика попытался нанести ответный удар: он предложил Сталину назначить вторым заместителем наркома Станислава

Реденса, врага Берии и зятя вождя. Сталин отверг идею. Ежов понял, что это окончательное и решительное поражение.

Карлик пил по-черному на даче вместе со своими упавшими духом друзьями и помощниками. Он предупредил, что всех скоро могут арестовать, и строил планы один фантастичнее другого. «Немедленно удалите из Кремля всех людей, поставленных туда Берией, – громко приказал он начальнику службы охраны Кремля во время одной из таких пьянок. – Замените их более надежными людьми». Через минуту он пробормотал заплетающимся голосом, что необходимо убить Сталина.

Трагедия и моральное разложение Ежовых

Слухи об охоте Евгении Ежовой на литературных львов неожиданно дошли до Сталина. У Шолохова, одного из любимых писателей вождя, начался роман с женой наркома. Ревнивый Ежов велел поставить микрофоны в его номер в гостинице «Националь». Ежов с яростью читал распечатки записей, из которых следовало, что его жена и писатель целовались и занимались любовью. Нарком был в таком бешенстве от измены жены, что влепил ей пощечину в присутствии их вечной гостьи Зинаиды Гликиной, с которой сам спал. Через какое-то время он простил Евгению, но слежку за писателем не отменил. Шолохов заметил людей Ежова и пожаловался Сталину и Берии. Иосиф Виссарионович сильно рассердился. Он вызвал Ежевику на заседание политбюро и заставил извиниться перед Михаилом Шолоховым.

Партийные руководители видели, какая борьба идет между Ежовым и Берией, и осторожно лавировали между ними. Когда Николай Ежов арестовал одного комиссара, Сталин послал разбираться Молотова и Микояна. Вернувшись в Кремль, Анастас заявил, что задержанный невиновен. Берия воспользовался случаем и вновь обрушился на начальника с критикой. «На лице Ежова появилась двусмысленная улыбка, – вспоминал Микоян. – Берия был явно доволен. Один Молотов, как всегда, оставался непроницаем. На его лице застыла каменная маска». Арестованному наркому явно повезло. Он вернулся, можно сказать, с того света. Сталин велел его отпустить.

Как-то офицеру НКВД срочно потребовалась подпись наркома, но Ежова нигде нельзя было найти. Берия посоветовал поехать на дачу и поискать наркома там. Ежов действительно был на даче. Он находился в ужасном состоянии, как будто смертельно болел или, что более вероятно, беспробудно пил всю ночь. Уловив, откуда дует ветер, на Ежова начали жаловаться начальники НКВД на местах.

Зловещие тучи начали сгущаться и над семьей Николая Ивановича. Евгения, красивая, но недалекая супруга наркома внутренних дел, самозабвенно играла роль черной вдовы. Так получилось, что большинство ее любовников погибли. Евгения оказалась слишком хрупким и чувствительным цветком для жестокого и грубого мира, в котором обитал Ежов. Конечно, они оба были очень развратными людьми, но в свое оправдание,

наверное, могли бы сказать, что пребывали в состоянии постоянного напряжения, головокружительной власти над жизнью и смертью и поразительной суматохи.

Трудно спорить с тем, что в падении Николая Ивановича была справедливость. Но для Евгении и особенно маленькой Наташи, которая знала его как доброго и любящего отца, произошла страшная трагедия.

Фатальный рок опустился на литературный салон Евгении Ежовой. Как-то вечером ее провожал в Кремль один знакомый. Евгения шла по темным улицам и думала над судьбой Бабеля. Ему угрожала опасность, потому что писатель дружил с арестованными военачальниками-троцкистами. «Только европейская слава и может его спасти», – размышляла Евгения. Она не догадывалась, что ей самой грозит еще большая опасность.

До Ежова дошли слухи, что Берия собирается использовать против него жену. Чекист из Грузии знал, что Ежова какое-то время жила в Лондоне, и хотел сделать ее «английской шпионкой». В сентябре 1938-го нарком решил развестись с супругой. Надо заметить, это было вполне разумное решение. Ежов лучше других знал, что развод может спасти Женю. По крайней мере, ему были известны несколько похожих случаев.

Напряжение последних дней почти сломало хрупкую психику Евгении. Она взяла Зинаиду и поехала лечиться в Крым. Похоже, нарком пытался спасти жену от ареста. Наверное, этим и объясняется ее письмо, полное любви и благодарности. «Колюшенька, я прошу тебя, я настаиваю, чтобы ты позволил мне контролировать мою жизнь, – написала она обложенному со всех сторон врагами мужу. – Коля, дорогой, я серьезно прошу тебя проверить все мое прошлое, все обо мне… Не могу примириться с мыслью, что нахожусь под подозрением, что меня обвиняют в преступлениях, которые я никогда не совершала».

Окружающий их мир сужался с каждым днем. Николай Ежов успел расстрелять бывшего мужа Евгении, Гладуна, прежде чем Берия захватил контроль над НКВД и мог им воспользоваться. Но один из бывших любовников Евгении, издатель Урицкий, попал в руки всесильного заместителя наркома. На допросах помимо прочих признаний он рассказал о том, что у Евгении Ежовой был роман с Бабелем.

Вскоре чекисты арестовали секретаря Ежова и начали хватать его друзей. Нарком вызвал жену в Москву.

Евгения ждала решения своей участи на даче с дочерью Наташей и подругой Зинаидой. Больше всего она боялась за семью. Ее нервы не выдержали, и она вновь очутилась

в больнице. Врачи поставили следующий диагноз: «Астенически-депрессивное состояние. Не исключена возможность циклотимии» – и посоветовали лечение в санатории под Москвой.

В числе прочих друзей Ежова Берия приказал схватить Зинаиду Гликину. После ареста Зинаиды Евгения написала Сталину: «Прошу вас, товарищ Сталин, прочитать это письмо. Меня сейчас лечит профессор. Но какое это имеет значение, если мне не дает покоя страшная мысль, что вы не доверяете мне? Вы дороги мне, я люблю вас…»

Поклявшись жизнью дочери, что она говорит правду, Евгения призналась, что совершала ошибки в личной жизни, но все они объясняются ревностью. Вне всяких сомнений, Сталин к тому времени был уже в курсе всех ее любовных приключений. Евгения предложила принести жертву: «Пусть у меня заберут свободу, жизнь, но я не откажусь от права любить вас, как все остальные советские люди, которые любят страну и партию… Я чувствую себя как живой труп, – жаловалась Женя Ежова. – Что мне делать? Простите меня за это письмо. Я написала его в постели…»

Сталин не ответил.

Ловушка захлопнулась. Спасения ни для Евгении, ни для ее любимого Колюшеньки не было. 8 октября Лазарь Каганович написал черновик постановления политбюро по НКВД. 17 ноября комиссия политбюро осудила «очень серьезные ошибки в работе органов НКВД». Тройки, наводившие ужас на всю страну, были распущены. Сталин и Молотов подписали постановление. Тем самым они отрекались от террора и репрессий.

Ежов присутствовал на ноябрьском параде, но стоял на мавзолее не рядом со Сталиным, как раньше, а позади. Вскоре он вообще исчез. Его заменил Лаврентий Берия в синей фуражке и форме комиссара государственной безопасности первого класса.

Узнав, что Сталин приказал арестовать его друга, шефа украинского НКВД Успенского, карлик предупредил того об опасности. Успенский решил схитрить. Он инсценировал самоубийство и пустился в бега.

У Иосифа Виссарионовича были все основания подозревать, что Ежевика прослушивает и его телефоны.

Евгения Ежова по-своему, конечно, любила мужа, несмотря на многочисленные обоюдные измены, и обожала дочь Наташу. Поэтому была готова пожертвовать всем, чтобы их спасти. Ее подруга, Зинаида Орджоникидзе, вдова Серго, навестила опальную жену наркома в больнице. Она пошла на этот шаг, прекрасно зная, как к такому проявлению истинной дружбы и верности могут отнестись Сталин и Берия. Евгения передала

с ней письмо для супруга. В нем она сообщала, что хочет совершить самоубийство, и просила принести снотворное. И предупредила, что примет лекарство, когда муж пришлет ей статуэтку маленького гнома. Ежов передал в больницу люминал, а через несколько дней приказал служанке отнести жене статуэтку. Этот гном, учитывая маленький рост самого Ежова, придавал трагедии элемент фарса. Возможно, Евгения выбрала гнома в качестве знака для совершения самоубийства, потому что он был подарком от дорогого Коли в начале их романа. После ареста Гликиной Евгения поняла, что ее тоже неминуемо схватят, и отправила мужу прощальное письмо.

19 ноября она приняла люминал, в 23 часа потеряла сознание. Ежов в это же время приехал в Маленький уголок, где его уже ждало политбюро вместе с Берией и Маленковым. Пять часов они беспощадно критиковали его за допущенные ошибки и перегибы. Евгения умерла двумя днями позже.

Ежов мрачно размышлял, что ему пришлось пожертвовать женой, чтобы спасти себя. Она вышла замуж за монстра, но умерла молодой, чтобы спасти дочь. В некотором роде Евгения Ежова выполнила материнский долг и частично компенсировала пустую и никчемную жизнь, которую вела.

Исааку Бабелю рассказали, что Сталин никак не может понять, почему она покончила с собой.

Девятилетнюю приемную дочь Ежовых Наташу взяла сестра Евгении. Потом ее отправили в один из мрачных детских домов, в которых воспитывались дети «врагов народа».

23 ноября, через два дня после смерти Евгении, Ежов вернулся в Кремль за очередной порцией критики. После четырехчасового разноса от Сталина, Молотова и Ворошилова он написал заявление с просьбой отставки с поста наркома НКВД. Сталин отставку принял. Ежов остался секретарем ЦК, наркомом водного транспорта и кандидатом в члены политбюро. Он по-прежнему жил в Кремле и бродил по аллеям старинной крепости, как крошечное привидение. Сейчас этот страшный человек наверняка испытал те же ощущения, что и его жертвы накануне ареста. «Друзья отвернулись от меня, как от прокаженного, – жаловался он. – Я никогда не догадывался, как много низости и подлости таится в этих людях». В репрессиях Ежов обвинял Сталина. Он приводил широко распространенное русское выражение: «Божья воля, царский суд». Себя он, конечно, считал царем, а Сталина – богом.

Утешение Николай Иванович Ежов искал в пьянках и бисексуальных оргиях. Этим он занимался на своей кремлевской квартире. Как-то вечером бывший чекист привел

к себе двух собутыльников и любовников времен молодости. Всю ночь эта теплая компания пьянствовала и занималась гомосексуальной любовью. Племянники привозили Ежову женщин, но он вспомнил о своем былом увлечении – мужчинах. Приятель Константинов приехал к нему в гости с женой. Ежов станцевал с ней фокстрот, потом расстегнул брюки и изнасиловал. Следующей ночью, когда бедняга Константинов приехал вновь, они опять долго пили и танцевали под граммофон. Гость уснул, но проснулся, почувствовав что-то у себя во рту. «Я открыл глаза и увидел Ежова, который засовывал свой член мне в рот», – с отвращением рассказывал он. Полностью потерявший над собой контроль Ежевика безропотно ждал финала.

Сталин прозвал Лаврентия Берию Прокурором. 25 ноября он был торжественно назначен наркомом внутренних дел. Берия пригласил в столицу своих людей из Грузии. Уничтожив свиты старых большевистских князьков, Сталин сейчас для уничтожения Ежова был вынужден выписать в Москву банду Берии.

По иронии судьбы, приспешники Берии оказались намного образованнее Кагановича и Ворошилова, но образованность не является помехой для того, чтобы быть варваром. Взять хотя бы седого, обаятельного и утонченного Меркулова. Этот обрусевший армянин писал пьесы под псевдонимом Всеволод Рокк. Их ставили в московских театрах. Берию он знал по совместной учебе в Бакинском политехническом институте. В ЧК Меркулов вступил в 1920 году. Лаврентий Павлович, перенявший у Хозяина привычку давать всем клички, называл Меркулова Теоретиком.

Еще одним членом команды был Шалва Церетели, бывший грузинский князь. Впрочем, князей в Грузии так же много, как виноградников. Он был офицером в царской армии, затем вступил в Грузинский легион. Церетели имел благообразный вид респектабельного джентльмена. Он работал в особом отделе НКВД и состоял при патроне убийцей.

Особенно бросался в глаза 130-килограммовый Богдан Кобулов. Этот унизанный кольцами гигант был, по выражению знавших его людей, «самым отвратительным человеком на земле». Многим Кобулов напоминал медведя. Кавказец с мутными карими глазками был большим любителем хорошей жизни. Он обладал волосатыми руками, короткими кривыми ногами и щеголеватыми усиками. Кобулов относился к той породе бериевских мучителей, которые наверняка чувствовали бы себя в гестапо не менее уютно, чем в НКВД. За широкие плечи Лаврентий Павлович прозвал его Самоваром.

Своих жертв Кобулов избивал кулаками. Он прыгал на них и наваливался всем огромным весом. Его любимым орудием пыток была дубинка. По поручению Сталина Богдан Кобулов ставил у партийных руководителей жучки. Он заменил расстрелянного Паукера и стал придворным шутом.

После переезда в Москву прошло совсем немного времени, а Самовар уже доказал свою полезность. Во время одного из допросов в кабинете Берии заключенный неожиданно вскочил и прыгнул на наркома. Кобулов часто с удовольствием рассказывал, что произошло в следующее мгновение: «Я увидел шефа на полу. Тогда я прыгнул на этого типа и сломал ему шею голыми руками».

Богдан Кобулов был, наверное, самым жестоким из подручных нового наркома внутренних дел. Тем не менее даже этому зверю порой казалось, что он занимается плохим делом. В такие минуты он ехал к своей матери и рыдал у нее на плече, как огромный грузинский мальчишка: «Мама, мама, что мы делаем? Придет день, и мне придется за все это отвечать!»

Появление в Москве этих экзотических выходцев из Грузии, среди которых были и осужденные убийцы, напоминало приезд Панчо Вильи с бандитами, как в любимых вестернах Берии. Пройдет время, и Сталин, осуществляя большую и сложную игру, отправит часть из них домой, заменив русскими чекистами. Пока же люди Берии придавали свите вождя ярко выраженный грузинский оттенок.

Дел по-прежнему было невпроворот. К примеру, в день официального назначения Лаврентия Берии наркомом Сталин и Молотов подписали очередной расстрельный список на 3176 человек.

Лаврентий Павлович каждую ночь ездил в тюрьму Лефортово пытать маршала Блюхера. Ему помогали «Теоретик» Меркулов, «Самовар» Кобулов и главный следователь наркома, Родос. Последний садист так зверски избивал маршала, что тот кричал: «Сталин, ты слышишь, что они со мной делают?» Берия с подручными работал с большим энтузиазмом. Они так старались, что даже выбили Василию Блюхеру один глаз. Маршал скончался от побоев. Берия приехал в Кремль и доложил Сталину. Вождь приказал кремировать тело.

Выполняя приказы Хозяина, Берия не забывал и о личных делах. Сейчас он с удовольствием сводил старые счеты. Лаврентий Павлович лично арестовал Александра Косарева, главного комсомольца Советского Союза, за то, что тот когда-то оскорбил его. Позже Сталину донесли, что причиной гибели Косарева стала личная месть Берии. «Мне говорили, что Берия

очень мстителен, но доказательств этим словам у меня не было, – размышлял генсек. – В деле Косарева Жданов и Андреев лично проверяли все доказательства».

Лаврентий Павлович упивался властью.

* * *

Сталин, как всегда, вел себя осторожно. Он решил не доверяться Берии полностью. Начальник госбезопасности (первого отдела НКВД), отвечавший за личную безопасность вождя, занимал важное, но чрезвычайно опасное положение. После Карла Паукера были расстреляны еще двое человек. Сейчас Сталин решил назначить на этот пост своего личного телохранителя Власика. Как начальник охраны вождя Власик также отвечал за безопасность дач, следил за поставками продуктов и состоянием автопарка. Через его руки проходили миллионы рублей. Власик управлял маленькой империей. Следовательно, объяснял Артем Сергеев, в политике Сталин руководил через Поскребышева, а в личных делах – через Власика. Оба умели работать, не уставая. Оба были очень энергичными и подлыми людьми.

У Николая Власика и Александра Поскребышева были очень похожие судьбы. Их дочери вспоминали, что дома они проводили только воскресенья. Все остальное время находились при Сталине. Домой возвращались такие усталые, что тут же валились спать. Никто не знал Сталина лучше этих двух человек. В кругу семьи они никогда не говорили о политике. Серьезные беседы заменялись обсуждением рыбалки.

Власик жил в элегантном особняке на Гоголевском бульваре. Он был очень предан Хозяину, необразован и много пил. Другой его отличительной чертой была любовь к слабому полу. У него имелось так много любовниц, что он забывал их имена и был вынужден записывать их в блокнот. Во время оргий у Власика порой находилось по женщине в каждой комнате. Сталина за глаза он называл Хозяином, но в лицо – только «товарищ Сталин». Изредка Власик ужинал с вождем.

По своему положению Александр Поскребышев, конечно, был значительно выше. Он часто сидел с партийными руководителями за одним столом. Сталина секретарь уважительно называл «Иосиф Виссарионович». Поскребышев часто был объектом розыгрышей и сам любил пошутить.

Обычно он мрачно сидел за столом в приемной Сталина. Маленький уголок входил в его владения. Большевистские вожди

понимали, какое высокое положение занимает Поскребышев, и всячески старались с ним подружиться. Играя на его самолюбии, советские руководители выясняли, в каком настроении находится Сталин.

Александр Поскребышев всегда звонил Вышинскому и говорил, что Сталин выехал в Кунцево. Только после этого генеральный прокурор мог позволить себе немного поспать. Однажды Поскребышев спас жизнь Никите Хрущеву.

Он обладал такой властью, что иногда позволял себе оскорблять даже членов политбюро. «Верный щитоносец», по словам Хрущева, играл свою роль в самых земных делах Сталина и в самых ужасных. Позже Поскребышев хвастался, что они с вождем пользовались ядами.

Он был любящим мужем для Бронки и ласковым отцом для двух детей: Гали, дочери от первого брака жены, и собственной дочери Натальи.

Если по воскресеньям звонила вертушка, никто не имел права снимать трубку. Поскребышев гордился своим положением. Когда его дочери должны были сделать операцию, он прочитал лекцию о том, что дочь должна вести себя в соответствии с их высоким статусом.

Личному секретарю Сталина приходилось тесно сотрудничать с Берией. Они дружили семьями и часто ездили друг к другу в гости. Если нужно было обсудить какое-нибудь дело, шли в сад. Но по большому счету, и Власик, и Поскребышев являлись соперниками Лаврентия Павловича. Они стояли у него на пути к власти. А вот семья Аллилуевых к тому времени уже перестала быть для кого-либо препятствием.

Смерть сталинской семьи. Странное предложение и домохозяйка

Впустить Берию в семью значило примерно то же самое, что впустить лису в курятник. Впрочем, Сталин и сам несет ответственность за то, что случилось с родственниками. «Вся наша семья была в полном недоумении, – писала Светлана. – Никто не мог понять, почему Сталин так приблизил в Москве Берию, провинциального тайного полицейского, к себе и к правительству».

Потому и приблизил, что для Лаврентия Павловича не было ничего святого.

Друзья и соратники Сталина постоянно ворчали по поводу высокого самомнения «тетушек». Обнаглевший от огромной власти, стесняющийся комплекса неполноценности провинциала и осыпаемый насмешками соперников, Лаврентий Берия был полон решимости показать себя, уничтожив блестящих новых аристократок, которые имели о себе очень высокое мнение. В начале тридцатых Лаврентий Павлович попытался ухаживать за Женей в присутствии ее мужа и Сталина, которые сидели рядом. Женя подошла к Сталину.

– Если этот негодяй не оставит меня в покое, я разобью ему пенсне, – пригрозила она.

Все рассмеялись. Берия смутился.

Позже, когда Лаврентий Берия стал часто приезжать в Кунцево, он возобновил ухаживания.

– Иосиф, он пытался ущипнуть меня за коленку! – пожаловалась Сталину Женя Аллилуева.

Сталин, вероятно, относился к Берии как к чему-то вроде игральной карты из колоды. Сталинская семья мало чем отличалась от элиты, которую он хотел уничтожить. Когда Лаврентий Павлович явился на ужин в свитере с отложным воротником, Женя, презиравшая большевистскую скромность и серость, всегда одетая с иголочки, громко сказала:

– Как вы смеете приходить на ужин в таком виде?

Не лучше относились к грузинскому чекисту и остальные родственники вождя. Дедушка Аллилуев вообще постоянно называл его «врагом».

В ноябре 1938 года семейная жизнь Сталина в том виде, в каком она существовала еще каких-то пару лет назад, практически закончилась. Лаврентий Берия расширил маховик Большого террора так, что он захватывал всех, кто хоть как-то

был связан с Николаем Ивановичем Ежовым. Ежов не только назначил зятя Сталина, Станислава Реденса, руководить НКВД в Казахстане, но даже просил сделать его вторым заместителем наркома. Такое предложение было поцелуем смерти. Отношения между Иосифом Виссарионовичем и Реденсами перед их отъездом в Алма-Ату, несомненно, были теплыми. Нам мало известно о роли Реденса в репрессиях, но в чистках в Москве и Казахстане он принимал самое деятельное участие. Он руководил операциями. Перевод в столицу Берии, его заместителя в Тифлисе в 1931 году, который тогда так жестоко подшутил над Реденсом, конечно, явился плохой новостью. Но даже без грузинского чекиста Станислав, скорее всего, был бы обречен.

Тем временем в затруднительном положении оказался и Павел Аллилуев. Сейчас он работал наркомом танковых войск. Он был не только тесно связан с расстрелянными генералами, но и собирал секретную информацию о танковой промышленности Германии. При встрече с советским шпионом Орловым незадолго до его бегства на Запад Аллилуев предупредил: «Никогда не расспрашивайте о деле Тухачевского. Знать об этом так же опасно, как вдохнуть ядовитые пары».

Затем Павел отправился по делам на Дальний Восток. Местные генералы попросили его о помощи. Он вылетел назад, по словам дочери Киры, с доказательствами их невиновности. Павел Аллилуев явно не понимал, что должен был убедиться в обратном. Его активность в деле спасения арестованных постепенно привела к тому, что Сталин начал от него уставать.

1 ноября 1938 года Павел вернулся с отдыха в Сочи. Позавтракав, он отправился к себе в кабинет. Потом поехал на работу. Там его ждала неприятная новость. Оказалось, что большинство его подчиненных арестованы. «Он попытался кое-кого спасти, пробовал связаться с моим отцом, но все было бесполезно», – писала Светлана.

В два часа того же дня в квартире Аллилуевых раздался телефонный звонок. «Чем вы кормили сегодня своего мужа? – спросил Женю незнакомый голос. – Ему плохо». Женя хотела тут же ехать на работу к мужу, но ее попросили не торопиться. Павла Аллилуева доставили в Кремлевскую больницу. В официальном медицинском заключении написано: «Доставлен в бессознательном состоянии. Он был синюшного цвета и, очевидно, умирал. Пациент так и не пришел в сознание».

Все это было очень странно – особенно если учесть, что доктор, звонивший Жене, потом удивился: «Почему вас так долго не было? Он хотел вам что-то сказать. Он все время

спрашивал, почему Женя не идет? Сейчас, к сожалению, поздно. Он уже скончался».

Так умер брат Надежды Аллилуевой, подаривший ей пистолет. Немало несоответствий в этой и без того довольно подозрительной смерти в период, когда убийства руками медиков практически стали нормой жизни, конечно, наводят на серьезные размышления. Не исключено, что Павла Аллилуева отравили.

Сталин сохранил медицинское свидетельство о его смерти. Позже в убийстве Павла Аллилуева обвинили жену. Вождь нередко инкриминировал свои преступления другим. Правду мы никогда не узнаем.

«В следующий раз, когда я увидела отца, он лежал в гробу в Колонном зале, – вспоминала Кира. – Ему было только 44 года. Папа лежал в гробу загорелый, красивый, с длинными ресницами…» Сергей Аллилуев смотрел в гроб на сына и мрачно думал, что нет в жизни большей трагедии, чем хоронить собственных детей.

Станислав Реденс выехал в Москву. В столицу он вернулся 18 ноября. Василий Сталин слышал в Кунцеве, как Берия требовал у Сталина разрешения на арест Реденса. «Но я доверяю Реденсу», – решительно ответил Сталин, давая понять, что разговор закончен. К изумлению Василия, Лаврентия Павловича поддержал Георгий Маленков. В те дни начал зарождаться союз между этими двумя людьми. Они были опытными царедворцами и никогда не настаивали на аресте человека, если сомневались в реакции Сталина. Эти сцены с притворными спорами и недовольством напоминают тренировочные упражнения адвокатов-практикантов, в ходе которых учатся придумывать возражения.

Реденсу не повезло. Так же, как и Павел Аллилуев, он попал в два или три заходящих друг на друга круга подозрения. Берию всегда обвиняли в том, что он настроил Сталина против второго зятя, но в данном случае все значительно глубже. В 1932 году Иосиф Виссарионович убрал Реденса с Украины. Станислав близок к Ежову и к тому же поляк. В тот день Сталин выслушал Берию и Маленкова и сказал: «В таком случае проведите решение через Центральный комитет». Светлана была права, говоря: «Мой отец не защитил его». 22 ноября 1938-го Станислава Реденса арестовали по дороге на работу. Больше его никто не видел.

К тому времени Анну Реденс уже перестали приглашать в Зубалово. Исчез ее любимый Станислав. Она начала звонить Сталину, но не могла прорваться. «Тогда я позвоню Ворошилову, Кагановичу и Молотову», – рыдая, сообщила она секретарю. Дети,

вернувшись из школы, нашли мать в истерике, правда довольно оригинальной. Анна лежала в постели и читала роман Александра Дюма.

Анна Реденс обращалась ко всем, пока в конце концов Сталин не согласился встретиться с ней. Он пригласил ее в Маленький уголок и сказал:

– Приведут Реденса, и мы во всем разберемся. – Но при этом поставил одно условие: – Только захвати с собой дедушку Сергея Яковлевича.

Сергей, потерявший к тому времени двух детей, больше уже не ждал Сталина по ночам на диване у него на квартире. Он согласился прийти, однако в последний момент почему-то отказался. Возможно, ему позвонил Лаврентий Павлович и настоятельно посоветовал остаться дома, а может, он думал, что Реденс действительно сделал что-то плохое, работая на Лубянке. Леонид, сын Станислава Реденса, говорил, что отношения между старыми большевиками типа Сергея Аллилуева и новой элитой типа Реденса всегда были напряженными. Вместо Сергея в Маленький уголок пришла бабушка Ольга. Это был смелый, но глупый поступок. Дело в том, что Сталин не терпел, когда в дела вмешивались женщины.

– Зачем вы пришли? – грубо спросил он. – Вас никто не звал!

Анна начала кричать на Сталина. Он велел ее увести.

Реденсы и Сванидзе сейчас сидели в тюрьме, Павел Аллилуев был мертв. Сталин впустил террор в собственную семью.

Примерно в это же время болгарский коммунист Георгий Димитров попытался вступиться за своих товарищей. Вождь лицемерно пожал плечами. «Что я могу для них сделать, Георгий? Все мои родственники тоже в тюрьме».

Этот ответ многое объясняет. Конечно, Сталин мог затаить на Павла большую обиду. У него наверняка не шел из головы пистолет, из которого застрелилась Надя. Но нельзя забывать и о связях Павла с военными и его просьбах за «врагов». Возможно, Сталин отдавал своим родственникам старые долги. Родственники же, не замечая опасности, до самого конца продолжали вмешиваться во все дела и постоянно напоминали о Наде, которая предала его.

Но Сталин не считал террор сведением личных счетов. Он очищал страну, окруженную со всех сторон врагами, от шпионов и укреплял свои огромные владения, пока еще не началась война. Возможно, вождь думал, что родственники – это его личная жертва, которую он должен принести на алтарь террора как верховный жрец большевизма. Наверняка генсек хотел и порвать связи с прошлым, забыть, что у него когда-то

была семья. Его вендетта была вендеттой партии. Ведь однажды он сказал сыну Василию: «Я не Сталин. Сталин – это советская власть!» Не стоит исключать и того, что при помощи этой жертвы Сталин хотел приготовить собственное оправдание на будущее. Он уже, наверное, предвидел, что начнет арестовывать родных соратников. Когда же те возмутятся и обратятся за помощью, вождь ответит, что ничем не отличается от них, – его родственники тоже были репрессированы.

Конечно, Иосиф Виссарионович мог спасти любого человека, когда хотел этого. Но в данном случае, похоже, защитить родных ему не хотелось. Привычный мир Сталина все сильнее уменьшался.

В это же время понесла большую потерю и Светлана. Она лишилась Каролины Тиль, надежной экономки, которая незримой нитью как бы связывала ее с матерью. Каролина была изгнана из Кремля во время репрессий против немцев. Берия быстро нашел ей замену. Он предложил грузинку, племянницу своей жены. Как всегда, его истинные мотивы и цели в этом деле не очень ясны. Новой гувернанткой Светланы стала Александра Накашидзе, высокая, стройная длинноногая девушка с безупречной бледной кожей и длинными густыми черно-синими волосами. Она была наивна и плохо образованна. Сначала жила в деревне, потом стала лейтенантом НКВД. Александра вошла в становившийся все больше черно-белым мир Сталина, как павлин с яркими разноцветными перьями. Аллилуевы и сыновья Микоянов не смогут ее забыть – такое сильное впечатление она на всех произвела.

Светлана с самого начала невзлюбила новую гувернантку. Появление Накашидзе показало, что Лаврентий Берия занимает в семье особое место. Могла ли Александра быть его шпионкой в сталинском доме, который во всем контролировался Власиком? Мы знаем, что соратники уговаривали Сталина вновь жениться. Может, ее и выбрали на роль новой жены вождя? Едва ли. Эта роль больше подходила другой женщине, к тому же входившей в семью.

Женя Аллилуева сейчас была вдовой. Она не сомневалась, что ее мужа убил Берия. Испытывала ли она чувство вины из-за своих отношений со Сталиным? Доказательств, что она укоряла себя, нет. Ее муж, конечно, знал, что происходит между женой и зятем, но отношения со Сталиным, какими бы они ни были в действительности, к 1938 году уже охладели.

Однако сейчас, когда Женя стала свободной, Сталин неожиданно начал по ней скучать. Именно в это время он и сделал немного странное предложение. Причем не сам, а через

своего нового фаворита. Лаврентий Павлович приехал к Жене и сказал:

– Вы очень хорошая женщина, вы прекрасно выглядите. Может, вы переедете к Сталину и будете следить за его домом?

Большинство историков считали это предложение завуалированной угрозой со стороны наркома, но едва ли он стал бы делать такое без разрешения самого Сталина. Конечно, вождь должен был обо всем знать. Хотя бы потому, что Женя могла сразу же после ухода чекиста позвонить Сталину, чтобы обсудить услышанное.

Сталин всегда считал идеальной экономкой настоящую *бабу*. Конечно, он столь необычным способом предлагал Жене руку и сердце, неуклюже пытался спасти теплоту прежних отношений от окончательного разрушения, которое сам же и начал. Неизвестно, что ответила бы Женя Аллилуева при других обстоятельствах. Сталин допустил непростительную ошибку. Он напрасно поручил это деликатное дело Берии, которого Женя ненавидела. Впрочем, пренебрежение и невнимание к подобным, на взгляд вождя, мелочам было для него типично.

Женю приход Берии насторожил. Она боялась, что грузин хочет отомстить ей за прежние унижения и собирается обвинить, будто бы она хотела отравить Сталина. Возможно, поэтому Женя очень быстро вновь вышла замуж. Инженер Н. В. Молочников по национальности был евреем. Женя познакомилась с ним много лет назад в Германии. Возможно, он и являлся тем самым любовником, который в свое время едва не разрушил ее семью.

Узнав о новом замужестве, Иосиф Виссарионович пришел в ужас. Он считал, что Женя поступила крайне неприлично, – она выскочила замуж чересчур быстро после смерти Павла. Предложение Берии позволяет взглянуть на обиду вождя в несколько ином свете. Чекист мог раздувать огонь сталинских подозрений, намекая на то, что Женя способна отравить мужа.

Говорят, что труп Павла Аллилуева дважды эксгумировали, чтобы установить точную причину смерти. Несмотря на обвинения в отравлении мужа, Сталин продолжал хорошо относиться к Жене.

Жене Аллилуевой и Анне Реденс было запрещено появляться в Кремле. Разогнав и уничтожив семью, Сталин принялся искать экономку в другом месте.

* * *

Валентина Васильевна Истомина работала в Зубалове

горничной с двадцати лет. Она появилась на даче Сталина в начале тридцатых. В 1938 году Истомину перевели в Кунцево. Сталину нравился особый тип женщин: курносая русская крестьянка с длинной косой и высокой грудью, покорная и практичная баба, которая может поддерживать в доме порядок, но при этом не будет вмешиваться в чужие дела.

Женя была красивой, но в ней не наблюдалось и капли покорности. Таким же очарованием в сочетании с высокомерием обладали самые известные певицы тридцатых годов. Иосиф Виссарионович обожал театр, оперу и балет. Его можно было регулярно увидеть в ложе политбюро (бывшей царской ложе) в Большом театре и в Московском художественном театре. Любимыми певицами вождя были сопрано Наталья Шпиллер, голубоглазая валькирия, и меццо-сопрано Вера Давыдова. Вождю очень нравилось давать им отеческие советы и настраивать друг против друга.

У многих создавалось впечатление, что он влюблен в Давыдову. Она даже хвалилась, что вождь якобы сделал ей предложение. Если Сталин на самом деле предложил ей руку и сердце, то это, вне всяких сомнений, была шутка. Он с удовольствием подшучивал над Давыдовой и говорил, что она может петь намного лучше, если будет подражать Шпиллер. Когда Давыдова надела блестящий корсет, генсек сказал ей: «Шпиллер тоже любит обольщать мужчин, но на официальные мероприятия она одевается проще».

Оперные дивы были для Сталина слишком возвышенными женщинами, но у него никогда не имелось недостатка в поклонницах, как рассказывал дочери Власик. Существует много историй о приглашенных в Кунцево женщинах. Молодой грузин Миртсхулава вспоминал, как Сталин на обеде в Кремле в 1938 году послал его к девушке из комсомольской делегации спросить, не является ли та дочерью какого-то старого большевика, а потом позвал ее к себе на дачу. Сталин потребовал, чтобы Миртсхулава разговаривал с девушкой наедине. О приглашении не должны были знать партийные руководители, сидевшие за столом. То же самое произошло с красивой летчицей-грузинкой. Сталин познакомился с ней на авиационном параде в Тушине в 1938 году и регулярно приглашал к себе в гости.

Так, наверное, проходили все легкие ухаживания вождя. Что творилось в Кунцеве, нам неизвестно. Все, кто хорошо знал Сталина, утверждали, что он не был бабником. К тому же генсек стеснялся своего тела. Нам ничего не ведомо об его сексуальных вкусах и пристрастиях, хотя некоторые письма Нади позволяют

предположить, что Сталину была не чужда страстная физическая любовь.

Об удивительном отношении Сталина к женщинам, возможно связанном с его взглядами на секс, позволяет судить то, как он воспринимал танцы. Сталину нравились одиночные композиции. Не исключено, что поэтому он так и любил русские пляски. Парные же танцы его пугали и заставляли нервничать. На одном из вечеров он признался тенору Козловскому, что не танцует из-за больной руки, которую повредил в ссылке. Теперь он якобы из-за этого не может держать женщину за талию.

Сталин предупреждал сына Василия, чтобы тот не встречался с умными женщинами. Женщины с умными идеями вызывали у него подозрение: «Я знал таких женщин. Селедки с идеями, кожа да кости». Лучше всего Сталин чувствовал себя в компании женщин из прислуги. Горничные, поварихи, охранницы в его домах и на дачах работали в ведомстве Власика и подписывали обязательства о неразглашении тайны. Правда, в том царстве страха, которое представлял собой тогда Советский Союз, подобные документы едва ли были необходимы.

О личной жизни Сталина предпочитали не говорить даже после распада СССР. Кремлевская парикмахерша, которая некогда сильно расстроила Надю Аллилуеву, отказалась обсуждать эту тему. То же самое относится и к горничной Валентине Истоминой, больше известной как Валечка, которая стала главной опорой домашней жизни Сталина.

«Мы любили ее за то, что она все время смеялась, – рассказывала Светлана Сталина. – Она была еще очень молодая женщина с румяными щеками. Ее нельзя было не любить. У нее была приятная, типично русская фигура». В общем, Валечка Истомина была идеальной женщиной для Сталина – грудастой и чистой, круглолицей и курносой, простой и безо всяких умных идей. Она ловко прислуживала за столом, никогда не вмешивалась в разговоры и всегда оказывалась на месте, когда была нужна. «У нее были светло-каштановые волосы мышиного оттенка, – говорил Артем Сергеев. – Я хорошо ее помню примерно с 1936 года. Как женщина она не представляла из себя ничего особенного: не толстая и не худая. Она выделялась дружелюбием и всегда улыбалась». Когда Сталина не было поблизости, Валя становилась еще более веселой, но было ясно и то, что у нее проницательный ум. «Она была неразговорчивой умницей», – вспоминал Валечку один из сталинских охранников.

Со временем Валентина Истомина получила повышение по службе и стала экономкой. Она следила за одеждой Сталина, едой, домом. Повсюду, куда бы вождь ни отправлялся, ездила

с ним. Валечка была очень удобной в общении, всегда навевала спокойствие и успокаивала нервы. Сталин доверял Истоминой. Она платила ему преданностью. Сталин посмеивался и гордился тем, как она следит за его нижним бельем. После войны он поразил одного чиновника из Грузии, открыв шкаф и показав горы ослепительно белых подштанников. Эта картина, конечно, является уникальной в истории всемирных диктаторов.

В кремлевской квартире Валечка часто кормила Светлану и ее подругу Марту. Марте Пешковой она запомнилась женщиной в белом фартуке. Экономка была похожа на добрых крестьянок с белокурыми волосами и бесформенными фигурами, хотя толстой она не была. «Она всегда улыбалась, – вспоминала Марта, – и Светлана ее любила». Артем является одним из немногих людей, которые слышали, как Сталин однажды разговаривал с ней.

– Я обязательно должен тебе что-нибудь подарить. – Речь, по мнению Артема, шла об ее дне рождения или каком-то празднике.

– Мне ничего не нужно, товарищ Сталин, – ответила Валечка.

– Ничего подобного. Если я забуду, обязательно напомни.

В конце тридцатых Валечка превратилась в подругу и доверенное лицо вождя. Она стала его тайной супругой. В большевистской культуре, всегда легкомысленно относившейся к подобным условностям, это было в порядке вещей. Многие большевистские пары не были официально женаты. «Валя следила за созидательным уютом отца», – считала Светлана.

Придворные понимали, что Валечка Истомина больше подруга, чем прислуга. Эта тема среди соратников вождя считалась запретной. «Была или не была Истомина женой Сталина, никого не касалось, – сказал в старости Молотов. – Энгельс, к примеру, жил со своей домохозяйкой – и ничего». Буденный и Калинин, добавим, не только жили с домохозяйками, но и женились на них.

«Мой отец говорил, что она была очень близка к Сталину», – рассказывала Надежда Власик. Железный Лазарь как-то сообщил невестке: «Я знаю, что у Сталина была только одна гражданская жена – Валечка, подавальщица. Она любила его».

Валечка была похожа на веселую медсестру в больнице. Она всегда присутствовала на обедах и ужинах у Сталина в белом фартуке. Ее никто не видел в Ялте и Потсдаме, хотя и известно, что она там была. Сталин сам хотел, чтобы Валя оставалась незаметной.

Итак, к 1939 году личная жизнь Сталина опустилась почти до отметки абсолютного ноля. Драмы с Надей и Женей снова

и снова причиняли ему боль и вызывали злобу. «Подобные дела устраивались с крайней осторожностью и тактом и никогда не выходили за пределы очень ограниченного круга ближайших друзей, – вспоминал польский коммунист Яков Берман, часто бывавший в сороковые годы в Кунцеве. – Сталин понимал всю опасность слухов и сплетен и поэтому всегда очень настороженно относился к слухам о себе».

Многих мужчин предавали их жены. Хотя бы в этом отношении Сталин мог чувствовать себя в безопасности. Иногда вождь интересовался у Валечки, что она думает по тому или иному политическому вопросу. Его интересовало мнение простого советского человека. Сталин всегда оставался политиком. Валя не являлась его соратницей. Он по-прежнему был одинок.

* * *

В период между 24 февраля и 16 марта 1939 года Лаврентий Павлович Берия лично руководил расстрелами 413 высокопоставленных заключенных. Среди них были маршал Егоров и бывшие члены политбюро: Косиор, Чубарь и Постышев. Лаврентий уже жил на даче Чубаря. Теперь он предложил Сталину сделать перерыв. В противном случае, объяснил Берия, скоро некого будет арестовывать. Александр Поскребышев взял список старого ЦК и пометил в нем репрессированных. Напротив фамилий он ставил буквы «ВН» – враг народа и даты расстрелов.

На следующий день Иосиф Виссарионович сказал Маленкову:

– Думаю, мы хорошо и по-настоящему избавились от оппозиционных элементов, мешавших нам двигаться вперед. Сейчас нам нужны новые силы, новые люди.

Эта мысль была направлена вниз по вертикали власти. Когда Мехлис обвинил офицеров в «недостатке верности революции» и потребовал разрешения на новые аресты в армии, Сталин ответил: «Предлагаю ограничиться официальным порицанием. Не вижу в их действиях злого умысла. Это не ошибки, а недоразумения».

Сваливая вину за «перегибы» на Ежова, вождь старательно выгораживал и защищал других своих фаворитов. Николаенко, страстную обличительницу из Киева, вновь дискредитировали. Она опять обратилась к Сталину и Хрущеву с просьбой о помощи. «Прошу вас проверить все, где я ошибалась, где солгала и где меня спровоцировали. Я готова принять наказание», – написала она Хрущеву. Затем, продолжая играть в высокую политику, Поля

предупредила Сталина: «Я уверена, что в Киеве осталось много недобитых врагов. Дорогой Иосиф Виссарионович, у меня нет слов, чтобы передать вам, как вы понимаете меня, как без слов понимаете нас, ваш народ. Пишу вам и обливаюсь горькими слезами».

Сталин вновь пришел на защиту Николаенко: «Товарищ Хрущев, прошу вас принять меры и позволить Николаенко найти спокойную и плодотворную работу. И. Ст.».

Жертвы протеже вождя могли сейчас обращаться к Сталину. Хрулев, которому предстояло стать выдающимся снабженцем Красной армии во время Второй мировой войны, пожаловался Сталину на помпезного Мехлиса.

– Лев – король джунглей. – Сталин рассмеялся.

– Да, но Мехлис опасное животное, – возразил Хрулев. – Он сказал, что сделает все, что в его силах, чтобы уничтожить меня.

Сталин широко улыбнулся.

– Как думаете, если мы с вами вместе будем бороться с Мехлисом, справимся? – поинтересовался вождь.

Сталин не забыл и своего самого главного врага. Берия и один из его талантливых специалистов по организации быстрых и тихих убийств, Павел Судоплатов, были вызваны в Маленький уголок. Сталин ходил в мягких грузинских сапогах по кабинету, попыхивая трубкой.

– В течение года Троцкий должен быть ликвидирован, – лаконично приказал он.

* * *

10 марта 1939 года со всех концов необъятного СССР в Москву съехались 1900 коммунистов. XVIII съезд ВКП(б) должен был объявить о конце резни. Она закончилась с большим успехом. Правда, достижения несколько омрачены перегибами маньяка Ежова.

Выжившие руководители, Молотов, Жданов и другие, удержались наверху, но сейчас им приходилось отстаивать свои интересы в борьбе с молодым поколением. В политбюро вошел Хрущев. Берия стал кандидатом в члены политбюро, а Маленков – секретарем ЦК. Это объединенное руководство из старой и новой гвардии правило страной следующее десятилетие, не потеряв ни одного человека из своих рядов. Вопреки мифам Сталин, большой сторонник правила «разделяй и властвуй», мог быть на удивление лояльным по отношению к соратникам. Однако

на Ежевику эта доброта не распространялась.

Дело Ежова было решено ненадолго отложить в сторону. Николай Иванович продолжал посещать заседания политбюро, сидел рядом со Сталиным в Большом театре и приходил на работу в комиссариат водного транспорта. На совещаниях в наркомате Ежевика ничего не делал. Днем он пьянствовал, а вечером ехал в Кремль на вечерние заседания съезда и пытался попасть к Сталину на аудиенцию. «Очень прошу вас уделить мне хотя бы минуту вашего времени, – писал он вождю. – Дайте мне возможность объясниться».

Ежов оставался членом ЦК и мог участвовать в выборах нового состава комитета. Никто не возражал, когда в список кандидатов была включена и его фамилия. Все шло хорошо до тех пор, пока Сталин не попросил Ежова выйти к трибуне.

– Как вы к себе относитесь? – спросил вождь. – Вы считаете, что способны быть членом Центрального комитета?

Николай Ежов начал горячо говорить о своей преданности партии и Сталину. Он не мог понять, что сделал неправильно, где ошибся. Все остальные убийцы и исполнители Большого террора получили награды. Поэтому недоумение карлика было вполне объяснимо.

– Вот как? – саркастически переспросил Сталин и начал перечислять врагов народа, входивших в окружение Ежова.

– Иосиф Виссарионович! – в ужасе вскричал бывший нарком внутренних дел. – Вы же знаете, что это я… я сам… это я раскрыл их заговор! Я пришел к вам и доложил о нем.

– Да, да, да, это мне известно. – Вождь неторопливо кивнул. – Когда вы поняли, что вас вот-вот поймают, то сразу побежали к нам. Но что было до этого? Разве не вы сами организовали этот заговор? Разве это не вы хотели убить Сталина? Высшие чины НКВД участвуют в заговоре против руководства партии, а вы, их начальник, ни при чем? Помните, кого вы прислали охранять Сталина? Кого? С револьверами? Зачем револьверы около Сталина? Ответьте, зачем? Чтобы убить Сталина? Убирайтесь отсюда!.. Не знаю, товарищи, можно ли такому человеку по-прежнему оставаться членом Центрального комитета нашей партии? Я лично в этом сомневаюсь. Конечно, подумайте об этом… Вам решать, но я сомневаюсь, что он достоин этой высокой чести.

Николай Ежов не собирался погибать один. Он хотел, чтобы вину за предательство с ним разделили бывшие друзья. Ежевика обвинил в предательстве Георгия Маленкова. 10 апреля Сталин вызвал Ежова на совещание, чтобы заслушать обвинения. Маленков снял со стены своего кабинета портрет бывшего

наркома. Точно так же, наверное, когда-то с небес низвергали падших ангелов.

Ежевику арестовал Берия с Церетели, князем-палачом из Грузии. «Задержанного номер один» доставили в лазарет Сухановской тюрьмы.

Во время обыска на квартире Ежова были найдены десятки бутылок водки, как полных, так и пустых, 115 контрреволюционных книг, оружие и мрачные реликвии, доставшиеся от предшественника Ягоды. Во время обыска выяснился очень интересный факт. Оказалось, Николай Иванович Ежов собирал материалы из Сталинского дела, которое хранилось до 1917 года в царской охранке. Были ли там доказательства того, что Коба работал на охранку? Говорят, там хранилась и информация против Маленкова. Все бумаги исчезли в сейфе Берии.

Сталин достиг вершины власти.